

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВОПРОСЫ
СЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВЫПУСК

7

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ВОПРОСЫ
СЛАВЯНСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВЫПУСК

7

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Н. ТОПОРОВ (ответственный редактор),

С. Б. БЕРНШТЕЙН, В. А. ДЫБО,

Р. М. ЦЕЙТЛИН (ответственный секретарь), *Е. В. ЧЕШКО*

DAINAVÀ — НАЗВАНИЕ ОДНОГО ИЗ ЯТВЯЖСКИХ ПЛЕМЕН

Dainavà, -òs, *Daīnavą* является в настоящее время названием около 10 деревень на территории Литовской ССР, главным образом в уездах Укмерге, Варепы, Вильнюс¹. Уменьшительная форма *Dainavėlė* служит названием трех деревень в уездах Лаздияй и Тракай. Имеются и производные названия с суффиксом -(av)-iškis, -ė, известные нам только в форме род. п. мн. ч., например: *Dainaviškių* (*kaimas* 'деревня') в уездах Каунас и Лаздияй.

В XIII в. *Dainavà* было названием ятвяжской области, на долю которой выпало сыграть историческую роль. Об этом свидетельствует грамота великого князя литовского Миндовга (1259), выделившего во владение (или в пользование) Ордену немецких рыцарей „*de nowe tota, quam etiam quidam Jatwesen vocant, exceptis quibusdam terrulis...*“², вследствие чего позволительно предположить, что упомянутые выше деревни с названиями *Dainavà*, *Dainavėlė* и *Dainaviškiai* или *Dainaviškės* были основаны, по крайней мере отчасти, выходцами из этой именно области.

Кроме названной выше грамоты мы располагаем и другими данными, указывающими на то, что *Dainavà* — древнее название ятвяжской области. В окрестностях Zietela Слонимского уезда находится деревня, называемая белорусами в настоящее время *Яцьвиж*, раньше *Ят(ь)веж* или *Ят(ь)везь* (1580), литовцами же — уже с давних пор *Dainavà*. Великий князь литовский Тройдень (лит. Traidenis), основатель города Райгород (польск. Rajgród) называл себя, между прочим, князем Ятвезским и Дойнов(ь)ским. Область, которой управлял Тройдень, летописец называет *Дойнова Ятвеж* (*Ятвезь*)³.

Из вышесказанного видно, что *Daīnavà* было сначала действительно названием области. По своему образованию *Dainavà* напоминает следующие названия: *Lietuvà* > *Лит(ь)ва*, *Latuvà* > *Лот(ь)ва* (в Литве *Latuvà* служит и названием реки — в уездах Биржай, Паневежис, Утена), **Jatuvà* > *Ят(ь)ва*. Различие в суффиксе (-ava рядом с -uva) не существенно. Образования с суффиксом -ava преобладают в латвийском, прусском и, как доказывает *Dainavà*, в ятвяжском языке, в то время как в литовском больше образований с суффиксом -uva; ср., с одной стороны, латв. *Daugava* 'Двина', прусск. *Dargow*, местность в области Samland, с другой же — приведенные выше литовские названия *Lietuvà* и др. Следует, однако, заметить, что преобладание образований с суффиксом -uva в литовском языке — явление отчасти вторичное: прусскому названию местности в уезде Pr.-Eylau *Ragav*, *Ragow* соответствует

¹ В настоящей статье расположение рек, озер и местностей определяется главным образом на основании труда „*Lietuvių kalbos vašybos žodynas*“ (Вильнюс, 1948).

² „*Preussisches Urkundenbuch*“, II, 1909, стр. 70.

³ „*Полное собрание русских летописей*“, т. XVII, стр. 237.

в Литве, в уезде Паневежис в настоящее время *Raguvà*, но более ранняя форма этого названия была, кажется, **Ragava* — на это указывает польск. *Ragowo*. Далее, некоторые литовские названия местностей имеют двойные формы, на *-uva* и *-ava*. Так, например, в уезде Йонишкис есть местечко, которое называют не только *Linkuvà*, но и *Linkavà*. Рядом с названием реки *Latuvà* имеется его разновидность *Latauvà*, которая обозначает деревню в уезде Аникшай; там же находится деревня с названием *Latauvėnai*.

Dainavà — это сначала, по-видимому, название такой населенной области, которая была расположена по реке. Мы считаем возможным предположить, что название этой реки представляло форму на *-a*: **Daina* или **Deina*; по своему образованию это название было того же типа, что и, например, *Lėita* (откуда *Lietuvà*), *Latà* (откуда *Latuvà*) и т. д. Впрочем, река **Deina*, в записях *Dena*, нам известна (в стране балтийских пруссов); она вытекает из озера *Denow* < *Deinava* в уезде Растенбург, польск. *Kętrzyn*, причем *Denow* служит и названием местности⁴. Реки с исконным названием **Daina* или **Deina* могли находиться и на литовской территории.

В наше время **Daina* в Литве служит составной частью сложных физиогеографических названий: *Daīna-miškis*, лес в уезде Лаздияй; *Daīna-balis* или *Daīna-balė*, болото в том же уезде; *Daīn-upis*, речка в уездах Каунас и Мариямполе (в настоящее время Капсукас). В приведенных сложениях **Daina* обозначает, по нашему мнению, не реку, а расположенное по ней пространство — явление, нередко наблюдаемое в Литве. Достаточно будет сослаться на один пример: *Vilnia* или *Vilnė*, первоначально название левого притока Вилии (правого притока Немана), теперь употребляется по говорам в качестве названия города Вильнюс. Что касается сложения *Daīn-upis*, то оно является сокращенной формой сочетания *Dainōs-upė* 'река, имеющая связь с пространством *Dainà*'. Так же, как *Daīn-upis*, образованы названия *Ežer-upis* (*ė-*) — две реки в уездах Таураге и Тельшай: *ėžeras* 'озеро' (*Ežer-upis* обозначает реку, вытекающую из озера); *Gargžd-upis* — река в уезде Тельшай: *Gargždė* — луг в уезде Мажейкяй (мн. ч. *Gargždaī* служит названием местечка в уезде Кретинга); *Liep-upis* — река в уезде Тельшай рядом, например, с *Liep-lauke* — местечком там же; *Liūn-upys* — река в уезде Каунас рядом с *Liūnai* (мн. ч., с первоначальным значением 'болотистое пространство'), деревня, например, в уезде Укмерге; *Sėit-upis* — река в уезде Шауляй (*Sėta* — местечко в уезде Кедайняй); *Vỹž-upis* — река в уезде Мариямполе (Капсукас) рядом с *Vỹžiai*, две деревни в уездах Шилуте и Утена.

Производным от названия реки *Dainà* является, по крайней мере отчасти, название некоторых деревень *Dainiai* в уезде Юрбаркас. По своему образованию это первоначально собирательное существительное. Названий типа *Dainiai* имеется в литовском языке немало; ср., например, *Anykšciai* — местность, расположенная по реке *Anykštà*, притоку реки *Sventoji* (правого притока Вилии).

Точное значение названия *Dainavà* пока еще не установлено. Это объясняется, в частности, тем, что до сих пор не было выяснено отношение этого названия к **Daina*. Все же в статьях, посвященных этому вопросу⁵, представлен ценный материал, который мы здесь использовали.

⁴ См.: W. Pierson. Altpreuss. Namencodex. — „Zeitschrift für preussische Geschichte und Landeskunde“, X; цитируется по данным К. Буги (К. Būga. Lietuvių kalbos žodynas. Kaunas, 1924, стр. LXXXII).

⁵ См.: G. Gerullis. Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin — Leipzig, 1922, стр. 27; К. Būga. Указ. соч., стр. 27; А. Kamiński. Jaćwież, 1955, стр. 32—36; А. Saly s. — Lietuvių enciklopedija, 4. Kaunas, 1934, стр. 234 и сл.

Прежде чем перейти к толкованию, мы подчеркиваем следующее: *Dainà* — это первоначально название реки, употребляемое иногда также в качестве названия расположенного по ней пространства; это вторичное значение ясно видно из сложения *Daĩn-upis*. Нечто противоположное случилось с образованием *Dainavà*, которое служило сначала названием пространства, но с течением времени стало обозначать также реку.

Названия *Dainà* и *Dainavà* приводятся в древних грамотах, конечно, не в этом звуковом виде. Немцы их пишут: *Dena* — река и *Depow* — озеро и местность (1340); с формой *Depowe* мы познакомились уже в начале этой статьи. Эти записи дают возможность предполагать, что находящийся в первом слове дифтонг был подвержен колебаниям: он принимал вид то *ai*, то *ei*. В литовском языке такая неустойчивость дифтонга *ai* наблюдается именно после *d*: *dairýtis* и *deirýtis* '(бессмысленно) ози́раться по сторонам'⁶. Ввиду этого нам кажется вероятным предположение, что в формах литературного языка *Dainà* и *Dainavà* дифтонг *ai* упрочился в корневом слове лишь благодаря гармонии гласных⁷. Впрочем, для этимологического толкования колебания *Dainà*: *Deinà*, *Dainavà*: *Deinavà*, наблюдаемые в древних текстах и в литовских говорах нашего времени, лишены всякого значения.

В родственном отношении к нашим названиям стоит несомненно название *Deimenà*, -*õs*, *Deimena*, т. е. название рукава реки Прегель между местностями Теплява (нем. Tarpiau) и Лабгува (нем. Labiau); краткая разновидность этого названия *Deimẽ* нам известна начиная с XV в. Сопоставление названий *Dainà* и *Deimenà*, *Deimẽ* представил уже К. Буга⁸, но он опирался при этом только на их внешнее сходство; невыясненными остались корень и само образование.

По нашему мнению, названия рек **Dai-na* и **Dei-mena* являются родственными уже по своему образованию. Взаимоотношение этих названий такое же, как, например, в следующем случае: *Alnà*, -*õs*, *Aĩna* — река в уезде Лаадияй, *Aĩnas* — озеро там же; *Aĩmẽ* — река в уезде Утена, *Aĩmenas* — озеро там же. Суффиксы *-na* и *-mena* в названиях **Dai-na* и **Dei-mena* в основном, по-видимому, причастного происхождения: они являются разновидностями индоевропейских суффиксов **(e)no-*: **-meno-*, например, в ст.-сл. *zna-nъ*: *znati* и в греч. *παιδονομος*: *παιδονομα* '(раз)узнавать'.

Неправильным мы считаем толкование Г. Геруллуса, по которому *Deimenà* восходит к более древней форме **Deiv-mena* и содержит тот же корень, что и прусск. *deywis* 'бог'⁹. Этого толкования придерживаются и сейчас некоторые исследователи, не подкрепляя его, однако, никакими доказательствами или фактами.

Неубедительным является и предположение К. Буги¹⁰, по которому подлежащий отысканию корень тот же, что в латышском глаголе *diēt*, *deju* 'прыгать; танцевать, петь', а также в лит. *dainà*, -*õs*, 'народная песнь' и в лтш. *daĩņa* (то же). Согласно данному предположению, к которому присоединились и некоторые другие исследователи, **Daina* и **Deimena* — это названия рек, текущих скачкообразно, быстро (!). Но ведь этимология лит. *dainà* и лтш. *daĩņa* до сих пор не установлена. Первоначальное значение этого слова было, по всей вероятности, 'песнь, исполняемая во время танца', еще раньше просто 'припев', так что корень, от которого они произведены, а именно **dei-*, был несомненно звукоподражательного характера; от этого же корня происходит латыш-

⁶ J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego, I. Poznań, 1958, § 298.

⁷ Там же, § 292.

⁸ K. Būga. Указ. соч.

⁹ G. Gerullis. Указ. соч.

¹⁰ K. Būga. Указ. соч.

ский глагол *diēt*, *deju*, самое первое значение которого было 'петь', и лишь с течением времени 'танцевать; прыгать'; ср. лит. *šókti* 'прыгать; танцевать'. Родственные слова следует искать не в отдаленных индоевропейских языках, как это делается сейчас¹¹, а в славянских. В связи с этим мы считаем возможным сопоставлять лит. *dainà* и т. д. с польским припевом *dana-ż moja, dana*.

Что касается корня **dei-* в гидронимических образованиях **Daina* и **Deimenà*, то он представляет собой, быть может, звонкую разновидность неоднократно зафиксированного в балтийских и славянских языках корня **tei-*: польск. (ятвяжского происхождения) *Tajno* — озеро к юго-востоку от Райгорода; ст.-сл. *timěno* 'ил, грязь'; это последнее слово по своему образованию удивительно похоже на лит. *Deimenà*¹².

¹¹ См. FEW, I, стр. 80.

¹² О чередовании глухих и звонких согласных см. нашу статью в журнале „Lingua Posnaniensis“, V, стр. 26—30.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО НОСОВОГО $\ddot{r}$ ($j\ddot{r}$)

В поздний праславянский период и в ранний период существования отдельных славянских языков предполагается наличие трех носовых гласных: ρ , ϵ и $\ddot{r}$ (традиционно $j\ddot{r}$). Эти три носовых звука в старославянской глаголической системе обозначались следующими тремя буквами: **Ѣ** (ρ , в кириллице **ж**), **Є** (ϵ , в кириллице **ѣ**) и **Ѧ** ($\ddot{r}$, в кириллице **ѣ**). Объяснение возникновения носового $\ddot{r}$ (традиционно $j\ddot{r}$) является весьма затруднительным, так как параллельный лабиальный задненебный $\ddot{o}$ имеет палатальный антипод $\ddot{e}$, а не $*\ddot{o}$: например, ст.-сл. **моѣ доушѣ** (асс. sg.) против наше **морѣ**. Мы считаем, что лабиализованные носовые, т. е. ρ и $\ddot{r}$, существовали только на части славянской территории, именно в тех языковых областях, на которых позже развились сербохорватский и словинский языки, некоторые болгарские и македонские диалекты и все нелехитские северославянские языки¹. Хотя в связи с этим отпадает проблема возникновения носового $\ddot{r}$ для лехитских языков, для среднемакедонского и некоторых диалектов болгарского языка, в остальных языках этот носовой можно предполагать, и при изучении развития славянской фонологической системы необходимо объяснить его возникновение.

В отличие от носовых ρ и ϵ носовой $\ddot{r}$ встречается в ограниченном числе случаев и почти всегда в окончаниях или в деривативных суффиксах. В большинстве случаев этим формам противопоставлены формы с велярным ρ . Носовой $\ddot{r}$ имеет в старославянском языке следующие формы:

1. Асс. sg. $i\ddot{a}$ -основ и $i\ddot{i}\ddot{a}$ -основ в именном и местоименном склонении, например: **доушѣ**, **ѣ**, **добръѣ**, **вышнѣ**, **ладѣ**, **вельѣ**.

2. Instr. sg. всех основ и склонений женского рода, а также $i\ddot{a}$ -основ и $i\ddot{i}\ddot{a}$ -основ мужского рода и instr. sg. личных местоимений, например: **женоѣ**, **костѣ**, **юношеѣ**, **балѣ**, **тоѣ**, **кѣ**; **мѣноѣ**, **тобоѣ**, **собоѣ**; **добръѣ** (доброѣ), **вышнѣ** (вышнѣ).

3. 1 л. sg. глагола с $i\ddot{e}$ -основой наст. вр. (III класс), с o/e -основой наст. вр. с предшествующим корневым $-i-$ (несколько глаголов I класса) и глаголов с i -основой наст. вр. (IV класс), например: **знаѣ**, **мелѣ**, **сѣѣ**, **орѣ**, **дѣлаѣ**, **цѣлѣѣ**, **коупоѣ**; **быѣ**, **хвалѣ**, **трьпѣ**.

Во всех трех случаях предполагаем и.-е. $*-i\ddot{a}t$ или $*-i\ddot{o}t$ ², слившееся в праславянском в $*-j\ddot{a}n$ ³.

4. 3 л. pl. этих же глаголов, за исключением i -основ наст. вр. (IV класс), например: **знаѣтъ**, **мелѣтъ**; **быѣтъ** (но **хвалѣтъ**, **трьпѣтъ** в результате соответствующего развития из $*-int$).

¹ См.: F. V. Mareš. Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty. — „Slavia“, roč. 25, 1956, стр. 491—492, §§ 70—71 (далее сокращенно: Vznik...).

² Ср. О. Нугер. Slovanská deklinace jmenná. Praha, 1910, стр. 92—93. Там же ссылки на остальную литературу.

³ См.: F. V. Mareš. Vznik..., стр. 452, § 19; стр. 454, прим. 40.

5. Все падежи particip. praesentis activi типа *znājōtj-, *bьjōtj- (на-пример знаѣщ-, бьѣщ-), кроме ном. sg. муж. и ср. рода (южнославянское *znaje*, северославянское *znaja*).

6. Наречия ждоу (же) и ждѣ (же) и производные от них.

В пунктах 4 и 5 предполагаем и.-е. *-jōnt-, в 6-м пункте — *-jōmt-, одинаково дающие праславянское *-jānt-.

Попытки объяснить это явление фонетически⁴ не увенчались успехом: согласно этим объяснениям, нужно принимать во внимание особое развитие звука только для того, чтобы объяснить формы с *ř*, не включая данное явление в общее развитие системы. Поэтому Н. С. Трубецкой объяснил возникновение -*ř* морфологической аналогией с велярным *ɸ*. Его мнение разделяли также А. Вайан и К. Горалек (с определенными оговорками), а также автор данной статьи⁵. Хотя *ř* очень часто находится именно там, где в морфологической системе, как правило, имеются параллельные формы велярных парадигм, например, ст.-сл.: женж — доушж, тж — ж, несж(тъ) — знаж(тъ), несжщ- — знажщ-, кждоу — ждоу и т. д., все же можно привести ряд существенных возражений против объяснения возникновения этого звука путем морфологической аналогии.

1. Морфологическая система в древности не переносила окончания в другие парадигмы без особых причин. Основанием для заимствования окончания было или возникновение форм с интерфлексией, или возникновение нежелательной омофонии некоторых падежных форм⁶. В асс. sg. *dušř* в северославянских языках причин для заимствования окончаний не было, так как gen. sg. и асс. pl. звучали различно (окончательная форма была *dušě* — с „третьим *ě*“). Также gen. sg. местоимений женского рода имел в северославянских языках прежний *ѣ* (*tojě*) и, следовательно, явно отличался от instr. sg. Мешало ли совпадение 1-го л. sg. praes. с ном. particip. praes. act. муж. и средн. рода (*znaje*), нельзя с уверенностью сказать до изучения системы спряжения; но в чешском языке, в русском языке и, по-видимому, в северославянских языках вообще эти деепричастия имели другие окончания, например, др.-русс. знаи (исконное). В 3-м л. pl. praes. в деепричастных формах *znajōtj-* и в наречиях *jōdu*, *jōdě* не было совпадения омофонных форм вообще.

2. Мне неизвестны в древности факты создания особого нового звука в результате морфологической аналогии. Я думаю, что и в позднейших фазах развития славянских языков их найти нелегко. Суть дела не меняется и от того, что *ɸ* — *ř* являются, вероятно, только вариантами одной и той же фонемы⁷.

⁴ См., например: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. I. М., 1956, стр. 388; V. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik, 2. Aufl. Berlin, 1912, стр. 110; A. Meillet (A. Vaillant). Le slave commun, 2. éd. Paris, 1934, стр. 56, 120; Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 115—116; ср. также: С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 205.

⁵ N. Trubeckoj. Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun. — RÉS, t. 2, 1922, стр. 217—234; его же. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954, стр. 68 и след.; A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Phonétique. Lyon—Paris, 1950, стр. 192, 215; K. Horálek. Úvod do studia slovanských jazyků, 1. vyd. Praha, 1955, стр. 113; F. V. Mareš. Vznik. ., стр. 492, § 71.

⁶ См.: F. V. Mareš. Powstanie i wczesny rozwój deklinacji słowiańskiej. — „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze (Filologia). „Kraków, 1962, § 10, 11, 12 (в печати), а также Ф. В. Мареш. Возникновение и раннее развитие славянской системы падежей. — ВЯ (в печати).

⁷ Единственным случаем семантической релевантности носового *ř* является ст.-сл. жже 'веревка, цепь': жже асс. sg. f. prop. relat; но и здесь помимо „глаголического“ кирилло-мефодиевского архетипа *j-* был, очевидно, носителем различия в местоименном аккузативе *jřže*, которого не было у сущ. *ɸže*. Ср. N. Trubeckoj. Altkirchenslavische Grammatik.

3. Нельзя объяснить морфологической аналогией instr. sg. *dušejō*, *tojō*, *тѣпојѣ*, вообще не имевший велярного антипода *ϕ*.

4. Если морфологическая аналогия вела в 3 л. pl. praes. к возникновению *ǫ* в формах типа ст.-сл. *ЗНАѢТЪ*, *БЫѢТЪ*, почему она не действовала у глаголов IV класса и не создала звучания **chvalǫtъ*, **trǫpǫtъ*, у которых в 1 л. sg. praes. также *хвалѣж*, *трѣпѣж*? Ведь в этом случае мы можем посчитаться с хронологией и возразить, что изменение *ǫ* в *ǫ* произошло раньше исчезновения носового *i*.

5. Почему при помощи подобной аналогии не возникло **našō morō* ном.-асс. sg., **jōže* ном.-асс. sg. pron. relat. или **dušō* voc. sg. и т. д.?

При изучении фонологического развития праславянских конечных слогов мы уже пришли к выводу, что в асс. sg. мужских *iō*-основ (само собой разумеется, и *iio*-основ) — тип ст.-сл. *ножъ* (жрѣни), как и в формах типа ст.-сл. *ножѣ* асс. pl., *доушѣ* ном.-асс. pl. и gen. sg., *j* в положении перед гласным исчез рано; он слился с последующим, артикуляционно, так сказать, тождественным *i* неслоговым, в краткое *i* (традиционно обозначено *ь*)⁸.

В результате этого существенно меняется ситуация и для объяснения возникновения *ǫ*: везде, где отмечен этот носовой, ему предшествовал *j*; хотя *j* позже дефонологизировался и мог исчезнуть (и.-е. **dheusiām* > слав. *dušjō* > *dušǫ*)⁹, все-таки здесь он сохранялся значительно дольше, чем в случаях типа старославянского *ножъ*, *ножѣ*, *доушѣ*. И наоборот: предполагаемое праславянское **-jān* впоследствии всегда дает *-ǫ*. Следовательно, можно без затруднения констатировать, что праславянское **jān* на почве сербохорватского, словинского, частично болгарского и македонского языков, а также в нелехитских северославянских языках имело соответствующую фонетическую замену *ǫ*. (Это исконное праславянское *jān* может быть заменой как и.-е. **-iām*, **-iōm*, возможно **iēm*¹⁰ в конце слова, так и **-iōm*-, **-iōn*- перед согласным). Что касается хронологии, то *ǫ* возник раньше, чем *j*-протетический; например, в словах *jētra* 'печень', *naǰeti* 'нанять' лабиализованный носовой не появился; точно так же уже не развился он в южнославянских формах *moǰe*, *kraǰe* асс. pl. (там возник новый *j* гиагического происхождения вместо давно исчезнувшего этимологического *j*).

Причина специфического фонетического развития группы *jān* на первый взгляд представляется не совсем ясной. По-видимому, этому содействовали как положение перед *j*, так одновременно и назальный элемент, — следовательно, наличие и взаимодействие обеих составных частей данной фонетической группы: только соединение *j + ā* не вело к **jō*, точно так же *ā + n* не давало **ōn*. Обоснованность этого заключения подтверждается другим, весьма наглядным фактом: когда позднее возник протетический *j*- и оказался в положении перед носовыми (например, ст.-сл. *ѡзыкъ*, *ѡти*), это сочетание в двух языковых областях, очевидно, независимо друг от друга, развивалось своим, по виду аномальным, путем.

⁸ Развитие происходило по закону сохранения количественной характеристики слогов (числа их мор): и.-е. **-iōm* > слав. **-jān* > *-jān* > *-iñ* (с излишней долготой в 2 моры) > *i* = традиционный *-ь* (ножъ). Точно так же и.-е. **-iāns* > *-jāns* > *jāns* > *iñs* (с излишней долготой в 3 моры) > южнослав. *-e*, северослав. *-ě* (ст.-сл. *ножѣ*, северослав. *пожѣ*). Итак, *-j* исчез здесь раньше возникновения *ϕ*. Мягкость согласного в конце корня (например, *ž* в *пожѣ*, *пожѣ* — *пожѣ*) возникла в результате выравнивания с другими формами, в противном случае появилась бы нежелательная интерфлексия. См.: F. V. Mareš. Powstanie i wczesny rozwój... стр. 2, 36, 13. Сюда же, вероятно, относится и южнослав. part. praes. act. типа ст.-сл. *знаѣ(и)*, которое я возвожу к первоначальному **-iāns*.

⁹ Ср. F. V. Mareš. Vznik..., стр. 471—472, § 47.

¹⁰ У основ на *-iē*. См.: О. Нуйеѣ. Указ. соч., стр. 3.

1. В среднеболгарских церковнославянских текстах *je, če, še, že, šte, žde* соответственно переходят в *jρ, čρ, šρ, žρ, štr, ždρ*¹¹. В среднемакедонском говоре, положенном в основу македонского литературного языка¹², ясно выражено особое место слога *jρ* сравнительно с остальными упомянутыми мягкими слогами: вместо ст.-сл. *ja* везде *ja-*, например: *jazik, jačmen* (подобно тому как, например, *рака* вместо старославянского непалатального *рѣка*); после всех остальных согласных имеем *e*, являющееся в македонском языке соответствующей заменой *je*, например, не только *пет, ред* 'пять', 'ряд', но и *често, жед* 'часто', 'жажда'¹³.

2. В чакавских говорах сербохорватского языка также после палатальных согласных вместо первоначального *e* наблюдается непривычная замена *a*, и опять-таки именно после *j* (*jazik, jačmen*)¹⁴.

Ни в одном из этих случаев не может идти речь об изменениях, мотивированных только положением после *j* или только назальностью. Ни в одной из языковых областей не имеет особого развития только сочетание *je* (например, в числительном *jedinъ*) или только *e* (например, в слове *peťb*). Отсюда следует, что это явление восходит еще к эпохе до деназализации носовых. Лабиализация в этом развитии очевидно не играла никакой роли: чакавское *ja* нельзя вывести из лабиализованного носового, в среднемакедонском наречии ни один велярный носовой не был лабиализован (вместо *ρ* осталось *q*)¹⁵.

Зато как в болгарско-македонской языковой области, так и в чакавской переднее *ä* после палатальных, т. е. в положении фонологически нейтрализованном, явно депалатализуется. Таким образом, по всей вероятности, депалатализация вокальных происходила раньше и сильнее всего именно после *j*, а наличие носового элемента ее, очевидно, поддерживало¹⁶.

Итак, можно высказать обоснованное предположение, что когда-то, в праславянскую эпоху, происходило то же самое: в соединении с предшествующим *j* и с последующим носовым элементом древнее *ä* раньше и сильнее депалатализовалось, так что возникал какой-то оттенок *ä*, являющийся с фонологической точки зрения позиционным вариантом уже не палатального *ä*, но непосредственно велярного *a*, с которым он затем соответственно разделил дальнейшую судьбу, т. е. изменился в *o* (так же как *a > o*, а *aŋ > ρ*)¹⁷. Иными словами: в то время, когда происходило изменение носового *aŋ* в *ρ*, соответственно совершенно изменился и его комбинаторный вариант *jaŋ* в *jρ*.

Возникает вопрос, является ли точным графическое выражение традиционного *jρ* знаком *ř*, не следует ли писать *ř*. Но это уже относится скорее к графике, так как *ρ — ř/ř* одинаково были только комбинаторными вариантами одной и той же фонемы; кроме того, когда установились гласные среднего подъема (*o* и *e*), тембровая корреляция гласных точно так же уже распадалась, по крайней мере в отношении фонологического действия¹⁸.

¹¹ См.: V. Vondrák. Указ. соч., стр. 145—146.

¹² См.: К. Кепески. Македонска граматика. Скопје, 1946, стр. 8.

¹³ H. G. Lunt. Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje. 1952 (в словаре).

¹⁴ V. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I, 2. Aufl. Göttingen, 1924, стр. 153. Ср. также С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 283. Уже в глаголических хорватских текстах чакавского происхождения *ja* вместо *je* отмечается часто, особенно в слове *jazik*.

¹⁵ F. V. Mareš. Vznik..., стр. 490—491, § 70—71.

¹⁶ Возможно потому, что носовые всегда имеют более низкую артикуляцию.

¹⁷ F. V. Mareš. Vznik..., стр. 483—484, § 60; стр. 486, § 63; стр. 491, § 68.

¹⁸ Там же, стр. 480—483, § 57—59, стр. 486—487, § 63.

Примечание. Асс. sg. мягких, но не йотированных $\bar{a}$ -основ (т. е. в словах с так называемой III палатализацией) действительно мог возникнуть морфологическим путем при слиянии этой парадигмы с $i\bar{a}$ -основами. Первоначальный асс. sg. $\bar{a}v\bar{b}sc\bar{e}$ был заменен формой $ov\bar{b}sc\bar{e}$ по образцу $du\bar{s}\bar{c}$; в южнославянских языках для этого была особая причина, именно омофония с асс. pl. Очевидно, такая же аналогия наблюдается у наречий $s\bar{c}du$ — $s\bar{c}d\bar{e}$ и $v\bar{b}s\bar{c}du$ — $v\bar{b}s\bar{c}d\bar{e}$.

Итак, носовой гласный $\bar{o}$ возник путем соответственного фонетического развития из древнего $j\bar{a}n$ в положении на конце слова или перед согласным. Это происходило в тех языковых областях, где появился также лабиализованный велярный носовой $\bar{o}$.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

1

Такое чрезвычайной важности событие, каким было введение славянскими первоучителями Кириллом и Мефодием народного языка в богослужение, и связанное с этим развитие письменности у племен, обитавших на территории Великой Моравии (уже тогда весьма развитых, по свидетельствам археологических раскопок), еще не нашло всестороннего и полного объяснения и оценки. Речь идет не только о крупном сдвиге в области языка, литературы и литургии, но и о могучем вмешательстве в юридическую организацию моравского государства, свидетельством чего являются три литературных памятника юридического содержания¹. Инициатива исходила от самих моравских князей Ростислава и Святополка. В письме к византийскому императору они просят прислать к ним человека, который научил бы их „истине“ и установил всеобщий кодекс². Моравская миссия Константина-Кирилла и Мефодия отмечена тенденцией дать прочную церковно-юридическую организацию в Великой Моравии. Этому способствовали оба брата, хотя и в разной степени. Старший из них, Мефодий, уже в молодости, в годы учения, отличился в юридических науках, и потому позже был назначен правителем одного византийского княжества, заселенного славянами; но вскоре он отказался от этой светской карьеры. Будучи настоятелем очень богатого монастыря Полихрона (где было свыше восьмидесяти монахов), а затем архиепископом моравским, он во время постоянных столкновений с франкской иерархией постоянно опирался на

¹ К великоморавскому периоду относится также старославянский пенитенциал „Заповеди святых отцов“, перевод с латинского оригинала, близкого к Мерзебургскому пенитенциалу (ср. R. Nahtigal. *Euchologium Sinaiticum*, II, Ljubljana, 1942, стр. 319—330, 376—377). Но Кирилл и Мефодий не принимали непосредственного участия в его составлении, поэтому здесь мы о нем не говорим.

² См.: „Byzantinoslavica“, XII, 1951, стр. 166—170. Кроме того, в послании моравских князей, согласно Житию Константина, гл. XIV (П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 26, 60), читаем: оучители не имамы, нже бн ны въ свои языкъ истинноу въкрѣ хрѣстианскоу сказахъ, что Ф. Пастрнек („*Dějiny slov. apoštolů Cyrilla a Methoda*“, 1902, стр. 199) переводит: „doctorem non habemus talem, qui nos nostra lingua veram fidem christianam edoceat“. Однако слова „въ свои языкъ“, на которые главным образом опирается объяснение того, что князья требовали себе учителя, знающего славянский язык, и что это была главная цель их посольства, отсутствовали в первоначальном тексте легенды, как показывает древняя глаголическая запись этого места (см.: П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 130). Они были сюда вставлены на том основании, что эта формула была дважды повторена ниже в данной главе. Впрочем, правильнее здесь было бы „въ нашъ языкъ“. Славянские книги и славянское письмо были личным изобретением Константина. В легенде о нем говорится, что книги („буквы“) были ему открыты богом, иначе говоря, он получил от бога особый знак на введение славянского богослужения. Поэтому в ответе императора эти книги называются „даръ от бога“ и так же анафорически трехкратно повторяется то же самое стихотворное предисловие к славянскому переводу евангелия, так называемый Проглас (R. Nahtigal. *Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih izvirnih pesnitev*. — „*Razprave*“, I, 1942, стр. 81).

канонические предписания. Поэтому сообщение легенды, что он перевел на славянский язык Номоканон, принимается везде как бесспорный факт. Но так как упоминание об этом следует после сообщения о кодификации славянского перевода библии, то обычно считают, что перевод Номоканона был сделан им в конце жизни. Но уже Фр. Пастрнек³ обратил внимание на то, что Мефодий к этому переводу приступил рано, „без промедления“, так как этот сборник был совершенно необходим для борьбы с притязаниями франкского епископата, враждебно принявшего решение Рима об учреждении самостоятельного моравско-паннонского епископства и протестовавшего против этого в специальном сочинении „*De conversione Vagoariorum et Carantanorum*“. В то время в византийской церкви были в употреблении два сборника канонов. Во-первых, Синагога (50 титулов), составленная царьградским патриархом Иоанном Схоластиком (565—577), небольшой по объему и цельный по содержанию сборник, заключавший древнейший юридический материал кончая Халкедонским собором (451); во-вторых, более поздняя анонимная каноническая Синтагма (14 титулов). Значительно более разнообразная по содержанию, она включала каноны по II Никейский собор (787). Синтагма в византийской церковной области имела большее распространение и, так сказать, официальное действие. Однако Мефодий избрал для своего перевода сборник Схоластика, очевидно потому, что данный сборник казался ему более отвечающим потребностям моравского епископства. В Болгарии же, церковно тяготевшей к Византии, Синтагма была переведена на славянский язык, по всей вероятности, уже во времена царя Симеона (893—927) и сохранилась в нескольких русских рукописях, из которых самой значительной является так называемая Ефремовская Кормчая XI—XII вв.⁴ Текстовая традиция Мефодиева перевода Синагоги Схоластика относится к более позднему времени и сохранилась только в двух рукописях: первая — Устюжская (XIII—XIV вв.), вторая — Иоасафовская (начало XVI в.). В настоящее время обе рукописи находятся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

Анализ содержания и языка Мефодиева перевода Синагоги показывает, что он представляет собой не буквальный перевод греческого текста, а произведение в известном смысле новое и самостоятельное. Прежде всего, Мефодий существенно сократил греческий оригинал, исключив более трети канонов. Его Номоканон является скорее извлечением из Синагоги. Это нарушение обычного состава сборника Схоластика является тем более заметным, что в греческих рукописях число канонов в отдельных титулах никогда не меняется, различия касаются только порядка следования^{4а}. Подобное отклонение от византийской традиции Мефодий мог себе позволить как архиепископ паннонской, а затем моравской епархии, независимый от царьградского патриарха и получивший правомочия и привилегии пап Адриана II и Иоанна VIII. Само собой разумеется, что Мефодий как опытный канонист производил сокращения обдуманно. Иногда он руководствовался практическими соображениями. Так, например, из нескольких канонов различных синодов, в которых говорится об одном и том же, он выбрал только один (титул XXII). Если речь шла о вопросах не особенно важных, он также сокращал число канонов. Например, в титуле XXI, содержащем предписания о хор-

³ F. Pastrnek. Указ. соч., стр. 119.

⁴ В. Н. Бенешевич. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб(6), 1906.

^{4а} В. Н. Бенешевич. Ioannis Scholastici Synagoga L. titularum. Abhandl. d. Bayer. Akad. d. Wiss., Philos.-histor. Abt., Neue Folge, 14, 1937, стр. 261—269 („Ordo canonum in L. titularis“).

епископах и деревенских пресвитерах, вместо пяти греческих канонов он приводит лишь один (Анкирский 13), к тому же сокращенный.

Более глубокий анализ причин сокращения канонов попытался сделать С. В. Троицкий⁵, который приписывает Мефодию идеологические мотивы: Мефодий якобы исключал все каноны, толкуемые западными „папистами“ в пользу папской гегемонии над церковью, каноны же, выступающие против римской церкви, он не только оставлял, но и давал им более острую формулировку. Однако факты, приводимые для подтверждения этого тезиса, очень незначительны сравнительно с общим числом исключенных канонов, притом некоторые из них спорны. Большое значение Троицкий придает апостольскому канону 34(35) как антипапистскому, что совершенно неверно. Он принимает также ошибочное объяснение В. Златарского⁶, что якобы папа Николай I в своих „Ответах на вопросы болгар“ (гл. 72)⁷ умышленно перевел *ἑκάστου ἑθνους* *Episcopus gentium singularum* вместо *Episcopus omnis gentis* и опустил вторую часть канона, где давалось право на самостоятельность каждой национальной (народной) церкви, вследствие чего этот канон будто бы приобрел совершенно другой смысл: выражал стремление подчинить епископов всех народов папе. В самом же деле перевод *gentium singularum*, являющийся вполне правильным, идет не от Николая I, а от Дионисия (Малого) (D. Exiguus) с 498—501 гг. и с того времени обычен для всех западных канонических сборников. Он приводится не полностью, так как был широко известен. Однако он касался не примата папы, а митрополичьих полномочий и конституции в провинции⁸. Этот апостольский канон 34(35) приводится также в свободном изложении в известной булле Иоанна VIII (880) для подтверждения митрополичьих прав Мефодия в Моравии. Более значительным свидетельством того, что апостольский канон 34(35) играл важную роль в церковной жизни Великой Моравии, являются Святоимрамские глоссы⁹: пять славянских слов, написанных резцом над текстом именно этого канона в одной латинской рукописи (в мюнхенской библиотеке), содержащей так называемую расширенную Адриану (*Hadriana augmentée*) — над „*gentium singularum*“ — *isiku komusdo*, над „*existiment*“ — *imeti*, над „*preter eius conscientiam*“ — *be poveleni*. Они написаны латиницей и вообще являются самым старым свидетельством славянской речи. Они, вероятно, не представляют собой попытки прямого перевода латинского текста, а были взяты из Номоканона Мефодия в его первом звучании, более архаичном, нежели текст, сохранившийся в Устюжской рукописи¹⁰. Фрагментарность и некоторая графическая поспешность

⁵ С. В. Троицкий. Из истории спора Старого Рима с Новым. Извлечение из № 29 „Вестника Русского Западного Европейского Патриаршего Экзархата“. Париж, январь—март 1959, стр. 23; его же. „Spor Starog Rima sa Novim na stranama slovenske Krmčije“. — „Srpska Akademija Nauka“. Beograd, 1960, стр. 33—40.

⁶ В. Златарски. История из първото българско царство, I, 2, 1927, стр. 100—101.

⁷ D. Dečev. Responsa Nicolai papae I ad consulta Bulgarorum. Sofija, 1922; J. P. Migne. Patrologia Latina, CXIX, col. 978. В гл. 72 папа отвечает на вопрос болгар, можно ли им иметь патриарха.

⁸ Fr. Kopp. Vývoj metropolitní pravomoci v církvi západní. Praha, Česká akad., 1941, d. I, стр. 55. В Византии этот канон воспринимали как подтверждение примата патриарха. Потому в греческом экземпляре Синтагмы, посланной оттуда в Болгарию, были опущены слова *ἑκάστου ἑθνους*. Этих слов нет также в славянском переводе в Ефремовской Кормчей в издании Бенешевича (указ. соч., стр. 63). Ср. „Byzantinoslavica“, XXI, 1960, стр. 394.

⁹ На них обратил внимание мюнхенский славист В. Леттенбауэр в статье „Eine lateinische Kanonensammlung in Mähren im 9. Jahrhundert“. — „Orientalia Christiana Periodica“, vol. 18, 1952, стр. 246—269. Ср. J. Vašica. — „Byzantinoslavica“, XV, 1954, стр. 58—62; „Slavia“, roč. XXIV, 1955, стр. 38—40.

¹⁰ В Устюжской рукописи (126, 13) это место звучит так: еп(и)скопомъ кождо языка вѣдѣти достонѣ своего старѣшинну имѣти и яко глаголю. и безъ воли нѣго ничтоже тво-

указывает на то, что запись была сделана наскоро, по слуху. Кодекс с этими глоссами попал в Мюнхен из монастыря св. Эммерама (Имрама) в Регенсбурге, куда был, очевидно, занесен из Моравии или из Чехии. Он был написан в Италии, возможно в Риме, и вполне вероятно, что его привез Мефодий как дар папы вместе с упомянутой буллой *Industriae Tuae*. Святоимрамские глоссы одновременно являются свидетельством актуальности перевода Мефодием Номоканона: они, несомненно, были написаны в связи со спором о широте епископских правомочий Мефодия. Можно предполагать, что около 880 г. Мефодиев перевод Номоканона был уже готов и использовался в общественной жизни моравского государства.

Троицкий в своем изложении более или менее воображаемой антипапистской направленности Номоканона Мефодия придерживается иных взглядов. По его мнению, трудно представить составление канонического сборника с подобной тенденцией в те времена, когда Мефодий находился под папской юрисдикцией и в своей епархии имел немало представителей папистской идеологии, начиная с Вихинга. Поэтому Троицкий относит возникновение перевода Номоканона к значительно более раннему времени, к самому началу моравской миссии, прежде чем „апостоликъ Никола посъла по на“¹¹, когда славянские первоучители еще не были под папской юрисдикцией и могли сделать перевод Синагоги в соответствии со своей восточноцерковной политической идеологией. Однако это относительно короткое время было слишком занято подготовкой славянского богослужения, борьбой за это несслыханное на западе новшество, переводом необходимых литургических книг, воспитанием будущих священников, и вопрос о самостоятельном моравском епископстве не был еще даже поставлен. Но главным доводом против столь ранней датировки является характер языка этого памятника.

Исследование языка убеждает нас в том, что Номоканон Мефодия тесно связан с моравской почвой. На такие моравизмы, как *dogoniti*, *nagylstvo*, указывал уже П. Лавров; к этой категории принадлежат также три харах *legomena* в старославянском языке: *ivarovati*¹² об уходе за новорожденным, *vъzdvъsenije ot zlvъ* в значении „отстранение от злых поступков“ и *neračeniје*, для которого имеются свидетельства только в исторической чешской лексикографии¹³. Особенно заслуживает внимания то, что Мефодий использовал в своем переводе юридические великоморавские термины, с которыми он познакомился в результате общения с народом¹⁴. Только так мы объясняем его перевод *sъ istinoju* вместо греч. *μετ' οὗ ἑλαβεν* об украденной вещи. Выражение *istina* в смысле „вещественное доказательство, species facti, corpus delicti“ — обычный термин не только в чешской юридической литературе с древнейших времен до XVI в., но и в эпических сочинениях Штитного, в старочешском памятнике „*Gesta Romanorum*“¹⁵. Ни

рити... Глоссы имеют первоначальный славянский датив адноминальный: *isiku komusdo* — языку комуждо с латинским порядком слов; точно так же *be poveleni(ja)* древнее, чем *bez volē*.

¹¹ „Житие Мефодия“, гл. VI (П. Лавров. Указ. соч., стр. 72).

¹² И. И. Срезневский в своем словаре (III, стр. 1122) приводит только это единственное свидетельство из Устюжской Кормчей. А. И. Соболевский („Материалы и исследования“. — Сб. ОРЯС, т. 88, № 3. СПб., 1910) правильно указывает на *varovati*, *varovnuj* в чешскоцерковнославянском переводе „Бесед Григория Великого“. Я. Станислав („Slavia“, роѣ. XXIV, 1955, стр. 128) обратил внимание на славянское *varovati* в значении „держатъ детей на руках“.

¹³ См.: „Slavia“, роѣ. XXIV, 1955, стр. 34.

¹⁴ Он „познакомился со всеми славянскими обычаями и понемногу освоил их“. См. „Житие Мефодия“ (П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 70).

¹⁵ Находим это в 72 апостольском каноне (Устюжск. 446, 19—20): „Если же возьмет некоторый клирик или светскій человек из храма святого воскъ или олей, пусть будет отлучен и в пятикратном размере пусть возвратит это с истинною“. В грече-

в каком другом славянском языке этот юридический термин не отмечен. Безусловно нельзя считать, что это выражение из Номоканона Мефодия проникло в народный язык. Для этого было слишком мало времени, а после изгнания учеников Мефодия из Моравии исчезли всякие следы влияния его юридического произведения. Из того же богатого источника народного языка взяты и другие термины, такие, как *rok, narok, obrok*, или загадочное употребление слова *vr̃tma* в значении 'прелюбодение, fornicatio, adulterium', о чем будет речь в следующем разделе.

А. И. Соболевский¹⁶ обратил внимание также на то, что лексика Мефодиева Номоканона очень сходна с лексикой славянского Жития Мефодия, автором которого был, очевидно, один из близких его учеников. Неудивительно, что ученик говорил, так сказать, языком своего учителя.

Близость языка Номоканона Мефодия к древнечешскому языку настолько очевидна, что Г. Ф. Шмид¹⁷ на основании материала более скромного, чем удалось собрать мне, считал, что теоретически можно поставить вопрос, не является ли перевод Синагоги Схоластика плодом последних отзвуков славянской литургии в Моравии и в Чехии, эпохи, породившей славянскую легенду о св. Вацлаве, на который, однако, он сам ответил отрицательно, так как для подобного перевода в Чехии X и XI вв. не было соответствующих предпосылок. Если бы нечто подобное и могло произойти, то это, скорее всего, касалось бы Синтагмы 14 титулов.

Еще задолго до этого в юбилейном 1885 г. русский историк права Ф. Ф. Зигель¹⁸ подчеркнул огромное значение славянского перевода Номоканона, не только способствовавшего созданию юридической терминологии у древних славян, но и обогатившего их язык многими оборотами и выражениями. Зигель также почувствовал определенную связь между Номоканонам Мефодия и уже сложившейся древнечешской юрисдикцией и настойчиво добивался сравнения терминологии Рожембергской книги и Номоканона. Однако в действительности отношения были противоположны тем, которые представлял себе Зигель: нужно говорить не о влиянии кирилло-мефодиевских переводов на чешский юридический язык, а наоборот, о явных следах великоморавской юридической терминологии в мефодиевском переводе Номоканона.

Доступ к языковому богатству Номоканона Мефодия не легок. Старейший список в Устюжской рукописи отдален от оригинала на целых четыреста лет. Совершенно верно В. Н. Бенешевич сказал, что этот текст — „atrociter laceratus“. В долгой его истории удалось установить определенные этапы. Оригинал, естественно, был написан обычной тогда глаголицей. Первые нарушения текста появились, вероятно, при переписывании его кириллицей, скорее всего у южных славян. Далее первоначальный текст был кем-то прокомментирован, затем эти заметки на полях механически внесены в текст, в результате чего получился путанный двойной перевод. Некоторые исправления были сделаны по другому греческому тексту с вариантным чтением. Но больше всего нарушений текста было из-за незнания или невнимательности писцов. При восстановлении первоначального текста очень большую помощь может оказать другая, Йоасафовская рукопись. Хотя она появилась на 200 лет позже, но происходит из другого *huparchetyp'a*, чем Устюжская. Во многих случаях текст в ней менее поврежден, меньше слов пропущено.

ском тексте конец звучит: „... пусть добавит еще пятую часть к тому, что взял“. В Ефремовской Кормчей более точно: ... и патерицу да приложить. Иако же бѹдетъ казалъ.

¹⁶ А. И. Соболевский. Материалы и исследования, стр. 142.

¹⁷ H. F. Schmid. Die Nomokanonübersetzung des Methodius, 1922, стр. 120.

¹⁸ Ф. Ф. Зигель. Общественное значение деятельности св. Кирилла и Мефодия. — „Мефодиевский юбилейный сборник“. Варшава, 1885, стр. 8, 13.

Наконец, и путем сравнения параллельных текстов из нее и из Ефремовской Кормчей, автор которой использовал Устюжский перевод Мефодия, можно получить ценный материал для объяснения многих его мест. Но в общем новый Ефремовский перевод канонов, стремящийся к дословному сходству с греческим оригиналом, является шагом назад сравнительно с переводом Мефодия¹⁹.

Мефодиев перевод Номоканона имеет все достоинства, характерные для старославянских переводов евангелий и апостолов, заключающиеся в том, что переводчик не придерживался рабски греческого оригинала, больше заботился о понятности, чем о дословности, стремясь при этом точно передать смысл подлинника. И места довольно трудные здесь переведены правильно, так что перевод неоднократно становился одновременно и комментарием. Особенно замечателен способ перевода выражения *ῥόνυ κλίνων* в 5-м Неокесарийском каноне. В результате неправильного перевода этого выражения византийскими канонистами XII в. Аристином, Зонарой и Вальсамоном возникло учение о степенях катехуменов (исповедников христианства перед крещением), совершенных и менее совершенных, воспринятое также и западными канонистами. Только в позднейшее время Зистерер и Функ доказали, что перевод ошибочен, что термин *ῥόνυ κλίνειν* означает здесь 'просить на коленях, держаться покаянно, подчиняться церковному уставу'²⁰. Именно так понимает это место Мефодий, переводя греческое *ἐὰν μὲν ῥόνυ κλίνων* славянским *лице поклѣтъся*. Такой перевод является правильной интерпретацией этого трудного места, не привлекая до сих пор внимания канонистов. Эта интерпретация, бесспорно, передает не только личный взгляд Мефодия, но и учение современной ему юридической школы в Византии, выдающимся представителем которой он был.

До сих пор Номоканон Мефодия доступен в единственном издании И. И. Срезневского (1897), которое хотя и дает тщательную перепечатку текста из Устюжской рукописи с вариантами Иоасафовской рукописи, но комментарии там абсолютно недостаточны, ссылки на греческий оригинал случайны и малочисленны и все сложное развитие текста осталось совершенно нескрытым. Следует сказать, что только работа В. Н. Бенешевича, его издание Ефремовской Кормчей (в 1906 г.), исследование Синагоги²¹, где дается анализ ее славянского перевода с очень наглядным разбором всех статей обеих славянских рукописей, и, наконец, его критическое издание греческого текста Синагоги (1937) (к сожалению, только фрагмент из подготовленного в целом произведения) сделали возможным более глубокое изучение этих вопросов. Этому способствуют также новые палеографические и лингвистические рассуждения об Устюжской Кормчей В. Е. Ушакова²².

В. Е. Ушаков считает, что Устюжская рукопись имеет тройную древнюю фолиацию (л. 1—54, 55—102, 103—145) и была написана шестью писцами. Первый и второй почерки обнаруживают черты письма второй половины XIII в., третий — конца XIII или начала XIV в., осталь-

¹⁹ Результаты сравнения текста Устюжского и Ефремовского Номоканонов мною опубликованы. См.: „Slavia“, гоѡ. XXIV, 1955, стр. 24—32. Сравнение параллельных мест показывает, что в Ефремовской Кормчей исчезли почти все конструкции и обороты, характерные для древнейшего текста.

²⁰ Dr. Zisterer. *ῥόνυ κλίνων* im Kanon V von Neocäsarea. — „Theologische Quartalschrift“, 76. Tübingen, 1894, стр. 353—406; F. X. Funk. Kirchengeschichtliche Abhandlungen, I. Paderborn, 1897, стр. 209—241; VIII. Die Katechumenatsklassen des christlichen Altertums. Там же, Bd. III, стр. 57—64: „Zur Frage der Katechumenatsklassen“. Функ подводит итоги своих предыдущих исследований и рассматривает критику Юлихера в „Göttinger gelehr. Anzeigen“, 1898, стр. 1—15.

²¹ В. Н. Бенешевич. Синагога 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914, стр. 199—212, § 20.

²² В. Е. Ушаков. Устюжская Кормчая. — „Slavia“, гоѡ. XXX, 1961.

ные же почерки — первой половины XIV в. Поэтому он относит рукопись к числу историко-литературных памятников, написанных на ростовско-суздальской Руси на границе XIII и XIV вв. Так же как по графике, рукопись разнородна и по содержанию. Правильно было бы сказать, что она представляет собой случайный набор древних и новых канонических текстов. Номоканон Мефодия занимает всю первую часть (л. 1—496) данной рукописи²³. Предисловие Схоластика к Синагоге в начале отсутствует, зато собственному тексту Номоканона предпосланы две статьи, содержащие символ веры и краткую историю вселенских соборов, позже использованные автором славянского Жития Мефодия (гл. I)²⁴. Из остальных канонических текстов Устюжской Кормчей выделяются языковой древностью каноны апостолов Петра и Павла, относимые Бенешевичем к первооснове Номоканона Схоластика (Устюжск. 516—55а), и „Ответы александрийского патриарха Тимофея“ (Устюжск. 1176—1196), так как не исключено, что оба эти текста были составной частью Номоканона Мефодия.

В 1897 г. А. С. Павлов²⁵ открыл в двух славянских рукописях: Соловецкой (XVI—XVII вв.) и рукописи XVI в. из Троицкой лавры, содержащих перевод Синтагмы 14 титулов, интересный славянский комментарий (*схόλιον*), в котором — в противовес предыдущему толкованию о том, что главенствующее положение в церкви занимает царьградский патриарх как епископ императорской резиденции, — защищается примат папы римского в смысле католическом (т. е. это, мол, не привилегия, даваемая людьми, а проявление божественного избрания и апостольской силы). Эта схолия помещена в славянском переводе греческого Трактата *Περὶ προνομιῶν τοῦ ἀρχιεπισκόπου θρόνου Κωνσταντινουπόλεως*, который имеется, насколько известно, в четырех греческих рукописях Синагоги Схоластика: Флорентийской (Laur. V, 22), Венецианской (Venet. Nan. I, 226), Парижской (Paris. 1370) и Афинской (Athen. 1374), но ни в одной из них нет ничего напоминающего эту славянскую схолию. Статья Павлова вызвала большой интерес у теологов-католиков, особенно его предположение, что автором славянской схолии может быть Мефодий. Возник даже вопрос, не являлся ли этот текст частью Номоканона Мефодия. В последнее время этот вопрос подверг критическому пересмотру С. Троицкий в своем сочинении „Спор Старог Рима с Новим“. Безусловным достижением его исследования является то, что он изучил весь текст: Трактат и славянский комментарий. До сих пор уделяли мало внимания собственно Трактату, его происхождению, греческому тексту и славянскому переводу. Троицкий также приложил к своему исследованию факсимиле древнейшего славянского перевода Трактата из ленинградской рукописи последней четверти XV в. Результатом его юридического и языкового анализа явилось несколько очень ценных сведений. Греческий Трактат о привилегированном положении византийского патриарха в церкви, древнейший текст которого нашел Павлов во Флорентийской рукописи XII в., составлен между 610 и 629 гг. в патриаршей царьградской канцелярии непосредственно из актов соборов, еще до возникновения Синтагмы 14 титулов, и также

²³ А. В. Соловьев („Браство“, XXVI. Београд, 1932, стр. 24) считает произведением Мефодия всю первую часть Устюжской Кормчей (л. 1—53), но отсюда, несомненно, надо исключить л. 496, 15—516, 24, содержащие Апостольский канон 27 и ряд правил Трулльских, взятых дословно из Ефремовского текста, но из какой-то другой рукописи.

²⁴ См.: А. Гезен. История славянского перевода символов. СПб., 1884; П. А. Лавров. Указ. соч., XLVII—L; его же. Кирило та Методій. Київ, 1928, стр. 55.

²⁵ А. С. Павлов. Анонимная греческая статья о преимуществах Константинопольского патриаршего престола и древнеславянский перевод ее с двумя важными дополнениями. — „Византийский Временник“, IV, 1897, стр. 143—154.

не имеет ничего общего с Синагогой Схоластика. Троицкий своим историко-юридическим анализом показал всю современную закулисную сторону славянской схолии и тем сделал возможным решение данного вопроса. Вопрос римского приоритета был тогда актуален на востоке Византии; а именно в Иллирии, Великой Моравии, принадлежность которой к Риму была несомненна, это не касалось. Поэтому не было оснований а priori предполагать, что славянский комментарий как-то был связан с Номоканоном Мефодия, предназначенным для нужд моравской церкви. Спорный 28-й Халкедонский канон, не признанный Римом, в нем вообще отсутствовал. Троицкий вслед за другими исследователями предполагал, что автором славянской схолии был скорее всего известный римский библиотекарь Анастасий²⁶, и даже установил в ней две исторические неточности, имеющиеся также в листах папы Николая I, в составлении которых принимал участие Анастасий²⁷.

Все исследователи схолии от Павлова до Троицкого предполагали, что она является переводом с греческого. В. Бенешевич даже дал ее блестящую реконструкцию²⁸. Но в рукописях греческий оригинал до сих пор не найден, и, по-видимому, его даже не существовало. Если автором этой апологии римского приоритета был Анастасий, то он, естественно, написал ее на латыни. Я думаю, что переводчик славянской схолии имел под рукой и предшествующее греческое *σχόλιον* к 28-му канону Халкедонскому в латинском звучании. Только этим можно объяснить ошибочный перевод в конце, где греческий абсолютный генитив переведен творительным падежом: такие ошибки часто наблюдаются в церковнославянских текстах, переведенных с латинского языка. Согласно Троицкому, греческий текст славянской схолии был добавлен в Синтагму 14 титулов как поправка восточного „папизма“ перед царьградским собором 869—870 гг. Славянский перевод Трактата появился, вероятно, в восточной Болгарии в 887—893 гг. С этим в общем можно согласиться, но отношение этого славянского перевода Трактата к Ефремовской Кормчей нужно формулировать несколько более осторожно, чем это делает Троицкий, когда он говорит о „подобности, даже идентичности“ языка Трактата и языка Ефремовской Кормчей. Общими в обоих текстах являются только отрывки из трех Халкедонских канонов (9, 17 и 28), причем текст Трактата явно более архаичен, нежели текст параллели в Ефремовской Кормчей, как уже установил Г. Ф. Шмид²⁹. Существующие отношения между обоими текстами не могут быть случайными. Следует думать, что переводчик Трактата имел под рукой и использовал более древний славянский текст Синтагмы 14 титулов, чем дошедший до нас в Ефремовской копии, написанной на Руси в XI—XII вв. Этот предполагаемый древний тип Ефремовской Кормчей, который проявился в Трактате, превосходит по древности, как показывают некоторые выражения, и текст Устюжской рукописи, напр., *распрю, епархїиskomъ, епархїа, постигаеть, прѣстолю (2x), канонъ, постигнеть, всаа вселеннїа съворъ, проповѣдаша* (вместо греч. ἐξέθεντο). Такой же древней является и легистическая часть Трактата, включающая шесть выдержек из юстинианских законов (Cod. I, 2, 6; Cod. I, 2, 16; Cod. I, 2, 24; Nov. 123, 9; Cod. XI, 21; Nov. CXXIII). В сравнении с Номоканоном Мефодия этот перевод Трактата тяжел, местами непонятен без греческого оригинала. Даже после исправления ошибок, возникших, вероятно,

²⁶ Ф. Гривец и М. Курент лишь допускали возможность сотрудничества Анастасия в славянском комментарии. Ср.: С. Троицкий Указ. соч., стр. 6—7.

²⁷ Там же, стр. 23—25.

²⁸ „Byzantinische Zeitschrift“, 1936, стр. 104—105.

²⁹ H. F. Schmid. Neue Beiträge zur Frage nach der ältesten kirchenslavischen Nomokanonübersetzung. — ZfSlPh, Bd I, 1924, стр. 202.

при переписывании, остается впечатление неуклюжести, корявости. Текст славянской схолии читается, безусловно, лучше, он более плавный и в целом очень понятный. Благодаря Троицкому Трактат занял выдающееся место среди юридических старославских памятников.

Другой вопрос, что создавало легистическую часть Номоканона Мефодия? Каноническая Синагога Схоластика обычно дополнялась сборником избранных законов, касающихся церкви, из новелл Юстиниана, который назывался „*Collectio 87 capitulorum*“. Другой сборник канонов — Синтагма 14 титулов — также имел дополнение из гражданских законов, выбранных из юстинианских юридических сборников (*Codex, Digesta, Novellae*) под названием „*Collectio tripartita*“. Однако со временем и Синтагма 14 титулов была объединена с первым легистическим сборником, расширенным еще на шесть новых глав, извлеченных из новелл Юстиниана („*Collectio 93 capitulorum*“). Так было в третьей, Тарасиевской редакции Синтагмы, к которой относится Ефремовская Кормчая и другие славянские рукописи этого типа.

В обеих рукописях с Номоканоном Мефодия (в Устюжской, л. 79а—83б, в Иоасафовской, л. 54—57а) также есть ряд глав из „*Collectio 93 capitulorum*“, а именно 36—48, 71, 75, 76, 78, 80, 83, 92 и 82. Их текст почти дословно совпадает с Ефремовским (л. 298б, в издании Бенешевича стр. 770 п.) и взят без изменения из общего перевода этого сборника в Кормчих типа Ефремовской, которые ходили на Руси. С Номоканоном Мефодия нельзя никоим образом объединять этот перевод сборника „*Collectio 93 capitulorum*“ в том виде, как он представлен в Кормчих книгах типа Ефремовской. Прежде всего этот перевод возник там, где была переведена вся Синтагма 14 титулов, т. е. в Болгарии в X в. В отношении языка это проявилось в дословности перевода и в употреблении некоторых новых выражений, неизвестных в кирилло-мефодиевских памятниках. Еще более очевидным доказательством позднейшего происхождения этого перевода является его явная слабость. Автор недостаточно знал греческий язык и не обладал необходимыми юридическими знаниями. Кроме того, он использовал греческий текст, не свободный от ошибок. В результате многие места без греческого оригинала совершенно непонятны. Поэтому естественно, что автор свято-савской редакции Номоканона подверг этот перевод тщательной проверке, затем после новой обработки перевод попал в печатную Кормчую (1650—1655). В какой мере использовал Сава в своем Номоканоне Ефремовский текст для перевода сборника „*Collectio 87 capitulorum*“, должно быть установлено на основе изучения древнейших рукописей, до сих пор не изданных. Интересно, что Сава взял в свой Номоканон из греческих источников также выдержки из „*Collectio tripartita*“. То, что Мефодий не уделил места этим сборникам в своем Номоканоне, свидетельствует о его практическом уме. Он не хотел свое каноническое пособие излишне загромождать положениями, имеющими силу только в византийской империи. Функцию гражданских законов, которые должны были дополнять Номоканон, взяла на себя и выполняла гораздо лучше новая компиляция из исаурской Эклоги, приспособленная для нужд Моравии и известная под названием „Закон судный людям“³⁰.

Номоканон Мефодия дошел до нас только в двух русских рукописях. Однако можно думать, что после смерти Мефодия и изгнания его учеников из Моравии этот сборник с остальной кирилло-мефодиевской литературой попал также к южным славянам. О его распространении в Хорватии в какой-то мере говорит неясное упоминание в Дуклянской

³⁰ См. мою статью „*Collectio 87(93) capitulorum dans les nomocanons slaves*“ („*Byzantinoslavica*“, XX, 1959, стр. 1—8).

летописи³¹, относящейся самое позднее приблизительно к 1200 г., где сказано, что король Святополк (Svetopelek) „multas leges et bonos mores instituit, quos qui velit agnoscere, librum sclavorum qui dicitur Methodius legat...“. Ф. Шишич считает³², что это замечание, попавшее затем в хорватский перевод этой хроники, приписано приблизительно в XIII в., что комментатор имел в виду славянское житие Мефодия. Но так как здесь говорится о „законах и добрых нравах“, более естественно понимать под „славянской книгой, которая называется Methodius“, Номоканон Мефодия в его легистической и канонической частях. Здесь мы имеем нечто подобное тому, как славянский перевод комментированного Номоканона называют по одному из главных авторов Яну Зонаре просто „Zinag“ (ср. это слово в словаре Срезневского). Даже считая это толкование правильным, не следует все же предполагать, что Сава познакомился с юридическим произведением Мефодия только во время пребывания на Афоне. Он мог изучить его дома.

2

Славянский сборник из Синагоги Схоластика не был, однако, единственным юридическим произведением Мефодия. В своих новейших работах Фр. Гривец и А. Вајан³³ считают Мефодия также автором так называемой Анонимной гомилии в глаголической рукописи Клоца. Первые издатели рукописи Б. Копитар и В. Вондрак³⁴ считали гомилию переводом с греческого, как и все остальные тексты этого рукописного отрывка. Но Вондрак уже в своих исследованиях 1903 г.³⁵ не сомневается, что это произведение оригинальное, написанное, по всей вероятности, Климентом Болгарским или — по позднейшему определению³⁶ — произведение неизвестного происхождения, в котором многие мысли напоминают сочинения Климента Болгарского и славянское Житие Константина-Кирилла. Также Ст. Кульбакин³⁷ приписывает гомилию Климентовской македонской литературной школе, в то время как Р. Нахтигаль и Н. Ван-Вейк³⁸ относят ее возникновение, исходя из особенностей языка, непосредственно к великоморавской территории и к великоморавской эпохе.

Гривец изучал всю рукопись Клоца в целом, включая и тексты, переведенные с греческого. И в этих частях он находит языковые элементы, важные для объяснения некоторых мест в славянских житиях Константина-Кирилла и Мефодия, и делает попытку установить их значение для решения вопроса о старославянском патерике, согласно легенде, также переведенном Мефодием. Но основное внимание он посвящает так называемой Анонимной гомилии и доказательству автор-

³¹ Отрывки из этой летописи, касающиеся Кирилла и Мефодия (гл. VIII—IX), перепечатал А. Теодоров-Балан („Кирил и Методи“, II. София, 1934, стр. 257—259) с латинского текста Чрничича (Краљевица, 1874). Ср. М. Kostrenčić. Hrvatska pravna povijest. Zagreb, 1925, стр. 131, 294—296.

³² F. Šišić. Letopis Popa Dukljanina. Zagreb, 1928, стр. 105, 135—136.

³³ F. Grivec. Clozov-Kopitarjev glagolit v slovenski književnosti in zgodovini — „Razprave“, Ljubljana, 1943, стр. 341—408; его же. O težkih mestih v Clozovem glagolit. — „Slovo“, 3. Zagreb, 1953, стр. 84—89; A. Vaillant. Une homélie de Méthode. — RÉS, t. 23, 1947, стр. 34—48.

³⁴ B. Kopitar. Glagolita Clozianus, Vídeň, 1836; V. Vondrák. Glagolita Clozův. Praha, 1893; его же. Studie z oboru církevněslovanského písemnictví. Praha, 1903 (далее сокращенно: Studie...).

³⁵ V. Vondrák. Studie..., стр. 117—123.

³⁶ V. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912, стр. 26.

³⁷ St. Kul'bakin. Leksičke studije, 1940, стр. 5.

³⁸ R. Nahtigal. Starocerkovnoslovanske študije. — „Razprave“. Ljubljana, 1936, стр. 59; N. van Wijk. Südost-Forschungen, 1941, стр. 94.

ства Мефодия. Своим теологическим и строго семантическим анализом Гривец показал связь этой речи к князьям-судьям с другими кирилло-мефодиевскими текстами: со вторым Фрейзингенским отрывком, вероятно также написанным Мефодием, с исповедями Синайского евхология, со славянскими житиями Кирилла и Мефодия и др.

В языке этой речи Мефодия Гривец обнаружил удивительную точность выражений и стилистическую искусность, наблюдаемую, например, в оригинальном оформлении библейских цитат, мастерски включенных в контекст. Автор речи в совершенстве владеет славянским языком. Такой личностью мог быть только Мефодий. Гривец своим анализом существенно способствовал правильному пониманию этого текста, значительно поврежденного из-за известной уже небрежности писца Клоцова сборника, но в целом он руководствовался обработкой текстов в издании Вондрака.

Иначе подходил к вопросу А. Вайан. Он исходил из ошибочного предположения, что эта речь первоначально была написана Мефодием по-гречески, причем поспешно и небрежно; предполагаемый славянский перевод он нашел неуклюжим и в некоторых местах успешно пытался его реконструировать. Сам Мефодий, в неверном понимании Вайана, — типичный бывший чиновник византийской империи, у которого усердие было скорее администраторское, нежели апостольское, а потому якобы неудивительно, что он надоел Святополку.

Оба исследователя, Гривец и Вайан, обратили внимание также на юридическую сторону речи Мефодия. Вайан связывает ее написание с эпизодом, о котором рассказывается в Житии Мефодия (гл. XI), — как придворный Святополка, член его воинской дружины и советник, женился на своей „куме“ (в действительности он женился на матери своего крестника), не повиновался Мефодию и не разошелся с этой женщиной, за что бог покарал их обоих скоростижной смертью. Вайан предполагал, что этот придворный, очевидно, выгнал свою первую жену. Так он считал, основываясь на сходстве в цитации библейских текстов с Житием Константина-Кирилла (гл. XV), касающихся супружеского развода. Именно нарушением супружеского обета он объяснял непримиримость позиции Мефодия. Вайану казалось, что эта речь написана по определенному случаю и предназначена для сугубо частной аудитории. Здесь якобы Мефодий сводил свои личные счета с этим придворным: это была не гомилия, а скорее обвинительный акт. Гривец более прав, видя в этой речи произведение общего характера и указывая на ее отношение к истории паннонских словинцев. Сохранившиеся во фрагментах два ответа папы Иоанна VIII (873) на вопросы князя Коцела относительно развода супругов звучат так же, как замечания автора речи. Эта же точка зрения на вопрос о выгнанных женах высказана и в Коммонитории папы Иоанна VIII (14. V. 873), данном анконскому епископу Павлу, который был послан в Моравию, чтобы освободить Мефодия из заключения.

Однако истинный характер речи Мефодия к князьям-судьям был вскрыт лишь после сравнения ее с древнейшим юридическим памятником — Законом судным людям. Оказалось, что она связана с Законом судным не только по содержанию и терминологии, но и непосредственно на него ссылается. Только сравнение с этим кодексом открыло в речи целый ряд юридических норм и привело к объяснению многих, прежде темных или неправильно понимаемых мест. Речь Мефодия из Клоцовой рукописи не является юридическим сочинением в собственном смысле этого слова, юридическая тематика в ней переплетается с церковной риторикой, но она содержит богатый юридический материал, важный тем, что автор его имеет в виду великоморавские судебные правила, изложенные в Законе судном. Следовательно, эта речь является свое-

образным отражением древнейшего славянского судебного кодекса в области ораторской и до некоторой степени его комментарием. Обращение Мефодия к судьям (*adhortatis*) имеет тем большую ценность, что это произведение — оригинальное и написано прекрасным языком. Его можно отнести к числу самых значительных кирилло-мефодиевских памятников. Именно исследование рукописи Клоца Гривцем в свое время навело меня на мысль сопоставить Мефодиеву речь с Законом судным и показать в новом свете юридические отношения в государстве Святотополка. Этому вопросу я уже посвятил несколько статей³⁹, теперь же мне хочется в связи с новыми изданиями текстов (Достала и Тихомирова)⁴⁰ сделать отдельные замечания и затем сформулировать некоторые окончательные выводы о взаимоотношении и характере этих двух памятников.

Речь Мефодия после краткого риторического вступления, в котором указывается на значение божьего закона в жизни христиан (Клоц. 16 19—28; Vondrák, 59—68), сразу же переходит при помощи цитаты из 2-й кн. Моисея (23. 1) к юридической тематике, к основному вопросу процессуального права — функции свидетелей в судебном следствии и необходимости тщательного и объективного расследования спорного дела (Клоц. 16 28—2а, 8; Vondrák, 68—88). Уже начало этой юридической риторики напоминает нам Закон судный. Использование цитаты Ех.: Да не примешь слуха соудна (Клоц. 16 30; Vondrák, 70: *слухъ бо соудьнъ сатъ не примеш*), т. е. без свидетелей, несомненно, указывает на то, что Мефодий здесь имел в виду извлечение из права Моисея, переведенное с греческого, известное в церковнославянской литературе под названием „Избрание от закона богом данного Израильитом“. Это извлечение в русской рукописной традиции Закона судного, обыкновенно предшествует самому Закону судному. Н. М. Тихомиров, например, прямо говорит об „органической связи“ между этим кодексом и „Избранием...“⁴¹. Кажется, эта связь обоих текстов существует с самого возникновения Закона судного. Ссылкой на Моисея и его закон Мефодий обосновывает в своей речи предписание не принимать показаний, не подтвержденных свидетелями. Точно так же в Законе судном вопросу о свидетелях и о расследовании спорного дела с их помощью посвящены две статьи. Князь-судья обязан ежедневно (*на всѣхъ день*) учить закону божьему всех без исключения (*не обинуѣа всѣхъ*)⁴², запрещать обижать слабых (Клоц. 2а 8—14; Vondrák, 88—94). Это напоминание взято отчасти дословно из заключения Закона судного (Устюжск. 61а, 23—26): да сего дѣла не достоятъ обвинѣатисѣ никогѣже. нѣ на еса по еса дѣла ни еѣ вкожи законъ настаѣати. Затем оратор снова возвращается к первой статье Закона судного, в которой запрещаются под страхом конфискации имущества и продажи в рабство языческие жертвоприношения (*требѣ*) и клятвы (*присагы*). Но вместо жертвоприношений он говорит о языческих обычаях вообще (*поганьскѣ етерѣ обычаи*), о языческих клятвах и иных заблуждениях, и это сопровождается не угрозами, а только библейской мотивировкой (2 Kor. 6. 14, Efes. 5. 8,

³⁹ См.: J. Vašica. Anonymní homilie v rukopise Glozově. — „Časopis pro moderní filologii“, roč. 23, 1949, стр. 6—9; Origine cyrillo-méthodienne du plus ancien code slave dit „Zakon sudnyj ljudem“. — „Byzantinoslavica“, XII, 1951, стр. 154—174; Anonymní homilie rukopisu Glozova po stránce právní. — „Slavia“, roč. XXV, 1956, стр. 221—233.

⁴⁰ См.: A. Dostál. Clozianus, staroslověnský hlaholský sborník Tridenský a Innsbrucký. Praha, 1959; М. Н. Тихомиров. „Закон судный людем“ краткой редакции. М., 1961.

⁴¹ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 17.

⁴² А. Вайан („Une homélie de Methode“, стр. 45) считает эти слова плохим переводом с предполагаемого греческого оригинала, на самом же деле они взяты из Закона судного.

1 Thes. 5, 5; Jan 12. 36): „нет ничего общего ни у света с тьмой, ни у сынов света с язычниками“.

Вся дальнейшая композиция речи Мефодия основывается на идее святости крещения, благодаря которому язычники становятся христианами. Эта мысль проводится очень настойчиво повторением близких формулировок, вводящих отдельные частные рассуждения: *скаго крштенья къ чьстъ вельжъ имѣти. Я не оукризѣ творить е* (Клоц. 2а 18; Vondrák, 98), *се (в рукописи са) братьѣ къ скаго... крштенья дльженъ естъ въскъ крштень съ страхомъ. I трепетомъ хранити* (Клоц. 2а 28; Vondrák 108) *дльженъ естъ въскъ крштень самъ себе чиста хранити* (Клоц. 2а 39; Vondrák 119). Первое рассуждение касается нарушения духовного родства второй степени супружеством. Недозволенным и недействительным объявляется брак кума с матерью крестного сына или крестной дочери (с кѣлотрами), или с крестной дочерью (*дхштерьми иже отъ скаго крштеньѣ*), так как такие браки были запрещены вселенскими церковными соборами. Одновременно автор угрожает анафемой князьям, которые отнесутся терпимо к этим злоупотреблениям и не накажут незаконных супругов после расторжения этого брака (*къ разлченъ*)⁴³ предписанной епитимией. Само собой разумеется, что Мефодий имел в виду 7-ю статью Закона судного, где для обоих случаев по светскому закону, т. е. по Эклоге, установлено наказание — отрезание носов (ринокопия), а по церковному закону — епитимия: пятнадцатилетний пост. Как уже было сказано выше, этот вопрос, по свидетельству Жития Мефодия (гл. XI), был актуальным в Моравии, где в такой брак попытался вступить один из придворных Святополка. Подобных случаев было, очевидно больше, отсюда это решительное указание на церковную епитимию, установленную вселенскими соборами, так как 53-й канон Трулльского собора (692), о котором здесь говорится, был в общем подтвержден на II Никейском соборе (787), а также на двух римских Синодах (741 и 744). Брак кума с крестницей был запрещен уже в римском праве во времена Юстиниана (530, С. 5. 4, 26. 2). Это были вопросы общественно-правовые, поэтому князь-судья обязан был вмешаться как официальное лицо. Между текстом Клоца и Законом судным есть показательное терминологическое сходство в обозначении крестницы: *дхштерьми иже отъ скаго крштеньѣ* (Клоц. 2а 21; Vondrák 101) и *иже свою дхштерь пометь чѣт скаго кршениа* (Устюжск. 57а 10). Но вместо греческого *ἡ σύνθεκος*, обозначающего мать крестной дочери, которое в Законе судном было передано, несмотря на некоторые позднейшие искажения, словом *коупетра*, в Клоцовом тексте употреблен другой древнейший вариант — *кѣлотра*, также великоморавского происхождения, нигде в других местах в старославянской письменности не отмеченный⁴⁴.

Эту мысль об обязательствах, вытекающих из крещения, Мефодий развивает и дальше в следующем кратком воззвании (Клоц. 2а 28—39; Vondrák, 108—119), указывая, что каждый христианин должен избегать разврата, прелюбодеяния, измены, насилия и т. п. Мефодий здесь как бы

⁴³ Ср. „Slavia“, роѣ, XXV, 1956, стр. 231 и роѣ. XXX, 1961, стр. 2; согласно 53 Трулльскому канону, вступившие в такой брак сначала должны разойтись (это передано выражением *къ разлченъ*), затем, т. е. после развода, на них должна быть наложена установленная епитимия. Болгарские историки права (Орошанов, Андреев, также Ганев) объясняют это место ошибочно — как запрещение брака с собственной кумой и запрещение быть крестным отцом собственной дочери! Ср. „Slavia“, роѣ. XXX, стр. 2.

⁴⁴ Правильное *коупетра* (из первоначального *кѣпетра*) отмечено в рукописях Новгородской, Троицкой, Чудовской, Софийской и др. (Ср. М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 37, 60, 73, 93).

кратко перечисляет большую часть статей Закона судного, не требующих особых пояснений, чтобы иметь возможность более подробно рассмотреть основной вопрос тогдашней церковной жизни — вопрос о расторжении брака (Клоц. 2а 39, 26 37; Vondrák, 119—157). Эта тема была предметом оживленной дискуссии с самого начала деятельности славянских апостолов в Моравии, как на то указывает славянское Житие Константина-Кирилла (гл. XV). Заслуживает внимания факт, что для доказательства нерасторжимости христианского брака здесь используются те же библейские цитаты, что и в речи Мефодия (Mt. 19. 6, 5. 32, Malach. 2. 15—16)⁴⁵. Здесь также широта изложения и пафос проповедника достигают своей вершины. При этом Мефодий прямо ссылается на „закон“, т. е. на Закон судный (Клоц. 26, 25; Vondrák 145), знание которого он, по-видимому, предполагал у своих слушателей. Кроме того, обнаружены два случая языкового сходства с Законом судным, не допускающих никакого сомнения в том, что автор речи знал его. Прежде всего, сходство наблюдается в цитате: *ἐὶ ἐξέστιν... ἀπολῶσαι τὴν γυναῖκα αὐτοῦ κατὰ πᾶσαν αἰτίαν* (Mt 19. 3). Словосочетание *κατὰ πᾶσαν αἰτίαν* во всех евангельских текстах, начиная с древнейших глаголических рукописей и до настоящего времени, переводится по-кыськон *винѣ*, только Саввина книга имеет здесь незначительное отклонение: на всакж винж. В рукописи же Клоца 26 8 (Vondrák 128) читаем: *аште є лъзѣ поушати женж свож. на кьско врѣмѣ*. Как объяснить это отклонение, не имеющее никакой опоры в текстовой евангельской традиции? Случайность это или прихоть? Эта же цитата (Mt. 19. 3) есть в последней статье Закона судного (30а) „Тяжба супругов“, или „О супругах“, целиком посвященной вопросу нерасторжимости брака и устанавливающей в конечном счете как директиву для судей случаи, когда брак может быть расторгнут. Во всех рукописях, кроме относящихся к группе Мерила Праведного, где статья „О супругах“ вообще отсутствует, и кроме Иоасафовской рукописи и шести чудовских рукописей, где слово *грѣхъ* опущено, везде одинаково написано, как в Устюжской рукописи: *аште достонтъ на всакж грѣхъ шпоушати женж свож*. Слово *грѣхъ* можно считать синонимом слова *вина*; однако нет сомнения в том, что первоначально там не было ни того, ни другого: в Иоасафовской рукописи, которая хотя и восходит к началу XVI в., но сохранила целый ряд архаических выражений, находим здесь, так же как в Клоцовой рукописи, на *кско время*. Совершенно исключено, что писец этой рукописи, который модернизировал текст, приближая его скорее к современному ему русскому языку, сам выдумал это выражение, неизвестное в евангельской традиции. Но он имел в распоряжении древнейший образец текста, происходящий из другого *huparchetyr'a*, более близкого к оригиналу, чем большая часть остальных копий Закона судного. Там он нашел эту особенность и оставил ее в своем списке, наряду с другими чертами древних чтений, обеспечивающими Иоасафовской рукописи видное место в рукописной традиции этого памятника⁴⁶. Итак, мы можем с полной уверенностью считать, что в первоначальном тексте Закона судного цитата Mt. 19. 3 звучала точно так же, как в Клоцовой рукописи, и что Мефодий ее точно повторяет.

Пока слово *vrěmę* понималось только в значении 'время', этот перевод поражал своей неясностью в противоположность другим точным

⁴⁵ Интересна цитата из Малахия (2. 15), взятая отсюда и в Житие Кирилла-Константина. В 87-м Трулльском каноне и в 9-м каноне св. Василия вместо него приводится Jerem. 3, 1—2; оба основываются на Deuteronom. 24, 4.

⁴⁶ Варианты из Иоасафовской рукописи напечатаны у Срезневского (Сб. ОРЯС, т. 65, № 2, 1897) и М. Н. Тихомирова (указ. соч.).

юридическим терминам речи Мефодия⁴⁷. Но изучение его Номоканона дало неожиданное объяснение: в титуле 43-м, в 4-м каноне Неокесарийском употреблен термин **врѣмѧ** вместо греческого *ἔργον* в значении 'прелюбодеяние; *fornicatio, adulterium*', и это объясняет его употребление в Мт. 19.3 как в Законе судном, так и в речи Мефодия. В картотеке Старославянского словаря Славянского института ЧСАН имеется только три примера этого специального значения слова **врѣмѧ**, не отмеченного ни в какой другой лексике. Поэтому привожу на славянском и греческом языке весь 4-й Неокесарийский канон, являющийся ключом к этой загадке. Устюжск. 42а 27—426 3: **аще предълежать** (вместо: **предъложить**) **кто въсхотѣвъ женѣ быти съ нею ти не придетъ въ время помышления** (вместо -**никъ**) **кого пакѣ ксть яко бласѣгосѣ** **а** **ти въскоужию избавленъ бытъ** **къ** **Е** **ан** **прѣдѣтай** **тис** **ἐπιθυμήσας γυναικὸς συγκαθεύδῃσαι αὐτῇ** (вар. **μετ' αὐτῆς**), **μή ἔλθῃ δὲ εἰς ἔργον αὐτοῦ ἢ ἐνθύμησις**. φαίνεται ὅτι ὑπὸ τῆς χάριτος ἐρρώσθη⁴⁸. Слово **врѣмѧ** в этом особом значении должно было быть знакомо слушателям Мефодия, иначе он не смог бы его употребить. И то, что автор Закона судного знает его и употребляет в этом месте, показывает, что он нашел его в евангельском тексте своего времени. Как слово **врѣмѧ** получило это непривычное значение? Так как семантика и этимология оставляют нас в неведении на этот счет, вероятно, можно предположить, что это пережиток языческого времени характера табу. В связи с этим интересно, что в переводе Мефодия греческое *συγκαθεύδῃσαι* передано описательно **быти съ нею**, в то время как новый перевод этого канона в Ефремовской Кормчей, предпринятый в X в. в Болгарии, дает уже дословное **съпати съ нею**. Как бы ни было объяснено происхождение этого особого значения слова **врѣмѧ**, ясно, что этим термином на эти три текста: Закон судный людям, Мефодиеву речь к судьям и на его перевод Номоканона как бы поставлено клеймо. Одновременно это одно из самых убедительных доказательств их родства.

Сходство между речью Мефодия и Законом судным наблюдается и в употреблении слова **мѣдлость** вместо греческого *ραδιρία* 'легкомыслие, безалаберность', о чем я писал в свое время⁴⁹. Добавлю здесь, что Мефодий взял из Закона судного не только понятие легкомыслия, но и параллельное ему понятие неведения. В Законе судном они употребляются в иной связи в ст. 15 (Эклога, XVII, 41), где устанавливается наказание за поджог. В этой статье говорится, что если речь идет о возмещении убытков, то нужно установить, как совершен поджог: по неведению (неопытности, незнанию) или по легкомыслию (*κατὰ ἀπειρίαν ἢ ραδιρίαν*, Устюжск. 58в 5: **къ неведѣнник или къ мѣдлость**); в последнем случае виновный обязан возместить убытки пострадавшему. Эту юридическую норму использовал Мефодий, — разумеется, в особом ораторском оформлении, развивая мотив плотской любви, — как критерий меры ответственности перед судьями, которые решали супружеские тяжбы по принципам, установленным в Законе судном (Клоц. 26 30—32; Vondrák 150—152). В более широком контексте это место в переводе звучит так: „И должен каждый христианин с уважением и страхом иметь ту, которая его избрала (*рачьцѣжѣ*), судить ее по святому закону божьему в каждом возникшем споре, как написано в законе (т. е. в Законе судном). Поэтому пусть никто из властителей, одержимый

⁴⁷ А. Vaillant („Une homélie...“, стр. 37) правильно объяснил это место как цитату из Мт. 19, 3 и предполагал здесь или греческий вариант *κατὰ πάντα καρὸν*, или энклитику к Саввиной книге на *въскѣжъ вѣжъ*.

⁴⁸ И. И. Срезневский (Обозрение, стр. 55) не делает никаких замечаний к этому канону, так же как и в словарной статье **врѣмѧ** (в своем словаре) не приводит этого значения.

⁴⁹ См.: „Byzantinoslavica“, XII, 1951, стр. 159—161.

дьяволом, хотя своими устами говорит, что верен богу, сердцем не отдается от бога (Is. 29.13, Mt. 15.8), пытаюсь по легкомыслию, или какому-либо другому неведению, или плотской любви (Клоц. 26 30—32; Vondrák 150—152; отъ тѣмъ мѣдлости • ꙗко етерюу иномоу неѣждѣсткѣю . ꙗко любѣи пѣтъсцѣи) не соблюсти что-либо из написанного (в Законе судном)⁵⁰ и думая, что избежит осуждения на вечный огонь и на том свете гнева божия“ (Клоц. 26 22—34; Vondrák 142—154). Следовательно, мѣдлость из речи Мефодия является не только аскетическо-моральным понятием, заимствованным из Иоанна Златоуста, в гомилии которого в рукописи Клоца это слово употребляется (Клоц. 56 9; Vondrák 209) также и вместо греческого *raduria*, но одновременно и термином юридическим при установлении ответственности виновного. Источник этого термина и параллельного с ним термина „неведение“ нужно искать непосредственно в Законе судном.

Кроме этих юридических вопросов, которые Мефодий поясняет в своей речи, в ней содержится наставление о характере княжеских судов, совершаемых в Моравии над светскими людьми. Несмотря на то, что князь-судья накладывал на провинившихся, как совершенно ясно подчеркивается в двух местах (Клоц. 2а 26, 26 21; Vondrák 106, 141), церковную епитимию, или, по тогдашней славянской терминологии, пост (постъ, поштѣник), ни здесь, ни в соответствующих местах Закона судного нет ни малейшего намека на то, что в этих судах принимал участие епископ или вообще духовные лица. Следовательно, суды не были смешанными, как синодальные суды франкской империи⁵¹. Церковь принимала в этих судах лишь косвенное участие — брала под свой надзор наказанных епитимией, что бывало в начале поста. В четверг на страстной неделе происходило прощение кающихся публично. Этим обычаем скорее всего можно объяснить включение речи Мефодия во фрагментарный цикл пасхальной недели, сохранившийся в Клоцовом сборнике.

3

Юридический субстрат речи Мефодия уже сам по себе имеет исключительную ценность для знакомства с судебной практикой в Великой Моравии. Но значение речи еще более возрастает в связи с тем, что на ее фоне вырисовываются главные черты третьего юридического кирилло-мефодиевского сочинения — Закона судного людям, существование которого данная речь предполагает и на который непосредственно указывает. Закон судный, очевидно, был написан раньше, в первый период деятельности солунских братьев в Моравии, до ухода их в Рим, при участии Константина-Кирилла, как показывают вводные слова первой статьи. Об этом свидетельствуют содержание и язык этого судебного пособия.

Отсутствие критического анализа текста этого памятника привело к тому, что до последнего времени было общепринято считать его древнейшим болгарским кодексом, возникшим в Болгарии и введенном там вскоре после крещения, осуществленного князем Борисом. Эту точку зрения проводит в своем последнем большом труде проф. В. Ганев⁵², который неоднократно в своих рассуждениях исходил из ошибочного толкования текста. Я в нескольких этюдах сделал попытку объяснить проблему возникновения Закона судного, во-первых, с точки зрения

⁵⁰ Гривец (F. Grivec. Clozov-Kopitarjev glagolit..., стр. 362) объясняет етерю псаныма сѣмъ в общих чертах; но из контекста ясно, что это связано с предшествующей ссылкой на „закон“, т. е. на Закон судный.

⁵¹ См.: „Slavia“, roč. XXX, 1961, стр. 17—18.

⁵² В. Ганев. Законъ судный людямъ. София, 1959.

церковно-юридической (в чем неоценимую услугу оказала мне книга Н. С. Суворова)⁵³, а во-вторых, с точки зрения филологической, путем анализа и толкования текста. Эти свои работы я использую в дальнейшем изложении⁵⁴.

Болгарская теория построена в общем примитивно. Основной упор она делает не на текст, а на содержание Закона судного. Так как текст его сохранился только в поздних списках конца XIII в., ему отведено в исследовании только второе место. Из содержания же следует, утверждает эта теория, что данный кодекс был составлен для народа, недавно обращенного в христианство, и что против введения христианства ополчилась вооруженная реакция во главе с боярами. Все это соответствует отношениям эпохи князя Бориса. Поэтому первая же статья Закона судного была направлена против тех представителей господствующего класса, которые пытались восстановить язычество. Другие статьи также касаются нарушений христианской морали, в них ярко выражена тенденция привести в согласие с божьим законом и судебный процесс. Прочие статьи, взятые из XVII титула греческой Эклоги и не касающиеся проблематики, связанной с принятием христианства, являются свидетельством несамостоятельности автора. Кроме того, болгарское происхождение этого судебного пособия доказывается тематическим сходством с Ответами папы Николая I на вопросы болгар (866). Иногда такое сходство с Ответами действительно можно установить, но это скорее случайность, так как сходство обнаруживается только в статьях, дословно заимствованных из Эклоги⁵⁵. Сам Ганев допускает, что „по предметному содержанию ни одна статья Закона судного не совпадает с соответствующим Ответом папы, и когда автор Закона судного намеревается формулировать предметное содержание своих статей, он обращается к византийской Эклоге, беря ее законодательные положения в качестве образца, по которому он создает свои положения, хотя в некоторых случаях они значительно отличаются от оригинала“⁵⁶. В остальных случаях речь якобы идет скорее об общности „духа“ Ответов и статей Закона судного.

Главный аргумент этой теории (первая статья Закона судного якобы направлена против вооруженной антихристианской реакционной знати) отпадает сам собой в результате правильного перевода: эта статья касается только языческих жертвоприношений и клятв — виновного наказывают конфискацией имущества или продажей в рабство. Это модификация Юстинианских законов из Кодекса (I, 1, tit. XI, 8). Здесь нет ничего напоминающего сопротивление языческой аристократии Борису. Такие жертвоприношения и другие языческие обычаи долго удерживались и у давно крещенных народов, о чем неоднократно упоминается в хрониках⁵⁷.

Отрицательно сказалось на болгарской теории Закона судного и незнакомство с упомянутой выше книгой Н. С. Суворова, которая в зна-

⁵³ Н. С. Суворов. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888.

⁵⁴ J. Vašica. Origine cyrillo-méthodienne... — „Byzantinoslavica“, XII, 1951, стр. 151—174; его же. Jazyková povaha Zakona sudného ľudem. — „Slavia“, roč. XXVII, 1958, стр. 521—537; его же; K lexiku Zakona sudného ľudem. — „Slavištična revja“, t. 10. Ljubljana, 1957, стр. 61—66; его же. K otázce pôvodu Zakona sudného ľudem. — „Slavia“, roč. XXX, 1961, стр. 1—19.

⁵⁵ Это установил уже В. Златарский („Какви канонически книги и граждански закони Борис е получил от Византия“). — „Летопис на България Академия на науките“, I, 1914, стр. 111; „Slavia“, roč. XXX, 1961, стр. 11.

⁵⁶ В. Ганев. Указ. соч., стр. 101.

⁵⁷ Болгарскую теорию хорошо сформулировал, М. Андреев в трех статьях, из которых одна написана на русском языке: «Является ли „Закон судный людям“ древнеболгарским памятником?» („Славянский архив“. М., 1959, стр. 3—22). Анализ этой теории см.: „Slavia“, roč. XXX, 1961, стр. 1—119.

чительной мере посвящена этому памятнику. Сам Суворов считал Закон судный, согласно господствовавшему тогда мнению, памятником болгарским, но при анализе Закона он установил в нем сильное влияние западноримского церковного права и с этой новой точки зрения объяснил целый ряд мест, преимущественно тех, где Закон судный отличался от своего греческого образца.

Западное римское влияние Суворов совершенно правильно увидел прежде всего в публичном покаянии с четырьмя ступенями, которое в Законе судном излагается в статьях четвертой и седьмой, вместо сурового наказания Эклоги⁵⁸. При этом устанавливается, что кающиеся третьей ступени могут оставаться в храме до „Верую“. По восточному литургическому обычаю грешник не мог оставаться на богослужении до пения символа веры, поэтому Суворов предполагает, что подобное предписание могло появиться только под влиянием западной литургии, где нет таких строгих правил и священник сразу же после чтения евангелия начинает „Верую“. Но по объяснению Суворова, время ухода кающихся второй ступени после евангелия и кающихся третьей ступени перед „Верую“ совпадает. Все станет понятно, если предположить, что в то время в Моравии служили славянскую литургию св. Петра, в которой евангелие от „Верую“ было отделено обрядами и молитвами, как в византийской литургии. В таком случае пение „Верую“ могло быть подходящим моментом для ухода кающихся из храма. На это, возможно, указывает и то обстоятельство, что в обеих этих статьях в значении „причастие“ используется типично великоморавское слово *uvsradъ* (в искаженном писцами виде), известное главным образом из Киевских листков, несомненно, связанных с литургией Петра⁵⁹. В шести других случаях в статьях 5, 6, 7, 8, 10, 13, 15 указывается только общее количество лет покаяния, или „поста“, без точного разделения на ступени, что было предоставлено епископу, которому подчинялись кающиеся.

Западные влияния Суворов находит и в формуле поста „на хлебе и воде“, затем в различении закона светского и закона церковного там, где говорится о смягчении наказания из Эклоги и о нарушении духовного родства супружеством, причем Суворов имеет в виду собственно позднейшее развитие, — и, наконец, в институте свидетелей. Все это, и особенно наказания в форме „поста“, соединенного со ступенями покаяния, которые появляются на западе в связи с реформаторскими устремлениями во франкской империи, засвидетельствованы листами Николая I и мало уместны в Болгарии. Это же касается и предписаний Закона судного относительно числа свидетелей от трех до десяти в статье „O poslušěchъ“, что напоминает систему германских синодальных судов⁶⁰, с тем принципиальным различием, что в них председательствует не епископ, а князь-судья.

⁵⁸ Три ступени из четырех имеют старые традиционные названия: первая (*proskhaiountes*), „vně stojati plačjušte se“ — „da stoitъ vněudu božija chrama“, вторая (*akroúmenoi*), „poslušati“ — „poslišajušte“, четвертая (*stojantes*) „stojati“. Третья ступень (*otopitizontes*), собственно покаяние, остается без названия и определяется только временем, после которого кающиеся могли оставаться на богослужении, т. е. до „Верую“. При этом не указывается, что они должны были во время богослужения стоять на коленях. Этим Закон судный отличается от Мефодиева Номоканона, где для третьей ступени используется термин „robradati, robradanie“, наряду с „pripadanie“, что нужно отнести к западному влиянию: такое нечеткое обозначение третьей ступени находим уже у Дионисия Малого (D. Exigua) и в листах папы Николая I.

⁵⁹ О ней ясно говорится в Житии Мефодия, гл. XI (см.: П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 75). Ср. также мою статью „Slovanská liturgie sv. Petra“ („Byzantinoslavica“, VIII, 1939—1946, стр. 1—54).

⁶⁰ Ср. VI. Procházka. Posluchъ et vidokъ dans le droit slave. — „Byzantinoslavica“, XX, 1959, стр. 231—251.

1900 год, когда вышло эпохальное исследование А. И. Соболевского о церковнославянских текстах моравского происхождения⁶¹, где приводится и Закон судный, можно считать поворотным пунктом и в изучении этого памятника. До того времени языковая сторона памятника не была подвергнута критическому анализу. Соболевский указал на некоторые выражения, свидетельствующие, что этот кодекс возник там, где были переведены на церковнославянский язык Беседы папы Григория I, т. е. в чехо-моравской языковой области. Это принимает в целом и издатель Фрейзингенских отрывков А. В. Исаченко⁶², который приводит Закон судный среди тринадцати памятников, представляющих великоморавскую литературную традицию. К словам, которые Соболевский считает признаком „моравского“ происхождения Закона судного (1900 г.) — *благодѣть, жупанъ, пѣнъ, тажати, рачити* и позже в „Сборнике“ (1910 г.), *божин рабъ* в значении ‘священник, духовное лицо’ (калька с др.-в.-нем. *gotes scalh*), *тетти, пѣра, пѣрьць, купетра*, прибавляются еще некоторые, прямо исключающие его болгарское происхождение. Это уже упомянутое *въсподъ* вместо лат. *communio*, созданное по образцу др.-в.-нем. *vizzôd*, известное из Киевских и Венских листков и из славянского Жития Мефодия (гл. VIII), в Законе судном сохранившееся в нарушенном виде (*всюда, всю, вседа*)⁶³. Выражение *tuoritъ trebu* в первой статье Закона судного напоминает *trebu tuorim* из II Фрейзингенского отрывка о совершении языческих жертвоприношений; этот же термин в том же значении использовался и у западных славян в соседстве с Чехией, как показывает пример из X в.: *idolothita quod trebo dicitur* в синодальном праве моговских и редницких славян⁶⁴. Также ст.-сл. *неприазнь* в значении ‘diabolus’, созданное по образцу др.-в.-нем. *unholda*, находим в последней статье, равно как и в других великоморавских текстах. В измененном виде оно существует до сих пор в словацком языке⁶⁵. Об этой западнославянской языковой окраске Закона судного свидетельствуют и некоторые лексические и фразеологические особенности, широко распространенные в древнечешском языке⁶⁶, например выражение *приложити сѧ* или *примѣшати сѧ дѣици, имѣти къ чьстѣ* кого-нибудь, употребление винительного падежа после предлога *къ* вместо ожидаемого местного.

Эти языковые факты указывают на моравское происхождение Закона судного, в котором нет ни одного сколько-нибудь типичного болгаризма. В вышеупомянутом издании краткой редакции Закона судного (под ред. М. Н. Тихомирова) нет ничего, что можно было бы объяснить как остаток первоначальной болгарской версии. И даже учитывая, что вся данная рукописная традиция является только русской и датируется концом XIII в., мы тем не менее считаем, что какая-нибудь черта болгарской среды могла бы сохраниться, как сохранилось большое количество типично моравских архаизмов.

Оригинал Закона судного несомненно был написан глаголицей, как и Номоканон, Мефодия, гражданской частью которого, он вероятно, являлся. Некоторые текстовые нарушения в обеих рукописях возникли уже при переписывании кириллицей. Только исключив эти явные или предполагаемые ошибки писцов, можно судить о достоинстве Закона судного,

⁶¹ А. И. Соболевский. Материалы и исследования. — Сб. ОРЯС, т. 88, 1910, стр. 113—116 (первоначально в РФВ, т. 43, 1900).

⁶² А. V. Isačenko. Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok. Bratislava, 1943, стр. 50.

⁶³ „Byzantinoslavica“, XII, 1951, стр. 163—164.

⁶⁴ А. М. Koeniger. Die Sendgerichte in Deutschland, I, 1907, стр. 195.

⁶⁵ J. Stanislav. Slovenské slovo *nepriaznik*, stsl. *nepriěznъ* ‘diabolus’. — „Slavia“, roč. XXV, 1956, стр. 254—257.

⁶⁶ См.: „Slavistična revija“, t. 10, 1957, стр. 61—66; „Slavia“, roč. XXVII, 1958, стр. 524—528, 530.

являющегося в большей своей части переводом греческой Эклоги. В общем можно сказать, что это удачный перевод, отличающийся известной свободой, свойственной духу славянской речи. Высокий уровень перевода обнаруживается сразу же при сравнении его с рабски буквальным славянским переводом всей Эклоги, сделанным в Болгарии. Устранение текстовых аномалий, исправление явных ошибок должно явиться предпосылкой для юридического и любого другого толкования, особенно тех мест, где славянский текст отличается от греческого образца, где изменяются санкции, установленные Эклогой, наконец, где добавляются новые положения под влиянием западного права или местной практики. Так, например, я попытался объяснить смысл бракоразводного закона в последней статье (30а) путем исправления *preže ššstviija* (это выражение заставляло историков права высказывать различные, иногда курьезные догадки⁶⁷) на *preže sššstviija* (*ante copulam*). В результате этого незначительного исправления клаузула второго бракоразводного закона приобрела точное юридическое значение, т. е. брак может быть расторгнут, если один из супругов перед вступлением в супружеские отношения впадет „в злую немочь“, т. е. станет импотентом. Такое супружество (*non consummatum*) могло быть по римскому каноническому праву расторгнуто. Подтверждение своему предположению я нашел в московском издании Закона судного, правда, только в единственной рукописи (из 54): Соловецкая рукопись начала XVI в. (шифр СМ II) имеет предполагаемое сочетание *preže sšestviija* (Тихомиров, 86). Это реликт первоначального звучания.

Из всего сказанного видно, что автор Закона судного был очень хорошо знаком с юридическими вопросами своего времени. В его кодексе нет места частным мнениям, произволу, беспорядку. Для критического анализа текста Закона судного может быть полезна и пространная редакция, хотя она и позднейшего происхождения. Я приводил уже один пример, где пространная редакция Закона судного, напечатанная Д. Дубенским⁶⁸, сохранила первоначальное выражение, в краткой редакции уже измененное. Это касается свидетелей, которые удаляются с процесса. Они обозначаются в краткой редакции как *o sebe nepobědimi* или *o sebe nevědimi*, что являются очевидной ошибкой. У Дубенского — *o sebe nebđimi*. Выражение *nebđimъ o sebě* обозначает свидетеля, неспособного наблюдать (*bъděti*) за собой, т. е. неменяемого, поэтому не допускаемого к присяге, обязательной перед показаниями. Вербальный адректив *nebđimъ* в других местах не отмечен. Это слово употреблялось редко, поэтому неудивительно, что писцы его не понимали и заменяли словами более привычными.

Этим нередко трудным путем языкового и предметного анализа можно восстановить вероятное звучание первоначального текста краткой редакции Закона судного, который только и может стать основой историко-юридических изысканий и комментариев. В общем судьба этого памятника за первые 400 лет нам неизвестна. Он появился, по выражению М. Н. Тихомирова, „как-то внезапно“ на Руси только в конце XIII в., но должен был быть известен здесь уже в домонгольский период, хотя об этом не сохранилось никаких свидетельств. Также мало

⁶⁷ Ср.: „Slavia“, roč. XXVII, 1958, стр. 536; H. Oroschakoff. Ein Denkmal des bulgarischen Rechtes (Zakon Sudnyj ljudem). — „Zeitschrift f. vergleich. Rechtswissenschaft“, Bd 33, 1912, стр. 226. Орошаков переводит: „vor dem Heimgang“, Бобчев — „предварительно“, Данаилов и Сатурник опускают, В. Ганев (Указ. соч., стр. 585 и след.) считает это одним словом *prežeššstviija* в адвербиальном значении „по-пред“, „стало по-пред“.

⁶⁸ См.: „Slavia“, roč. XXVII, 1958, стр. 534; Д. Дубенский. Памятники древнего русского права. Русские достопримечательности, II. М., 1843, стр. 152; ср. „Закон судный людем пространной и сводной редакции“ под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961, стр. 35, 141.

вероятно, чтобы этот кодекс со своими строгими наказаниями был принят на Руси в юридической практике. Его плохо понимали, на что указывают многочисленные ошибки писцов, однако старательно переписывали, и рукописных списков краткой редакции Закона судного сохранилось на Руси великое множество (см. издание Тихомирова).

Закон судный представляет не только языковую проблему. Его сложная внутренняя структура также нуждается в интерпретации. Здесь переплетаются две стихии: карательные санкции, заимствованные из византийской Эклоги, во многих местах дополнены или заменены церковными наказаниями или „постом“ с явно западными чертами. На эту сложность Закона судного обращает внимание М. Н. Тихомиров в своем предисловии к изданию Закона судного краткой редакции. Поскольку некоторые статьи Закона судного не имеют указаний на епитимию, то возможно, что его прототип не содержал церковных наказаний, они были добавлены впоследствии. Таким образом обходится альтернатива его болгарского или моравского происхождения: гражданская часть этого кодекса имеет признаки болгарские, а в епитимийных предписаниях, наоборот, проявляются черты западные. Для подтверждения своей примирительной теории М. Н. Тихомиров указывает на подобное же расположение материала в русском церковном уставе великого князя Ярослава, где также приводятся меры наказания по гражданскому праву, но изредка делается ссылка и на епитимию. Признание сложности и дальнейшего развития могло бы объяснить нам некоторые языковые и литургические особенности Закона судного, моравские по происхождению. При этом, однако, нужно иметь в виду, что, как показывает речь Мефодия к судьям, где два раза упоминается о „посте“, Закон судный в той полноте и сложности, какая известна нам из его краткой редакции, т. е. с епитимиями, уже существовал в период деятельности солунских братьев в Моравии. Если считать краткую редакцию Закона судного позднейшей ступенью в его истории, то возникновение более древней фазы этого кодекса следует отнести ко времени до моравской миссии. Подобный славянский сборник карательных предписаний из исаурской Эклоги мог возникнуть на юге, но об этом нет никаких данных. Тем не менее С. Троицкий⁶⁹ считает, что первооснова Закона судного была составлена Мефодием значительно раньше, примерно во второй четверти IX в., для подчиненного ему войска, когда, состоя на византийской службе, он был славянским князем в Македонии, и что первоначально Закон судный был написан по-гречески. Об этом, как полагает Троицкий, свидетельствует включение в кодекс статьи о дележе воинской добычи и других предписаний, касающихся воинов. Конечно, необходимы более детальные обоснования этого предположения. В этом плане не лишено значения, что в самом Законе судном Константину-Кириллу с самого начала приписывается определенное вмешательство во „всеобщий кодекс“ („всакъ правда“) под влиянием божьего или Моисеева закона⁷⁰.

Не может быть сомнения в том, что автором Номоканона и обращения к князьям-судьям является Мефодий. Вопрос же об авторстве Закона судного на первый взгляд кажется более сложным. Болгарские историки права приписывали составление этого кодекса анонимному лицу времен князя Бориса или Симеона, а имя Константина, помещенное в начале, считали позднейшей вставкой, обозначающей не брата Мефодия, а византийского императора Константина Великого. Мефодий также приводился в качестве автора Закона судного, но этому противоречат языковые различия в некоторых терминах и в привычных цитатах между его речью к судьям или Номоканоном, с одной стороны, и Законом

⁶⁹ См.: „Byzantinoslavica“, XXI, 1960, стр. 394.

⁷⁰ Ср. „Slavia“, роč. XXX, 1961, стр. 15—16.

судным — с другой⁷¹. Славянский панегирик, так называемое Похвальное слово, относится в общем к обоим братьям как переводчикам „Закона божьего“, но один старославянский стихирь в рукописи С. Палаузова ясно приписывает Константину — как особую заслугу — перевод с греческого „закона Божьего и его правды“⁷². В этих словах можно видеть явный намек на Закон судный. Константин как руководитель моравской миссии взял на себя задачу составить краткое судебное руководство, как этого требовали послы из Моравии. В основу он положил карательные предписания Эклоги, которые дополнил согласно закону божьему, т. е. Моисееву: в первой статье были запрещены языческие жертвоприношения и клятвы, затем добавлены две статьи, касающиеся свидетелей в судопроизводстве. Кроме того, он исправил ряд других статей, предписывая вместо жестоких византийских наказаний или наряду с ними церковную епитимию, названную по западному образцу „постом“. Создатель славянской литургии Константин обнаруживает себя в Законе судном выражением *vъspǫdъ* (communiō), приспособлением ступеней покаяния к литургии Петра и реминисценцией из литургии св. Василия Великого в последней статье „О супругах“ (о том, что бог создал женщину иначе, нежели мужчину, — *пърстъ вземъ отъ земли*), что одновременно является доказательством того, что автор Закона судного был воспитан на восточном обряде.

Во всем остальном Закон судный, несмотря на некоторое своеобразие, составляет органическое целое с Номоканоном Мефодия и его обращением к судьям и из трех рассмотренных здесь памятников является самым ранним.

⁷¹ Отмечаются следующие совпадения между Законом судным и Мефодиевым переводом Номоканона: тажа, клеветѣ, клеветѣникъ, устроєніе—устроити (кѣстроити) ἀποκατάστασις, ἀποκαθίσταται, прѣтъкнѣти соудѣтъ, вѣдѣнкѣ—мыслѣнкѣ и др., но наблюдаются и заметные различия. Например, в Законе судном купетра вместо греч. ἡδυνεταὺς — в речи Мефодия кѣметра, или в цитате Mat. 25, 23 вместо хатастѣтѣω в Законе судном устрою, в речи Мефодия (Клоц. За 20, Vondrák 11, 20) — обычное во всей евангельской традиции поставлю.

⁷² См.: П. А. Лавров. Указ. соч., стр. 83 (в Похвальном слове), гимн в рукописи Палаузова, который также издал А. Теодоров-Балан („Кирил и Методи“, II. София, 1934, стр. 59), но с неправильными пояснениями. Ср. „Byzantinoslavica“, XII, 1951, стр. 171; „Slavia“, год. XXX, 1961, стр. 17.

К ЗНАЧЕНИЮ И УПОТРЕБЛЕНИЮ МЕСТОИМЕНИЯ *jь В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Разрабатывая статью и (местоимение) для Словаря старославянского языка ЧСАН (Slovník jazyka staroslověnského Československé akademie věd), я имела возможность ознакомиться со всем материалом по употреблению данного местоимения в 84 старославянских памятниках, из которых была сделана полная выборка для указанного Словаря. В число этих памятников входят так называемые „канонические“ памятники, затем тексты, относящиеся к кирилло-мефодиевскому времени (например, апостол, паремийник, Паннонские легенды, некоторые сборники законов и др.), и, наконец, церковнославянские памятники чешского извода¹. В настоящей статье я хочу, с одной стороны, проанализировать некоторые спорные случаи употребления данного местоимения, которые не нашли себе места в словарной статье, и, с другой стороны, определить положение местоимения *jь среди других старославянских указательных местоимений с синтаксической и стилистической точек зрения².

1.

Местоимение *jь в старославянском языке (а также, по всей вероятности, и в начале исторической эпохи всех славянских языков) отличается от других указательных местоимений (тъ, съ, онъ и др.) прежде всего тем, что оно, за исключением некоторых спорных случаев, не приобретает функции „синтаксического прилагательного“, т. е. определения; несмотря на это, общеславянское *jь в научной литературе нередко считается по происхождению синтаксическим прилагательным. При этом учитываются самые разнообразные факты, на первый взгляд подтверждающие эту теорию.

Я. Гебауэр и вслед за ним Ф. Травничек³, формулируя теорию о первоначально атрибутивном употреблении местоимения *jь, опираются на древнечешские примеры, в которых *jenž* является определением. Например: „Ját' sem ješitenstvie, *jimžto* s'ty hřiechem rozličně hřiešil“. Такие примеры встречаются и в древнепольском, например: „Wyszło od ksią-
żęcia, *jeżec* książę w Syrie było“⁴. Все примеры, приводимые Гебауэром

¹ Полный список текстов см. Slovník jazyka staroslověnského ČSAV, 2. Praha, 1959; примеры привожу по правилам данного словаря; сокращения см. в списке сокращений; для канонических текстов использую сокращения, принятые в советской специальной литературе.

² Весь материал, если не назван другой источник, взят из архива Старославянского словаря Славянского института ЧСАН в Праге и Брю.

³ J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, IV. Skladba. Praha, 1929, стр. 232; F. Trávníček. Historická mluvnice česká, 3. Skladba. Praha, 1956, стр. 100.

⁴ См.: J. Łoś. Gramatyka polska, III. Odmiennia (fleksja) historyczna. Lwów — Warszawa—Kraków, 1927, стр. 171.

и Травничком из древнечешского, Лосем из древнепольского, касаются, во-первых, местоимения *jь в относительном значении (с частицей -же), и, во-вторых, они большей частью являются переводами с латинского или отрывками из текстов религиозного содержания, находившихся под влиянием латинского языка. В них, очевидно, имитируются латинские „ненастоящие относительные предложения“ (т. е. предложения, в которых вместо ожидаемого указательного местоимения употребляется относительное, с целью показать смысловую связь данного предложения с предыдущим). Подобные случаи встречаются и в старославянских переводах с латыни (относительное местоимение *jь выступает здесь в большинстве случаев с частицей -же и переводит латинское *quis* или *is*, которое в поздних латинских текстах замещает относительное *qui* в предложениях того же типа). Например: **ИЖЕ МЕЧЬ СВАТЫН ВЛЧЕСЛАВЪ ЗА РЪКОУ ПОХВАТИТЬ** VencNik., 19.43. — *Quem (ensem) statim sanctus Venceslaus per capulum surripiens*; **ЕМОУ ОУЖЕ (ВАР. ЕМЪЖЕ) ТОГДА ГРЕХОУ ПРИВАВНИКОУ ЧЕТВЕРТОЕ ВЪ ГЛАВОУ СВАТОУЮ ОУДАРИВШОУ** VencNik., 19.62. — *Eoque iam tunc sceleris auctore quarta vice sacrum caput per ictum saltim confringente*; **КЪ ВО ЗЕМЛА ОУБО ПЛОДЪ УВЛАСТЬЛЪ ВЛАДЪГЪН ВЕС ЦЕНЪНЪ НЕ ИСТЬ** Bes., 17, 121 ба9 — *Cuius videlicet terrae fructus possessor bonus sine pecunia non manducat*.

Другой тип представляет собой атрибутивное **ИЖЕ** в переводах с греческого, например **ДО НЕГОЖЕ ДАНЕ ВЪКНІДЕ НОЕ ВЪ КОВЪЧЕГЪ** ἄχρι ἧς ἡμέρας εἰσῆλθεν Νῶε εἰς τὴν κιβωτὸν Мф 24.38 Ас., Зогр., Мар., Остр. Здесь точно копируется греческий образец, где управляющее существительное внесено в придаточное предложение. Такое употребление относительного **ИЖЕ** настолько распространилось в младших старославянских переводах, что при его помощи переводится не только параллельная греческая конструкция, но и греческий оборот, субстантивированный при помощи члена. Ср., например, в Шестодневе Иоанна Экзарха⁵: **КЛѢЧЕТЪ БО КЖЕ ВЪСКРАС СЕБЕ ШРЕЩЕТЪ МОКРОКЪ** Ἐφελχεται δὲ τὸ παρακείμενον ὑγρόν 62аа; **СЛОВО КЖЕ ВЪ НАСЪ ОУТВАРИ СЕКЪ ДАНИКЪ** ὁ τῆς παρ' ἡμῶν κοσμοποιίας λόγος 87 бб.

В связи с тем, что приведенное атрибутивное *jь всегда является только относительным (и никогда указательным) и указанные относительные предложения представляют собой разные типы гипотаксиса в зависимости от латинской или греческой языковой среды, можно предположить, что атрибутивное употребление относительного *jь не является прямым продолжением предполагаемого доисторического атрибутивного употребления местоимения *jь. Скорее оно возникло только в историческое время, в эпоху развития и уточнения сложноподчиненных предложений.

В отличие от Гебауэра и Травничка, на совершенно иные факты опирается А. Вайан, говоря о первоначальном атрибутивном употреблении местоимения *jь⁶. Он исходит из той функции данного местоимения, на основе которой появились сложные формы прилагательных. В такой функции местоимение *jь стоит после прилагательного, согласуясь с прилагательным и соответствующим существительным, и является „синтаксическим прилагательным“⁷. Данный факт показывает, что в доисторическое время местоимение *jь действительно было синтаксически существитель-

⁵ Привожу по изданию О. М. Бодянского „Шестоднев, составленный Иоанном ексархом болгарским“ М., 1879; греческий текст по J. P. Migne. „Patrologia Graeca“, 29 и 56.

⁶ A. Vaillant. L'article en vieux slave. — RĚSl, t. 20, 1942, стр. 5–12.

⁷ Оставим в стороне вопрос, является ли здесь местоимение членом, или нет. Этот вопрос решил на основе всего старославянского материала и подробного анализа литературы Й. Курц. См.: J. Kurz. K otázce členu v jazycích slovanských se zvláštním zřetelom k staroslověnině. — „Byzantinoslavica“, VII, 1937–1938, стр. 212–340; VIII, 1939–1946, стр. 172–288.

ным и прилагательным, как и другие указательные местоимения. В роли определения **ѣ*, однако, ограничивалось еще в доисторическое время положением после прилагательного, с которым с течением времени слилось и образовало сложную форму прилагательного. Вследствие этой спецификации местоимение **ѣ* в роли определения в других сочетаниях (например, после существительного), как правило, в историческое время уже не встречается. Поэтому необходимо произвести оценку примеров, приводимых Вайаном, а также и других случаев из старославянских текстов, где местоимение **ѣ* как бы выступает в роли определения, и показать, являются ли указанные случаи единичным сохранением древнего употребления данного местоимения или искажениями⁸. В примерах, приводимых Вайаном, перед существительным в качестве определения стоят обороты с предлогом или числительные, а между определением и существительным стоит местоимение **ѣ* в падежной форме существительного: на вѣоужнѣ и чловеѣкъ ѡ хатѣ θεόν άνθρωπος (комментарий Геси-хия на псалмы Пог., Бол.), дѣка и развоинника τοὺς δύο ληστὰς (Canticum, 3, там же), вѣспосага-и ἀπειρώγαμος Супр., 391. 27, вѣз—оу-ма—и Супр., 387. 7, вѣс—чина—и множество ἄτακτον πλήθον Супр., 322. 25⁹, вѣс—конец-и жи-зни (гом. Михановича), вѣс—овѣда—и (Пандекты Антиоха). Указанные примеры действительно могут интерпретироваться (хотя и с оговорками) как остатки древней стадии развития, когда местоимение свободно присоединялось к любому определению, не только к прилагательному. В материалах Словаря старославянского языка Славянского института ЧСАН данный тип напоминает единственный случай из Бесед Григория Двоеслова (III вѣ 22): кѣ вѣѣчыица ка жизни любѣи in aeternae vitae dilectione; но так как здесь перед местоимением стоит сложная форма прилагательного, употребление местоимения является в данном случае неорганическим, скорее это искажение. Интересны два случая употребления местоимения **ѣ* в мнимой роли определения после существительного. Это, во-первых, пример из записи Остромирова евангелия написахъ еуѣангѣлие є 249 бѣ 4 (в той же записи встречается, однако, несколько раз еуѣангѣлие се); второй пример из Супрасльской рукописи 367. 7 послѣоушанте кго дѣлѣсь нхъ тѣν ἄλλην πραγμатеῖαν (в данном случае, конечно, можно думать об искажении вместо нѣхъ, как считает и Северьянов). Другой пример встречается в Паримейнике Григоровича, Ис 7. 4: не оуѣон са ѡт дѣоу дрѣкоу главнѣма коурацѣма са има (Zach. главнѣю коурацѣю са сею — μηδὲ... ἀθενώτω ἀπὸ τῶν δύο ξύλων τῶν δαλῶν τῶν καπνισομένων τούτων; возможно, что переписчик посчитал здесь форму има дательным самостоятельным, а не определением, поэтому дательный има не показался ему неорганическим. Чаше встречаются примеры употребления **ѣ* в мнимой роли определения в положении перед существительным. Это, например, лѣсть вогатьственѣ подавлѣть є. слово Мф 13.22 Зогр. (Мар. имеет є, но пропускает слово) ἡ ἀπάτη τοῦ πλοῦτον συμπίπει τὸν λόγον; кажется, что здесь дело в исправлении текста переписчиком; переписчик списал сначала є подлинника и потом по греческому тексту добавил слово. Так же можно объяснить и следующие случаи: і ѡша і юношѣ καὶ κρατοῦσιν αὐτόν Мр 14.51 Зогр., Мар. (здесь можно понимать и тоже как усилительную частицу); не оуѣон са приати еѣ мариѣ женѣ твоѣѣ παραλαβεῖν Μαρίαν Мф 1.20 Деч. (Ник. пропускает); брата ємоу симѣоу τὸν ἀδελφόν Σιμῶνος Мф 1.16 Ник. (Зогр., Мар. того

⁸ Л. А. Булаховский („Исторический комментарий к литературному русскому языку“, 5-е изд. Киев, 1956, стр. 175) также считает **ѣ* местоимением-прилагательным, не приводя, однако, никаких доказательств для подтверждения своего взгляда.

⁹ Три последних случая Словарь старославянского языка ЧСАН интерпретирует по-другому: первый считает прилагательным вѣспосаги, ср. вып. 3, 1959, стр. 84, два следующих — оборотами с предлогом, согласно чтению Северьянова в его издании Супр.; случай 387. 7 Северьянов считает искаженным.

симона); и вънегда възвѣдизати са имъ животнымъ въ зема ἐν τῷ ἐξαίρετον τὰ ἕφα ἀπὸ τῆς γῆς Иез. 1.19 Григ. (Зах. пропускает имъ)¹⁰.

Приведенные примеры показывают, что в старославянском языке местоимение *jь в редких случаях еще употреблялось в качестве определения; в этой функции оно могло стоять и перед управляющим существительным и после него. Однако все вышеприведенные случаи разнотипны, их можно объяснить как ошибками переписчика, так и различными поправками в тексте. Но если их не понимать как искажения, все равно они (включая и примеры Вайана) не представляют собой продуктивной группы. В эпоху становления старославянского языка местоимение *jь употреблялось только в качестве местоименной составной части сложного прилагательного.

2

Местоимение *jь в старославянском (как и в начале исторической эпохи всех славянских языков) имело два значения: указательное и относительное. В относительном значении местоимение *jь уже в старославянском языке, за исключением нескольких редких случаев, отличается наличием частицы -же. Однако относительное значение данного местоимения обусловлено взаимоотношением предложений, а не наличием частицы -же, о чем свидетельствуют примеры, в которых сочетание *jь + же не обозначает относительное местоимение: і шьдѣ іде по обычаю своему въ горѣ елевоньскѣ по немъ ідж оученици его Лк 22. 39 Зогра. (Мар. по немъже) ἡκολούθησαν δὲ αὐτῷ καὶ οἱ μαθηταί. Относительное значение развилось, по-видимому, из указательного¹¹, хотя объяснение Меѣ¹² возникновения славянского *jь из двух индоевропейских корней, указательного и относительного, казалось бы, говорит о возможности существования обоих значений уже с самого начала. Несомненно, что в эпоху возникновения старославянского языка в местоимении *jь относительное и указательное значения уже различались. Местоимения отличались друг от друга не только частицей -же, но, прежде всего, местом в предложении. В некоторых формах указательное *jь (особенно без предлога, в качестве дополнения) было постпозитивным и даже энклитическим¹³. Вследствие этого указательное *jь утратило именительный падеж, который как падеж подлежащего стоит, как правило, на первом

¹⁰ Совершенно неясными представляются примеры из Жития Бенедикта (ИОРЯС, т. VIII, 132.17) к ѿжеже единого лѣта прихожаше вожъ(с)твѣнныи бенедиктъ ѿкъ въ бо далече же рече кѡ(ж)не монастыря ad quam vir Dei non longe extra ianuam in possessionem monasterii descendebat и из Похвалы Кирилу и Мефодию, Успенский сборник 113вв 16 и дѣ(ж)нѣ же нарекаѣ поимъ своего прѣвѣста до него дѣ(ж)нѣ всеа са (вар. до него дѣ(ж)нѣ, до него дѣ(ж)нѣ, до сего дѣ(ж)нѣ); так как в Житии Константина (Лавров 65.20) имеем: прѣвѣста дѣ(ж)нѣ ѿ, не исключено, что и в Похвале первоначально было приведено количество дней, а затем вследствие пропуска произошло искажение.

¹¹ Более подробный анализ данного явления в древнечешском см.: F. Trávnický. Указ. соч., стр. 100; J. Gebauer. Указ. соч., стр. 230; К. Мирчев. Историческая грамматика на българския език, 2-е изд. София, 1958, стр. 166; J. Kurz. K otázce nominativu zájmena třetí osoby v jazyce staroslověnském. — LF, roč. 67, 1940, стр. 290—302; его же. K otázce členu... — „Byzantinoslavica“, VII, 1937—1938, стр. 252—256; его же. K otázce nominativu zájmena 3. osoby v staroslověštině. — Acta Universitatis Carolinae, Slavica Pragensia“, II, 1960, стр. 43—58. Старославянское *jь чаще всего считается в научной литературе анафорическим, например: P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik, I. Heidelberg, 1932, стр. 203; M. Weingart. Rukovět' jazyka staroslověnského, I. Praha, 1937—1938, стр. 207; реже личным, например: V. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik, 2. Ausg. Berlin, 1912, стр. 467; L. Sadnik—R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955; для древнерусского см.: А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 160.

¹² A. Meillet. Le slave commun. Paris, 1924, стр. 382.

¹³ Винительный падеж и считает энклитическим, например, В. Вондрак (указ. соч., стр. 637).

месте в предложении¹⁴. Однако формы местоимения *jь, в отличие от энклитических форм личных местоимений *ми, ти, си*, могли сочетаться с предложом, и в таком сочетании стоять и в начале предложения. Приименный родительный и дательный также, хотя и редко, встречались перед своим управляемым именем. Указанные факты, отличающие формы местоимения *jь от энклитических форм личных местоимений *ми, ти, си*, показывают, что формы местоимения *jь первоначально, по всей вероятности, не были исключительно постпозитивными, но что они, благодаря своему положению в середине, а не в начале предложения, постепенно стали отделяться от форм относительного и(же) и приближаться к формам личных местоимений. (В некоторых славянских языках: чешском, сербско-хорватском, болгарском в более позднее время развились, с одной стороны, энклитические, с другой — ударяемые формы местоимения 3-го лица, по аналогии с подобными парами форм местоимений 1-го и 2-го лица.)

На основе указанного критерия можно объяснить формы местоимения *jь (без частицы -же), которыми в старославянских текстах переведены греческие и латинские относительные местоимения. Из всего количества примеров употребления местоимения *jь (в архиве Старославянского словаря Славянского института ЧСАН их около 18000) только в 18 случаях местоимение *jь можно считать действительно относительным (5 случаев приходится на „канонические“ памятники). Например: *і помѣѣѣ петръ глаголюъ иссоуѣѣ .і рече емоу Мф 26. 75 Зогр. ἐμνήσθη ὁ πέτρος τοῦ ρήματος Ἰησοῦ εἰρηκότος (иже Мар., Асс., еже Сав., иже Остр.); не мѣслиши ꙗже сѣтъ вожѣѣ Мр 8. 33 Мар. οὐ φρονεῖς τὰ τοῦ θεοῦ (ѣже Зогр.) на пакѣ по немъ градѣше Деяния 9. 17 Охр. ἐν τῇ ὁ δὲ ἡ ἡρώου (вар. по емоу ж, вѣнже); пакѣ вѣразъ кѣмъ настоѣти . показа Bes. 14. 71aβ 4 formam cui, debeamus imprimi ostendit (вар. кмѣже).*

Затем в следующих местах: Лк 23. 25 Зогр.; Мф 23. 35 Асс., Супр. 406. 19; Деяния 2. 2 Мак.; Nicod., Stojanović 109. 22 и 118. 13; Ис. 8. 20 Григ.; Зар. 295 ба 35, Vit. Sobol. 283. 24, Bes. 77 ба 12, 121 ба 9, 288 аβ 16, 296 бβ 13, 45 аа 22 (данные случаи будут полностью приведены в статье и пропоне Словаря старославянского языка ЧСАН). Греческое относительное местоимение переводится указательным, например, в следующих случаях: *ѣ градъ галиленскъ имѣ емоу назаред Лк 1. 26 Асс. ἡ ὄνομα Ναζαρέθ (Зогр., Мар., Остр. емоу же имѣ назаретъ); нарицати имене сѣѣтаго х<ристо>сѣѣ оукарикѣше и Супр. 109. 14 ὀνομάζεν τὸ ἄγιον ὄνομα τοῦ χριστοῦ ὃ ἐξῆρσαν. Формы местоимения *jь с предложом, стоящие в начале предложения, можно считать и указательными и относительными, напр. *кдинъ всогъ савиноѣ иссоуѣ сѣ х<ристо>сѣ сѣ нимъ инъ никтоже кѣтъ Супр. 152. 16 меѣ оу; о немъ бо глаголю . оуже кѣ твоѣ жтробѣ сѣшанимъ вѣскочи Супр. 239. 4 περί οὗ γὰρ λέγω σοι.**

Постпозитивность форм указательного *jь иногда объясняют влиянием или по крайней мере поддержкой греческого оригинала, в котором формы местоимения αὐτόν также постпозитивны¹⁵. Однако данное явление — чисто славянское. Об этом свидетельствуют старославянские переводы с латинского, в котором формы местоимения *is* стоят часто в начале предложения, а переводчики стремятся передвинуть их внутрь предложения. Показательным в этом отношении является обширный текст Бесед Григория Двоеслова. В нем форма местоимения *jь 17 раз остается в начале предложения (в соответствии с латинским оригиналом),

¹⁴ Так объясняет падение именительного *jь, например, Шахматов (указ. соч., стр. 161).

¹⁵ Ср. V. Vondrák. Указ. соч., стр. 637.

причем 2 случая — родительный притяжательный, а в остальных случаях форма **jb* стоит сразу же после сочинительного или подчинительного союза, напр. *кго соуцоу неѣстоу цкъркскъи поѣдаша* Eius esse sponsam, 102 аβ 7; *нѣ ки оучитель рече* Sed ei magister dicit 161 бβ 16; и *а прогонати eosque persequuntur* 104 аβ 14; *яко кмоу w глосподи wтплащеник... издасть са* quoniam ei... merces recompensatur 119 аβ 13, В 28 случаях, наоборот, форма местоимения **jb* передвигается внутрь предложения, причем это не только вин. ед. м. р. и, но и самые разнообразные падежные формы без предлогов, напр. *чѣстити кго яко странника зокашета* eum ad hospitium quasi peregrinum vocant 149 аβ 5; и *вѣскръсны ю сконьча еамque resurgendo consumpsit* 191 бз 8; *уже нхъ вѣшыше вѣшла* eis iam praeerant 205 аз 7; *да явити а прѣдъ вѣми* ut ea... ostenderet 16 бβ 23; *не вѣи кмоу поспѣло* ei non proderat 180 бβ 10; *на исплненик вѣожни слоужьбѣи еладѣють ими* eis ad explenda divina misteria principantur 242 аβ 13; и *кѣе ки вольши вѣда ксть* eique adhuc vae deterius imminet 245 бз 9.

Указательное **jb*, которое, по характеристике Гебауэра, „имеет значение просто указательное без каких-либо оттенков“¹⁶, в старославянском языке большей частью уже выступает, функции местоимения 3-го лица. Это происходит благодаря его семантической, а также синтаксической нейтральности (оно никогда не стоит на первом, т. е. ударяемом, месте в предложении). Указательное значение, на первый взгляд, встречается в двух случаях, но первый из них является дословным переводом с греческого: *и шедъшоу емоу въ врата оузарѣи и друугаѣи и гласгола имъ тоу* Мф. 26. 71 Асс., Мар., Ник, Остр. 2 × (Зогр. емоу, Сав. 1 × имъ, 1 × емоу тоу) καὶ λέγει τοῖς ἐκεῖ (вар. αὐτοῖς ἐκεῖ) (это очевидная калька, так как в других местах евангелий греческий член в подобных случаях переводится относительным местоимением; ошибочное употребление емоу также показывает, что переписчик не понял сочетания: значит, оно не было обычным); второй случай является искажением: *и рече исакъ въ правдѣ нарече са има емоу иѣкоуъ . приѣсти во ма е вторицеа* Бытие 27.36 Григ. (Зах. се) ἐπερὶ κεν γὰρ με ἦδη δευτέρω τοῦτο.

Кроме того, в материале Старославянского словаря Славянского института ЧСАН встречается около 90 случаев (т. е. примерно полпроцента всех случаев с местоимением **jb*), в которых данное местоимение имеет анафорическую функцию в узкосинтаксическом смысле слова (оно указывает на предыдущее или последующее относительно предложение и т. п.). Такая функция местоимения **jb* известна во всех славянских языках на древнейших стадиях¹⁷. В старославянском языке анафорическая функция подкрепляется греческим αὐτόν или латинским *is* в той же функции. Почти две трети случаев анафорического употребления **jb* в старославянских текстах — переводы анафорического αὐτόν или *is* греческого или латинского оригинала. Например, в старославянских евангелиях и псалтыри не встречается ни одного случая перевода греческого анафорического αὐτόν каким-либо другим местоимением (напр. тѣ или съ)¹⁸.

По тому, на какую часть простого или сложного предложения указывает анафорическое **jb*, можно различать следующие типы:

¹⁶ J. Geßauer. Указ. соч., стр. 230.

¹⁷ Древнечешские примеры приводят Гебауэр (указ. соч., стр. 231) и Травничек (указ. соч., стр. 100), древнепольские — Лось (указ. соч., стр. 173); древнерусские можно привести из „Повести временных лет“ (изд. Д. С. Лихачева, т. I. М., 1950): „пославъ к нимъ, иже около ею суть“ (стр. 117); „Еликоже ляховъ по городомъ, избивайте я“ (стр. 97).

¹⁸ Это, конечно, не касается именительного тѣ (греч. αὐτός), который, как правило, в старославянском заменяет именительный падеж указательного и личного **jb*; об этом подробно см. приведенные выше статьи И. Курца.

1) **ѣ* указывает на относительное предложение. В этот тип входит большинство случаев, и употребление **ѣ* подкрепляется большей частью греческим αὐτὸν или латинским *is* оригинала. Анафорическое **ѣ* может стоять перед придаточным предложением и после него. Например: ꙗкоже и оубо видѣша · егоже многашди видѣша - Супр. 435. 9 Ὡς δὲ εἶδον αὐτόν. ; и сѣверши і іже насади десница твоя Пс 79.16 Ποτ. καὶ καθήρτισαι αὐτήν, ἤν. . . ; и бѣгають ѡт него · имѣже вѣдающе слоужени бѣти достоѣтъ Bes. 9, 59 аβ 9 eumque in quo sanctificari debeant, fugiunt. (В Беседах Григория Двоеслова вообще больше примеров такого типа, чем в других старославянских текстах). Это, однако, обусловлено частым употреблением анафорического *is* в латинском оригинале.) Важны случаи употребления анафорического **ѣ* без поддержки греческого оригинала, например: ꙗже далъ еси (sic!) мнѣ сѣхранихъ ѿ φ̑ δέδωκάς μοι καὶ ἐφύλαξα Ио 17, 72 Асс.; мало іхъ естъ іже і обрѣтаж(тъ) ὀλίγοι εἰσὶν οἱ εὐρισκόντες αὐτήν Мф 7. 14 Зогр., Мар., Асс., Остр., Bes. 38, 294 аα 12 (Треб. 89 в 10 и 69 в 19 мало естъ тѣхъ · іже. . .); емѣже сѧ оутѣкнѣаше кланѣаше сѧ емоу καὶ τὸ προσπίπτον ψηλαφῶν προσεκύνει Клоц. 10а 23; иже оубо зѣла ненавидѣтъ н о добрѣ порадоуѣтъ сѧ · аште кго не любите · ꙗвѣ кстѣ ꙗко. . . Τὸν τοίνυν τὰ παντὶ μισοῦντα καὶ ἐπὶ τοῖς καλῶς χαίροντα. ἐὰν μὴ ἀγαπᾷτε Супр. 29. 12; иже сѣтъ введеши въ темьницѣ: то лѣпо имѣ кстѣ дожждати Τοὺς βληθέντας εἰς τὴν φυλακὴν ἀκολουθόν ἐστιν περιμένειν Супр. 137. 1. Подобно тому вѣзвратѣ на него иже пробаса ѡφονται εἰς ὃν ἐξεχέντησαν Ио 19. 37 Зогр., Мар., Ник. (Данный случай — перевод специфически греческой конструкции, в которой опускается анафорическое местоимение, а относительное местоимение принимает его падежную форму).

2) **ѣ* указывает на условное предложение с неопределенным подлежащим, введенное союзом ꙗже кѣто, которое синонимично относительному предложению с неопределенным подлежащим, введенному оборотом иже ꙗже. Напр. аште кѣто мнѣ слоужитѣ · почтѣтъ і ость · ꙗже ἐὰν τις ἐμοὶ διακονῇ, τιμῆσει αὐτόν ὁ πατήρ Ио 12. 26 Зогр., Мар., Асс., Сав., Остр. 2 X; ꙗже костоуриши постыжѣ живоуица видѣтъ · роуѣатъ сѧ илѣ (в лат. пропуск) Bes. 17, 127 бβ 18.

3) **ѣ* указывает на обособленный член предложения. Здесь можно различать три случая: а) обособленный член стоит в падеже, который требуется его функцией в предложении; б) он стоит в именительном падеже; в) он стоит в винительном — самом обычном падеже дополнения, в то время как глагол требует другого падежа. Во всех этих типах обособленный член стоит большей частью в начале предложения, после него следует относительное предложение, а затем — главное предложение с анафорическим **ѣ* в соответствующем падеже. Первые два типа опираются на новозаветный греческий текст. Ср. отъ не імѣштаго · і еже імѣтъ отъ імѣтъ ѡтъ него ἀρθήσεται ἀπ' αὐτοῦ Лк 19. 26 Зогр., Мар., Асс.; вѣкѣ оубо іже слышитѣ словеса моѣ си · і сѣтворитѣ ѣ · оуно · добѣи и мѣжю мѣдроу пѣс оу ѡς τις ἀκούει. . . ὁμοίωσω αὐτόν Мф 7. 24 Зогр., Мар., Асс., Сав., Остр. Без поддержки греческого оригинала, например, вѣкѣ дрѣво еже не творитѣ ꙗко добра по(сѣ)жажѣ въ пѣн дѣндрон. . . ἐκχόπτεται Мф 7. 19 Асс., Ник. (пропускают Зогр., Мар., Остр.); имѣшиж сѧ прѣжде рѣбѣ. вѣзми ѣ τὸν ἀνάβαντα πρῶτον ἰχθὺν ἄρον Мф 17. 27 Сав., ꙗже імѣши прѣжде рѣбѣ · вѣзми ѣ Асс. (пропускают Мар., Зогр.⁶, Остр.); снѣ же дѣштерѣ аврамаж сѣштѣ · иже сѣва · за сотона сѣ осмоє на десѣте лѣто · не достоѣаше ли раздрѣшити е ѿ ταύτην τὴν θυγατέρα Ἀβραάμ οὖσαν. . . οὐκ ἔδει λυθῆναι Лк 13. 16 Мар., Асс., Сав., Остр. (сѣи Зогр.); ꙗзыка егоже не зна оуслѣши і γλῶσσαν, ἣν οὐκ ἔγνω, ἥκουσεν Пс 80. 6 Син. (пропуск. в Пог., Бол., Лоб., Пар.);

сѣщаго несѣдрава трѣдомъ водѣнымъ цѣли и Треб. 31 б 2; и мѣжъ тѣла еже насочнишъ... иждеже а пламенъ (в греч. иначе) Второзак. 3. 22 Григ.; въпиюца сѣща мимохода оуслыша и Clamantem etenim saesum lesus transiens audivit Bes. 2, 9 аа 13; вѣсѣи кѣже не видѣти како можетъ любити и Deum... quomodo potest diligere Bes. 30, 206 б 2.

4) Совершенно особый тип составляет анафорическое *ѣ при инфинитиве, переводящем латинский gerundivum: иже словеса вѣсокаа вѣсѣды намъ соутъ наипаче испытати и Quae supernae verba sententiae nobis sunt magnopere perscrutanda Bes. 20, 113аа 15; не ѡтпоустити и сиа вѣша была Retinenda haec essent Bes. 27, 182 ба 24; (также Bes. 26, 166 б 2).

Надо заметить, что анафорическое (не личное!) *ѣ никогда не переводит греческого οὗτος, а только αὐτόν, или же — и это важно — употребляется как анафорическое местоимение при указании на относительные предложения, которыми переводятся другие греческие обороты (например, причастия и т. п.). Разумеется, в таких случаях употребляется также анафорическое тѣ¹⁹. Однако употребление анафорического *ѣ, которое по сравнению с выразительным тѣ является стилистически нейтральным, позволяло при переводе греческого простого предложения сложным сохранить единую стилистическую плоскость. Так славянский перевод стилистически соответствовал греческому оригиналу. Эта тенденция соблюдается и в более поздних старославянских переводческих школах. Ср., например, в Шестодневе Иоанна Экзарха кѣже во всоуду обло ксѣтъ, то где кмоу коньцъ Τὸ γὰρ πανταχόθεν περιφερές, ποῦ ἔχει τὸ ἄχρον 153 б 3 иже вродке ѡт дѣжда вѣжають, то оугонѣзють ихъ гроздовик πρὸς τὰς ἐκτοῦ ἀέρος βλάβας ὁ βότρυς ἀντέχει 101 аа кѣже наплотити цѣща иже ѡт землѣ вѣскоури вѣсходеть, оудрѣжати а не могъ диὰ τὴν ἐπιρροίαν τῶν ἐκ τῆς γῆς ἀτμῶν κρατηθῆναι μὴ δυνήσεις 138 аа²⁰.

Однако наряду с этим переписчикам более поздних текстов, начиная с Супрасльской рукописи, *ѣ кажется недостаточным в анафорической функции, и они часто подчеркивают его при помощи частицы то, ср. а иже отъверѣжеть сѣ мене прѣдъ члѣоуѣжы · отъверѣжъ сѣ а азъ его прѣдъ оуѣцѣмъ моимъ Мф 10, 33 Зогр., Мар., Асс., Сав., Остр., ... то и азъ отъверѣжъ сѣ кѣ Супр. 259, 16; емѣже сѣ оутѣкиѣаше кланѣаше сѣ емоу Клод. 10а 23, ... то кланѣаше се кмоу гом. Михановича 104 аа 30.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*ѣ, по происхождению нейтральное указательное местоимение, в старославянском (а в начале исторической эпохи во всех славянских языках) отличалось от других указательных местоимений следующими специфическими чертами:

1) в предложении оно не выступало в роли определения, так как в этой функции оно уже в доисторическое время специализировалось как местоименная часть сложных прилагательных;

2) в значении указательного (в историческую эпоху уже личного) местоимения *ѣ было постпозитивным, между тем как в препозиции (т. е. в начале предложения) оно имело относительное значение (в историческую эпоху в большинстве случаев подкреплявшееся частицей -же);

¹⁹ При переводе греческого причастия или оборота с членом при помощи относительного предложения встречается в старославянских евангелиях 1 × анафорическое *ѣ, 2 × тѣ, в Клод. 1 × *ѣ, 3 × тѣ, в Супр. 2 × *ѣ, 7 × тѣ.

²⁰ Другие случаи: 25 а 3, 226 б 3. По изданию О. М. Бодянского „Шестоднев, составленный Иоанном ексархом болгарским“; греч. текст по J. P. Migne. „Patrologia Graeca“.

3) в функции анафорического местоимения *jъ отличается от остальных указательных анафорических местоимений своей стилистической нейтральностью, к которой часто прибегали при переводах с греческого на старославянский.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Асс. — Ассеманиево евангелие	Мр — евангелие от Марка
Бол. — Боложская псалтырь	Мф — евангелие от Матфея
Бытие — Бытие, книга Ветхого завета	Ник. — Никольское евангелие
Второзак. — Второзаконие, книга Ветхого завета	Остр. — Остромирово евангелие
Григ. — паремийник Григоровича	Охр. — Охридский апостол
Деч. — Дечанское евангелие	Пар. — Парижская псалтырь
Зах. — паремийник Захарийский	Пог. — Погодинская псалтырь
Зогр. — Зографское четвероевангелие	Пс — псалм
Иез — пророк Иезекииль	Сав. — Саввина книга
Ио — евангелие от Иоанна	Син. — Синайская псалтырь
Ис — пророк Исаия	Супр. — Супрасльская рукопись
Клоц. — Клоцов сборник	Треб. — Синайский требник
Лк — евангелие от Луки	Ves. — Беседы Григория Двоеслова
Лоб. — Лобковицкая псалтырь	Nicod. — псевдоевангелие Никодима
Мак. — Македонский (Струмицкий) апо- стол	VencNik. — 2 Житие Вячеслава (Николь- ского)
Мар. — Маринское четвероевангелие	Vit. — Житие Вита
	Zar. — „Заповедь святых отцов“

А. В. ИСАЧЕНКО

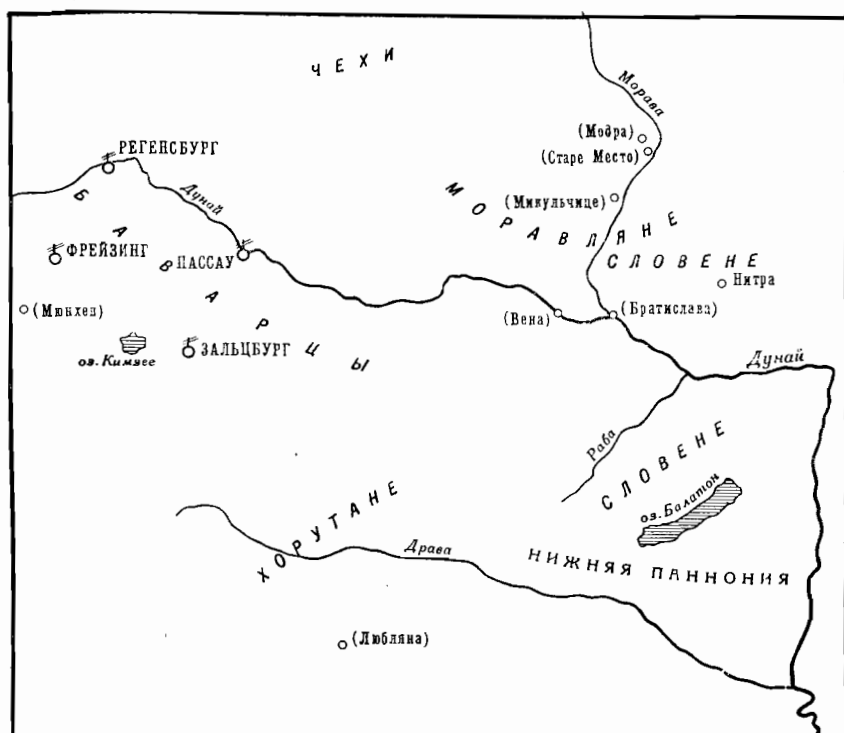
К ВОПРОСУ ОБ ИРЛАНДСКОЙ МИССИИ У ПАННОНСКИХ И МОРАВСКИХ СЛАВЯН

ВВЕДЕНИЕ

Начало славянской письменности традиционно связывается с именем и деятельностью Константина-философа и его брата Мефодия. Составление первого славянского алфавита, приписываемого Константину, и создание первых евангельских переводов обычно рассматривается как *terminus ab quo* славянской книжной образованности. В конце 40-х—начале 50-х годов была предпринята попытка доказать существование докирилловской письменности у восточных славян. Некоторые авторы воскрешали старые славянофильские теории о существовании „русских“ (т. е. восточнославянских) книг на Руси задолго до внедрения византийского христианства¹. Высказывались фантастические гипотезы о связи

¹ Здесь имеется в виду рассказ Жития Константина (ЖК) об „обретении“ Константином-философом в Корсуне (Херсоне) евангелия и псалтыри, написанных „роусьскими письмены“. По словам легенды, дошедшей до нас в нескольких поздних списках XV в., Константин так быстро научился читать эти книги, что его спутники увидели в этом великое чудо. Эпитет „роусьскими“ интерпретируется некоторыми авторами именно как „русский“ в современном значении этого этнонима. А так как в Житии Константина говорится, что „грамота роусьская явилась богом дана в Корсуне роусиноу“, то это и считается „доказательством“ существования русской, т. е. восточнославянской, письменности до отъезда Константина в Моравию в 863 году. П. Я. Черных, например, прямо утверждает, что „нет оснований сомневаться в этом и в настоящее время“ (П. Я. Черных. Язык и письмо. — В кн.: „История культуры древней Руси“, II, 1951, стр. 131). Уравнение „роусьскими“ = русский само по себе является для IX в. более чем рискованным, так как до сих пор нет установившегося мнения о том, какой именно народ назывался этим этнонимом в IX в. Но в науке давно уже установлено исконное чтение слова „роусьскими“. Еще в 1885 г. выдающийся русский филолог акад. А. И. Соболевский сопоставил упоминание „роусьских письмен“ в ЖК с другим местом того же источника. В главе XVI Жития перечислены народы („роды“), „воздающие богу славу своим языком“. Наряду с армянами, персами, готами и др. приводятся также „Соури“, т. е. сирийцы. По наблюдениям Соболевского, в двух дошедших до нас списках ЖК вместо слова „Соури“ стоит слово „Роуси“ („Киевские университетские известия“, IX, стр. 301). В 1935 г. А. Вайан объяснил написание слова „роусьскъ“ в VIII главе ЖК как перестановку букв. В оригинале было „соурьскими письмены“ (A. Vaillant. Les « lettres russes » et la vie de Constantin. — *RÉS.*, t. 15, 1935, стр. 75—77. Ср. также D. Gerhardt. *Goten, Slaven oder Syrer im alten Chorsun? Ein Nachtrag.* — „Beiträge zur Namenforschung“, 4, 1953, стр. 76—88). Р. О. Якобсон показал, что в сокращенном житии Константина, включенном в так называемый „Пролог“, сообщается, что Константин владел четырьмя языками: греческим, латинским, сирийским (сурьскы) и еврейским (см.: П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения др.-слав. письменности. Л., 1930, стр. 101). Следовательно, нет ничего удивительного в том, что ученый византиец быстро разобрался в предложенных ему рукописях на сирийском языке (ср. R. Jakobson. *Saint Constantin et la langue syriaque.* — „Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves“, VII, New York, 1939/44, стр. 181—186). Нет, следовательно, никакой надобности воскрешать давно опровергнутую „теорию“ В. И. Григоровича и строить гипотезы о существовании на Руси докирилловских книг на основании случайных ассонансов.

глаголицы с таинственными „причерноморскими“ знаками², на основании одного слова, найденного на Гнездовской корчаге, делались рискованные обобщения³. Высказывания этого периода не внесли, однако, в дискуссию

о докирилловской образованности у славян ничего существенного, так как в большинстве случаев убедительность приводимых аргументов заменялась эмфазой и аподиктичностью утверждений. Вопрос о докирил-

² Не приведя ни одного веского палеографического, филологического или хотя бы исторического аргумента, П. Я. Черных заявляет, что «в настоящее время не приходится сомневаться в том, что глаголическое письмо возникло где-то в северном Причерноморье в результате длительного процесса развития из „черт и резов“» («Происхождение русского литературного языка и письма». М., 1950, стр. 12—13). Но мы не знаем ни „черт“, ни „резов“, упоминаемых черноризцем Храбром; да вряд ли сам Храбр их когда-либо видел воочию. В области изучения глаголицы со времен Тейлора проделана слишком большая и слишком серьезная работа, чтобы ее результаты можно было зачеркнуть одним росчерком пера и заменить голословными утверждениями. Иногда фантазия уводит даже прекрасных филологов в область импровизации. В „Примечаниях“ к „Истории древнерусского языка“ А. П. Якубинского (М., 1953), написанных, однако, не самим автором, имеется такое высказывание: „Есть все основания думать, что могущественное и высококультурное государство антов располагало какими-то формами письменности“ (стр. 354; разрядка моя. — А. И.). Но кем и когда было доказано: 1) что анты имели свое государство; 2) что это государство было именно могущественным; 3) что оно было именно высококультурным (например, по сравнению с византийским государством)? Что следует понимать под выражением „какие-то формы письменности“? И, наконец, что скрывается под заявлением: „есть все основания думать“? Эти вопросы тем более уместно поставить, что в следующем предложении сказано: „Но каковы они (т. е. эти „формы письменности“) были, пока сказать не можем“ (там же). Значит, по существу утверждается то, для чего „пока“ нет решительно никаких оснований.

³ „Гнездовская надпись на амфоре, относящаяся, как полагают археологи, к первой четверти X в., не только подтверждает факт существования письменности (письма) в древней Руси, по крайней мере, лет за сто или даже столетия за полтора до Остромирова евангелия (1056—1057), ... но и факт широкого распространения грамотности,

ловской книжной образованности не интересовал и авторов учебников и пособий по старославянскому языку. Лишь спорадически приводятся отдельные слова „моравского“ происхождения, встречающиеся в текстах старославянского канона. Моравская „доистория“ старославянского языка не привлекала авторов обобщающих трудов. А вместе с тем многочисленные факты, связанные с историей распространения старославянского языка в Центральной Европе, а также многочисленные особенности самого старославянского языка не могут быть объяснены без всестороннего учета культурно-исторической обстановки, создавшейся в Паннонии после ухода аваров и в Моравии в конце VIII—начале IX в. н. э.

О „следах“ западнославянской церковной терминологии в старославянских текстах написано очень много. Но, к сожалению, слависты по большей части проходят мимо этой литературы, считая ее, очевидно, мало существенной для исследования графики, фонетики и грамматики самого старославянского языка, а также для характеристики переводческой техники солунских братьев и их учеников и последователей. Классическая работа А. И. Соболевского „Церковно-славянские тексты моравского происхождения“⁴ осталась неизвестной даже таким выдающимся славистам, как В. Вондрак⁵ и В. Флайшганс⁶, специально занимавшимся исследованием „влияния“ западнославянской языковой среды на старославянский язык. Богатейший материал, собранный и мастерски обработанный в капитальном труде В. Ягича „Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache“ (2-е изд., 1913), оставался и остается в большинстве работ по старославянскому языку неиспользованным. Лишь сравнительно узкий круг исследователей ведет работу в области филологического и лингвистического исследования культурного наследия, найденного солунскими братьями в Моравии и Паннонии. К этому кругу относятся такие слависты, как И. Графенауер⁷, М. Вейнгарт⁸, Й. Вашица⁹.

факт обиходности письма в разных слоях древнерусского общества, общенародности кирилловского письма в древней Руси...“ (П. Я. Черных. К вопросу о Гнездовской надписи. — ИЮЛ АН СССР, т. IX, 1950, стр. 399). Вот как Б. Унбегаун комментирует высказывание профессора Черных: „Чтобы разделить энтузиазм автора, нам недостает не только абсолютной уверенности в правильности датировки, но и убеждения, что за шестьдесят лет до крещения русские кривичи стали пользоваться религиозным письмом для украшения своей кухонной посуды“ (RESL., t. 28, 1951, стр. 182).

⁴ Работа была напечатана в РФВ за 1900 г., вып. 1-2, стр. 150—207, но вышла также отдельным оттиском в Варшаве в 1900 г.

⁵ В своих работах „Studie z oboru cirkevneslovanskeho pisemnictvi“ (Praha, 1903), „O původu Kijevských listů a Pražských zlomků“ (Praha, 1904), „Über die Provenienz der Kiever Blätter und der Prager Fragmente“ (AfsIph, Bd 28, 1906, стр. 472—478). В. Вондрак не воспользовался открытиями акад. Соболевского.

⁶ Ср. V. Flajšhans. Nejstarší památky jazyka a písemnictví českého, díl I., Prolegomena a texty. V Praze, 1903.

⁷ I. Grafenauer. Karolínska kateheza ter izvor Brižinskih spomenikov. — „Razprave Znanstvenega društva v Ljubljani“, 13. Ljubljana, 1936; его же. Poglavlje iz najstarejšega slovenskega pismenstva. — „Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino“, VIII. Ljubljana, 1931, стр. 69—117; его же. Starobavarska svetoemeramska molitev v starem slovenskem in v stesl. jeziku. — „Slovenski jezik“, I. Ljubljana, 1938, стр. 8—54.

⁸ M. Weingart. Pribina, Kocel' a Nitra v zrkadle prameňov doby cyrilometodejskej. — „Riša veľkomoravská“. Sborník vedeckých prác. Bratislava, 1933, стр. 319—355; его же. První česko-cirkevneslovanská legenda o svätém Václavu. — „Svatováclavský sborník“, I. Praha, 1934; его же. Český typ jazyka cirkevneslovanského, jeho památky a význam. — „Recueil de communications“, Section I. Warszawa, 1934, стр. 163—166; его же. Hlaholské listy Videňské. — ČMFL, 24, 1938, стр. 105—129, 233—245; его же. Pojem cirkevnej slovančiny a jej význam pre Slovanov, obzvlášte pre Čechov a Slovákov. — „Riša veľkomoravská“, стр. 453—471; его же. Československý typ cirkevnej slovančiny. Bratislava, 1949.

⁹ J. Vašíček. Slovanická bohoslužba v českých zemích. Praha, 1940; его же. Origine cyrillo-méthodienne du plus ancien code slave dit „Zakon sudnyj ljudem“. — „Byzantinoslavica“, XII, 1950; его же. Jazyková povaha „Zakona sudného ljudem“. — „Slavia“,

Я. Станислав¹⁰, К. Горалек¹¹, Фр. Гривец¹², В. Леттенбауер¹³, Ф. В. Мареш¹⁴, Й. Цибулька¹⁵, М. Гоций¹⁶, Фр. Томшич¹⁷, В. Репп¹⁸, А. В. Исаченко¹⁹ и некоторые другие. В наши дни, в связи с последними раскопками на территории южной Моравии и Словакии, где были обнаружены костелы, относящиеся к эпохе Великоморавского княжества, весь комплекс вопросов, связанных с „начатками славянской письменности“ у западных славян, снова приобретает злободневность. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы познакомить читателя с некоторыми малоизвестными фактами, относящимися к „доистории“ старославянского языка, подвести итоги проведенной в этой области работы и продолжить некоторые соображения, касающиеся древнейшей эпохи книжной образованности у западных славян Моравии.

„ОУЧИТЕЛЕ МНОЗИ КРЪСТИЯНИ“

Приходом византийской миссии в Великоморавское княжество открывается блестящий период расцвета культурной жизни Моравии и в частности церковной литературы. Но 863 год — год прибытия солунской миссии в Моравию — отнюдь не является началом книжной образованности запад-

роѣ. XXVII, 1958; егo же. Metodějův překlad nomokanonu. — „Slavia“, roč. XXIV, 1955; егo же. K lexiku „Zakona sudného ľudem“. — „Slavistična revija“, letn. 10. Ljubljana, 1957, стр. 61.

¹⁰ J. Stanislav. Slovanská liturgia na Slovensku a sídlo Metodovo a Gorazdovo. — „Historica Slovaca“, I. Bratislava, 1941; егo же. Slovenski pútnici do Talianska koncom VIII. a v IX. storočí. — „Náš národ“, II, 1944, стр. 89—96; егo же. Dnešný stav otázky československých prvkov v staroslovienských pamiatkach. — „Riša Vel'komorávska“, 1935, 2, стр. 491; егo же. Pribinovi vel'moži. — „Linguistica Slovaca“, t. I/II. Bratislava, 1939/40, стр. 118.

¹¹ K. Horálek. K otázke lexikálnych bohémismů v staroslověnských památkách. — „Slovanské studie (Vajsův sborník)“. Praha, 1948, стр. 115—119.

¹² Fr. Grivec. Slovansko bogoslužje v Panoniji. Slovenski panonski velikaši. — „Glasnik Muzejskega društva za Slovenijo“, 21. Ljubljana, 1940, стр. 60—65; егo же. O idejeh in izrazih žitij Konstantina in Metodija. — „Razprave Slovenske Akademije znanosti in umetnosti v Ljubljani“, II, št. 8, 1944, стр. 169—193; егo же. Zarja stare slovanske književnosti. Ljubljana, 1942; егo же. *Soprestolbnz — synthronos*. — „Slovo“, 1. Zagreb, 1952, стр. 6—18. „Cyrillo-Methodiana“ (1. Drevo prahněno — jagoda izgnila; 2. O Metodovem nomokanonu; 3. Praški rokopis Italske legende). — „Slovo“, 6—8, Zagreb, 1957, стр. 24—53; егo же. Iz Cirilove književne šale. — „Slovo“, 9—10, Zagreb, 1960, стр. 3—15; егo же. Frisingensia, I—IV. — „Slavistična revija“, letn. 3. Ljubljana, 1950, стр. 107; егo же. Konstantin und Method. — „Lehrer der Slaven“, Wiesbaden, 1960.

¹³ W. Lettenbauer. Eine lateinische Kanonessammlung in Mähren im 9. Jahrhundert. — „Orientalia Christiana periodica“, 18, 1952; егo же. Zur Entstehung des glagolitischen Alphabets. — „Slovo“, 3. Zagreb, 1953, стр. 35—50.

¹⁴ F. V. Mareš. Недѣла Цвѣтнаа — Květná neděle „dominica in Palmis“. — „Slavia“, roč. XXV, seš. 2, 1956; егo же. Древнеславянский литературный язык в великоморавском государстве. — ВЯ, 2, 1961, стр. 12—23.

¹⁵ J. Cibulka. Velkomoravský kostel v Modré u Velehradu. Praha, 1958.

¹⁶ M. Hocij. Die westlichen Grundlagen des glagolitischen Alphabets. — „Südost-deutsche Forschungen“, IV, 3—4. München, 1940, стр. 509—600.

¹⁷ Fr. Tomšič. Podoba najstarejše slovenščine. — „Slavistična revija“, letn. 2, стр. 19—34.

¹⁸ W. Repp. Zur Kritik der kirchenslavischen Übersetzung des sogenannten St. Emmeramer Gebets im Euchologium Sinaiticum. — ZfslPh, Bd XXII, H. 2, 1954, стр. 315—332; егo же. Zur Erklärung von Kap. XV der Legende von Konstantin. — ZfslPh, Bd XXVI, H. 1, 1957, стр. 114—118; егo же. Deutsch-slavische Kulturbeziehungen auf dem Raume Österreichs vor Kyrill und Method. — „Vorträge auf der Berliner Slavistentagung“. Berlin, 1956, стр. 176—189.

¹⁹ A. V. Isačenko. Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok. Bratislava, 1943; егo же. Die althochdeutschen Beichten und ihre altslavische Übersetzung. — ZfslPh, Bd XVIII, H. 2, 1943, стр. 283—309; егo же. Nachträgliche Bemerkungen zur Frage der ältesten deutsch-slavischen literarischen Beziehungen. — ZfslPh, Bd. XIX, 1947, стр. 303—311; егo же. Zčiatky vzdelanosti vo Velkomoravskej ríši. — „Jazykovedný sborník“, 1/2, 1946/47, стр. 265—317. Вышло также отдельной книгой с русским резюме (Turč. Martin, 1948).

ных славян. Солунские братья не были первыми „вероучителями“ славянского населения Паннонии и Моравии.

Напомним, что, по словам Жития Мефодия (ЖМ), моравские князья Ростислав и Святополк обращаются к византийскому императору Михаилу III как христиане к христианину. В преамбуле их послания говорится: „яко божию милостию съдрави есмь“ (ЖМ, 5). В дальнейшем моравские князья жалуются на деятельность многочисленных иноплеменных христианских миссионеров, распространяющих в их княжестве разные ереси: „соуть въ ны въшьли оучители мнози крстьяни из Влахъ и из Грекъ и из Нѣмьць, оучаще ны различь“ (там же). Князья просят византийского „владыку“ послать им хорошо подготовленного богослова, могущего разобраться в сложных вопросах нового вероучения, ибо „мы Словѣни проста чадъ и не имамъ, иже бы ны наставилъ на истину и разоумъ съказалъ“ (там же). В Житии сказано ясно: в Моравии миссионерская деятельность проводится представителями разных богословских направлений (ср. „оучаще ны различь“). Часть славянского населения Великоморавского княжества, в том числе и княжеский род, приняла новую веру²⁰. Не может быть сомнения в том, что моравские князья были заинтересованы не только и не столько в богословской помощи, сколько в помощи политической: „оучители из Нѣмьць“ — представители франкского и баварского духовенства — являлись весьма реальной политической угрозой славянскому государству.

Как и когда славянское население Моравии и Паннонии впервые встретилося с христианством и в какой культурно-политической обстановке проходило это первое знакомство славянских язычников с новой верой?

„SCLAVI QUI DICUNTUR QUARANTANI ET CONFINES EORUM“

Наиболее подробные и систематические сведения о политической обстановке в славяно-германской пограничной полосе между рекой Дравой на юге и Дунаем на севере на заре формирования первых славянских государств в этой области дает нам книга „Обращение баварцев и хорутан“²¹. Это политический памфлет, написанный анонимным зальцбургским монахом и датированный 871 г. Открытая враждебность анонима к Мефодию (*quidam Graecus Methodius nomine*; гл. 12) и к его нововведениям (*noviter inventis Sclavinis litteris*; там же) не оставляет сомнения в том, что памфлет был написан для обоснования „исторических прав“, предъявляемых зальцбургской епархией на славянскую территорию Каринтии (Карантании), Нижней Паннонии и Моравии. Основная мысль „Обращения“ заключается в том, что приоритет принадлежит не пришельцу Мефодию, а зальцбургскому епископу, так как приобщение славян этой области к новой вере является исторической заслугой зальцбургской епархии и ее миссионеров. В „Обращении“ подробно рассказывается история христианизации баварцев, а также славянских хорутан и их соседей в Нижней Паннонии. Каков же был этнический состав славянского населения, среди которого зальцбургские монахи вели свою миссионерскую работу?

²⁰ В 7-й главе „Обращения“ рассказывается, как один из паннонских князей по имени Инго позвал своих верующих слуг (*servos credentes*) к столу и угостил их вином из позолоченных бокалов, а „неверным господам“ (*qui eorum dominabantur infideles*) велел сидеть на дворе, как псам (*quasi canes*), поставив перед ними хлеб и мясо и вино в почерневшей посуде. Притча о князе Инго имеет историческое значение постольку, поскольку в ней отражается социальное расслоение славянского общества Паннонии в IX в. и устанавливается наличие уже крещеных славян. Ср. J. Cibulka. *Pribina a jeho kostol v Nitre*. — „*Riša veľkomoravská*“, стр. 32; A. V. Isačenko. *Začiatky vzdelenosti vo Veľkomoravskej ríši*, 1948, стр. 16—17.

²¹ „*Conversio Bagoariorum et Carantanorum*“. Cp. M. Kos. — „*Razprave Znanstvenega društva v Ljubljani*“, 11, *Historični odsek*, 3. Ljubljana, 1936, стр. 126—140.

Как известно, в латинских средневековых источниках этноним *Sclavi*, *Sclavini*, *Sclavinus* точно соответствует этнониму *словѣне/словѣни*, *словѣньскъ* источников, написанных кириллицей. Автор „Обращения“ называет славянское население, с которым пришлось соприкасаться зальцбургским миссионерам, *Sclavi*. Это не удивительно, ибо предки нынешних словенцев и предки нынешних словаков обозначались одним и тем же племенным названием *словѣне*, распространенным во всем славянском мире. До наших дней слово *Slovenka* обозначает в словенском языке ‘словенка’, а в словацком — ‘словачка’. Прилагательное *slovenski* обозначает в Любляне ‘словенский’, а *slovenský* в Братиславе — ‘словацкий’. Этнонимы *Sloven-es* и *Slov-ák* — поздние новообразования. В IX в. предки южнославянских словенцев и западнославянских словаков одинаково назывались *slověně* или *slověninъ*. Наш анонимный автор, однако, последовательно различает *Quarantani/Carantani* и *Sclavi*, *Sclavi qui dicuntur Quarantani* и *confines eorum*. В первых главах „Обращения“ говорится о „карантанцах“ — „хорутанах“ Начальной летописи²². Но начиная с 6-й главы, где речь заходит о Нижней Паннии, заселенной славянами после изгнания аваров („обров“ Начальной летописи, „гуннов“ нашего источника), уже больше не говорится о хорутанах. Автор „Обращения“ последовательно называет славянское население Нижней Паннии *Sclavi*²³. Этого не заметил последний издатель „Обращения“, люблянский профессор М. Кос, считавший, что „хорутане“ и „их соседи“, „хорутане“ и „словѣне“ — одно и то же и что в Паннии тоже имелось „словенское“ (т. е. южнославянское) население, как и в Каринтии²⁴. Можно, однако, предполагать, что *Sclavi* в Паннии и в Моравии — это те „словѣни“ Начальной летописи, которые сели „по Дунаеву, гдѣ есть ныне Угорьска земля“. Моравский князь Ростислав называется в Житии Мефодия „князь словѣньскъ“. Сам Ростислав говорит о своем народе „мы Словѣни проста чадъ“ (ЖМ, 5). Итак, миссионерская деятельность зальцбургских монахов охватывала территорию Каринтии, Нижней Паннии и Моравии. Эта первая волна христианизации славянского населения Средней Европы затронула не только южнославянские хорутанские племена, но и западнославянских *словѣн*.

„VIR QUIDAM VIRGILIUS“

По словам „Обращения“, в княжение Отилона Баварского (Otilo) в Зальцбурге появляется „мудрый и весьма ученый муж по имени Виргилий“²⁵. Отилон предоставляет Виргилию руководство зальцбургской епархией. Наш аноним сообщает, что 15 июня 767 г. Виргилий был посвящен

²² Ср.: „А се ти же словѣни: хорвате бѣли и серебъ и хорутане“ („Повесть временных лет“, ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 11). Древнерусская форма *хорутане* (< *хоржтане*) восходит к корню *karant-*. Прямым продолжением исторического названия является также слав. *Koroško* < *korotj-ьsko*, ср. нем. *Kärnten*. Употребляемое в современном русском языке название *Каринтия* является средневековой прецизированной формой *Carinthia*.

²³ Ср.: „Tunc vero *Sclavi* post Hunos inde expulsos venientes coeperunt istis partibus Danubii diversas regiones habitare („Conversio“, гл. 6). „Qui inde revertens partem Pannoniae circa lacum Pelissa inferioris, ultra fluvium qui dicitur Hrapa, et sic usque ad Dravum fluvium et eo usque ubi Dravus fluit in Danubium, prout potestatem habuit, praenominavit cum doctrina et ecclesiastico officio procurare populum qui remansit de Hunis et *Sclavis* in illis partibus...“ (там же, гл. 6). „In partes *Sclavorum*“ (там же, гл. 8). „Coepunt populi sive *Sclavi* vel Bagoarii inhabitare terram, unde ille expulsi sunt Huni“ (там же, гл. 10).

²⁴ „Karantanci so Slovenci, ne le oni v Alpah, marveč tudi panonski“ ‘Карантанцы — это словенцы, не только живущие в Альпах, но и паннонские’ (М. Кос. „Conversio“, стр. 105).

²⁵ „Hisdem igitur temporibus scilicet Otilonis ducis Bagoariorum... venit vir quidam sapiens et bene doctus de Hibernia insula nomine Virgilius“ (там же, гл. 2).

в епископы. Это неверно. Виргилий управлял епархией, будучи всего лишь игуменом монастыря св. Петра в Зальцбурге²⁶. Из Зальцбургского центра Виргилий организует ряд успешных миссионерских экспедиций к баварцам и славянским хорутанам. „По просьбе хорутанского князя“ он отправляет своего сотрудника, епископа Модеста и других клириков в Каринтию, где строятся первые христианские храмы (гл. 5). Более поздние зальцбургские летописцы называют Виргилия „апостолом Каринтии“.

Виргилий был по национальности ирландцем.

Впервые мы встречаемся с именем Виргилия (в ирландских источниках *Fergil, Feirgil*) в монастыре Агабоу (Aghaboe) в Ирландии (Queens county). Виргилий был настоятелем этого монастыря. Для нашей дальнейшей аргументации необходимо сказать несколько слов о своеобразном развитии христианства в Ирландии.

Ирландия никогда не завоевывалась римлянами. После ухода римлян из Британии и вторжения на остров языческих ютов, англов и саксов христианская церковь Ирландии оказалась полностью отторгнутой от остального христианского мира. После 445 г. все связи с Римом и вообще с европейским материком прекращаются. Этой изолированностью и объясняются некоторые особенности церковной жизни древней Ирландии²⁷. Религиозная жизнь острова (Hibernia/Ibernia средневековых источников) была сосредоточена в монастырях. Церковная иерархия была слабо развита. Епископы, поскольку таковые имелись, были подчинены игумену. Все правосудие находилось в руках монахов. Церковная жизнь древней Ирландии характеризовалась некоторыми архаизмами, связывающими Ирландию с восточной церковью: пасхалии вычислялись — как и в православной церкви — по так называемой „додионисианской“ схеме, монахи носили другую тонзуру, чем монахи римской церкви²⁸; основным же отличием древнеирландской церкви от римской было употребление родного языка в богослужении.

В монастырях древней Ирландии выработался особый тип средневековой учености с явной склонностью ко всему эзотерическому, таинственному, мистическому. В Ирландии сохранилась традиция изучения греческого языка, почти совсем забытого в других странах Западной Европы. Ирландские монахи изучали также древнееврейский язык²⁹. Благоприятные условия для всякого рода филологических занятий и упражнений были созданы еще в дохристианской ирландской школе. Можно утверждать, что в известном смысле ирландское монашество продолжало христианско-античную ученость, превращенную на материке вторжением „варваров“ в период переселения народов. У ирландских монахов выработалась своя филологическая техника, основанная на приемах сосредоточенного повторения текста вслух, они увлекались всякого рода тайными языками и тайнописью³⁰. Даже отдельные буквы алфавита подвергались мистическому толкованию.

²⁶ Ср. H. K r a b b o. Bischof Virgil von Salzburg und seine kosmologischen Ideen. — „Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichte“, XXIV. Innsbruck, 1903, стр. 9.

²⁷ Ср. Dom L. Gougaud. Christianity in Celtic Lands. London, 1932, стр. 63, 140, 151; Th. Olden. The Church of Ireland, ra. VIII (Its Eastern Origins). London, 1895; G. T. Stokes. Ireland and the Celtic Church, Lect. IX, Ireland and the East; J. F. Kenney. The Sources for the Early History of Ireland. New York, 1929; H. Graham. The Early Irish Monastic Schools. Dublin, 1923.

²⁸ Ср.: Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg im Breisgau, V, 1933, стр. 925.

²⁹ Ср.: G. T. Stokes. Ireland and the Celtic Church. London, 1907⁶, стр. 211 и след.

³⁰ I. Reiffenstein. Das Althochdeutsche und die irische Mission im oberdeutschen Raum. Innsbruck, 1958. — „Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft“, Sonderheft 6, стр. 21—22; W. Lettenbauer. Zur Entstehung des glagolitischen Alphabets. — „Slovo“, 3. Zagreb, 1953, стр. 45.

Другой основной чертой ирландцев, называемых Scotti в средневековых памятниках, была любовь к паломничеству, к странствованиям³¹. Горячие патриоты, ирландские монахи добровольно покидали свой родной „зеленый остров“, чтобы на чужбине обрести „второе отечество“. В качестве паломников (peregrini) ирландцы попадают в Шотландию, Исландию, во Францию, в нынешнюю Швейцарию, Германию, Австрию, Северную Италию. В многочисленных житиях ирландских просветителей — назовем хотя бы св. Галла, св. Колумбана, св. Килиана — говорится о духовном „подвиге“ этих странствующих проповедников, посвятивших себя „апостольской“ деятельности в суровой и часто враждебной среде языческих племен Средней Европы. Ирландские монахи основывают в Швейцарии и Германии первые монастыри (например, St. Gallen в Швейцарии), отдельные миссионеры переходят Рейн и доходят до славянской территории полабов и до Бранденбурга³². Интересно, что они приносят с собой культ архангела Михаила, которому посвящается множество церквей³³. Виргилий Зальцбургский был одним из ирландских паломников, нашедших „вторую родину“ в тогдашней Баварии.

На материке мы встречаем Виргилия в 743 г. при дворе мажордома Пипина Короткого, сына Карла Великого. По настоянию Пипина баварский герцог Отилон приглашает Виргилия в Зальцбург. Вместе с Виргилием в Зальцбург приходит и другой ирландец — епископ Добдагрек (Dobdagrecus)³⁴. Со временем монастырь св. Петра становится крупным центром миссионерской деятельности. На основании источников трудно сказать, посещал ли Виргилий лично славянскую территорию в Каринтии. Но среди его ближайших сотрудников в Зальцбурге находились многочисленные ирландские монахи, имена которых, в древнеирландской форме, сохранились в „Старшей книге братии“ (784 г.) монастыря св. Петра в Зальцбурге³⁵. Они и являлись проповедниками нового учения в Каринтии.

Ирландцы были первым западноевропейским народом, перешедшим в богослужении с латинского на родной язык. Они никогда не были „триязычниками“, т. е. не придерживались официального учения, согласно которому в христианском богослужении допускались только латинский, греческий и древнееврейский языки³⁶. К родному языку населения, среди которого они жили в качестве странствующих проповедников, они относились более чем терпимо. Германисты приписывают введение раннего древне немецкого языка в церковный обиход (особенно в форме древне-немецких глосс) именно деятельности ирландских монахов³⁷. Весь стиль миссионерской деятельности ирландцев отличался особым „тактом“ по отношению к местному населению. В отличие от франкского духовенства, ирландцы избегали применения насилия. Переписка между англосаксом Алкуином и преемником Виргилия епископом Арно позволяет

³¹ Ср. типичное в этом отношении изречение Валафрида Страбона (умершего в 849 г.): „De natione Scottorum quibus consuetudo peregrinandi jam poena in naturam conversa est“ (Vita St. Galli. — „Monumenta Germaniae Historica“, SS, rer. Merov. IV, стр. 336).

³² J. St a u b e r. Influences irlandaises dans la christianisation des Slaves polabes et des Polonais, Extrait de la revue « Études slaves et Est-Européennes », vol. III, fasc. 3 et 4, 1958/59, стр. 3.

³³ Там же.

³⁴ „habuit secum proprium episcopum comitantem de patria nomine Dobdagrecum“ („Conversio“, гл. 2).

³⁵ „Liber confraternitatum vetustior“. Ср. „Monumenta Germaniae, Necrologia“, II, стр. 18.

³⁶ „Но три языка оубо есть токмо избрал богъ, еврѣискъ, гречьскъ и латиньстий“ (ЖК, 15). — „И всташа иѣдци на ня, ропщюще и глаголюще яко: Не достоитъ ни которому же языку имѣти буквѣвъ своихъ, развѣ еврѣи, и грекъ и латинъ, по Пилатову писанью, еже на крестѣ господни написа“ („Повесть временныхъ лет“, 898 г.).

³⁷ I. Reiffenst ein. Указ. соч., стр. 21.

нам судить о методах ирландских миссионеров³⁸. Проповедовать „слово божье“ можно было только на языке, понятном местному населению. Ни франки, ни баварцы, ни славяне не знали ирландского или латинского языка. Ирландские монахи усваивали язык народности, с которой они соприкасались. Благоприятные условия для изучения иностранных языков были созданы еще в ирландских монастырях. Мы имеем достоверные данные, говорящие о лингвистическом таланте ирландцев. В Житии св. Галла рассказывается, как этот ирландец в Брегенце обратился к народу, праздновавшему свой языческий праздник, с речью, „так как он отличался не только изяществом своей латыни, но и знанием языка того племени“³⁹. Другой ирландец, св. Килиан, изучил франкский язык во время своего пребывания в Вюрцбурге⁴⁰. Поэтому не будет слишком смелым предполагать, что те ирландские миссионеры, которые по инициативе Виргилия отправлялись к карантанским славянам, научились славянскому языку. Можно, далее, предполагать, что и первые христианские тексты, с которыми славянские прозелиты неизбежно должны были познакомиться еще до крещения (оглашение, молитвы) и без которых религиозная жизнь была бессмыслима (наставления, исповеди), были переведены на славянский язык в первые же годы деятельности ирландских миссионеров в славянской среде, т. е. лет за 60 до появления в Моравии византийской миссии в лице Константина-философа и Мефодия с учениками (см. ниже).

Виргилий прожил в Зальдбурге 40 лет. За это время он приобрел небывалый авторитет. Скончался он 27 ноября 784 г. Церковь провозгласила его „блаженным“, позже (в 1233 г.) он был приобщен к лику святых. У себя на родине, в Ирландии, Виргилий был прозван Виргилием Землемером (*Virgilius Geometer*)⁴¹. Но еще при жизни этому незаурядно образованному и талантливому деятелю суждено было испытать последствия серьезных обвинений со стороны главы франкской церкви, архиепископа Винфрида-Бонифация, и самого римского папы.

„ALII HOMINES SUB TERRA“

За несколько лет до прихода Виргилия в Зальдбург баварская церковь была организована Бонифацием. Были созданы четыре епархии: Пассау, Регенсбург, Фрейзинг и Зальдбург. Св. Бонифаций (германское имя *Wynfrith/Wynfrid*; ум. в 754 г.), по происхождению англосакс, проводил миссионерскую работу среди фризов, позже в центральной Германии (особенно в Тюрингии). В известном смысле он является продолжателем политики Карла Великого, империя которого в значительной мере основывалась на церковной организации, центром которой стал Рим. Основной заслугой Бонифация является подчинение франкской церковной организации юрисдикции Рима. Средневековые летописцы присвоили ему прозвище „апостол немцев“.

В первые десятилетия распространения христианства у франков и баварцев низшее, рядовое духовенство на местах получало весьма поверхностное образование. В частности, простые священники очень слабо знали латынь⁴². Многие из них не понимали даже латинского текста основных

³⁸ M. K o s. „*Conversio*“, стр. 43.

³⁹ Vita St. Galli. Monumenta Germaniae Historica, SS. rer. Merov. IV, стр. 260.

⁴⁰ W. K o n e n. Die Heidenpredigt in der Germanenmission, Diss. Bonn, 1909, стр. 20.

⁴¹ Cp. H. Z i m m e r. — „*Neues Archiv für ältere deutsche Geschichtskunde*“, XVII, стр. 211; H. K r a b b o. Указ. соч., стр. 14; G. T. S t o k e s. Указ. соч., стр. 224.

⁴² Об этом свидетельствуют многочисленные элементарные ошибки в древнейших немецких переводах с латыни. Так, например, в тексте, известном под названием „*St. Galler Paternoster und Credo*“ (W. B r a u n e, K. H e l m. Althochdeutsches Lesebuch. Halle, 1942¹⁰, стр. 12) и относящемся к концу VIII в., латинское слово

христианских молитв, знание которых (на латинском языке!) требовалось от всех лиц, желающих принять новую веру⁴³. Такие малокультурные священники имелись и в зальцбургской епархии. Один из них делал элементарные грамматические ошибки в тексте формулы, произносимой при крещении⁴⁴. Архиепископ Бонифаций, узнавший об этом постыдном случае, привлёк к ответственности Виргилия и потребовал, чтобы крещения, произведенные этим малограмотным монахом, были признаны недействительными. Виргилий отклонил требование архиепископа. Это послужило непосредственным поводом для составления Бонифацием жалобы на Виргилия. В 746 г. Бонифаций пишет римскому папе Захарию. Есть основания думать, что Бонифаций руководствовался не только и не столько любовью к безукоризненной латыни: Бонифаций обвинял Виргилия и в том, что этот последний, будучи всего лишь игуменом монастыря св. Петра, фактически руководил всей зальцбургской епархией. Такая практика, введенная Виргилием в Зальцбурге по образцу ирландской церковной традиции, противоречила франкским правовым нормам. Бонифаций жалуется также на интриги Виргилия, пытающегося якобы сеять ненависть между ним и герцогом Отилоном. Но основным обвинением, имевшим цель очернить Виргилия и устранить своевольного ирландца из Зальцбурга, тем самым очистив путь к присоединению баварской церкви к франкской, является обвинение „идеологического“ порядка. Бонифаций пускает в ход опасное оружие: он обвиняет Виргилия в ереси.

О погрешениях Виргилия мы узнаем лишь косвенно. Сохранилось письмо папы Захария от 1 мая 748 г., в котором римский апостолик решительно осуждает Виргилия, если приписываемые ему поступки и изречения будут подтверждены расследованием. В письме, адресованном Бонифацию, папа Захарий говорит об „оном Виргилии“, о котором „мы не знаем, следует ли его называть пресвитером“, о попытках Виргилия „сеять ненависть“ между Бонифацием и баварским герцогом Отилоном. Далее папа касается „идеологических“ ошибок Виргилия. В письме упоминается „извращенное и вредное учение“ Виргилия, допускающее существование „другого мира“ (*alius mundus*) и даже „других людей под землею“ (*alii homines sub terra*)⁴⁵. Перед нами не лишенный из-

creatorem 'создателя' передано словом *kischaft* 'тварь' (ср. нем. *Geschöpf*). Ясно, что переводчик не различал *creatorem* и *creaturam* 'тварь'. Соответствующее место Символа веры становится бессмысленным: „(верую...) в тварь неба и земли“. Тот же переводчик не понял слов *sub Pontio Pilato* 'при понтийском Пилате' и отождествил слово *Pontio* с существительным *potentia* 'власть, сила'. В переводе получилось *in kiuaalti Pilatès* 'под властью Пилата'. Тот же переводчик не понял слова *peccatorum* в сочетании *remissio peccatorum* 'оставление грехов'. Форма *peccatorum* здесь — род. мн. существительного *peccatum* 'грех'. Переводчик толкует эту форму как род. мн. существительного *peccator* 'грешник'. Получается *urláz suntikero* 'оставление грешников'. Ср. А. В. Исаченко. — „Jazykovedný sborník“, I—II, Bratislava, 1946/47, стр. 168.

⁴³ „Пусть каждый христианин знает наизусть Символ веры и Молитву господню, — каждый возраст, каждый пол и каждое сословие (*conditio*), мужчины, женщины, юноши, старцы, дети, мальчики, замужние и незамужние девицы...“ (Постановление собора *Synodus Foroiuliensis*, 796/797 гг.; ср. „*Werminghoff*“, I, № 21, стр. 177—195).

⁴⁴ Ошибочный текст звучал так: „*Baptizo te in nomine patria (vm. patris) et filia (vm. filii) et spiritus sancti*“. Ср. Н. Краббо. Указ. соч., стр. 10.

⁴⁵ Приводим соответствующее место: „*Nam et hoc intimatum est a tua fraterna sanctitate, quod Virgilius ille, nescimus si dicatur presbyter, malignatum adversum te, pro eo quod confundebatur a te erroneum se esse a catholica doctrina, immissiones faciens Otiloni duci Baiuhariorum, ut odium inter te et illum seminaret... De perversa autem et iniqua doctrina eius, qui contra Deum et animam suam locutus est, si clarificatum fuerit ita eum confiteri, quod alius mundus, et alii homines sub terra sint...*“ — „*Monumenta Germaniae Historica. Epistolae selectae*“, I (1916), 3, 178, N 80. Ср. также Ph. Gilbert. *Le pape Zacharie et les antipodes*. — „*Revue des questions scientifiques publiées par la Société scientifique de Bruxelles*“, VI, стр. 481. Противники

вестной заостренности конфликт: святой Бонифаций обвиняет перед святым Захарием святого Виргилия — в ереси.

Наука давно уже отождествила учение Виргилия о „других людях под землею“ с античным учением об антиподах ⁴⁶. Как известно, пифагорейцы первыми выдвинули научную гипотезу о шарообразности Земли. Они учили, что наша „вселенная“ (*οἰκουμένη*) окружена со всех сторон океанами, но что по ту сторону этого пояса имеется другая „вселенная“, в которой живут совершенно иные люди — наши антиподы ⁴⁷. Установить связь с антиподами нам, людям этой вселенной, никогда не удастся ⁴⁸. Теория пифагорейцев нашла в античном мире немало приверженцев и последователей. Но со временем ее авторитет меркнет. Косьма Индикоплов относится к антиподам иронически, отдавая предпочтение „дисковой“ теории Земли.

Римляне знали о существовании гипотезы пифагорейцев, но с практической точки зрения „дисковая“ теория, ставшая *communis opinio*, вполне их удовлетворяла. Знал пифагорейцев и св. Августин. Он допускал, что Земля может быть шарообразной, но существование антиподов, т. е. „другого рода человеческого“, он решительно отвергал как учение, идущее вразрез с догматами церкви. С точки зрения христианской доктрины, нельзя допустить существование „других людей“, не происходящих прямо от Адама и Ноя. Нельзя также допустить существование людей, раз навсегда отрезанных от нашего мира поясом океанов: Христос пришел, чтобы спасти всех людей на Земле. Как же апостолы принесут антиподам „благость спасения“, если океаны являются пределом, „его же не преjdeши“? ⁴⁹

Почти забытое античное учение, идущее вразрез с догматами церкви, возобновляется только тремя средневековыми авторами. Крупнейший англо-саксонский ученый Беда решительно отстаивает и научно доказывает шарообразность Земли ⁵⁰. Беда умер в 735 г., т. е. еще до отъезда Виргилия на материк. Виргилий, известный своей ученостью, мог познакомиться с трудами Беды еще у себя на родине. Вторым автором, у которого Виргилий мог почерпнуть сведения по классической античной космологии, был Исидор Севильский (ум. в 636 г.). Правда, Исидор говорит об антиподах как о „баснословных“ существах (*antipodes fabulose inhabitare produntur*) ⁵¹.

Не исключено, что знание греческого языка и существование непрерывной античной традиции в Ирландии позволили Виргилию познакомиться с античной космологией непосредственно, т. е. по трудам одного из греческих философов. Как бы то ни было, вменяемое Виргилию в вину учение о „другом мире“ и о „других людях под землею“ явля-

Виргилия не могли до конца понять научный смысл учения об антиподах. Вот почему папа Захарий обвиняет ирландского ученого в ереси, согласно которой внутри видимого внешнего мира имеется другой мир (*alius mundus*), населенный „подземными людьми“.

⁴⁶ Ср. „Lexikon für Theologie und Kirche“. Freiburg im Breisgau, I, стр. 503; Ph. Gilbert. Указ. соч.; Н. Krabbe. Указ. соч., стр. 10.

⁴⁷ Ср. Н. Berger. *Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen*, II, стр. 134; III, стр. 113.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ „Quod vera et antipodas esse fabulantur, id est homines a contraria parte terrae, ubi sol oritur, quando occidit nobis, adversa pedibus nostris calcare vestigia, nulla ratione credendum est“ („De civitate dei“, 16, 9). Ср. E. Hoffmann. *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*, vol. 40, 2, 142.

⁵⁰ Beda. *De natura rerum*, cap. 46: *terram globo similem*. Ср. Migne. *Patrologia Latina*, 90, 264.

⁵¹ „Extra tres autem partes orbis Asia, Europa, Africa quarta pars trans oceanum interior est in meridia, quae solis ardore nobis incognita est, et in cuius finibus antipodes fabulose inhabitare produntur“ („De terra et patribus“, cap. V, 17). Ср. Migne. *Patr. Lat.* 82, 492.

ется достаточным доказательством того, что Виргилий знал античную космологию и распространял некоторые ее теории⁵².

Учение об антиподах связывалось в средневековье с именем некоего Этика Истера. Его „Космография“ — романоподобное описание света в шести книгах — имела широкое распространение⁵³. По сведениям, сообщаемым самим автором „Космографии“, книга была написана на греческом языке. Не кто иной как „отец церкви“ Иероним переработал греческий оригинал и составил на латинском языке сокращенную редакцию (*brevarium*)⁵⁴. Историческая критика, однако, обнаружила, что содержащиеся в произведении сведения являются мистификацией. В специальной литературе „Космография“ Этика Истера рассматривалась как типичный для раннего средневековья пример „подложной литературы“⁵⁵. Немецкий историк Лёве подверг тщательному анализу все источники, на которые ссылается „Космография“, и пришел к выводу, что „Космография“ написана не ранее 768 года. Утверждение автора, что книга была первоначально написана на греческом языке, не выдерживает критики. Латынь Этика изобилует типичными для эпохи Меровингов особенностями латинского языка, к тому же имеются черты ирландской орфографии. Некоторые элементы „Космографии“ также указывают прямо на Ирландию. Лёве считает, что имя Этика Истера — псевдоним. Истер (*Ister, Hister*) — это античное название Дуная, а Истрия — это страна по берегам Дуная, т. е. древняя Бавария. Итак, „Космография“ возникла, по мнению Лёве, где-то в Баварии около 768 г., причем ее автором был ирландец. Этим ирландцем и является Виргилий Зальцбургский⁵⁶.

Основной мыслью Лёве является предположение, что Виргилий, прикрываясь неоспоримым авторитетом св. Иеронима, издал произведение, в котором были собраны плоды его буйной фантазии и всевозможные несуровости. По мнению Лёве, „Космография“ — это пародия⁵⁷.

Нам кажется более вероятным, что в „Космографии“, редактирование которой автор приписывает св. Иерониму, Виргилий пытался оправдаться перед официальной церковью. Раз учение о „другом мире“ и о „других людях“ (т. е. антиподах) принимается св. Иеронимом, то и ему, Виргилию, позволительно распространять это учение.

Как бы то ни было, работа Лёве убедительно показала, что зальцбургский игумен Виргилий мог быть автором „Космографии“ и что приведенные выше обвинения архиепископа Бонифация и папы Захария имели в виду именно учение о шарообразности Земли и об антиподах.

Мы не стали бы столь подробно передавать спор между Бонифацием и Виргилием, если бы он был незначительным эпизодом. Но „дело“ Виргилия наделало в свое время много шума (недаром на родине его прозвали „Землемером“!). Отголоски „еретических“ воззрений ученого ирландца жили среди монахов зальцбургской епархии. Жили они и среди славянского населения более чем сто лет спустя после смерти зальцбургского игумена, когда солунские братья явились в Моравию и Пан-

⁵² Было высказано также предположение, что Виргилий почерпнул свои космологические воззрения от Мартиана Капеллы, произведения которого были широко распространены в ирландской школе. Ср. „Dictionary of National Biography“, XVIII, стр. 334.

⁵³ W. Lettenbauer. Zur Entstehung des glagolitischen Alphabets, — „Slovo“, 3, Zagreb, 1953, стр. 43.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Последнее издание K. Pertz. De Cosmographia Ethici libri tres. Berolini, 1853. Ср. K. Hillkowitz. Zur Kosmographie des Aethicus, Diss. Köln, 1934.

⁵⁶ H. Löwe. Ein literarischer Widersacher des Bonifatius Virgil von Salzburg und die Kosmographie des Aethicus Ister. Mainz, 1952; Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1951, Nr. 11.

⁵⁷ Там же, стр. 57, 79.

нонию, чтобы „сказать истину и разум“. Среди многочисленных христианских „учителей“, упоминаемых в послании моравского князя Ростислава к византийскому императору, были представители разных направлений и разных толков („оучаще ны различь“). Были среди них и зальцбургские миссионеры, придерживавшиеся учения св. Виргилия и распространявшие его. Недавно венский славист В. Репп показал, что в 15-й главе Жития Константина имеется место, прямо указывающее на распространенность учения об антиподах среди духовенства в середине IX в. в Моравии и Паннонии⁵⁸. Мы знаем, что представители „триязычия“, т. е. латинские и франкские (фрлжестии) архиереи с иереями и учениками оспаривали право Константина на применение славянского языка в богослужении. Но этим не ограничивались „еретические“ взгляды обвиняемых миссионеров: „но и иномоу бецинью (бесчинию) оучахоу, глаголюще: яко подъ землею живоуть чловѣци велеглави“ (ЖК, 15).

Речь идет не о каком-либо народном предании, не об остатках языческой веры, а об учении („оучахоу“!), распространяемом среди славянского населения в качестве христианской доктрины.

Трудно сомневаться в том, что „чловѣци под землею“, упоминаемые в ЖК, и „alii homines sub terra“, упоминаемые в письме папы Захария, есть не что иное, как антиподы „Космографии“ ирландского ученого Виргилия. Таким образом, можно считать доказанным, что между духовенством, работавшим в Моравии и Паннонии в середине IX в. среди славянского населения, с одной стороны, и ирландской миссией в Зальцбурге и Карантании, с другой, существовала прямая связь.

Виргилий считается „апостолом карантанцев“. Как же протекала христианизация паннонских и моравских славян после смерти Виргилия в 784 г.?

„EPISCOPI SCLAVORUM“

По словам „Обращения“ (гл. 6), Карл Великий в 796 г. посылает своего сына Пипина в „Гуннию“ (Hunia) с великим войском. „Гунния“ нашего анонима — это аварская держава. Все аварские князья (omnes eorum principes) сдаются Пипину. После изгнания аваров „словѣне“ начинают „вновь заселять“ (in-habitare) эти края. Вся территория (Нижней Паннонии) попадает под церковную юрисдикцию Зальцбурга.

Духовное управление Нижней Паннонией поручается зальцбургскому епископу Арно, преемнику Виргилия. Под Нижней Паннонией подразумевается территория, лежащая вокруг озера Балатон (circum lacum Pelissa), по ту сторону реки Храпы (Рабы) до Дравы и до впадения Дравы в Дунай (см. прим. 23, стр. 48). В обязанности епископа Арно входит забота об „учении“ (doctrina) и о службах церковных (ecclesiasticum officium)⁵⁹.

В 798 г. Карл посылает того же Арно, ставшего между тем архиепископом, в „края словѣн“ (in partes Sclavorum) с заданием „выяснить настроение народа и проповедовать слово божие“ (exquirare voluntatem populi et praedicare verbum dei; гл. 7). Арно исполняет поручение императора: он „основывает церкви, посвящает священников и, проповедуя, учит народ“ (гл. 7). Как видно, миссионерская деятельность зальцбургских монахов среди славян Карантании и Нижней Паннонии в самом

⁵⁸ F. Repp. Deutsch-slavische Kulturbeziehungen auf dem Raume Österreichs vor Kyrill und Method. — „Vorträge auf der Berliner Slavistentagung“. Berlin, 1956, 180—181; его же. Zur Erklärung von Kap. XV der Legende von Konstantin. — ZfslPh, Bd. XXIV, H. 1, стр. 114—118.

⁵⁹ Ср. „евангелие съ апостолѣмъ и избранными слоужьбами цркъвьными“ (ЖМ, 15).

конце VIII (!) в. — не исторический эпизод, а ряд целенаправленных и систематических мероприятий.

По приказанию императора Карла Арно возводит в епископский сан некоего Деодерика и в сопровождении графа Герольда отвозит его в „Словѣнию“ (in Sclaviniam). Деодерик становится, таким образом, первым известным нам по имени епископом карантанских славян и „их соседей“ (гл. 8).

Анонимный автор „Обращения“ приводит имя и второго епископа, деятельность которого была тесно связана со *словѣнами*: это некто Осбальд, прямо называемый „епископом словѣн“ (episcopus Sclavorum, гл. 9). Об Осбальде говорится, что он „управлял народом“ (regebat gentem). Начиная с 798 г., Зальцбург не оставляет больше славянское население Нижней Паннонии без „духовного пастыря“.

Мы узнаём, что 24 января 850 г. в резиденции паннонского князя Коцела Блатнограде (Mosapurc „Обращения“, Urbs paludarum латинских источников) освящается церковь богородицы. На торжественное открытие церкви приехали 32 вельможи. „Обращение“ называет их имена⁶⁰. Первые пятнадцать имен — славянские. Имя „блатѣнского князя“ Chezil или Chozil („Обращение“, гл. 13) пишется в славянских памятниках Коцель или Коцѣль. На торжественном открытии церкви присутствует и моравский князь Прибина.

Автор „Обращения“ не без тенденциозности подчеркивает, что до прихода грека Мефодия при дворе Коцела жили выдающиеся богословы. Наш источник приводит имя Сварнагала, „священника и преславнейшего доктора“ (presbyter et praeclarus doctor). После Сварнагала при дворе Коцела в качестве архипресвитера находился некто Альтфрид, о котором „Обращение“ сообщает, что он был „magister cuiusque artis“ (гл. 13). В языке IX в. „magister“ — это „учитель и наставник народа“⁶¹. Вот о таких „учителях“ и говорится в послании Ростислава к византийскому императору Михаилу: „соуть въ ны въшьли оучители мнози кръстьяни“ (ЖМ, 5). Теперь мы можем утверждать, что „оучители мнози“ нашего источника — не риторический оборот, а историческая реальность. Установлено не только присутствие таких „учителей“ при дворе Коцела, но даже известны имена некоторых из них.

„ОУЧИТЕЛЕ ... ИЗЪ ГРЬКЪ“

Смысл посольства моравского князя Ростислава к византийскому самодержцу обычно толкуется в соответствии с текстом жития Константина; в уста князя Ростислава вложены следующие слова: „людемъ нашимъ поганьства сѧ отвръгшимъ, и по христианескъ сѧ законъ дръжащимъ, оучителѧ не имамъ таковаго, иже бы ны въ свои языкъ истуюю вѣроу христианьскоую сказалъ, да быша и ины страны того зраще подобилисѧ намъ. То послѧ намъ, владыко, епископа и оучителѧ

⁶⁰ „Ibi fuerunt presentes Chezil, Unzat, Chotemir, Liutemir, Zcurben, Siliz, Wlkina, Witemir, Trebiz, Brisnuz, Zuemin, Zeska, Crimisin, Goimer, Zistilo, Amalrih, Altwart, Wellehelm, Friderecht, Scrot, Gunther, idem Gunther, Arfrid, Nidrih, Isanpero, Rato, Deotrih, item Deotrih, Madalperht, Endilbast, Waltker, Deotpald“. („Обращение“, гл. 11). Разбору славянских собственных имен посвящены следующие работы: P. J. Šafařík. Slovanské starožitnosti, II, Praha, 1963², стр. 470; Fr. Miklosich. Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen. Wien, 1860—1874; V. Jagic. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913², стр. 480—483; J. Melich. Szláv jövevényaszavanaink. Budapest, I, 1, 1903; 2, 1905, § 12; J. Stanislav. Pribinovi vel'moži. — „Linguistica Slovaca“, I/II. Bratislava, 1939/40, стр. 118—148; Fr. Grivec. Slovenski panonski velikaši. — „Glasnik Muzejskega društva za Slovenijo“, 21. Ljubljana, 1940.

⁶¹ М. Кос. Conversio, стр. 93. Ср. в ЖК (гл. 14): „оучителѧ не имамъ таковаго“, „послѧ намъ, владыко, епископа и оучителѧ таковаго“.

таковаго. Отъ васъ бо на всѣ страны вѣсегда добры законъ исходитъ“ (ЖК, гл. 14).

В достоверности приведенного сообщения можно сомневаться. Текст „посольства Ростислава“ не является, конечно, ни стенографической записью, ни выпиской из дипломатического протокола.

Можно ли предполагать, что Ростислав знал о существовании славянского богослужения в пределах Византийской державы? В одном из дошедших до нас памятников, „Успении св. Кирилла“, имеется упоминание о „книгах“, писанных „словѣнскимъ языкомъ“ еще до моравской миссии: „потомъ же шѣдъ въ брѣгалницу, и обрѣтъ отъ Словѣнскаго языка нѣколько некрещенѣ, крстивъ ихъ, приведе на православну вѣру. И написавъ имъ книги словѣнскимъ языкомъ“.

В достоверности этого места приведенного агиографического памятника также можно сомневаться, тем более что ни в Житии Константина, ни в Житии Мефодия ничего не говорится о славянских переводах Константина до появления моравских послов. Согласно ЖК, солунский философ приступил к созданию славянской азбуки и переводу евангелия лишь по инициативе Михаила⁶², желавшего угодить моравскому князю Ростиславу (и заодно обеспечить северные границы своей империи). С. Б. Бернштейн придает, правда, очень большое значение тексту „Успения“, считая, что „до обращения Ростислава к Михаилу о помощи в деле организации славянского богослужения Константин много сделал для создания славянской письменности. Возможно, что именно это обстоятельство и заставило Ростислава обратиться за помощью к Византии“⁶³. Сомневаться в существовании крещеных болгар или македонцев до официального крещения болгар в 864 г., конечно, не приходится⁶⁴. Нам представляется, однако, что сохранившиеся памятники не дают достаточного основания для того, чтобы с уверенностью говорить о существовании славянского богослужения у византийских славян до прихода моравского посольства.

Мотив „призвания учителя“, могущего проповедовать „истую веру“ на родном языке нуждающегося в духовной помощи бесхитростного населения, — это излюбленный мотив византийской агиографической литературы. Он стоит в одном ряду с мотивом „божественного откровения“ при создании нового алфавита. Такие мотивы вполне уместны и понятны в произведении, отстаивающем право на славянское богослужение, право на употребление доселе „варварского“ языка, право на нарушение священной традиции „триязычия“. Облекая эти мотивы в слова, вкладываемые в уста моравского князя, византийский агиограф создавал новые аргументы в своей полемике с „триязычниками“. Все это следует иметь в виду при интерпретации приведенного места из ЖК и из „Успения“. Несомненно, „Паннонские легенды“ содержат весьма ценные и надежные исторические сведения, относящиеся к церковно-политической и культурной обстановке в Моравии и Паннонии в момент прихода туда солунских братьев и особенно в период деятельности Кирилла и Мефодия среди славянского населения в Средней Европе. Но все же и оба жития, и „Успение“ — литературные произведения особого жанра, тенденциозные и одновременно художественные. В качестве исторического источника житийная литература может быть использована лишь постольку, поскольку сообщаемые ею сведения подтверждаются другими источниками. В случае с „людьми, живущими под землею“, достоверность этого на первый взгляд фантастического сооб-

⁶² Ср. ЖК (стр. 14): „И тогда сложи писмена и нача бесѣдоу писати евангелъскоую“.

⁶³ „Очерк сравнительной грамматики славянских языков“. М., 1961, стр. 106.

⁶⁴ A. Vaillant. La date de la conversion des Bulgares. — *RÉSl*, vol. 13, 1933, стр. 8 (отдельный оттиск).

щения была установлена сопоставлением с письмом папы Захария. Но мотив призвания именно славянского вероучителя, мотив, которому так повезло в славяноведческой литературе, должен быть признан антиисторическим и относящимся к чисто житийным приемам нашего памятника.

Мотив призвания учителя из страны, блюдущей „истую веру“, разбивается в словах, опять-таки приписываемых Ростиславу: „чтобы и иные страны при виде этого (т. е. богослужения на родном языке) взяли с нас пример“. Можно ли предполагать, что Ростислав, воспитанный в традициях „римского учения“, заранее знал, что славянское богослужение, которого в ту пору, по-видимому, еще и не существовало, будет иметь в его княжестве такой успех? Можно ли предположить, что отправляя своих послов к Михаилу, Ростислав уже имел амбицию стать в отношении богослужения на родном языке примером и образцом для других стран? И, наконец, уже совсем неприкрытый византийский (а не моравский!) патриотизм звучит в словах: „Ибо от вас (т. е. от византийцев) на все стороны и всегда исходит добрый закон“. Нет, это не слова Ростислава, а слова византийского агиографа! Придется, по-видимому, отказаться от легенды при изложении мотивов, побудивших Ростислава обратиться к царю Михаилу, и излагать их в свете более критического толкования наших памятников.

В совершенно ином плане рассказывается о послании Ростислава к царю Михаилу в Житии Мефодия. Моравский князь недоволен присутствием в его государстве иноплемennого духовенства, распространяющего противоречивые доктрины о христианской вере. Сам князь и его единоплеменники словѣне не могут-де разобраться в сложных богословских вопросах. И вот князь просит прислать такого человека, который мог бы „исправить всяку правду“. И здесь дело не обошлось без агиографического мотива „призвания учителя“ — мудрого судьи, могущего разобраться в богословских спорах иноплемennых „учителей“ разных толков и направлений. Основной политический мотив послания Ростислава и здесь, разумеется, скрыт. Но текст Жития Мефодия подтверждается другими источниками. Мы не имеем основания сомневаться в том, что в Паннонии и в Моравии действительно распространялось учение об антиподах, идущее вразрез с учением церкви; мы достаточно знаем, что при дворе князя Коцела жили и работали „учители“ (*magistri*). Но нас здесь в первую очередь интересует национальность миссионеров, на которых Ростислав, по словам Жития, жалуется византийскому императору.

Упоминание учителей „из Нѣмьць“ не вызывает никаких сомнений. Это те „Нѣмьцьскыи попы“, которые недоброжелательно относились к моравлянам („не пияюще имѣ“), которые интриговали против них („ковѣ коующе на нѣ“) и которые были, наконец, изгнаны из Моравии („изгнана вѣсѣ; ЖМ, 10). Учители „из Нѣмьць“ — это упоминаемые в ЖК 15 франкские архиереи с иереями и учениками, направляемые к паннонским и моравским славянам из Зальцбурга, а также из других баварских епархий. Мы знаем, например, что зальцбургский архиепископ Адальвин проводит праздник рождества 864 г. у Коцела в Блатнограде⁶⁵.

Баварская миссия оставила в языке моравских и паннонских, а также карантанских славян глубокие следы⁶⁶. Мы знаем, что целые тексты,

⁶⁵ Ср. „Anno igitur DCCCLXV venerabilis archiepiscopus Iuvavensium Adalwinus nativitatem Christi celebravit in castro Chezilonis noviter Mosapure vocato. . . sequentique die in proprietate Wittmaris dedicavit ecclesiam in honore sancti Stephani protomartyris“ („Обращение“, гл. 13).

⁶⁶ О влиянии баварской миссии на язык карантанских и моравских славян имеется богатая литература: Fr. Miklosich. Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. — „Denkschriften der Akademie der Wissenschaften“, phil.-hist.

сохранившиеся в разных списках, были переведены на славянский язык прямо с древненемецкого (древнебаварского). Это, в первую очередь, две исповеди, записанные во Фрейзингенских листах (Фр. I и Фр. III), а также перевод баварской исповеди в Синайском требнике: В. Вондрак в свое время доказал зависимость этих славянских текстов от текста древнейшей баварской исповеди⁶⁷. Автор этих строк попытался реконструировать древненемецкий текст предполагаемых оригиналов⁶⁸. Христианская терминология, сохранившаяся в памятниках „моравского“ происхождения, изобилует прямыми заимствованиями из древневерхненемецкого, а также целым рядом калек. К прямым заимствованиям из древневерхненемецкого относятся, например, такие слова как *всѣхъдѣ* 'причастие' (Киев. листы; ЖМ *всѣхъдѣ*) из др.-в.-нем. *wizzōd* 'причастие'⁶⁹. В ряде случаев древневерхненемецкий был лишь языком-посредником: многочисленные христианские термины попадали из латыни в язык моравских и паннонских славян через языковой фильтр немецкого (ср. *papežь* 'папа римский' — др.-в.-нем. *babes*)⁷⁰. Наиболее интересными являются славянские кальки с древненемецкого, например, *zakonъnikъ* в значении 'священник' (из др.-в.-нем. *ēuwart* 'священник', ср. др.-в.-нем. *ē*, *ēo* 'закон')⁷¹, *svѣlъ* (Фр. I *zelot*, Фр. III *zil*) 'апостол' из др.-в.-нем. *boto* 'апостол' (ср. нем. *Bote*). Автор этих строк объяснил слова *въз-маъъство* и *въз-маъъство*, встречающиеся во Фрейзингенских листах и обозначающие один из „смертных грехов“, как кальки с др.-в.-нем. *bismarunga*, *bismarida* в значении 'богохульство'⁷². Этот пример особенно важен потому, что глагол *bi-smēron* (ср. нем. *schmieren* 'мазать, обмазывать') встречается в значении 'смеяться, высмеивать кого-либо' только в баварских говорах⁷³. Таким образом, подтверждается прямая зависимость древнейшей западнославянской и словенской христианской терминологии от баварской миссии. Целые пассажи являются дословным переводом

Klasse. Wien, 1878, XXIV; E. Schwarz. Bemerkungen zur slavischen Lehnwortkunde. — AfslPh, Bd 40, стр. 284; A. Mayer. Die deutschen Lehnwörter im Tschechischen. Liberec, 1927; R. Rudolf. Die Bayermission und die deutschen Lehnwörter in der slowakischen Kirchenterminologie. — ZfslPh, Bd. XVIII, 1942, стр. 257; A. Frinta. Náboženské názvosloví československé. Praha, 1918; A. Boháč. Vliv romanštiny na slovanskou terminologii církevnou. — „Listy filologické“, roč. 35, стр. 369, 432.

⁶⁷ V. Vondrák. Althochdeutsche Beichtformeln im Altkirchenslavischen und in den Freisinger Denkmälern. — AfslPh, Bd. 16, стр. 118 и сл.; его же. Althochdeutsches in den slavischen Freisinger Denkmälern. — „Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur“, 22, 1897, стр. 203 и сл.; его же. Zur Würdigung der altslovenischen Wenzelslegende und der Legende vom heil. Prokop. — „Sitzungsberichte der philos.-hist. Klasse der Kais. Akademie der Wissenschaften“. Wien, 1892, CXXVII; его же. Frizinské památky, jich vznik a význam v slovenském písemnictví. Praha, 1896.

⁶⁸ Ср. A. V. Isačenko. Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok. Bratislava, 1943, стр. 18—22. его же. Začiatky vzdelanosti vo Veľkomoravskej ríši, Turč. Martin, 1948, стр. 80 и сл.; его же. Die althochdeutschen Beichten und ihre altslavische Übersetzung. — ZfslPh, Bd. XVIII, стр. 283 и сл.

⁶⁹ Ср. R. Nahtigal. Starocerkovnoslovanske študije. — „Razprave Znanstvenega društva v Ljubljani“, 15, 1936.

⁷⁰ J. Janko. Zás jednou o českých výrazech mnich, biskup a papež. — „Slovenské studie (Vajšiv sborník)“. Praha, 1948, стр. 185—188.

⁷¹ „Но мы должны сознаться, что до сих пор нам не удалось найти ни одного церковно-славянского текста, переведенного с греческого, в языке которого соединялись бы такие типичные слова, как *законникъ* 'священник', *рѣчь* 'дело', *плѣкъ* 'народ', *рачити* 'соблаговолять', *утѣгнути* 'удостоиться' (А. И. Соболевский. Церковно-славянские тексты моравского происхождения. Варшава, 1900, стр. 16).

⁷² Существительное *bismarunga* встречается в переводе евангелия у Татиана (Мт. 7.9 и Мк. 7.22) в качестве эквивалента латинского (греческого) *blasphemia*. Это объяснение было предложено автором в книге „Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok“. Bratislava, 1943, стр. 14—17.

⁷³ Ср. Fr. Kluge, A. Götze. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin und Leipzig, 1943^{12—13}, стр. 531.

древненемецких текстов. Приведем хотя бы текст „отречения от дьявола“ в формуле крещения:

Фр. III	Вессобруннский Символ Веры
Jaz ze zaglagolo zlodeiu. I uzem iego delom, I uzem iego lepocam ⁷⁴	Ih intsago mih demo tiufeli unde allen sînen uuerchen unde allen sînen zierden

В ряде случаев сохранившиеся варианты обнаруживают разную степень самостоятельности перевода:

Древнебаварская молитва I	Синайский требник	Фр. I
enti daz ih in desaro uueralti. . . harmscara hapan môzi	да азъ (. . .) на семь свѣтъ. . . покаяние имѣти можъ	i da bim na sem svete. . . pokazen vze ⁷⁵

Текст Синайского требника переводит немецкий оригинал слово в слово (да азъ. . . имѣти можъ), в то время как текст Фр. I заменяет немецкую конструкцию с модальным глаголом славянским построением с сослагательным наклонением (да бимъ. . . възаль).

Присутствие и деятельность учителей „из Нѣмьць“ на территории Великоморавского княжества подтверждается не только целым рядом исторических памятников, но и языковым материалом.

Об упоминаемых в ЖМ миссионерах „из Влахъ“ мы почти ничего не знаем. Конечно, связь между баварскими епархиями и Италией существовала. Мы, например, знаем, что зальцбургский ерхиепископ Арно, преемник Виргилия, в 798 г. ездил в Рим и был принят папой Львом ⁷⁶.

Может быть, „латиньстии архиерѣи с иерѣи“, упоминаемые в ЖК 15, являются „влашскими“, т. е. итальянскими клириками. Но прилагательное „латинский“ в средневековых памятниках не имеет значения этнонима. В славянских источниках „латинскими“ называются обычно приерженцы богослужения на латинском языке.

Правда, часть альпийских славян, предков нынешних словенцев в самой Словении и в приморских областях, была подчинена северо-итальянской епархии в Аквилее, пределы которой на севере доходили до Дравы ⁷⁷. В язык альпийских славян, бесспорно, проникали романские словарные элементы. Однако наличие в древнейшем словенском языке романских элементов, относящихся именно к церковной терминологии, спорно. В 1930 г. чешский романист К. Титц выдвинул теорию, согласно которой многочисленные христианские термины древнейшей эпохи у западных славян являются „северноитальянскими“ словами, попавшими сперва на территорию словенцев, а затем проникшими через Эмону (Люблян) и Хелье в южную Паннонию, а оттуда в Моравию ⁷⁸. К таким словам К. Титц относил чеш. *mnich* 'монах', *biscup* 'епископ' и др. Аргументация К. Титца очень сложна. По его мнению, латинское слово *mónachus* (из греч. *μόναχος*) дало на севере Италии сперва **moni(m)* (с переносом ударения) и в этой форме вошло в немецкий язык. В романском это слово далее дало **munígu* и было воспринято славянами в форме **mъnigъ*. Засвидетельствованная форма *mnich* является результатом „скрещения“ незасвидетельствованной формы **mъnigъ*.

⁷⁴ Слово *lepocam* следует читать как *lěpok'am*, где *k'* является рефлексом группы **tj*. Это слово передает лат. *potpae* 'великолепие'.

⁷⁵ Др.-в.-нем. глагол *haben* (др.-бавар. *hapan*) обозначает не только 'иметь', но и 'взять, брать' (ср. лат. *capere*). Переводчик Фр. I передал смысл др.-в.-нем. текста лучше, чем переводчик исповеди, включенной в Синайский требник.

⁷⁶ Ср. „Interim contigit anno videlicet nativitatis domini DCCXCVIII Arnonem iam archiepiscopum a Leone papa accepto pallio remeando do Roma venisse ultra Padum. . .“ („Обращение“, гл. 8).

⁷⁷ F. Ramovš. *Kratka zgodovina slovenskega jezika*. Ljubljana, 1936, стр. 7.

⁷⁸ K. Titz. *Nejstarší vrstva českých slov církevných a kulturních*. — „Slavia“, roč. IX, 1930/31, стр. 19—35.

с официальным церковным словом *monachus*⁷⁹. Введение в аргументацию нескольких неизвестных (т. е. целого ряда форм „со звездочкой“) лишает трактовку чешского романиста убедительности. Й. Янко показал, что слова типа *mnich*, *biskup* и *papež* могут быть гораздо проще объяснены из немецкого⁸⁰. Влияние „северноитальянских“ говоров на древнейшую церковную терминологию западных славян во всяком случае было К. Титцем крайне преувеличено. При трезвом подходе к делу в настоящее время можно считать вероятным лишь итальянское (романское) происхождение слов *Pum* (слав. *Řim*, чеш. *Řim*, польск. *Rzym*, с.-хорв. и словен. *Rim*) и слав. *križ* (чеш. *kříž*, польск. *krzyż*, с.-хорв. и словен. *križ*). Слово *Pum* могло быть заимствовано славянским населением адриатического побережья в форме **rāmu* (с переходом долгого закрытого *ō* в *ū*). Долгое *ū* давало в славянском долгое *ŭ* (**rŭmu*). Как известно, в западной ветви южнославянских языков (сербско-хорватский и словенский) фонемы *y* и *i* совпали⁸¹. Наше слово попало к западным славянам уже в форме **rīmu*, откуда чеш. *Řim* и польск. *Rzym*. Название ‘креста’ связывается с романской формой **kriđzi* (из народно-лат. *crucem*). При заимствовании эта форма дает в словенском **krŭži*. К западным славянам слово переходит уже в форме *križi*, т. е. после совпадения старого *y* с *i*. Отсюда чеш. *kříž*, польск. *krzyż*⁸². Надо признаться, что и приведенные этимологии оперируют с целым рядом предполагаемых и незасвидетельствованных форм. История миграций приведенных слов может быть представлена и в другом, не менее гипотетическом освещении. Как бы то ни было, присутствие в Моравии и Паннии миссионеров „из Влах“, т. е. лиц, говорящих на одном из романских наречий, представляется вполне вероятным при учете общих культурных и церковных отношений, сложившихся в IX в. в Средней Европе.

Остается открытым вопрос: кого имел в виду автор Жития Мефодия, приводя среди многочисленных миссионеров, действовавших в Моравии и Паннии, также „оучители... из Грькь“? Насколько нам известно, этот вопрос в литературе не затрагивался. Источники, написанные на латинском языке, не дают никаких справок о присутствии греческих (византийских) миссионеров в Средней Европе до прихода Кирилла и Мефодия. Нам неизвестны византийские источники, в которых говорилось бы о миссионерской деятельности греков в Средней Европе до начала солунской миссии.

В том древнейшем культурном языке предков нынешних словаков и словенцев, который мы можем до некоторой степени восстановить для докирилловской эпохи, нет ни малейших следов греческого влияния. Наоборот, греческие элементы, вошедшие в латинскую христианскую терминологию, заменяются довольно своеобразными славянскими кальками. Так, например, греческое слово ἄγγελος, вошедшее в латинскую христианскую терминологию, передается в Фрейзингенской исповеди (Фр. I) славянским словом *krilatec*; греческое слово ἀπόστολος, вошедшее в латинскую христианскую терминологию, передается словом *sъlvъ*, т. е. ‘(по-)сол’, явно скалькированным с др.-в.-нем. *boto*. Слово ἐπίσκοπος (лат. *episcopus*) попадает в западнославянские языки не в греческой, а в древнебаварской огласовке⁸³. Нет ни единого слова, восходящего

⁷⁹ K. Titz. Указ. соч., стр. 26.

⁸⁰ J. Jancko. Указ. соч.

⁸¹ По свидетельству Фрейзингенских листов, произношение *ŭ* дольше всего сохранялось в положении после губных (ср. написания *mui* ‘мы’, *buiti* ‘быти’ при *zin* ‘сын’).

⁸² Ср. Charles E. Bidwell. The Chronology of Certain Sound Changes in Common Slavic as Evidenced by Loans from Vulgar Latin. — „Word“, 17, 2, Aug. 1961, стр. 120.

⁸³ J. Jancko. Указ. соч., стр. 184—185.

прямо к греческому оригиналу. Ведь как раз отсутствие греческих элементов рассматривается обычно как характерная черта памятников „моравского“ происхождения.

Обращение Ростислава к Михаилу было бы бессмысленным, если предположить, что на территории его княжества действительно уже находились „греческие“ учителя. Ведь по словам Жития Мефодия, эти учителя распространяли еретические взгляды и доктрины. Почему же Ростислав снова обратился в Грецию с просьбой навести порядки и решить споры в рядах иноязычного духовенства, среди которого находились и „греки“?

Упоминание учителей „из Грькъ“ объясняется иначе. Следует знать, что „греками“ (Graeci) в средневековье назывались... ирландцы. Это неудивительно: ирландцы владели греческим языком и уже тем самым отличались от „латинского“ духовенства, не получившего такой подготовки. В мозгу средневекового грамотея Греция связывалась с представлением о мудрецах и философах. Приведем цитату из прекрасной работы Р. Деролеза „*Runica Manuscripta*“ (Brügge, 1954, стр. 160): «Даже если мы больше принимаем на веру, что тот, кто говорит „греки“, говорит „ирландцы“ (Scotti), все же остается фактом, что ирландская диаспора сыграла важную роль в деле распространения греческой мудрости (Greek lore)... Кто говорит „греки“ — имеет в виду ирландцев: это общее место медиэвистики».

Здесь нет надобности приводить многочисленные случаи замены этнонимов Scotti/Graeci в хрониках, житиях, в эпистолярной литературе на латинском языке. Наглядный пример имеется в нашем основном источнике, в „Обращении баварцев и хорутан“. Напомним, что в сопровождении Virgilius в Зальцбург приходит и его соотечественник, епископ Добдагрек (Dobdagrecus; гл. 2). Этот ирландский деятель нам хорошо известен из целого ряда других источников. Его имя — Добда, Додо (ирл. Tuti). Из Зальцбурга он попадает в один из монастырей, построенных на островах озера Chiemsee и организует там первую в Баварии монастырскую школу⁸⁴.

Написание имени Dobdagrecus следует читать как Dobda Graecus, т. е. „Добда-грек“. Историки не оставляют ни малейшего сомнения относительно ирландской национальности Добды.

Ввиду всего сказанного предлагаем интерпретировать уже много раз цитированное место ЖМ „оучители мнози крстьяни... из Грькъ“ как прямое указание на присутствие ирландских вероучителей на территории Моравии и Паннонии накануне прихода византийцев. Такое предположение находится в полном соответствии с тем, что нам уже известно: учение ирландца Virgilius об антиподах, упоминаемое в ЖК, могло быть распространяемо в княжестве Ростислава именно соотечественниками зальцбургского деятеля.

Подчеркиваем: наша аргументация отнюдь не строится исключительно на предположении, что именно в момент прихода византийской миссии в Моравии и Паннонии еще жили ирландские миссионеры. Но возможность присутствия ирландских монахов на территории Велико-моравского княжества не может быть исключена. Во всяком случае, мы не располагаем надежными данными, позволяющими нам предполагать присутствие в Моравии и Паннонии греческих миссионеров до прихода солунской миссии⁸⁵.

⁸⁴ Ср.: Lexikon für Theologie und Kirche, III, 1931, стр. 352. В том же баварском монастыре воспитывался молодой карантанский князь Хотимир.

⁸⁵ Многочисленные раскопки открыли на территории Моравии памятники византийской культуры. Но датировка этих находок не может быть настолько точной, чтобы позволить их отнести не ко второй, а к первой половине IX в.

В Житии св. Людмилы (ум. 921), жены первого чешского христианского князя Боривоя (ум. 891?), мы читаем, что их сын Вратислав женился на Драгомире, княжне, происходившей из славянского племени „стодоран“. Стодоране называются также Hevelli, Heveldi, Navolani. Они жили на берегах реки Гавеля (Havel), притока Эльбы. После убийства ее матери в Тетине, Людмила основывает в Тетине же монастырь „в честь архангела Михаила“. В ирландских общинах на материке, основанных на речных островах, аскетический образ жизни почти всегда был связан с культом архангела⁸⁶. В Житии ирландского святого Брендана (ум. в 577 или 588 г.) архангел Михаил играет важную роль как хранитель и вождь душ человеческих⁸⁷. Распространение культа архангела Михаила ирландскими миссионерами можно проследить в Рейнской области. В 721 г. в Хонау (Honaу) основывается монастырь, носящий имя архангела Михаила. В Ирландии почитание архангела Михаила входит в монастырский быт: авторитет архангела не уступает авторитету богородицы⁸⁸. Мы знаем, что в эпоху Каролингов в Зальцбурге стояла церковь архангела Михаила⁸⁹. М. Кос сообщает, что многие монастыри на территории древней Баварии носили это имя⁹⁰. И здесь культ архангела, по-видимому, связан с ирландскими традициями.

В 13-й главе „Обращения“ рассказывается о том, как 1 января 865 г. (т. е. уже после прихода Константина и Мефодия) архиепископ Адальвин зальцбургский при своем посещении князя Коцела в Блатограде (Mosapurc) освятил церковь „в честь святого Михаила архангела“ в местности, называемой Ортак или Ортах (ad Ortahu)⁹¹. Следовательно, введенное ирландцами почитание архангела Михаила не забыто. Традиция эта держится еще в середине IX в. на территории паннонских славян.

Следы культа архангела Михаила сохранились и в Фрейзингенских листах. Этот памятник, представляющий собою первый славянский текст, написанный латинским алфавитом, содержит две исповеди, а также проповедь, призывающую к покаянию (Фр. II). Называть этот памятник Фрейзингенскими „отрывками“ нет никакого основания. В обеих исповедах использованы тексты, возникшие задолго до прихода солунских братьев в Моравию и Паннонию. Вторая исповедь (Фр. III) содержит такие архаичные тексты, как „Оглашение“ и краткое „Верую“ в той форме, в какой эти тексты сохранились в наиболее архаичных христианских древневерхненемецких рукописях. „Оглашение“ и краткое „Верую“ — это вообще первые тексты, с которыми знакомится прозелит перед крещением⁹². Текст исповедей Фр. I и Фр. III имеет параллель

⁸⁶ Jean Stauber. Influences irlandaises dans la christianisation des Slaves polabes et des Polonais. — „Etudes Slaves et Est-Européennes“, vol. III, fasc. 3 et 4, 1958/59, стр. 9.

⁸⁷ Там же, стр. 8.

⁸⁸ J. Stauber приводит перевод отрывка из записок о повседневной жизни ирландского монастыря, типичного для IX в. В тексте упоминается Мелдитруиб, „старец“ монастыря Мелруайн: „Теперь Мелдитруиб поет между каждыми двумя псалмами из ста пятидесяти: „Святой Михаил, молись за нас, святая Мария, молись за нас...“ Он поет Гимн Михаилу перед сном и Гимн Марии по утруам...“ и т. д. (I. Stauber. Указ. соч., стр. 22).

⁸⁹ „Monumenta Germaniae, Poetae litini“, I, стр. 307—308.

⁹⁰ M. Kos. — „Conversio“, стр. 98.

⁹¹ „Die vero Kalendis Ianuariis ad Ortahu consecravimus ecclesiam in honore sancti Michaelis archangeli in proprietate Chezilonis“ („Обращение“, гл. 13).

⁹² Ср.: „И пусть никто не посмеет принять кого-либо из святого источника крещения прежде, чем тот прочтет (recitaret) в вашем присутствии или в присутствии ваших помощников святого ордена молитву господню и символ веры“. — „Karoli Magni ad Chaerbaldu episcopum Leodiensem epistola“ (803—810). Ср. A. Bore-

молитве-исповеди, вошедшей в глаголический Синайский требник⁹³.

Вопрос о том, были ли исповеди („формулы исповедей“), вошедшие в Фрейзингенскую рукопись, образцами „публичных“ или „общих“ исповедей, практиковавшихся на Западе в IX и X вв., или же образцами „частной“ („тайной“) исповеди, т. е. текстом, произносимым исповедующимся перед духовником, не решен до конца. Обращение Фр. I („Глаголите по нас рѣдка словеса“) говорит скорее в пользу „публичной“ исповеди. Следует, однако, иметь в виду, что весь западный „чин“ исповедей берет свое начало в Ирландии. Ирландские (и англосаксонские) „Книги покаяния“ (*Libri poenitentiales*), в частности *poenitentiale Finniانا* и *Колумбана*, стали образцами текстов, употребляемых при таинстве исповеди во всех западных странах, включая сюда и сам Рим⁹⁴. Совершенно ясно, что покуда на Западе соблюдалось „триязычие“, т. е. практически, кроме латыни, не допускался ни один язык, исповедь мирян была невозможна. Для этого надо было создать на родном языке населения определенную терминологию, список грехов больших и малых, основные понятия о христианских добродетелях и т. п. Первые древненемецкие исповеди возникли при содействии ирландских монахов. Первые славянские исповеди, отрывки которых сохранились в Фрейзингенских листах, были отредактированы не без участия ирландцев.

Приведем начало первой исповеди (Фр. I, 2—3):

Графика оригинала	Транслитерация кириллицей
Bose gozpodi miloztiuvi. otze bōse. tebe izpovede vuez moi greh. I suetemu crestu. I zuetei marii. I zuetemu michaelu.	Боже господи милости. отче боже. тебѣ исповѣдъ вес мои грѣх. И светему кресту. И светеи Марии. И светему Михаелу.

Во второй исповеди (Фр. III, 11—15) имеется аналогичное место:

Tose izco iega milozti. Isce mariae. Isce michahela. Isce petra.	Тоже иск'о (ищу) ега милости. И sanctae Mariae. И sancti Michaela. И sancti Петра.
--	--

Упоминание архангела Михаила непосредственно после богородицы свидетельствует о распространении культа этого святого в той среде, в которой возникли Фрейзингенские листы и их образцы. Конечно, культ архангела Михаила был широко распространен в средневековье, причем не только в сфере действия ирландской миссии, но и в Италии, и во Франции. Само по себе упоминание архангела Михаила в нашем тексте не может считаться доказательством наличия ирландской традиции среди славян Паннонии и Моравии. Но на фоне исследований Ж. Штаубера, а также в общем контексте эти факты приобретают известную значимость.

tius. *Capitularia regum Francorum*, I, № 122, стр. 241: „Символ веры и молитву господню все обязаны выучить. И если кто их сейчас не знает наизусть, то пусть он будет бит (*varulet*) или воздержится от всякой еды, кроме воды, покуда он не будет полностью в состоянии [прочесть эти молитвы]. . . Женщины же пусть принуждаются бичами или постами“. А. Boretius. I, № 130, стр. 257 (около 813 г.): „Пусть никто не принимает из священной купели ребенка или кого другого из язычников прежде, чем тот прочтет (*reddat*) своему священнику символ веры и молитву господню“. А. Boretius. I, № 38, стр. 109—111 (801 г.): „Пусть миряне (*laici*) полностью выучивают символ веры и молитву господню“. А. Boretius. I, № 60, стр. 146 („*Capitulae Missorum*“, 801—813).

⁹³ Глаголический Синайский требник. л. 72а—73а. Ср. R. Nahtigal. *Euchologium Sinaiticum*, II. Ljubljana, 1942, стр. 208—216.

⁹⁴ I. Reiffenstein. *Das Althochdeutsche und die irische Mission im oberdeutschen Raum*. Innsbruck, 1958, срп. 41.

Наличие многочисленных германизмов в древнейшей моравской и словенской христианской терминологии бесспорно. Но наряду с германизмами (прямыми заимствованиями и кальками с древненемецкого) в культурном слое славянских языков Центральной Европы имеются также довольно многочисленные латинские элементы. В данном контексте, однако, интересны не столько прямые заимствования из средневековой латыни, сколько славянские кальки с латинского языка. Прямые заимствования малопоказательны: они могли проникнуть к славянам через „языковой фильтр“ немецкого духовенства (ср. *тъшѣ* 'месса, литургия' из лат. *missa*, но с типичным древненемецким „шепелявым“ произношением сибиллянта: форма *мышѣ* засвидетельствована, например, в Киевских листах). С другой стороны, наличие калек свидетельствует о переводческой деятельности, исходящей прямо из латинского оригинала, без немецкого языкового посредничества, особенно в том случае, если между латинским и соответствующим немецким словом можно установить разницу во „внутренней форме“.

Латинский пласт христианской лексики у славян Центральной Европы старше немецкого пласта⁹⁵. В рамках настоящей статьи мы не имеем возможности привести сколько-нибудь полный список латинизмов в культурном языке средневропейских славян докирилловской эпохи. Остановимся лишь на двух-трех типичных случаях.

У всех славян Средней Европы, находившихся уже в IX в. в сфере влияния римской церкви, постоянным эпитетом господина бога является слово *всьеомогыи* и его варианты, ср. *всьеомогыи* в Синайском требнике 72а, чеш. *všetohoucí*, слов. *všetohŭcí*, словен. *vsemogoč*, хорв. *usemogući*. Это слово неоднократно засвидетельствовано в целом ряде „моравских памятников“⁹⁶. В старославянских переводах с греческого оно не встречается, так как в греческом языке соответствующим эпитетом было существительное *παντοκράτωρ*, передаваемое всегда лишь словом *всьедръжителъ*.

Слово *пантократор* в евангельских текстах не встречается; оно засвидетельствовано только во втором Послании к Коринфянам 6, 10: *κύριος παντοκράτωρ* (Vulgata: *dominus omnipotens*). Зато оно встречается в „Символе веры“. Мы уже знаем, что на Западе „Символ веры“ относился к тому минимуму текстов, знание которых безоговорочно требовалось от каждого христианина, в том числе от каждого прозелита еще до самого акта крещения. Сохранились древненемецкие тексты, содержащие вопросы священника и ответы оглашенного при обряде крещения (публичном):

„Веруешь ли в бога отца всемогущего?“

„Верую“.

„Веруешь ли в Христа сына божья спасителя?“

„Верую“.

„Веруешь ли в святого духа?“

„Верую“.

„Веруешь ли в единого бога, всемогущего в троиственности и в единстве?“

„Верую“ и т. д.⁹⁷

⁹⁵ Ср. А. V. Isačenko. *Začiatky vzdelenosti vo Velkomoravskej ríši*. Turč. Martin, 1948, стр. 107.

⁹⁶ А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 3.

⁹⁷ Приводим др.-в.-нем. текст древнейшего оглашения (Fränkisches Taufgelöbniß):

Gilaubistū in got fater almahtigan? Ih gilaubu.

Gilaubistū in Christ gotes sun nerienton? Ih gilaubu.

Gilaubistū in heilagan geist? Ih gilaubu.

Gilaubistū einan got almahtigan in thrīnisse inti in einisse?

Ih gilaubu...

Ср. W. Braune — K. Helm. *Althochdeutsches Lesebuch*. Halle, 1942, стр. 36. Другие варианты приводятся на стр. 138—139.

Текст „Оглашения“ и текст „Символа веры“, отчасти использованный в „Оглашении“⁹⁸, можно без колебаний считать древнейшими христианскими текстами, с которыми прозелит встречался до своего крещения и которые он должен был знать наизусть. Первые члены „Символа веры“ (вошедшие и в текст „Оглашения“) сохранились в славянских Фрейзингенских листах:

Фр. III, 4—11

Tose uuerui ubog usemogoki
Iu iega sin; I u zuueti duh.
Data tri imena. edin bog
gozpod zuueti. ise zuori
nebo. Izemlo.

Транслитерация

Тоже въруу в бог всемог'и
И в ега син; И в свети дух.
Да та три имена един бог
господ свети, иже с(т)вори
небо. И земл'о.

Форма *usemogoki*, а также приведенные выше формы чешского, словацкого, словенского и хорватского языков могут быть объяснены только как кальки с латинского *omnipotens*. „Внутренняя форма“ латинского причастия наст. вр. передана соответствующей партиципальной формой типа **všemogy—*všemogotja*. Немецкий язык не мог послужить источником данного слова: в древненемецком *omnipotens* переводится всегда исключительно словом *almah̄tig*⁹⁹ (ср. совр. нем. *allmächtig*). Славянская причастная форма *všemogy* не может быть, следовательно, калькой с древненемецкого прилагательного. В чешском языке имеется прилагательное *netomný* ‘больной’, являющееся калькой др.-в.-нем. *unmah̄tig* ‘больной’, что восходит, в свою очередь, к лат. *infirmus* ‘больной’. Если бы образцом разбираемого нами эпитета было др.-в.-нем. слово *almah̄tig*, то мы имели бы слова типа чеш. *všetomný*¹⁰⁰. Прилагательное этого типа действительно имеется в языке тех западных славян, к которым христианство проникло позже; ср. в.-луж. *wšehomócný*, н.-луж. *wšogotomny*, польск. *wszemócný*.

На Западе, на территории франкской империи, латинский язык первоначально употреблялся не только в богослужении, но и в религиозном обиходе мирян. Лишь в самом начале IX в. франкская церковь проводит известную „демократизацию“: согласно постановлениям западных соборов, в молитвах, наряду с латинским, начинает допускаться и родной („варварский“) язык¹⁰¹. По-видимому, среди франкского ду-

⁹⁸ Следует иметь в виду, что на Западе существовали две редакции „Символа веры“: полный текст „никийско-цареградского“ „Символа веры“ предназначался лишь для духовенства (он долго не переводился на народные языки); для мирян же была предназначена сокращенная редакция „Символа“ (имеющая по сравнению с „никийско-цареградской“ редакцией некоторые существенные отклонения, например упоминание „чистилища“). Эта сокращенная редакция (так называемое „Афанасиевское Верую“) лишена схоластически-богословских изощренностей „никийско-цареградской“ редакции и поэтому считалась (и считается до сих пор) более доступной народу. „Афанасиевское Верую“ и является тем текстом, который подразумевается под текстом „Символа веры“ в VIII—IX вв. Но и этот упрощенный текст на первых порах не требовался от прозелитов целиком. Священники довольствовались знанием семи основных членов „Символа“: о боге отце, о Христе, о духе святом, о троице, о святой церкви, об отпущении грехов и о посмертной жизни. В сфере влияния восточной церкви „Афанасиевское Верую“ не получило распространения.

⁹⁹ „da omnipotens immer und ausschließlich durch almah̄tig wiedergegeben wurde“. I. Reiffenstein. Указ. соч., стр. 35.

¹⁰⁰ Прилагательное *všetomný* действительно существует в чешском языке в значении ‘обладающий неограниченной властью’, но не употребляется в качестве постоянного эпитета господ бога.

¹⁰¹ „Secundo iubendum, ut oratio dominica in qua omnia necessaria humanae vitae comprehenduntur et symbolum apostolorum in quo fides catholica ex integro comprehenditur ab omnibus discatur tam latine quam barbarice, ut quod ore profitentur cord credatur et intellegatur“. — „Haitonis episcopi Basileensis Capitula ecclesiastica“ (807—823); A. Boretius. № 177, стр. 362—366; „De symbolo et oratione dominica. Symbolum, quod est signaculum fidei, et orationem dominicam discere sem-

ховенства были особо ревностные приверженцы „триязычия“, не соглашавшиеся с подобным либерализмом. Именно к таким консерваторам и обращена 27-я глава „Устава Бонифация“. Этот документ содержит предписание, чтобы „не было священника, который не старался бы требовать от оглашенных текст отречения (от дьявола) и текст символа веры на родном языке“ (in ipsa lingua qua nati sunt)¹⁰². Первые древненемецкие переводы молитв появились в связи с более либеральной практикой. Рейффенштейн прямо считает, что „первые записи на раннем древневерхненемецком языке... решающим образом стимулируются ирландцами“¹⁰³.

Можно поэтому предполагать, что и первые славянские молитвы, совершенно необходимые для внедрения элементарных понятий и представлений новой веры, возникают одновременно с древнейшими немецкими переводами молитв, т. е. в первые годы IX в. То обстоятельство, что эти молитвы были переведены не с немецкого, а прямо с латинского, могло бы говорить в пользу того, что первые латинско-славянские переводы в Средней Европе возникли не без содействия ирландских (а не немецких или англо-саксонских) миссионеров.

„НЕ ВЪВЕДИ“

Кроме „Символа веры“, к абсолютному минимуму христианских текстов, знание которых требовалось от прозелитов, относилась и молитва „Отче наш“. Характерно, что в старославянском переводе этой молитвы имеются явные „латинизмы“. Еще Добровский заметил, что форма *не въведи* (насъ въ напасть) является переводом с лат. *ne nos inducas* (in temptationem). Дело в том, что в греческом тексте соответствующее место звучит $\mu\eta\ \epsilon\iota\sigma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\chi\eta\varsigma\ \eta\mu\acute{\alpha}\varsigma$. Здесь употреблена форма глагола $\epsilon\iota\sigma\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota\nu$ 'внести, принести'. Готский перевод дает в этом случае *briggais* (ср. нем. *bringen*); др.-в.-нем. фрейзингенская Молитва господня — *ni princ* (нем. *bring*), остальные др.-в.-нем. тексты имеют *ni gileidi*¹⁰⁴, *gileitēst*¹⁰⁵, *ni firleiti*¹⁰⁶, *ni leitēst*¹⁰⁷. Все приведенные др.-в.-нем. глаголы имеют значение 'не приведи', 'не заведи' или просто 'не ве́ди'. Но в ст.-сл. тексте имеется префиксированный глагол, причем префикс *въ-* точно соответствует лат. *in-* (*ducere*). Некоторые авторы предполагают возможность прямого влияния Вульгаты на ст.-сл. перевод евангелий, считая, что Константин и Мефодий время от времени „заглядывали“ в латинский источник¹⁰⁸. В данном случае такое предположение излишне.

per amhoneant sacerdotes... Propterea dignum est, ut filios suos donent ad scolam, sive ad monasteria, sive presbyteris, ut fidem catholicam recte discant et orationem dominicam, ut domi alios edocere valeant. Qui vero aliter non potuerit vel in sua lingua hoc discat". — „Synodus Moguntinensis“ (813); A. Werminghoff. Concilia aevi Karolini I, pars I, № 36, стр. 258—273.

¹⁰² „Nullus sit presbyter, qui in ipsa lingua qua nati sunt baptizandos abrenunciationes vel confessiones aperte interrogare non studeat, ut intelligent quibus abrenunciant vel quae confitentur“, Müllenhof-Scherer. Denkmäler deutscher Poesie und Prosa aus dem VIII.—XII. Jahrhundert. Berlin, 1892², II, стр. 320. „Ut nullus credat, quod nonnisi in tribus linguis Deus orandus sit, quia in omni lingua Deus adoratur et homo exauditur, si iusta petierit“. — „Synodus Franconofurtensis (июль 794); A. Boretius. I, № 28, стр. 73—78.

¹⁰³ I. Reiffenstein. Указ. соч., стр. 21.

¹⁰⁴ „Weissenburger Catechismus“.

¹⁰⁵ Tatian.

¹⁰⁶ Ср. I. Grafenauer. Poglavje iz najstarejšega slovenskega pismenstva. — „Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino“, Ljubljana, VIII, 1931, стр. 79.

¹⁰⁷ Notker.

¹⁰⁸ В. Погорелов. Из наблюдений в области древне-славянской переводной литературы. I. Латинское влияние в переводе евангелия. II. Употребление форм прошедшего сложного в тексте евангелия. — „Sborník Filosofické fakulty University Komenského v Bratislavě“, III (6). Bratislava, 1925, стр. 32 (отдельный оттиск).

По словам ЖК, Константин-философ „сложи писмена и нача бесѣдоу писати евангелскоую: искони бѣ слово и слово бѣ оу бога, и богъ бѣ слово, и прочая“ (гл. 14). Этими словами, как известно, не начинается первое по порядку евангелие (от Матфея). Они являются вступлением к евангелию от Иоанна и читаются во время литургии в пасхальное воскресенье. Именно этими словами открываются те богослужебные тексты, которые содержат не все четыре евангелия по порядку, а лишь отрывки из евангелий, предназначенные для чтения за обедней на каждый день церковного года. Собrania таких выдержек называются евангелиями-апракос. Следовательно, по словам ЖК, Константин приступил еще у себя на родине к переводу не полного четвероевангелия, а апракоса. Но в евангелие-апракос не вошли места Мф. 6.9—14 и Лк. 11.2—5, содержащие текст Молитвы господней. Попад в Моравию, Константин нашел здесь славянский текст этой молитвы, переведенный с латинского языка. Чуткий богослов и чрезвычайно тактичный политик, Константин не счел необходимым менять на греческий лад установившийся текст молитвы. Более того: при редактировании древнеболгарского перевода евангелия в Моравии византийский переводчик учел уже существующую западнославянскую версию и таким путем латинизм *не въведи* (*ne inducas*) попал в старославянский текст евангелия.

Раз переводы Молитвы господней возникают в немецкой среде в самом начале IX в., то можно предположить, что и славянский текст молитвы переводится примерно в то же время. Славянский текст переводится не с немецкого, а с латинского. Переводы молитв относятся к древнейшему пласту христианских текстов в Средней Европе; ввиду того что для этого периода присутствие ирландских монахов среди славянского населения Средней Европы более чем вероятно, возникновение первых переводов с латинского на славянский можно поставить в связь с деятельностью ирландских миссионеров. Именно ирландцы, давно перешедшие в своем религиозном обиходе с латыни на родной язык, могли оказать стимулирующее влияние на первые аналогичные переводы в славянской среде. Вполне естественно предполагать, что ирландцы не обращались к немецким текстам, а переводили прямо с латинского оригинала.

„РИМСКИМИ И ГРЪЧЬСКИМИ ПИСМЕНЫ“

Появление византийской миссии прямо на территории зальцбургской епархии не было для баварской церкви частным эпизодом. Неожиданный успех этой миссии не на шутку взволновал и самого архиепископа, и его сотрудников. Своими „славянскими буквами“ и славянской литургией Мефодий вытеснил латинский язык и „римское учение“ (*doctrinam Romanam*), подорвав тем самым авторитет зальцбургских миссионеров. Архиепископ Рихпальд, живший „долгое время“ при дворе Коцела, „не мог снести“ нововведений Мефодия и вернулся в свою зальцбургскую резиденцию“¹⁰⁹.

Византийская миссия имела в Моравии и Паннонии поистине небывалый успех. По словам ЖК 15, Ростислав „с великою честью“ принял Константина и, собрав учеников, „въдасть я оучити“.

¹⁰⁹ „Qui (Riphaudus) multum tempus ibi demoratus est, exercens suum potestative officium sicut illi licuit archiepiscopus suus, usque dum quidam Graecus Methodius nomine noviter inventis Sclavinis litteris linguam Latinam doctrinamque Romanam atque litteras auctorales Latinas philosophice superducens vilescece fecit cuncto populo ex parte missas et evangelia ecclesiasticumque odidium illorum qui hoc Latine colebraverunt. Quod ille ferre non valens sedem repetivit Iuvavensem“ („Обращение“, гл. 12).

Кто были эти ученики, поступившие в учение к византийскому богослову? Вряд ли это были немецкие или итальянские клирики. Мы знаем, что моравяне „изгънаша всѣмъ Нѣмьцкыя попы“ (ЖМ 10) и что князь Святополк поручил Мефодию „всѣмъ цркви и стрижьники въ всѣхъ градѣхъ“ (там же). Отсюда ясно, что „ученики“, отданные Константину и Мефодию в обучение, были не дикарями, а именно „стрижниками“, т. е. постриженными священниками, следовательно лицами, получившими необходимое богословское образование и знающими кроме родного славянского языка по крайней мере еще и латынь. Далее мы узнаем, что и паннонский князь Коцел, сам научившийся „словенским буквам“, отдал солунским братьям „до пѣтидесятъ оученикъ оучитисѣ“ (ЖК 15). Можно предполагать, что князья выбирали наиболее способных и образованных учеников. Даже если допустить, что большинство священников были неграмотны или малограмотны — что для IX в. можно считать нормой, — то вряд ли будет слишком рискованно предположить, что среди нескольких десятков учеников Константина и Мефодия был хотя бы один грамотей. В ЖМ сказано, что солунские братья по истечении трех лет вернулись из Моравии „оученикы наоучыша“ (гл. 5). За этот сравнительно короткий срок питомцы византийских богословов должны были усвоить славянское письмо, научиться петь „мъша, рекъше слоужбы“, освоить весь церковный чин и познакомиться с особенностями православной греческой веры. Такое задание не могло быть под силу ни немецкому священнику, ни славянину, не получившему никакого предварительного богословского образования. Успех византийской миссии объясняется, на наш взгляд, только тем, что Кирилл и Мефодий могли в своей работе опереться на автохтонное славянское духовенство, проводившее и до их появления в Моравии и Паннонии миссионерскую деятельность среди славянского населения и пользовавшееся при этом славянскими текстами, необходимыми в деле обучения катехизису.

В славяноведческих работах, посвященных интересующей нас эпохе, не всегда с достаточной четкостью различаются два этапа в процессе внедрения славянского языка в церковную жизнь славян Средней Европы.

Первым этапом было введение вероучения (катехизиса) на языке местного славянского населения. В условиях первоначального язычества христианское вероучение проводится главным образом среди взрослых. Лишь там, где христианство прививается, обучение катехизису все больше начинается с детей и подростков. Элементарное вероучение охватывает, как мы знаем, несколько основных молитв, поучение о грехах и христианских добродетелях, наставления об исповеди и борьбу с языческими пережитками (например, с языческими клятвами)¹¹⁰. Вероучение в языческой среде, а также в условиях распространяющегося христианства, предполагает существование хотя бы минимального количества текстов, т. е. отредактированных и „одобренных“, не подлежащих своевольному изменению молитв, обрядовых текстов (при крещении, венчании, при погребении), а также — в сфере влияния ирландской миссии — особых формул исповеди, примерно в той форме, в какой они сохранились в первой Баварской исповеди (и в Молитве св. Эмерама), а также в славянском переводе, включенном в Синайский требник. Существование таких текстов является просто *conditio sine qua non* какой бы то ни было миссионерской работы. Эти тексты должны были быть составлены на языке, доступном и понятном местному населению. В Паннонии и Моравии таким доступным населению языком мог быть только славянский язык. Существование славянских текстов, предназначенных для работы среди язычников и вообще среди мирян, никоим образом не затрагивало богослужения на латинском языке.

¹¹⁰ В списке грехов в Фрейзингенских листах фигурируют такие: „еже трѣбу творим... еже роти кои же их не пасем ну е престопа“ (Фр. II, 20—25).

Вторым этапом явилось введение славянского богослужения, т. е. замена латинской литургии и всех остальных служб славянскими. Этот второй этап связан с приходом в Среднюю Европу византийской миссии в лице Кирилла и Мефодия. Введение славянского богослужения предполагает существование целого ряда церковных книг, в первую очередь славянского перевода евангелия, требников, псалтыри и т. п. По данным наших источников, переводы большинства этих книг были сделаны уже в Средней Европе.

Раз мы должны допустить существование докирилловских текстов, предназначенных для проведения элементарного вероучения среди славян Средней Европы, и раз нам известно, что в княжествах Ростислава и Коцела имелись славянские „стриженники“, мы вправе предполагать, что в Паннонии и Моравии существовали и записи элементарных христианских текстов. Мы знаем, что в условиях IX в. грамотность была распространена среди монахов. Мы не можем исключить существование славянских монахов, как мы не можем исключить и существование простых славянских священников, владеющих письмом. Древнейшие славянские переводы основных текстов, употреблявшиеся в славянской среде до прихода Кирилла и Мефодия, дошли до нас в составе исповедей Фрейзингенских листов (I и III), а также в составе глаголического Синайского требника. Правда, в австрийских и баварских монастырях, а также в швейцарских монастырских библиотеках сохранились очень древние подлинники первых немецких переводов катехизисных текстов. В Дунайском бассейне, в Словакии и Моравии такие тексты не сохранились: вторжение венгров в начале X в., вторжение татар в XIII в. и турецкое владычество отрицательно сказались на сохранении культурного наследия славян в этих областях. Тем не менее мне представляется, что существование в Средней Европе христианских текстов, писанных латинским шрифтом, подтверждается и таким источником, как сказание черноризца Храбра „О писменах“. В самом начале этого учебного трактата, написанного еще при жизни некоторых очевидцев моравских событий („сѣѣт бо еще живы, иже сѣѣт видѣли их“), говорится: „Прѣѣде оубо Словѣне, не имѣхѣ книг писмен нѣ чрътами и рѣѣзми чѣтѣхѣ и гадахѣ, еще сѣѣще погани. Крѣѣтивше же с(я), нѣѣждахѣ сѣ римскими и грѣѣчьскими писмены писати словѣнскѣ рѣѣчь, безѣ оустроеніѣ“.

Подчеркиваем: римскими и греческими писмены — в таком порядке. Трудно предположить, чтобы славяне, жившие на территории византийского государства, пользовались латинской азбукой. Сведения об употреблении латинского алфавита могли быть принесены упомянутыми очевидцами моравских событий из Средней Европы. Именно там, на территории Великоморавского княжества, славянское духовенство задолго до прихода Кирилла и Мефодия „нуждалось“ в латинском алфавите. Совершенно естественно, что латинский алфавит не был специально приспособлен для передачи особых „славянских“ звуков вроде шипящих или аффрикат. Образцы такого неприспособленного употребления латиницы для передачи славянской речи мы видим в многочисленных записях местных имен, в латинских летописях, в переписке на латинском языке. Примером написания славянского текста латинскими буквами „без устроения“ являются и Фрейзингенские листы. Наконец, образцом написания уже старославянского (древнеболгарского) текста латинским шрифтом являются найденные недавно В. Леттенбауером глоссы, относящиеся к 80-м годам IX в.¹¹¹

¹¹¹ W. Lettenbauer. Eine lateinische Kanonessammlung in Mähren im 9. Jahrhundert. — „Orientalia Christiana periodica“. Roma, 1952, стр. 18. Ср. рецензию J. Vašica. — „Byzantinoslavica“, XV, I, 1954.

Фактом, однако, остается, что подлинника славянского текста, написанного латинским шрифтом и относящегося к IX в., пока найти не удалось. Но это и не так существенно. Славянские молитвы, оглашения, отречения, исповеди существовали в докирилловской Средней Европе: были ли они фактически записаны на бумаге, или существовали лишь как устойчивые тексты, передаваемые изустно, — безразлично. Древнейшие из них были переводами с латинского языка. Мы имеем некоторые основания предполагать, что эти древнейшие переводы с латинского на славянский возникли при содействии представителей ирландской миссии. Докирилловские тексты, наряду с докирилловской христианской терминологией, составляли основу древнейшего западно-славянского культурного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1947 г. автор этих строк писал: „Первый идеологический бой между римско-германской централистической концепцией и концепцией... ирландского миссионерства был решен в славяно-германской пограничной области в пользу последнего, причем более чем за сто лет до столкновения немецкого епископа Вихинга с греком Мефодием“. „Игумен монастыря св. Петра... Виргилий мало интересуется организационными вопросами, проводит более либеральную политику зальцбургской епархии, достигая при этом своим характером и своей политикой среди баварцев и славян таких успехов, которые были невозможны для Бонифация“¹¹². И еще: „Анализ дошедших до нас текстов показывает, что вместе с христианством у предков нынешних словаков и чехов распространилась и книжная образованность. Возникли первые тексты, составленные на древнейшем славянском культурном языке. Первый слой этих текстов был переведен непосредственно с латинского языка. К моменту прихода солунской миссии в Великоморавское княжество эти тексты уже успели войти в обиход и могли, таким образом, послужить образцом для редакции соответствующих ц.-сл. текстов. Зачатки зап.-слав. культурного языка древней формации относятся к концу VIII в.“¹¹³. В настоящей статье нам хотелось лишь подкрепить свои тезисы некоторыми аргументами исторического и филологического порядка.

Некоторые исследователи полностью приняли нашу „ирландскую“ теорию¹¹⁴, однако большинство славистов более чем скептически относилось к возможности связать возникновение первых западнославянских текстов с деятельностью ирландских миссионеров. Но вот в конце 50-х годов совершенно неожиданно были выдвинуты новые аргументы, на этот раз со стороны чехословацких археологов.

Раскопки в южной Моравии (Микульчице, Старе Место у Угорского Градища) обнаружили целый ряд костелов, относящихся к IX в. Богатые украшения, найденные в некоторых гробах, свидетельствуют о неравномерном распределении богатств у славян в эту эпоху, т. е. о существовании классов дифференцированного общества. (Вспомним в этом контексте повесть о графе Инго из „Обращения“!) Об архитектурном стиле некоторых найденных костелов между археологами пока еще ведутся научные споры. Но в 1958 г. появилась монография Й. Цибульки, посвященная обследованию великоморавского костела в Модрой у Велеграда. Костел был найден в 1911 г. И. Невержилом. В 1953 г. В. Гру-

¹¹² A. V. Isačenko. — „Jazykovedný sborník“, I/II. Bratislava, 1946/47, стр. 148.

¹¹³ A. V. Isačenko. Začiatky vzdelanosti vo Veľ'komoravskej ríši. Turč. Martin, 1948, стр. 107—108.

¹¹⁴ Cp. W. Lettenbauer. Eine lateinische Kanonessammlung. . . , стр. 18; J. Cibulka. Velkomoravský kostel v Modré u Velehradu. Praha, 1958, стр. 138, 170, 179, 181, 295, 296.

бый снова обнажил его фундамент. На основании сравнительного анализа архитектурных форм проф. Й. Цибулька пришел к следующему заключению: „Костел в Модрой по своей бесспорно основной форме, т. е. без четырех стропил в нефѣ, является чистым типом исконного продолговатого, прямоугольного пресбитерия ирландского (*iroskotského*) или древнебританского в той формѣ, в какой этот тип встречается на британских островах в качестве художественного проявления особого кельтского христианства VI—VIII вв.“¹¹⁵.

Весьма возможно, что дальнейшие раскопки помогут уточнить и дополнить результаты работы проф. Й. Цибульки. Точно так же и новые исследования в области филологической позволят нам уточнить наши знания о составе древнейшего западнославянского культурного языка докирилловской эпохи. Многое остается еще неясным: в наших текстах имеются волнующие *ἀπαξ* (например, *krilatъсь* ‘ангел’, *milъ se tvoriti* ‘каяться’ и многие другие), не получившие пока никакого объяснения.

¹¹⁵ J. Cibulka. Velkomoravský hostel v Modré u Velehradu, стр. 108.

ОБ ОБЪЕМЕ ПЕРВОЙ СЛАВЯНСКОЙ КНИГИ, ПЕРЕВЕДЕННОЙ С ГРЕЧЕСКОГО КИРИЛЛОМ И МЕФОДИЕМ

Уже 1100 лет славяне имеют собственную письменность. Около 150 лет специалисты изучают разные материалы и сопоставляют данные, относящиеся к первому веку существования известного нам славянского письма. Но до сих пор существует ряд „извечных“ спорных вопросов, касающихся деятельности Кирилла и Мефодия и некоторых других проблем. Недавно один из таких вопросов был решен, по-видимому, окончательно. Это вопрос о датировке составления славянской азбуки, а именно: исчислять ли эту дату, пользуясь византийским (царьградским) летосчислением с коэффициентом 5508 (для отдельных месяцев — 5509) „от сотворения мира“, или по-александрійски, т. е. с коэффициентом 5500¹. На большом материале греческих, латинских и, главное, славянских памятников письменности, в том числе древнерусских рукописей XI и последующих веков, болгарский славист Куйо Куев доказал, что в Сказании черноризца Храбра „О письменах“ дата создания славянской азбуки и первого перевода богослужебных книг с греческого на славянский язык указана по александрийскому летосчислению².

Но К. Куев освещает и другой „извечный“ вопрос из области кирилло-мефодиевской проблематики — вопрос об объеме переведенных Кириллом и Мефодием богослужебных текстов. Этому посвящена вся вторая часть шестой главы книги К. Куева. Труд К. Куева, как и некоторые другие работы вплоть до самого последнего времени, показывает, что мы еще очень плохо знаем состав первых памятников славянской письменности и при решении этого вопроса действуем неправильными методами, случайно отбирая показатели сохранившихся до нашего времени памятников письменности определенного содержания, вместо того чтобы

¹ См.: Куйо М. Куев. Към въпроса за началото на славянската писменост. — В кн.: „Годишник на Софийския университет“, филологически факултет, т. LIV, 1. София, 1960, стр. 1—108; отд. оттиск.

² Поскольку речь идет об одном из „извечных“ вопросов, то естественно, что среди доводов К. Куева имеются и такие, которые уже встречались в литературе (в частности, у русских ученых А. И. Соболевского и А. М. Селищева). Это несколько не снижает достоинств исследования. Богатейший конкретный материал, извлеченный из самых разнообразных рукописей, сам по себе представляет огромную ценность. Рассмотрение фактов об александрийском летосчислении в южнославянских и русских рукописях невольно заставляет сделать упрек в адрес некоторых наших специалистов, которые должны были заниматься этим материалом, но упустили его из поля зрения. Так, если в работах русских лингвистов еще можно найти некоторые сведения об александрийском летосчислении (см., например, введение и великолепный свод русских и других славянских рукописей, изданных в книге П. А. Лаврова „Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности“. Л., 1930), то на страницах специального пособия по древней хронологии, написанного крупным историком, об этом летосчислении в древних рукописях нет никаких данных (см.: А. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944).

углубленно и всесторонне изучить и проанализировать предварительно состав всех древних рукописей этого содержания.

Известно, что первым переводом на славянский язык, осуществленным Кириллом и Мефодием, было евангелие. Но что это было за евангелие? Каков был состав его чтений? О том, что этот вопрос до сих пор исследован совершенно недостаточно, свидетельствуют, например, следующие весьма нечеткие высказывания К. Куева (приводим их без сокращения): «Евангелие. О переводе евангельских текстов читаем следующее в житии Кирилла, гл. XIV: и начѣтъ вѣстѣдоу писати куѣдгѣакоу: испръка вѣѣ слово, и слово вѣѣ оу бога, и богъ вѣѣ слово». Такими словами начинается евангелие от Иоанна (гл. I, ст. 1). Это значит, что Кирилл и Мефодий перевели первоначально не весь евангельский текст, а только избранные места, т. е. так называемое недельное, или избранное евангелие (гр. евангелие апракос). О том, что первоначально были переведены только избранные евангельские чтения, свидетельствует и Иоанн Экзарх. В предисловии к „Небесам“ он говорит: понеже оубо скатыи человекъкъ бжии къстатинъ, философъ река, мьногы трюды приа строа писмена словѣньскихъхъ кънигъ и отъ евангелиа и апостола прѣлагаа изборъ.

В избранном евангелии помещены евангельские тексты, предназначенные для чтения во время богослужения только в праздничные дни, начиная с пасхи. Такие евангелия в то время имелись и в греческой литургической письменности; некоторые из этих евангелий сохранились до сих пор. Таким образом, работа двух братьев была значительно облегчена, так как тексты были определены греческой церковной практикой.

Если принять во внимание весь евангельский текст (в болгарском издании библии охватывающий 131 страницу), можно прийти к заключению, что переведенные Кириллом и Мефодием избранные чтения были невелики по объему. Так, например, Саввина книга XI в. имеет 129 л., 4°, по 19 строк устава. С другой стороны, следует иметь в виду, что евангельский текст очень легок для перевода, так что два брата могли быстро и легко справиться со своей задачей»³.

Как следует из приведенного текста, К. Куев нерасчлененно употребляет названия „недельное евангелие“, „избранное евангелие“ и „евангелие апракос“, считая последнее название греческим соответствием первым двум, употребляемым Куевым как синонимы. В этой терминологии название „избранное евангелие“ ничего не определяет, так как оно является современным образованием от слова **изборъ** в тексте Иоанна Экзарха: ... и отъ евангелиа и апостола прѣлагаа изборъ; оно не может быть употреблено в качестве определения для типа евангелия, поскольку слово **изборъ** в цитированном тексте означает 'избранное', 'избранные места' („...переводя из евангелия и апостола избранное“).

Термин „недельное евангелие“ также неудовлетворителен, так как может обозначать разные книги. 1) В названном этим словом евангелии текст расположен не в порядке следования по четырем евангелистам, а в порядке следования дней года (неделя) после пасхи. В этом понимании определение „недельное“ будет синонимом (по значению, но не калькой с греческого) к определению „евангелие апракос“. Так, видимо, понимает это и К. Куев. 2) Определение „недельное евангелие“ может также обозначать и то, что в данном евангельском тексте в скользящей части года (см. ниже) имеются чтения только на воскресенье, называвшиеся в древности (а в Болгарии и до сих пор) словом **недѣла**, и предшествовавшие им церковные службы по субботам.

Наконец, одно мелкое замечание по терминологии: указание К. Куева на то, что „евангелие апракос“ — греческое название, является неточ-

³ К. Куев. Указ. соч., стр. 93—94.

ным. Это название — греческое лишь по происхождению (ср. употребляющиеся западославянскими и хорватскими учеными названия „евангелиар“ и „евангелистариум“, восходящие к латыни). Но слово „апракос“ достаточно широко представлено в самих древних списках славянского евангелия определенного содержания, и потому в неэтимологических контекстах его следует относить к славянскому словарю.

Таким образом, терминология К. Куева в применении к славянским древним рукописям евангелия является неточной и потому неудовлетворительной. Что же касается существа дела, то и тут у К. Куева имеются неясности. Так, он полагает, что первый перевод евангелия, осуществленный Кириллом и Мефодием, был такого же объема, как, например, Саввина книга. Но при этом К. Куев не принял во внимание, что в Саввиной книге отсутствуют (утрачены) чтения на первые 41 день после пасхи и имеются другие пропуски в тексте вследствие утраты листов при хранении книги. Для евангелия типа краткого апракоса (о типах см. ниже), каким является Саввина книга, чтения на первые 41 день представляют по объему существенную часть рукописи (в Остромировом евангелии — рукописи того же типа, но значительно большего формата, чем Саввина книга, — эти чтения занимают 46 листов). Следовательно, такой величины, как Саввина книга, не могло быть ни первоначальное славянское евангелие, переведенное Кириллом и Мефодием, ни последующие, так или иначе дополненные (а один, может быть, и сокращенный) или по-иному упорядоченные типы.

Для того чтобы решать вопрос об объеме первой переведенной на славянский язык книги, нельзя опираться только на состав евангелий, представленных в дошедших до нас старославянских списках. Тем более нельзя брать одну из этой группы рукописей, как сделал К. Куев в рассмотренном примере с Саввиной книгой. Для решения поставленного вопроса в применении к кирилло-мефодиевскому переводу, как и для выяснения состава чтений, дополненных при последующих переводах, необходимо изучить состав всех имеющихся в мировых древлехранилищах славянских рукописей того или иного содержания (например, евангелия, псалтыри, апостола, триоди и т. д.). Только это позволит выявить дошедшие до нас типы, так как необходимо иметь в виду, что некоторые из них могут быть представлены единичными списками (см. ниже аналогичные примеры из рукописей евангелия).

К сожалению, указания на состав чтений древних богослужебных книг в каталогах, как правило, отсутствуют. У составителей каталогов и описаний древлехранилищ существует совершенно неправильная точка зрения, будто бы богослужебные книги определенного содержания всегда состоят из одних и тех же составных частей, имеющих одинаковый объем и одинаковую последовательность. Поэтому в описаниях хранилищ древних славянских рукописей более или менее подробно раскрывается только состав различных сборников. Так, из известных нам отечественных и зарубежных описаний древних рукописей перечень чтений евангелия дан лишь в работе Д. И. Абрамовича⁴. При монографических описаниях языка отдельных памятников письменности состав их чтений в подавляющем большинстве случаев также не приводится. Изданы же из числа древних славянских рукописей, перевод которых может восходить к кирилло-мефодиевскому периоду, лишь единицы. Поэтому для выявления состава этих рукописей необходима большая изыскательская работа непосредственно в древлехранилищах.

Для выяснения поставленного вопроса значительную помощь могло бы оказать знание состава чтений аналогичных греческих, а отчасти и латинских рукописей IX—XI вв. Но, например, для евангелия и апостола

⁴ Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, в. I. СПб., 1905.

состав чтений и даже их последовательность в каталогах крупнейших европейских библиотек не указывается⁵. Таким образом, и для греческих и для латинских рукописей, по-видимому, надо проделать непосредственно по рукописям ту же работу, что и для славянских.

Нами выявлены типы славянского евангелия по спискам X—XI вв. (если Саввину книгу относить к эпохе Симеона, — а это, кажется, имеет основания) и частично по бумажным рукописям XV—XVII вв. Просмотрено около четырехсот рукописей в книгохранилищах Москвы, Ленинграда, Софии, Пловдива и Рыльского монастыря (Болгария), составлены различные таблицы (их объем — около четырех а. л., поэтому привести их в настоящей статье нет возможности). Можно говорить о следующих древних славянских типах евангелия, изучение языка которых может представить интерес для славистики.

I. Четвероевангелие, или тетр. Текст в таком евангелии, как известно, расположен в порядке следования четырех евангелистов (Матфей, Марк, Лука и Иоанн). Древнейшим дошедшим до нас датированным списком славянского четвероевангелия является Галичское евангелие 1144 г. (Гос. Исторический музей, Синод. № 404). Недатированными, но еще более древними являются старославянские памятники, написанные глаголицей: Зографское евангелие (Гос. Публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Глагол. 1) и Мариинское евангелие (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, ф. 87, № 1689). Всего пергаменных, а следовательно относящихся к X—XIV вв., около 150 тетров (некоторые из них сохранились в отрывках).

II. Евангелия апракос. На славянской почве существовало несколько типов апракосов. Для всех апракосов общим является то, что текст в них расположен согласно чтению евангелия во время церковной службы на определенные дни года. Апракос состоит из двух частей: 1) чтения на подвижную часть года (скользящие по отношению к гражданскому календарю) и 2) чтения на неподвижно закрепленные даты. Скользящие чтения начинаются цитированными выше по К. Куеву словами чтения от Иоанна (гл. I, ст. 1) в воскресенье пасхи и кончаются в субботу перед пасхой. Поскольку день пасхи в течение каждых 28 лет ежегодно меняется, то и чтения в этой части апракоса не закреплены за определенными датами. Чтения на неподвижно закрепленные даты, или месецеслов, соотнесены с определенными днями года в соответствии с праздником, для которого предназначено чтение данного текста. Всего славянских пергаменных апракосов сохранилось более 200.

Чтения подвижной части апракоса состоят из следующих циклов: 1) от пасхи до пятидесятницы, 2) от пятидесятницы до предпасхального поста и 3) чтения поста. В первом цикле читаются разрозненные отрывки евангелия от Иоанна. Во втором цикле в первые 17 недель читаются разрозненные отрывки евангелия Матфея, дополняемые иногда текстом Марка, а затем в течение следующих 17 недель читаются отрывки евангелия Луки, также дополненные чтениями Марка. Начало евангелий в чтениях Луки во многих славянских апракосах озаглавлено как чтения „нового лѣта“, хотя начало их, как правило, не совпадает с началом нового года по сентябрьскому стилю.

⁵ Редким исключением среди современных каталогов является ценнейший каталог сирийских рукописей, составленный чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской (Н. В. Пигулевская. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. — „Палестинский сборник“, вып. 6 (69). Л., 1960). К сожалению, состав чтений исследовавшегося нами славянского апракоса настолько расходится с составом сирийских списков евангелия, что каталог Н. В. Пигулевской не позволяет сделать какие-либо выводы о возможном составе первой славянской книги.

В зависимости от наличия или отсутствия определенных текстов на отдельные дни недели подвижной части апракоса славянские апракосы X—XIV вв. могут быть сгруппированы в следующие типы:

1) Полный апракос. В неделях от пасхи до пятидесятницы, в 17 неделях Матфея и 17 неделях Луки (или „нового лѣта“) в полных апракосах представлены чтения на все семь дней каждой недели. Древнейшими славянскими полными апракосами (из числа дошедших до нас) являются Мстиславово евангелие, написанное около 1117 г. для новгородского князя Мстислава Володимировича (Гос. Исторический музей, Синод. № 1203), и Юрьевское евангелие (Гос. Исторический музей, Синод. № 1003). Всего пергаменных полных апракосов около 150 экземпляров. Находятся они преимущественно в хранилищах СССР; в Болгарии нами не обнаружено ни одного полного апракоса, написанного на пергамене.

В зависимости от состава чтений на простые дни недели (понеделник, вторник, среда, четверг, пятница) преимущественно в первой половине цикла от пятидесятницы до поста (т. е. в неделях, когда читается преимущественно текст от Матфея, или — до „нового лѣта“) полные апракосы образуют существенно различающиеся два подтипа. Не имея возможности рассмотреть их в настоящей работе полно, укажем для примера различия в чтениях следующих десяти дней цикла:

Дни недели	Подтип А	Подтип Б
Воскресенье 9-е	Матфей XIV 22—34	
Понеделник	Матфей XXI 18—22	Марк I 9—15
Вторник	Матфей XXI 23—27	Марк I 16—22
Среда	Матфей XXI 28—32	Марк I 23—28
Четверг	Матфей XXI 43—46	Марк I 29—34
Пятница	Матфей XXII 23—33	Марк II 18—22
Суббота	Матфей XVII 24—XVIII 4	
Воскресенье 10-е	Матфей XVII 14—23	
Понеделник	Матфей XXIII 13—22	Марк III 6—12
Вторник	Матфей XXIII 23—28	Марк III 13—27

Как видим, имеются различия не только в стихах и главах, что можно было бы объяснить ошибками писцов, но и в евангелистах, причем различия эти не единичны. Они представляют определенную систему. Это позволяет констатировать существенную разницу в составе текстов обоих подтипов полного славянского апракоса.

К первому подтипу полных апракосов относятся указанные выше Мстиславово и Юрьевское евангелия и многие десятки других, хранящихся в СССР. Их в свою очередь можно разделить на три группы (не считая смешанных), отличающиеся обозначением порядка чтений в цикле от пятидесятницы до поста. Причем все эти отличия представлены уже в рукописях XII в.

а) Группа Мстиславова евангелия 1117 г. К ней относятся Симоновское евангелие 1270 г. (ГБЛ, ф. 256, № 105), Синодальное 740 1307 г. (ГИМ, Синод. 740), Пантелеймоново 1317 г. (БАН, 34.5. 22), рукопись 1362 г. (ГПБ, Соф. 3), евангелие XIV в. из библиотеки МГУ (2 Ag 80), евангелие 1393 г. (ГПБ, Ф п I 18) и мн. др.

б) Группа Добрилова евангелия 1164 г. (ГБЛ, ф. 256, № 103). К ней принадлежат Типографское евангелие № 6 XII в. (ЦГАДА, ф. 381, № 6), Вуканово евангелие 1201—1208 гг. (ГПБ, Ф п I 82), Холмское еванге-

лие XIII в. (ГБЛ, ф. 256, № 106), рукописи XIII—XIV вв. (ГБЛ, ф. 209, № 1 и ГПБ, Ф п. I 10), евангелие 1323 г. (ГИМ, Хлуд. 29), евангелия XIV в. (ГБЛ, ф. 310, № 1206 и ГПБ, Погод. 15) и мн. др.

в) Группа Типографского евангелия № 7 XII—XIII вв. (ЦГАДА, ф. 381, № 7). К ней относятся рукопись евангелия XII—XIII вв. (ГПБ, ОЛДП F 92), Полоцкое евангелие XIII—XIV вв. (ГПБ, Погод. 12) и рукопись того же времени (ГБЛ, ф. 37, № 434), Сийское евангелие 1339 г. (БАН, Арх. № 189), рукопись начала XIV в. (ГИМ, Увар. 293), рукописи XIV в. (ГБЛ, ф. 256 № 109 и 112) и др.

Что касается состава чтений, то в рассмотренном подтипе полных апракосов нами отмечены лишь частные отличия, относящиеся к несколькоим рукописям.

К другому подтипу полных апракосов, который при рассмотрении примерных отличий двух подтипов полного апракоса выше представлен чтениями правого столбца, принадлежат только две известные нам рукописи: Мирославово евангелие (около 1200 г.; издано Л. Стояновичем) и не вошедшее пока в научный обиход евангелие ГБЛ (ф. 87, № 1691). Несмотря на их единичность, указанные две рукописи заслуживают выделения в самостоятельный тип полного апракоса.

2) Краткий апракос. В неделях от пасхи до пятидесятницы (фактически до духова дня включительно) в кратком апракосе, так же как и в полном, имеются чтения на все семь дней недели. Но в цикле от пятидесятницы (от духова дня) до поста, в отличие от полного апракоса, в кратком представлен текст только на субботы и воскресенья.

Из числа сохранившихся до настоящего времени рукописей древнейшими краткими апракосами являются Остромирово евангелие 1056—1057 гг., написанное для новгородского посадника Остромира в Новгороде или Киеве (ГПБ, Ф п. I 5), и первая часть Архангельского евангелия 1092 г. (ГБЛ, ф. 178, № 1666). К кратким апракосам относятся также два известных недатированных старославянских памятника: хранящееся в библиотеке Ватикана глаголическое Ассеманиево евангелие и написанная кириллицей Саввина книга (ЦГАДА, Типогр. № 14). Всего пергаменных кратких апракосов около 50. Многие из них находятся в Болгарии.

3) Воскресное евангелие. В этом типе евангелия имеются чтения лишь на субботу и воскресенье не только в цикле от пятидесятницы до поста (как в кратком апракосе), но даже и в неделях от пасхи до пятидесятницы. Таким образом, воскресные евангелия являются самым кратким из известных нам типов апракоса. Этот тип представлен в изученных нами книгохранилищах только единичными списками, но как знать, может быть именно этот тип апракоса и был переводом Кирилла и Мефодия?! Таково, например, евангелие в рукописи евангелия и апостола XIV в. Гос. Исторического музея (Увар. № 379).

Указанные три типа апракоса — полный, краткий и воскресный, а также два подтипа полных апракосов — Мстиславов и Мирославов (названия образованы по главным и наиболее ранним спискам, относящимся к этим подтипам) выделены только на основании имеющихся в них различий в составе подвижных чтений. Есть основания полагать, что каждому из этих типов и групп соответствуют и определенные различия в составе чтений неподвижной части года, т. е. в месяцесловах⁶. Типы этих различий нами не установлены, так как это осо-

⁶ Изучение месяцеслова осложняется еще тем обстоятельством, что месяцесловные тексты в древних рукописях евангелия не позволяют производить параллельное сопоставление чтений многих рукописей, относящихся к определенному дню астрономического года, но требуют предварительного самого тщательного прочтения всего месяцеслова каждой отдельной рукописи. В этой работе, к сожалению, нельзя без предварительной проверки использовать перечни чтений, имеющиеся даже в хорошо

бая и также весьма трудоемкая работа. Можно думать, что различия в месяцесловных чтениях дадут еще более мелкие подразделения при группировке, чем рассмотренные выше. Об этом свидетельствует среди многих других, например, и такой факт. Уже в кратких апракосах XI в. имеются различия в приуроченности к тем или иным дням года частей II главы евангелия Луки. Так, в Саввиной книге и Реймском евангелии „навечерие рождества“ представлено текстом Л. II 1—40. В Ассеманиевом, Остромировом и более позднем Македонском (Загреб, БАН, III с I) евангелиях в этом случае приведены только Л. II 1—20, но зато в Остромировом и Ассеманиевом имеется текст Л. II 22—40 на 2 февраля „срѣтение“. Это чтение имеется и в Реймском, где оно, таким образом, написано дважды. О Саввиной книге и Македонском евангелии судить нельзя, так как в них утрачены листы с текстом на начало февраля. Все это свидетельствует о том, что месяцеслов в славянских апракосах требует особого пристального изучения.

При наличии столь существенно отличающихся типов евангелия среди дошедших до нас памятников славянской письменности перед исследователями очень остро должен стоять вопрос об их соотношении, прежде всего о последовательности и путях создания их на славянской почве.

Мы уже высказали предположение, что последовательность появления на славянской почве основных типов евангелия была такой: краткий апракос, тетр, полный апракос⁷. Наличие во всех типах апракоса одинаковых чтений на субботу и воскресенья во всех циклах и расхождение в составе чтений на простые дни недели в обоих подтипах полного апракоса является еще одним доказательством в пользу более позднего происхождения полного апракоса. В самом деле, если допустить, что Кирилл и Мефодий перевели полный апракос, то ясно, что авторитета этого перевода было бы достаточно, чтобы он сохранился и был передан другим славянским народам. Но Кирилл и Мефодий перевели, видимо, краткий или воскресный апракос. И в этом случае некоторое время спустя потребовалось произвести дополнение краткого апракоса до полного. Было ли это дополнение осуществлено путем использования заверщенного к тому времени перевода тетра или же для полного апракоса недостающие части евангельского текста переводились специально — вопрос особый. Разрешение его весьма актуально, но оно не может быть произведено умозрительно и требует огромной работы по исследованию рукописных текстов в книгохранилищах.

На основании приведенных выше данных о составе чтений двух подтипов полного апракоса можно уверенно предполагать лишь то, что эти подтипы возникли либо параллельно на разных территориях, либо последовательно, но независимо друг от друга. И в том и в другом случае это происходило уже после перевода краткого апракоса. Мы предполагаем также, что разница в составе чтений Мстиславова и Мирославова подтипов могла быть связана с расхождениями в традициях христианского богослужения, с одной стороны, в византийской практике, а с другой стороны, в римской или александрийской практике.

изданных текстах. Например, в изданном Йозефом Курцем Ассеманиевом евангелии (Evangeliář Assemanův. Díl II. Úvod, text v přepise cyrilském, poznámky textové, seznamu čtení, vydal Jozef Kurz. Praha, 1955) имеется такая существенная ошибка: текст М. I 9—11 ошибочно квалифицирован как Мт. III 13, 16—17, в соответствии с чем и в указателе чтений на стр. XVIII книги отмечены отсутствующие чтения Мт. III 13, 16—17, а на стр. XIX Введения отсутствует указание на текст М. I 9—11, имеющийся на листе 158а в рукописи.

⁷ См.: Л. П. Жуковская. О переводах евангелия на славянский язык и о „древнерусской редакции“ славянского евангелия. — сб. „Славянское языкознание“ под ред. В. В. Виноградова. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 86—97.

Но твердых данных для этого пока у нас нет. Более актуальным для славистики, на наш взгляд, является вопрос о соотношении собственно славянского языкового материала, а не вопрос об иноязычных источниках различий в составе славянского евангелия.

Для того чтобы судить о языке IX в., надо изучать не только старославянские памятники, как это делается обычно, но и не издававшиеся поздние списки, восходящие (через какое-то количество промежуточных списков) к протографам IX в. Такими являются, например, славянские евангелия XII—XIV вв. Так, например, при рассмотрении чтения М. V 26 на материале полных апракосов XII—XIV вв. и старославянских евангелий можно заметить некоторые интересные закономерности. Текст М. V 26 в полных апракосах непременно пишется в понедельник 14-й недели (для подгруппы Добрилова евангелия, указанной выше, — 15-й недели) по пятидесятнице. Кроме того, в некоторых рукописях он повторно написан 4 декабря в день Варвары (так, например, в Мстиславовом евангелии, в Симоновском евангелии 1270 г. и в Галичском евангелии 1357 г. — рукопись ГИМ, Синод. № 68). В тетрах этот текст, естественно, написан один раз в соответствующем порядке евангелия Марка. В кратких апракосах этот текст пишется всегда один раз 4 декабря, потому что в этом типе апракоса, как указывалось, нет чтений на простые дни недели в цикле от пятидесятницы до поста. В Мстиславовом евангелии этот текст имеет следующий вид в разных частях рукописи:

В понедельник 14 (15)
по пятидесятнице:

и много принимѣши отъ многѣ врачевѣ
и издѣивѣши отъ себе все. и ничѣсо же
не успѣѣши нѣ паче на горѣшею
пришѣдѣши. (Л. 61 г.)

4 декабря,
в день Варвары:

и много пострадавѣши отъ многѣ вра-
чевѣ и раздѣивѣши все имѣнне свое.
и никомѣ же пользы обрѣтѣши нѣ паче
въ горѣ въпадѣши (Л. 176 в.)

В этом контексте различия в парах слов *принимѣши* и *пострадавѣши*, на *горѣшею* — *въ горѣ*, *пришѣдѣши* — *въпадѣши* и сочетания *ничѣсо же не успѣѣши* — *ни единомѣ или никомѣ же пользы обрѣтѣши* связаны, видимо, с разным происхождением текста в том и другом случае. Так, указанные слова второго столбца представлены: 1) в кратких апракосах Остромировом, Ассеманиевом, Саввином, Македонском, Реймском и листах Ундольского (у нас есть основания относить две последние рукописи к кратким апракосам, хотя состав чтений, сохранившихся от этих рукописей, является общим для кратких и для полных апракосов); 2) в Мирославовом евангелии и ближайше родственном ему № 1691, т. е. в полных апракосах Мирославова подтипа; 3) в чтениях на Варварин день 4 декабря в Мстиславовом, Симоновском и Галичском евангелиях 1357 г.; 4) в Мариинском и Зографском четвероевангелиях. Чтения первых (левых) слов в указанных парах характерны только для собственно полноапракосных чтений в понедельник 14 (15)-й недели и представлены в Мстиславовом, Сийском, Галичском 1357 г., Юрьевском, Добриловом, Симоновском и еще десяти полных апракосах из ГБЛ и ГПБ. Но есть полные апракосы Мстиславова типа, в которых в понедельник чтении представлена лексика правого столбца. Это — Вуканово евангелие и две рукописи ГБЛ (ф. 256, № 106 и ф. 310, № 1206). Кроме того, в указанных рукописях имеются единичные отклонения: в Реймском и Зографском *пришѣдѣши* вместо ожидаемого *въпадѣши*, в Мирославовом *въ горѣшею* вместо *въ горѣ*, в Реймском *принимѣши* вместо *пострадавѣши*⁸. Таким образом, с одной стороны,

⁸ Примеры приводятся в орфографии Мстиславова евангелия.

очевидна закономерность, восходящая к особенностям перевода разных чтений, а с другой стороны, имеются отклонения, которые в значительной степени осложняют выявление закономерностей.

Примеров подобного рода, свидетельствующих о языковых различиях в частях славянского евангелия, генезис которых различен на славянской почве, может быть приведено великое множество. Но имеется и много отклонений, усложняющих общую картину. Если бы все было последовательнее, то, естественно, намеченные вопросы уже давно были бы поставлены, уточнены и разрешены.

Сейчас ясно лишь то, что вопрос об объеме (составе) первых переводов на славянский язык, о последующих дополнительных переводах, в частности вопрос о последовательности и путях создания на славянской почве указанных четырех-пяти типов евангелия является одним из важных (если не важнейшим) в кирилло-мефодиевской проблематике. Ясно, что при изучении языка по древнейшим памятникам последние нельзя использовать нерасчлененно⁹, вне зависимости от того, может ли тот или иной текст восходить к кирилло-мефодиевскому переводу или представляет в составе данного памятника более позднее дополнение.

⁹ Ср., например, как рассматриваются указанные выше лексические различия Мстиславова евангелия в чтении М. V 26 (параллельные тексты приведены выше) в самом лучшем труде последнего времени о славянском евангелии: K. Horálek. *Evangeliaře a čtveroevangelia*. Praha, 1954, где Горалек отмечает неизвестно к чему относящуюся контаминированную форму въ горѣ приидѣши (стр. 101).

К ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО ИМЕННОГО ТИПА С СУФФИКСОМ *-*tī*

История словообразовательного типа может быть восстановлена методом внутренней реконструкции на основании анализа системных связей этого типа в пределах словообразовательных систем, функционировавших на разных этапах исторического периода. При этом системные отношения одной из категорий словообразовательной системы можно считать известными, если дана необходимая информация о трех других категориях, связанных с описываемой: 1) „исходных“ формах (т. е. анализ отношений или оппозиций производности, в которых маркированный член отличается минимальным дифференциальным словообразовательным признаком); 2) „параллельных“ формах (или оппозициях параллельности с двумя маркированными членами, противопоставленными внешнему третьему); 3) производных формах (или оппозициях деривативности). Необходимой признается информация: 1) о наличии — отсутствии каждой из трех категорий; 2) об их содержании (грамматическом, семантическом).

С точки зрения полноты словообразовательных связей, можно говорить о восьми типах в зависимости от наличия: I — исходных форм, II — параллельных форм, III — производных форм.

	I	II	III		I	II	III
1-й тип	+	+	+	5-й тип	+	—	—
2-й тип	+	+	—	6-й тип	—	+	—
3-й тип	+	—	+	7-й тип	—	—	+
4-й тип	—	+	+	8-й тип	—	—	—

Замечания:

1. С помощью указанных восьми типов словообразовательная модель получает характеристику со стороны ее регулярности — нерегулярности (положительность — отрицательность I признака; противопоставляются типы 1, 2, 3, 5 — 4, 6, 7, 8); ее деривативных возможностей (положительность — отрицательность III — признака; типы 1, 3, 4, 7 — 2, 5, 6, 8) и, дополнительно, по ее месту в ряду других образований (является ли она единственным дериватом данной основы; противопоставляются 1, 2, 4, 6 — 3, 5, 7, 8 типы). Если каждое отдельное образование характеризуется своей принадлежностью к одному из восьми типов, то словообразовательная модель в целом — степенью представленности ее в каждом типе.

2. Информативность таблицы может быть значительно повышена, если ее дополнить статистическими характеристиками.

3. Для целого ряда словообразовательных моделей принципиально важной характеристикой является наличие слов 2-го типа — в частности,

для „конечных“ дериватов, т. е. основ, деривативность которых равна нулю (многие абстрактные слова, деминутивы и т. д.).

4. Противоречивым оказывается положение в словообразовательной системе 7-типа, так как отсутствие исходных и параллельных форм устраняет критерии квалификации слова как принадлежащего той или иной модели. Поэтому только привлечение исторических критериев и использование информации, заключенной в производных словах, позволяет не считать слова этого типа лишенными структуры.

5. 8-й тип имеет в виду совершенно изолированные слова, стоящие вне системы, обнаруживающие случайное (с синхронической точки зрения) сходство со словами той или иной словообразовательной модели.

Общая схема оппозиций производности (resp. деривативности) для славянского имени выглядит так:

1 \ 2	res	abstractum	persona
actio	точить — точило спать — спальня	уметь — умение	бегать — бегун
relatio	пчела — пчельник	брат — братство	борода — бородач сила — силач
qualitas	синий — синяк	чистый — чистота	лихой — лихач
emotio	спальня — спален	—	старуха — старушка

Пояснения к таблице:

1. Всякое имя существительное представляет собой либо название предмета (в широком смысле), полученное по его отношению к действию, к другим предметам, по его качеству, по эмоции, вызываемой им, либо абстрактное название действия, отношения или качества, либо название лица по его действию, по его отношению к другим лицам или предметам, по его качествам, по вызываемой им эмоции. (Речь идет только о производных словах.)

2. Немаркированный член оппозиции производности теоретически может являться маркированным членом другой оппозиции; практически же существуют многочисленные лексические и словообразовательные ограничения.

3. Образование экспрессивных слов от абстрактных невозможно, пока последние сохраняют свое абстрактное значение. В случае конкретизации, сужения значения бывшее абстрактное образование приобретает наряду с другими грамматическими свойствами, например множ. числом, и способность давать экспрессивные производные. Так, слово *красота* образует разговорное *красотища*, лишь когда оно — не чистая абстракция качества, а имеет переносное, вторичное значение, именно — „нечто красивое“. В этом значении оно имеет множ. число *красоты*.

4. Данная схема не совпадает со схемой семантических категорий имени; она целиком опирается на отношения словообразовательные.

5. Указанными категориями можно описать все факты, относящиеся к образованию слов, но не вообще к появлению слов в языке, т. е. исключаются факты заимствования и лексико-семантического образования.

6. Приведенная схема может служить основанием для классификации словообразующих аффиксов по их грамматическим и смысловым отношениям¹.

7. Отдельные славянские языки, так же как и отдельные этапы развития славянских языков, на содержательном уровне не обнаруживают отступлений от приведенной универсальной схемы; отличия касаются материального воплощения этой схемы (различная степень нагруженности каждого из типов, различная продуктивность аффиксов), а также грамматических и лексических правил и ограничений сочетаемости аффиксов и основ.

Оппозиции не только определяют структуру слова, но и обуславливают тенденции развития структуры: так, разрушение оппозиции производности лишает слово внутренней формы, изменяет его значение и деривативную способность.

В словообразовательных системах славянских языков существует резкая противопоставленность имен с отчетливой структурой и имен, утративших ее. Таким образом, слово может быть охарактеризовано списком его оппозиций и подвергается членению в зависимости от оппозиций.

Диакронический метод применяется в случае, если у слова отсутствуют оппозиции, и состоит в отыскании их на более ранних уровнях.

Большая архаичность славянских именных типов, сохранивших даже древнейшие индоевропейские корневые образования, позволяет проследить общую тенденцию имен в славянской системе, состоящую в том, что именные основы приобретают вторичную производность уже не по соотношению с чистыми корнями, потому что такие корни на славянском уровне получили грамматическую оформленность, а по соотношению с именными или глагольными основами. Многие из таких вторичных производных превратились в продуктивные типы.

Славянские имена на **ti*, получившие относительную продуктивность в исторический период, обнаруживают преемственную связь с отдельными корневыми образованиями дославянского периода, сохранившимися в праславянском языке рядом с глагольными образованиями от того же корня. Дальнейшая история этого типа в славянских языках целиком

¹ Ближкую к этой классификацию мы находим в книге: Ив. Лекков. Словообразовательные склонности на славянските езици. София, 1958. — Автор стремится отразить в классификации аффиксов связь словообразования с лексикологией и грамматикой. Выделяются три семантические группы: „1. за конкретни думи с реално и само структурно значение на наставката. 2. за абстрактни думи и 3. за емоционални думи“, — внутри которых отмечаются грамматические признаки отдельных образований. Работы, распределяющие материал по формальному признаку, обычно используют критерий генетического родства аффиксов для их классификации. Фактически они абстрагируются от всех конкретных исторических систем и описывают словообразовательный материал (обычно различных эпох) с помощью суммы элементов, не представляющих системы (ни какой-нибудь реальной, исторической, ни даже искусственной). При этом из группы аффиксов, обнаруживающих фонетическую близость (а именно тождество одного консонантного элемента), произвольно абстрагируется общий элемент, которому приписывается морфологическое значение; все прочие формы аффиксов считаются производными от этого исходного элемента. Таким образом, реконструкция древнейших морфологических элементов сводится к отысканию предельно значимых единиц, однако морфологические критерии отсутствуют как при выделении общих элементов, так и при реконструкции каждого аффикса. Ср. J. L o s. *Gramatyka polska*, cz. II. — „*Slowotwórstwo*“. Lwów—Kraków, 1925. Еще более детальная классификация аффиксов по их фонемному составу и по их отношению к фонетическому виду корня дается в книге: A. Leskien. *Die Bildung der Nomina im Litauischen*. Leipzig, 1891. У Миклошича („*Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*“, Bd. 2. *Stammbildungslehre*. Wien, 1875) классификация славянских суффиксов характеризуется откровенным фонетическим принципом: 1. *Vokalisches Suffixe*; 2. *Consonantische Suffixe*; а) *r-, l-, n-Suffixe*, б) *t-, d-Suffixe*, в) *p-, b-, v-, m-Suffixe*, д) *k-, g-, h-Suffixe*, е) *c-, z-, s-Suffixe*, ф) *č-, ž-, š-Suffixe*.

определяется сохранением или нарушением глагольной корреляции, утвердившейся в праславянском языке.

Формальный анализ системы морфем² по существу имеет смысл лишь при диахроническом описании, состоящем в том, что элементы, бессодержательные с точки зрения одной системы, получают объяснение на уровне другой системы. С диахронической точки зрения каждая морфема представляется разложимой на элементы, значения которых не могут быть определены в рамках одной системы, но каждый элемент оказывается значимым для какой-то системы. В каждой данной системе большинство морфем не имеет внутреннего смысла, поэтому морфемы признаются конечными структурными (и значимыми) единицами языка и не подвергаются разложению. Тем не менее и в синхронном плане имеет смысл говорить о структуре морфем (во всяком случае для исторических систем), ибо они обнаруживают отношения, позволяющие выделить внутри них элементы, структурно и семантически значимые. Эти элементы служат основой для реконструкции древних словообразовательных отношений. Исторически они являются самостоятельными аффиксами, но синхронно не могут быть отождествлены с ними ни по значению, ни формально, т. е. не могут быть выделены по тем же правилам, что и аффиксы. Абстрагирование этих элементов обычно не опирается на сколько-нибудь строгие правила, а сами эти элементы не определяются. Можно оставить за ними название формантов. Для иллюстрации возьмем ряд слов древнерусского языка: *дѣтъ* — *датиѣ*, *дань* — *дание* (при глаголе *дати*). Аффиксы со значением абстрактного действия образуют противопоставления: *т-ѣ* — *т-иѣ*; *н-ѣ* — *н-иѣ*. Формант (*т*, *н*) можно определить как элемент, сонантный или консонантный, способный выступать внутри аффиксов в чередованиях (соответственно сонантных или консонантных элементов). Например, *т*, *н* перед *ѣ*; *т*, *н*, *к*, ... перед *ѣ*: *бытъ*, *станъ*, *знакъ*. Очевидно, нужно признать недостаточным для выделения форманта чередование только с нулем: *астѣ/атѣ*, *остѣ/отѣ* и т. д. С другой стороны, по-видимому, излишним условием является наличие двойного противопоставления типа: 1) *тъ/нѣ*; 2) *тъ/тъ/тиѣ*. Во всяком случае, выявляются три типа внутриморфемных элементов, по-разному обусловленных с точки зрения синхронной словообразовательной системы: 1) противопоставленные только нулю; 2) противопоставленные сонантному или консонантному элементу (форманту); 3) участвующие в двух противопоставлениях.

Значение форманта трудно определимо из-за его абстрактности. Однако когда говорят о параллельности отдельных типов аффиксов, например славянских образований с *t* и *n*, руководствуются интуитивным ощущением значения форманта.

По мере удаления от того состояния, на котором элемент квалифицировался как суффикс, в нем обнаруживается тенденция к усилению грамматического момента, предопределяющего тип основ, с которыми этот элемент соединяется. Общая тенденция к устранению параллельных образований привносит в формант дополнительные грамматические свойства, влияющие на оформление и производных основ по тому или иному грамматическому типу, то есть постепенно возможности чередований элементов в аффиксах сокращаются и соответственно сокращаются возможности выделения формантов.

² Во всяком случае, любой исторической системы славянских языков, ибо они отражают такой этап в развитии языков, когда процессы формообразования уже завершились и представлены лишь результаты их. В дальнейшем единственным источником появления морфем остаются процессы переразложения, опрощения. Однако спорадический характер этих процессов препятствует устранению оппозиции этих новых аффиксов их исходным компонентом.

Функция форманта *t* в структуре славянских языков определяется из трех сфер его употребления: 1) именной; 2) глагольной; 3) местоименной.

История соответствующих форм дает возможность говорить об исконной общности функций форманта *t* во всех трех категориях.

Элемент *t*, участвующий в образовании личных форм глагола, обнаруживает связь с местоименным элементом *t*; суффикс страдательного причастия прошедшего времени, как и суффикс инфинитива, исторически связан со словообразовательной системой имени. Многочисленные именные образования с формантом *t* в большинстве случаев генетически тяготеют к системе глагола, т. е. являются или прямыми отглагольными дериватами, или связываются с глаголом посредством причастия. (Особенно отчетливо это характеризует имена действия и деятеля.) Можно думать, что чрезвычайное распространение в славянских языках суффиксов деятеля с формантом *t* и особенно использование *t* при образовании страдательных причастий оказали влияние на развитие таких именных суффиксов на базе форманта *t*, которые не связаны с глаголом.

Аналогическое распространение могло иметь следующий путь:

1. Название лица по его действию (*nomina agentis*).
2. Название лица по испытываемому им действию (*participium passivi*).
3. Название предмета по испытываемому им действию (*participium passivi*).

Переход от 2 к 3 естественен, ибо испытывать действие может одинаково и лицо, и предмет, тогда как в названии деятеля представление о действующем лице или предмете не дифференцировано ни по смыслу, ни по форме, причем и по смыслу, и по форме господствует представление действующего лица.

4. Название предмета по присущему ему признаку.

Данный переход возможен потому, что испытываемое предметом действие, в отличие от действия, им производимого, составляет один из признаков предмета наряду с иными его признаками, в том числе и теми, которые никак не связаны с действием.

5. Название лица по его признаку (в таких образованиях *t* не участвует).

6. Абстрагированное представление о признаке параллельно абстрактному имени действия.

Здесь представлена схема последовательного распространения в славянских языках словообразовательных типов под влиянием высокопродуктивных отглагольных образований, однако она не отражает реального исторического пути возникновения каждого из этих типов. Известно, что славянское причастие на *-t-* генетически связано с индоевропейскими прилагательными на **-to*, образованными от корневых или именных основ. Тем не менее продуктивные модели могут стимулировать распространение любых менее продуктивных, в том числе и тех, которые по времени появления предшествовали этим продуктивным моделям.

Труднее сблизить по значению местоименное и именное использование форманта *t*, отчасти потому, что местоименные элементы вообще почти не поддаются определению со стороны их значения. Но несмотря на ограниченную возможность формальных сопоставлений, именно они выявляют некоторые многозначительные параллели в местоименном и именном употреблении отдельных формантов. Так, наиболее продуктивные элементы местоименного образования: *t* (*тѣ, то, та; къ то, это*),

к (*къ-то, чь-то, такъ*), *у* (*овъ, ово, ова; въсь*) — одновременно выступают как оформители широкого класса именных основ, первичных и вторичных, включающих древнейшие образования, в которых можно видеть фрагменты формально не дифференцированной системы имени, где будущие категориальные различия между прилагательными и существительными сводились к некоторым различиям синтаксического функционирования их. Ср. следующие ряды первичных образований:

-tъ	-tъ	-to	-ta	I — „существительные“
žitъ	žitъ	žito	(žita)	
—	klětъ	klěto	klěta	
bytъ	bytъ	byto	—	
bitъ	bitъ	—	bita	
bitъ	—	bito	bita	II — „прилагательные“

Замечания к схеме:

1. Для древнейших эпох подобные образования (первого и второго рода) не представляют различных морфологических типов.

2. Ретроспективно образования первого типа квалифицируются как параллельные оформления основы существительного; впоследствии этот параллелизм либо устраняется с исчезновением отдельных типов, либо укрепляется на основе значительных семантических различий.

3. Образования второго типа представляются древнейшей парадигмой рода, усвоенной позже всей категорией прилагательных.

4. Исторически правильнее было бы оценивать образования первого и второго рода как параллельные словообразовательные типы, а позднейшие различия между ними производить от их различного синтаксического функционирования.

5. Для отглагольных прилагательных (на *-t-* и, возможно, других) сравнительно легко угадывается связь между образующими их формантами и местоимениями. Можно предполагать, что эта связь распространяется и на древнейшие имена существительные.

Все это заставляет более внимательно отнестись к осторожному замечанию В. Дорошевского о местоименном происхождении ряда формантов, имеющих чисто грамматическую функцию, замечанию, к сожалению, не подкрепленному никакими доводами³. Речь идет о формантах *t, n, l, r, w, k*, которые Дорошевский называет именными детерминативами, так как они, „соединяясь с морфемами невыраженной грамматической категории, придают им форму существительных“⁴. Здесь, однако, возникает ряд сомнений: 1) по-видимому, большинство формантов, выступавших в роли древнейших суффиксов, обладало лишь грамматической функцией (а экспрессивная и предметная функция принадлежат более сложным и более поздним образованиям); 2) пока еще неясно, все ли

³ W. Doroszewski. Monografie słowotwórcze, I. — „Prace filologiczne“, t. XVIII, 1928, стр. 2.

⁴ Там же.

из этих формантов могут быть сопоставлены с местоименными элементами.

Тем не менее очевидно, что для некоторых формантов, в том числе для *t*, сопоставление с местоименными образованиями оказывается продуктивным.

Как элемент словообразовательной системы формант *t* не представляет новообразования славянской эпохи; в основных его функциях (в образовании глаголов и местоимений — целиком, в подавляющем большинстве первичных именных образований, в некоторых типах вторичного образования) он унаследован от общиндоевропейской эпохи. На славянской почве простые образования с этим формантом постепенно теряют продуктивность (особенно суффиксы первичного именного образования), передавая свои функции сложным суффиксам, построенным на основании простых.

В связи с этим по поводу аффиксов с формантом *t* необходимо отметить следующее:

1. Имеется большое число образований, параллельных образованиям с *n* в отношении строения аффиксов, их функций и отглагольного характера дериватов. Например: *-tb/-nъ* (дать — дань 'datio'), *-tb/-nъ* (остатѣкъ — станѣ), *-tie/-nie* (датиѣ — дание).

2. Во многих отношениях формант *t* противопоставлен форманту *k*; последний наиболее продуктивен во вторичных образованиях, а также в уменьшительных и экспрессивных словах.

Аффиксы с формантом *t* позволяют реконструировать чрезвычайно разветвленную систему:

1. Возможные аффиксы *t* + 1 + 2

1 \ 2		ноль	ъ	ь	о	а	е
		ноль	ноль	ноль	ноль	ноль	ноль
ноль		+	+	+	+	+	
ноль	+ j		+			+	+
а			+				
і			+				
ноль	+ r		+		+	+	
е(о)		+	+				
у				+			
ноль	+ l		+				
l			+	+			
u	+ n		+				
	+ x		+				
v			+	+	+	+	

2. Возможные аффиксы $1 + t + 2$

1 \ 2	ноль	ъ	ь		а	о	
			—	і +		—	v +
s		+—	+				+
ь	—	+—	+	і			
	+ s						+—
і	—	+—		+			
	+ s	+—					
а	—	+—					
	+ s	+—					
	+ š		+				
	+ v	+—					
о		+—	+		+		
е		+—	(+—)		+		
ъ			+				
u		+—	+		+		
y						+—	
ѣ	+—						
n	+—						

Замечания:

1. В сочетании с формантом *t* могут выступать: а) все гласные (исторически „темы“); б) согласные *x*, *n*, (*š*), *s*; в) сонанты *r*, *l*, *u*, *i*.

2. По-видимому, исторически отношения между элементами морфообразования не были равноправными и функции их не были одинаковыми. Известные нам словообразовательные системы включают гласные, и даже сонантные аффиксы не как продуктивные члены, а как фрагменты более ранних систем, в которых они господствовали; в качестве же продуктивных выступают более сложные суффиксы, построенные на согласных элементах, очевидно местоименного происхождения.

3. Подобно тому, как в сонантных аффиксах сонанты могли чередоваться, но не могли совмещаться в одном образовании, на новом этапе — консонантных аффиксов, согласные форманты могли чередоваться, но не могли совмещаться в одном образовании. Во всяком случае, если гласные и сонантные словообразовательные элементы можно свести к одной функции на основе анализа гетероклитических форм в разных языках, где сонанты образуют последовательные цепи чередований: *r/l*, *l/m*, *m/n* и др., то консонантные элементы, по-видимому, функционировали на такой стадии и в такой системе, которая обеспечила их исходную или раннюю функциональную дифференциацию. Ср. преобладание *t* в отглагольных образованиях, *k* — во вторичных, отыменных.

4. Общеславянская словообразовательная система с этой точки зрения должна быть квалифицирована как консонантная, причем с явной

тенденцией к объединению согласных аффиксов в более сложные образования. Наличие и продуктивность сложных суффиксов в славянской системе, естественно, ослабляют эту закономерность строения аффиксов.

5. Об элементе *s*. Суффиксы с согласным *s* перед *t*: *-astъ*, *-istъ*, *-o(e)stъ* являются модификациями функционально параллельных им *-atъ*, *-itъ*, *-tb*; элемент *s* — не морфологического происхождения. Ср. литовские аффиксы имен: *-tã/stã*, *štã*, *tjã/stjã*, *ti/sti*, *šti* и др.⁵ Чаще всего *s* считают вставкой или эвфоническим элементом; ср. у Миклошича: „Нередко суффиксы отличаются друг от друга только тем, что один из них характеризуется добавочным *s* или *z*: *-nъ* рядом с *-snъ*, *-znъ* в *presta-nъ*, *ba-snъ*, *bolé-znъ*; *-ina* рядом с *-isna*, *-izna*: *dolina*, *glavizna*; *-atъ* рядом с *-astъ*, так же как *-itъ* при *-istъ*: *bogatъ*, *plešastъ*, *imenitъ*, *plešistъ*. То же самое отмечается в *mnišbskъ* (т. е. *mniхъ-bskъ*), где *-bskъ* можно сопоставлять с греч. *ιχο*, лат. *-icu*“⁶.

Иное объяснение предлагает Бодуэн де Куртене⁷: фонетическое удвоение суффикса в польском и русском языках с последующей диссимиляцией аффрикат и взрывных. Польск. *jednoc* > (*jednoć*) > *jedność*. В русском языке этим путем образовался суффикс *-ость*, который сделался абсолютным господствующим. Тому же процессу подвергся в отдельных случаях суффикс инфинитива: польск. *wżąć* рядом с *wźąć* (благодаря тождественности фонетического состава: носовой + взрывной + фрикативный и носовой + фрикативный + взрывной), русск. *ujtiť* — *ujti*, *sojtiť* *s'a* — *sojtiť* и т. д. Возражения по этому поводу таковы: 1) почему результаты изменения идентичного суффикса в имени и в инфинитиве оказались различными в русском языке (*-ost'*, *-itiť*) и одинаковыми в польском (*-ść*)? 2) *s* в именном суффиксе возникал перед *t* и в других случаях, где его появление нельзя объяснить удвоением (ср. *-istъ*, *-astъ*); 3) возникновение *-ść* в польском языке датируется концом XV в. для имени и XVII в. для инфинитива; соответствующие суффиксы русского языка и других славянских языков несравненно более древние; 4) по крайней мере, для русского языка нет никаких оснований связывать происхождение суффикса *-ость* с поздним диалектным удвоением инфинитивного суффикса.

Сфера значений славянских суффиксов с *t* достаточно широка, что подтверждается следующей схемой⁸ распределения их по основным семантико-словообразовательным типам:

1 \ 2	res	abstractum	persona
actio	tja etъ tra ьтъ utъ ьтъ uta otъ tro tvъ	тъ, to, ть tvo tva	tajъ trъ tunъ tijъ terъ tuhъ telъ torъ
relatio	ta, to tyrъ yto	stvo	atъ itъ astъ istъ avъ
qualitas	—	ota eta etъ otъ estъ ostъ otja etja stvo	—
emotio	—	—	—

⁵ См.: A. Leskien. Указ. соч.

⁶ Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. II, Stammbildungslehre, стр. XXII.

⁷ J. Baudouin de Courtenay. Dopplung des Suffixes *-ti-* in der polnischen und russischen Sprache. — „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slavischen Sprachen“, Bd. VI. Berlin, 1868.

⁸ Ср. выше, стр. 83.

Как видно из таблицы, функционирование образований с *t* имеет следующие ограничения: 1) названия предметов и лиц по их качеству; 2) деминутивы и экспрессивные слова. Особенно продуктивны суффиксы с *t* в отглагольных дериватах.

2

1. Славянский именной суффикс **tī* имеет широкие параллели в индоиранской, балтийской, германской, итальянской, греческой группах, а также в хеттском языке. Санскр. *gá-ti-h* (*gatiḥ*) 'приход' к $\sqrt{gam}$ 'идти'; *bhṛ-ti-h* 'несение' к $\sqrt{bhṛ}$ 'нести'; *mátīh* (*matih*) 'мысль' к $\sqrt{mṛ}$ 'думать'. В др.-перс. надписях представлены многочисленные рефлексy типа **teī* в тематических образованиях, производных к этому типу: *martya* 'смертный, человек', *anutya* 'свита, сопровождение'. Авест. *čistiš* 'мысль, узнавание', *jitiš* 'жизнь', *mā-ti-š* 'мудрость', к $\sqrt{mad}$ (с характерной диссимиляцией *dt > st*, подобно славянской). Лит. *mintis* 'память'; гот. *(ga)-munds* 'память'; др.-в.-нем. *(gi)-burt* 'рождение' (< **-bhṛ-teī*); лат. *mens*, *mentis* 'ум'; греч. *βάσις*, *φύσις*; хетт. *haštai* 'кость' (ср. род.). Ср. также абстрактные имена с суффиксом *-ašti*: *palḥašti* 'широта' (*palḥi-* 'широкий'), *dalugašti* 'долгота' (*daluki-* 'долгий, длинный').

2. Реконструируемая форма этого суффикса для общиндоевропейского уровня — **teī*, хотя, как показал Бенвенист⁹, вполне вероятно, что он стал выступать и на месте суффикса среднего рода **tī*. Бенвенист указывает на слово *ночь*, которое первоначально имело вид *nokti* и принадлежало к среднему роду, а позднее было вовлечено в тип **teī* женского рода. Вообще в чистом виде не сохранилось имен на **tī* среднего рода, но о существовании их в более ранние эпохи свидетельствуют многочисленные производные тематического типа на **-tīo*, особенно наречия.

Следует, однако, заметить, что реконструкции Бенвениста именно в этом пункте подверглись критике¹⁰. Был поставлен под сомнение восстановленный им по аналогии с типами на **-u > *-eu* тип основ на **-tī* среднего рода (**-teī > *-tī*), во-первых потому, что исконный параллелизм основ на **-u* и основ на **-i* не доказан, во-вторых потому, что слово **nokti*, на которое опирается Бенвенист, не является надежным примером слов с суффиксом **tī*, ибо, как замечает сам Бенвенист, *-t-*, очевидно, принадлежит основе, а не суффиксу.

3. Суффикс **-teī* выступает как первичный и как вторичный, т. е. образует имена и непосредственно от корня, и от производных основ. Например, лат. *sēmentis* 'посев' при *sēmen* 'семя' (основа на *-en*). Вообще, очевидно, вторичная функция не была чужда аффиксам с *t*. Ср. образования на *-t* от тех же основ на *-en*, давших на славянской почве суффиксы *-yto*, *-yta*, *-tŭ*: **kapan-ta-m > *kopy-to* (как *kapan* 'камень'); *koryto* 'корыто' и т. п.¹¹.

4. В соответствии с законом морфологической структуры индоевропейского слова, сформулированным Э. Бенвенистом¹², индоевропейские образования на **teī* имели нулевую огласовку корня: *bhṛ-tiḥ* ($\sqrt{bhṛ}$), *gatiḥ* ($\sqrt{gam}$), *matih* ($\sqrt{mn}$, *n > a*). Очевидно, санскрит здесь наиболее

⁹ Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.

¹⁰ См.: F. Specht. Рец. на книгу: E. Benveniste. Origines de la formation des noms en indoeuropéen. — Gnomon 14 (1938), стр. 30—37; G. Liebert. Das Nominalsuffix *-ti* im Altindischen. Lund, 1949.

¹¹ См.: Burda. Beiträge zur Kenntnis einiger Suffixe im Slavischen. — „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung“, Bd. VI. Berlin, 1868.

¹² Э. Бенвенист. Указ. соч.

показателен, так как обнаруживает вполне систематическое чередование огласовок как в именах, так и особенно в глаголах¹³.

В общеславянский период индоевропейские образования на **teĩ* сохранили нулевую огласовку корня, например: *мьсть*, *чьсть*, *(сѣ)мьрть*. Случаи, когда славянские образования на **tĩ* имели гласный корня на долгой ступени, должны интерпретироваться либо как новообразования славянской эпохи — по соотношению с глаголами, сохранившими только долгую ступень вокализма корня, когда регулярность чередования была утрачена, — либо как факты вторичной вокализации — под влиянием тех же глагольных основ. Ср. *вѣсть* — *вѣдѣти*.

5. Что касается типа корней, дававших образования на **teĩ* в общеиндоевропейский период, то, очевидно, они не могут быть строго квалифицированы как глагольные или как именные из-за отсутствия такого резкого разграничения на индоевропейском уровне. Индоевропейский корень в большинстве случаев мог давать многочисленные основы как глагольного, так и именного типа, тогда как распределение основ по этим типам, которое мы встречаем на славянском уровне, происходило значительно позднее. Известно, что многие именные образования были включены впоследствии в систему глагола; среди них, пожалуй, самое значительное место занимают образования с элементом *t* (древнейшие и более поздние); таковы причастия на *-tъ*, некоторые инфинитивы, особенно в индоиранских и балтославянских языках, а также другие — имена *actionis* и *agentis*. Эти последние не включены в глагольную парадигму, но связаны с глаголом и воспринимаются как отглагольные образования (хотя позднейшие образования этого типа действительно являются глагольными, что подтверждается присутствием в них глагольных приставок).

В индоиранских языках хорошо сохранились древнейшие параллельные образования именного и глагольного типа. Поэтому почти каждое имя может быть возведено к соответствующему глагольному корню, а всякий корень вообще понимается как глагольный корень (индийская традиция, ср. также семитскую традицию). Кроме того, в этих языках, особенно в санскрите, строго соблюдается аблаут, и именные образования, в зависимости от их типов, принимают строго определенную огласовку глагольного корня. Для образования на **teĩ*, как и в славянских языках, используется корень на нулевой ступени. Интересно, что эти слова, как и причастия на *-tъ* и некоторые другие образования, в отношении огласовки корня отступают от общего правила, по которому первичные имена (с др.-индийской точки зрения) имеют огласовку второй ступени — *guṇa*; т. е. они сохраняют индоевропейскую огласовку и не подвергаются воздействию со стороны продуктивного типа древнеиндийских отглагольных имен.

На славянском уровне неизбежное переосмысление корневых образований вызвало ассоциацию именно с глагольными основами, может быть не без влияния продуктивных причастных типов на *-tъ*.

6. С точки зрения индоевропейской словообразовательной системы суффикс **teĩ* представляется разложимым. Исходными элементами, из которых строились индоевропейские суффиксы, были сонанты: *u*, *v*, *m*, *n*, *r*, *l*. Всякий суффикс мог быть тематизован и, кроме того, широко использовались сочетания суффиксов, в которых могли участвовать и не сонантные элементы *t*, *s*, *k*. Принципиально любое сочетание из всех элементов по одному, по два и по три могло служить суффиксом — первичным или вторичным. Такое строение суффиксов, очевидно, не

¹³ Абсолютный характер закона аблаута не является, однако, общепризнанным. Высказываются доводы в пользу того, чтобы ограничить его действие арийской и греческой территориями. См.: F. Specht. Указ. рег., стр. 30—37.

предполагает непереносимости последовательности присоединения элементов, в которой каждый элемент репрезентует особую основу с собственной историей функционирования и допускает одновременность соединения нескольких элементов. По крайней мере, на славянском уровне плохо реконструируются основы на *-t-*, от которых можно было бы производить тип **-tī*, однако для санскрита производность **-ti*-основ от *-t*-основ может получить обоснование. Ср. Бругман: „Параллелизм *-ti-* и *-t-*, например, др.-инд. *sám-i-ti-š* и *sám-i-t* ‘встреча’; *daša-ti-š* и *daša-t* ‘десяток’, соответствует параллелизму, например, др.-инд. *dr̥ši-š* и *dr̥š* ‘видение’, и потому *ti*-основы должны рассматриваться как продолжение *-t*-основ посредством *i*“¹⁴.

Однако, если **-tī*-основы первоначально должны были с необходимостью предполагать **-t*-основы, то остается необъясненным факт отсутствия в большинстве основ тематизации форманта *t* в случае присоединения его к корню, оканчивающемуся на согласный: др.-инд. *citti-*, авест. *čistay-*, ст.-сл. *čьstь* (ср. ригведические основы с тематизованным *t*: *vah-at*, *vāgh-at*)¹⁵. Спорадический и реликтовый характер образований на *-ti-* с предшествующей тематизацией суффикса *-t-* заставляет предположить чрезвычайно древнюю морфологизацию сочетания элементов *t* и *i*, при этом древнейшие образования на **-ti-* от согласного корня, очевидно, должны связываться уже с этим периодом функционирования **-ti-* как единого морфологического элемента, не вызывавшего обязательной тематизации основы.

Если на древнейших этапах развития языка словообразование и основообразование (и даже словоизменение — ср. гетероклитические типы склонения) не были строго разграничены, то для более поздних этапов такое разграничение обозначилось (в результате утраты наиболее употребительными суффиксами ошутимого лексического значения и их широкой морфологизации, что вызвало усложнение собственно словообразовательных элементов). В рассматриваемой модели с суффиксом **-tī* справедливо приписывать словообразовательное значение обоим элементам вместе. Однако для славянской эпохи условно можно рассматривать элемент *t* как словообразующий, а элемент *i* — как основообразующий. При этом *i* оформляет данный тип слов совершенно так же, как и в тех случаях, когда он выступает самостоятельно или в сочетании с другими элементами, например, с *n*. Ср. русск. *скорбь*, *лѣзь*, *жаль*, *падь*, *дань*; санскр. *dr̥ši-š* ‘видение’.

7. Вопрос об ударении в типе **-teī* в индоевропейский период связан с тем фактом, что этот тип объединил образования на **-tī* неодушевленного рода и образования на **-teī* одушевленного рода. Бенвенист указывает, что все детали, включая место ударения, подчеркивают исключительное сходство, объединяющее типы **-ī* и **-u*, и наоборот, глубокое различие, отделяющее **-eī* от **-ī* и **-eu* от **-u*. Это общее положение распространяется и на типы **-tī* и **-teī*. Первые имели баритонное ударение, а окситонные образования возможны были исключительно посредством **-teī*. Позднейшее же превращение этих образований на **-teī* в баритонические (многочисленные индийские абстрактные имена на *-ti*) Бенвенист считает результатом взаимовлияния существительных среднего рода на **-tī* и производных на **-teī*, т. е. объясняет влиянием баритонического среднего рода на **-tī*. В древнеиндийском языке существовали имена на *-ti* с двойным ударением: *gātiḥ* и *gatiḥ* ‘приход’, *mātiḥ* и *matiḥ* ‘ум’. Такие же двойные варианты есть для имен *agentis* с суффиксом *-tar-* — ударение накоренное или суффиксальное

¹⁴ K. Brugmann und B. Delbrück. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. II. Straßburg, 1906, стр. 428.

¹⁵ См.: G. Liebert. Указ. соч., стр. 110.

с семантическим распределением: имена, обозначающие временный признак или деятельность, имеют корневое ударение, а имена, обозначающие признак постоянный или профессию, имеют суффиксальное ударение. Показательны ведийские примеры с обозначенным ударением: *dātar* 'дающий', *dātār* 'даятель, щедрый человек'. Возможно, что и в словах на **-tei* различие в ударении выражало какие-то оттенки значения.

А. Мейе считает, что ударение в этом типе меняло свое место в зависимости от падежей. Что касается общеславянского периода, то у Мейе есть следующее общее замечание: "...Все имена, имеющие абстрактное значение или значение, развившееся из древнего абстрактного, имеют ударение на корневом элементе"¹⁶.

В образованиях позднейших — в приставочных (по образцу глаголов) именах actionis и сложных именах, включающих основы на **-ti*, ударение, по-видимому, подчинялось общим правилам, т. е. приставки, как и в других типах, могли перетягивать ударение на себя, а сложные слова имели ударение в зависимости от типа сложения. Ср. *pódatb*; *syromjábь*. Вообще в послеиндоевропейский период тип **-tei* получил широкое распространение на конце сложных слов в разных языках (санскр. *dēva-hitis*, авест. *vispō-pitis*, ст.-сл. БЛАГОДАТЬ).

8. До настоящего времени в славянских языках сохранилось значительное количество слов на **-ti*. Подавляющее большинство их относится к женскому роду и очень небольшое число — к мужскому: *тать*, *зять*, *гость*. Слов среднего рода нет. В индоевропейском склонении основ на **-tei* были представлены все три рода, хотя существительные среднего рода примкнули к нему позднее из имен на *-i* (и-е. название овцы **ouī*).

В некоторых языках, например в древнеиндийских, существовали имена среднего рода на *-i*, но, очевидно, более позднего происхождения, а индоевропейский тип среднего рода на **-i* исчез.

Существительные женского рода на **-ti* до сих пор сохранили в славянских языках склонение на *-i* (разумеется, там, где вообще сохранилось склонение). Что касается слов мужского рода, то они в силу своей непродуктивности изменили свой морфологический тип путем тематизации и перешли в склонение на *-o* мягкой разновидности.

9. В славянских языках существительные на **-ti*, как никакие другие, дают возможность проследить взаимоотношения систем имени и глагола на славянском и еще более ранних уровнях. Надо заметить, что такой же интерес представляли бы имена на **-ti̯*, если бы они сохранились, так как они во всех отношениях, в том числе и в своих связях с системой глагола, параллельны именам на **-ti*.

Районом пересечения систем имени и глагола является инфинитив, и для многих языков он генетически связан с абстрактными именами на **-ti*. Инфинитив на *-ti* используется в индоиранских, балтославянских и кельтских языках, но наиболее устойчиво именно в славянских, где он является единственной формой инфинитива.

Относительно общеиндоевропейского языка нельзя утверждать, что в нем существовали инфинитивы, хотя именные образования, которые впоследствии, будучи вовлечены в систему глагола, стали употребляться в роли инфинитивов, уже были представлены. О том, что инфинитивы являются позднейшими по отношению к общеиндоевропейской эпохе образованиями, свидетельствует несовпадение форм инфинитива в разных языках и отсутствие их в некоторых языках.

¹⁶ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 274.

Как правило, функции инфинитива закреплялись за одним из падежей или за несколькими падежами существительных со значением абстрактного действия. Очевидно, одну из самых ранних стадий формирования инфинитива отражает древнеиндийский язык ведийского периода, в котором в роли инфинитива могло выступать более двадцати форм абстрактных имен. Особенно легко превращались в инфинитивы следующие типы имен: корневые атематические, сохранившие древнейшее абстрактное значение действия (*bhuvē* dat. от $\sqrt{bhū}$ 'быть'), основы на *-as* (*agase* dat. от $\sqrt{ā}$ 'идти'), имена на *-ti* (*pitāye* 'пить') и имена на *-tū* (*etave* 'идти', dat.). Эти последние имена на *-tū* в форме асс. sg. представляли единственную форму инфинитива для эпического и классического санскрита — инфинитивы на *-tum*: *śrotum* 'слышать' (ср. славянский и литовский супин).

Иной этап и иной путь отражают, например, древнегреческий и латинский языки, где каждая временная глагольная основа имеет свой инфинитив: $\lambda\epsilon\iota\pi\epsilon\iota\nu$, $\lambda\iota\pi\epsilon\iota\nu$. Здесь обнаруживается наиболее тесное слияние именных (древнейших корневых и отглагольных) образований со всей системой глагола.

В гораздо меньшей степени это свойственно славянскому инфинитиву.

В славянских языках имена, превратившись в инфинитивы, восприняли лишь одну из грамматических категорий глагола — вид. Это, однако, не означает, что славянский инфинитив сохранил до настоящего времени какую-нибудь связь с именем. Эта связь только историческая.

Если ведийский язык отражает эпоху свободного употребления имен в функции инфинитива, то для славянского языка древнейшей доступной для изучения эпохой является такая, когда роль инфинитива выполняли исключительно имена на **-ti* в форме дательного падежа с сохранением слабой огласовки корня. Предположение о том, что и в славянской области эта форма не была единственной, основывается не только на сопоставлении с другими языками, но и на некоторых славянских фактах. Так, Г. А. Ильинский в сообщении „К истории инфинитива в праславянском языке“¹⁷ касается этого вопроса, объясняя необычные формы инфинитива на *-te*, встречающиеся на севере русской территории. Еще Шахматов в работе о языке новгородских грамот обращал внимание на эти формы, интерпретируя их как фонетические замены обычных инфинитивов на *-ти*. Ильинский предлагает морфологическое объяснение. В инфинитивах на *-te* он видит сохранение в роли инфинитива существительных с основой на *-t* в дательном падеже: праславянское **datē*. Возможность такой формы подтверждается материалами балтийских языков. Эта форма пришла в общеславянский язык уже с готовым значением инфинитива и потому избежала влияния того процесса, по которому основы на *-t* восприняли в дательном падеже окончание *i* из склонения основ на *-i*. Инфинитивы на *-tē* не проявили большой жизнеспособности в праславянском языке и были вытеснены более продуктивными формами на *-ti* и *-tb*. Обособлению инфинитива от имени способствовала не только его неизменяемость и особая синтаксическая функция, но и то, что производные от приставочного глагола существительные на **-ti*, дублирующие инфинитивы, получали иное по сравнению с инфинитивами — приставочное — ударение: *própastb* — *propástb*, *podatb* — *podátb*. Кроме того, инфинитивы, став продуктивными образованиями, часто присоединяли *-ti* к формообразующему элементу типа *a*, *ě*, *i* (что характеризует основы инфинитива), тогда как именные обра-

¹⁷ Г. А. Ильинский. К истории инфинитива в праславянском языке. Доклады АН СССР, серия В, 1930.

зования на **-ti* присоединяли суффикс непосредственно к корню: *věděti* — (*věd-ti*) *věšť*, *stradati* — (*strad-ti*) *strastь*.

10. Древнейшим значением имен на **ti* является значение *nomina actionis*. Подавляющее большинство слов, принадлежащих к этому типу, древних и новых, имеет именно это значение, и не только в славянских языках. Сравнительно небольшое число этих имен получало впоследствии значение *nomina agentis*: слав. *tatь* 'утаивание, укрытие' > *tatь* 'вор'; др.-инд. *čittiš* 'понятие, понимание, смысл' > *čittiš* 'понятливый, умный'. Слова, имеющие конкретное значение, типа *věšť*, *sěť*, *slastь* и др., несомненно, получили его позднее — сужением абстрактного значения.

3

I. История функционирования именной словообразовательной модели с суффиксом **-ti* и ее отражений в славянских языках восстанавливается на основании возможно более древних отношений, поскольку уже самая ранняя из засвидетельствованных систем (старославянский язык) отражает последний этап в развитии данной словообразовательной модели, — когда сама эта модель еще поддерживается глагольной корреляцией и относительной продуктивностью (несколько калькированных греческих слов), но уже ослаблена весьма малой регулярностью и невыявленностью в целой категории слов. Понятно поэтому, какую ограниченную информацию содержат памятники последующих эпох — именно: процессы вытеснения отглагольных образований на **-ti* их производными со значением *actionis* на **-tije* и дальнейшая история этих последних. Они демонстрируют промежуточные стадии того процесса, результатом которого являются современные рефлексy на **-ti* в славянских языках.

Таким образом, поскольку период активного функционирования словообразовательной модели с суффиксом **ti* лежит за пределами исторически засвидетельствованных систем (вероятно, в праславянском языке), то наибольшая информация об этой модели может быть извлечена из самой древней системы, содержащей наибольшее число противопоставлений, дающих возможность проецировать вперед и назад (*prediction* и *postdiction*).

Древнейшие системы исторического периода характеризуют три сферы слов, отражающих общеславянскую модель с суффиксом **-ti*; 1) унаследованные из общеславянского языка слова, лишенные структуры; 2) отглагольные *nomina actionis* с отчетливой глагольной корреляцией; 3) производные от второго типа абстрактные имена *actionis*, усиленные аффиксом *-je*.

Кроме названных трех групп слов, есть переходные случаи между 1 и 2-м типом.

Для выяснения структурных отношений абстрактных имен с суффиксом **-ti* целесообразно привлечь два вида противопоставлений, восходящих, очевидно, к праславянскому периоду: 1) чрезвычайно регулярное, категориальное противопоставление глаголов именам *actionis* (др.-русс. *страдати* — *страдание*, ст.-сл. *жити* — *жизнь*, *жить*, *житие*); 2) не менее регулярное соотношение между прилагательными и абстрактными существительными, произведенными от прилагательных (др.-русс. *лють* — *лють*, *лютость*; *прость* — *прость*, *простота*).

Если предположить, что причастия участвовали в противопоставлении второго типа, наряду с прилагательными, то имена на *-ть* можно рассматривать как абстрактные образования от причастий на *-т* по модели 'основа + в'. Однако такое предположение отвергается по следующим причинам:

1. Причастия в их деривативной функции не отличаются от прилагательных. Ср. *станѣ — станѣкъ = бѣлѣ — бѣлѣкъ; ѡченѣ — ѡченѣсть, растворимѣ — растворимѣсть = бѣдѣнѣ — бѣдѣнѣсть*. Поэтому необъяснимым оказывается: а) резкое семантическое различие между абстрактными образованиями от прилагательных и от причастий: последние имеют значение *nomina actionis*; б) различие синонимических моделей — образования от прилагательных с суффиксом *-ѣ* синонимичны образованиям с *-je, -izna, -ostъ, -ota* и т. д., тогда как абстрактные имена на *-тъ* соотносятся с именами *actionis*; в) как правило, адъективные дериваты на *-ѣ* имеют параллельные образования с другими абстрактными суффиксами: *лютъ — лютость, новѣ — новѣсть, простѣ — простѣсть*; причастия на *-тъ* не дают таких образований.

2. Причастия на *-тъ* образуются от корневых глаголов, у которых корень оканчивается на чистую гласную или *ѣ, а*. Есть только несколько образований от основ на согласный типа *извѣстѣ*. Во всяком случае, невозможны причастия с *-тъ* от задненебных основ, в то время как имена на **-tī* от них достаточно распространены: *моуѣ, печѣ, рѣѣ* и др.

3. Наконец, нет оснований отвергать преемственность между данным славянским типом и соответствующими образованиями других языков, прежде всего балтийской и индоиранской групп, тогда как тип „основа прилагательного + *-ѣ*“ с абстрактным значением квалифицируется как славянский.

Таким образом, существительные на **-tī* обнаруживают отчетливую соотнесенность с глаголом и выступают как *nomina actionis*, причем корреляция с причастиями не отражает их генетических связей и исторически определяется тем, что это были параллельные именные производные непосредственно от корня (позже глагольного) с помощью суффикса *t*, по-разному тематизованного; впоследствии за основами на ** ѡ* закрепилось, вместе с функцией причастия, значение *nomina agentis*; основы на **-ī-* сохранили в большинстве случаев значение *actionis*.

Образования с **-tije* также не могут восприниматься как отпричастные: тип причастий на *-тъ* и тип имен на **-tije* имеют неодинаковое распределение по отношению к глагольным основам, а это не может быть объяснено как простое лексическое ограничение. Например, в древнерусском языке употребительны причастия с *-тъ* от основ на *-ноу-*, абстрактные же имена на *-тие* от них не образуются. И, наоборот, некоторым именам на *-тие* не соответствуют причастия: *творитие, змѣртѣе, прѣдставитѣе*.

Эта система, существовавшая уже в исторический период, разрешает сделать следующие заключения:

1. Производный характер образований на **-tije* по отношению к именам на **-tī* позволяет заключить о системе двойного противопоставления, предшествовавшей данной. Ее члены: 1—2 (1 — слова на **-tī*, лишенные структуры; 2 — отглагольные *nomina actionis* на **-tī*).

2. Наличие обособленных групп (1—2) — информативных и безыноформативных с точки зрения древнейшей эпохи, с одной стороны; наличие промежуточной группы, пополнявшейся за счет утраты или нарушения глагольной корреляции словами 2-й группы — с другой, лишь отчасти (не для всех слов) объясняет происхождение 1-й группы и, во всяком случае, не дает представления о непрерывном переходе 2 → 1, поэтому естественно предположить для еще более раннего этапа существование только 1-й группы. Это заключение излишне, если считать, что все слова на **-tī* имеют отглагольное происхождение. Однако эти

мологии ряда слов не устанавливают этого. Миклошич¹⁸ называет для старославянского языка следующие образования, не соотносительные с глагольными основами: *klětb*, *lětb*, *mistb*, *noštb*, *prěstb*, *plětb*, *plěstb*, *opętb*, *ratb*, *ritb*, *srěstb*, *trěstb*, *veštb*, *vastb*, *vъzvіtb*.

Таким образом, реконструируемая относительная хронология образований на **-tī* отражается следующей таблицей:

	1	2	3		1	2	3
I этап	+	—	—	III этап	+	+	+
II этап	+	+	—	IV этап	+	—	+

Примечания.

1. Центральным звеном, на основе которого реконструируются более ранние, является III этап.

2. Первая категория, безыформативная на III этапе, не получает объяснения и на предшествующих уровнях. Интересно, однако, что устойчивость этой категории обратно пропорциональна ее информативности.

3. IV этап соответствует современному состоянию славянских языков, где имена на **-tī* в подавляющем большинстве случаев не ассоциируются с глаголами, а в редких случаях имеют нарушенную корреляцию.

4. В современных славянских языках имена на **-tī* и имена на **-tije* находятся в отношении дополнительной дистрибуции к производящим основам (реальным или восстанавливаемым).

5. Источником изменения I→IV являются факторы структурные и семантические: 1) нарушение или устранение коррелятивного отношения с глагольной основой; 2) утрата абстрактного значения *nomina actionis*. Эти два фактора взаимны, но первый превалирует и обуславливает второй.

6. Между III и IV этапами лежит период высокой продуктивности образований 3-го типа и, вместе с этим, нейтрализация образований 2-го типа, в которых та же функция имела менее яркое выражение; в результате *nomina actionis* 3-го типа получили непосредственную соотнесенность с глагольной основой и более высокую по сравнению с именами на **-tī* регулярность.

Однако распространение этого типа в разных славянских языках различно, что, по-видимому, подтверждает относительно поздний характер этих процессов.

7. В исторический период функционирование словообразовательной модели отглагольного имени с суффиксом **-tī* носит ограниченный характер, потому что даже в самую раннюю эпоху эта категория разрушалась тяготением, с одной стороны, к словам с неясной внутренней формой, т. е. потерявшим признаки своей производности, с другой — к классу слов, в которых их отглагольная производность выражалась более надежными средствами, т. е. средствами, маркированность и устойчивое значение которых поддерживались на этом уровне целой системой средств.

II. Таблица фонетических рефлексов суффикса **-tī* в современных славянских языках.

¹⁸ F. Miklosich. Указ. соч.

Аффикс	Языки						
	поль- ский	чеш- ский	русский	украин- ский	бело- русский	болгар- ский	сербскохор- ватский
* -tŭ после гласных и согласных (кроме зад- небных)	-ċ	-t' ¹ -t	-ть	-ть	-ць	-т	-т
* tŭ после заднеб- ных	-с	-с	-чь -ць ²	-ч	-ч	-щ	-ћ
* -tije	-cie	ti	-тие -тье	-ття ³ -тя	-ще	-тие	-ће

Примечания.

1. В современном чешском языке на конце существительных женского рода на месте *-tŭ употребляется t' и t, по-видимому, с фонетическим распределением: t после s. Например: *hrst, kost, mast, slast, lest, vlast, pověst*. (Ср. также слова на -ost: *milost, moudrost, možnost*, но: *drť, hať, chot, síť, nit, mýt, lať, paměť*). Вообще в чешском языке позиция конца слова является различительной для твердых и мягких зубных фонем (остальные отвердели во всех положениях), однако не удается сформулировать правила морфологической обусловленности для каждого случая. А. М. Селищев считает нормальным для чешского языка отвердение прежнего полумягкого t' перед ь, а случаи, где, вопреки общей тенденции к отвердению, t получало мягкость, он объясняет морфологической аналогией — влиянием форм косвенных падежей с мягким t'. Тот факт, что большая часть слов того же типа склонения не воспринимает этой аналогии, остается без объяснения. Процесс изменения полумягкого t' объединяется Селищевым для позиций перед e и перед ь: „Перед e, ь судьба средне-мягких t, d, n была неодинакова в чешско-моравской и словацкой группах. В чешско-моравской группе t, d, n в этом положении не только не развили полной мягкости, но утратили и прежнюю степень мягкости: они стали твердыми — *neseš, pleteš, vedeš, svatba, sudba, host*.”

Некоторые имена существительные с прежней основой на -i (-b) представляют мягкий согласный перед утраченным -ь: *pout', zet', nit', sín', síť*. В этих случаях мягкость конечного согласного основы обязана влиянию прочих форм с окончанием -i или -ě: перед -i, -ě согласные t, d, n были мягки: *pouti, niti, zet'e (zetě)*...

В восточноморавских говорах и у словаков t, d, n развили полную мягкость перед e, ь: словацк.: *n'es'ieš, ved'ieš, d'en' (deň), ot'ec (otec), mläd'en'ec (mládenec — «юноша»)*¹⁹. По поводу приведенных положений Селищева можно заметить следующее: 1. В словах типа *svatba, sudba* твердый t может быть результатом ассимиляции с последующим b (ср. отвердение других согласных: *prosba, honba, hrozba*). 2. Если отвергать фонетическую закономерность отвердения t' после s, то слово *host* может получить морфологическое объяснение: изменение типа склонения и уподобление существительным мужского рода, как правило, не имеющим t'. В таком случае нормальным изменением полумягкого t' перед ь можно было бы считать смягчение (объединяющее чешско-моравскую область со словацкой, в отличие от случаев перед e, где

¹⁹ А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, стр. 110. См. также: Л. Э. Калыгин. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1960, стр. 91.

результаты изменения различны), а отклонения от этого правила рассматривать как фонетически обусловленные.

2. *-щъ* — старославянское соответствие русскому *-чь*.

3. В украинском языке на месте нормальной формы *-ття* выступает безударное *-тя* в положении после *с*: *зап'ястя, нещастя*.

Примеры:

Польск.: *chuć, chęć, maść, nić; nos, nos, piec; obumarcie, wumarcie, odkrycie, zadarcie, wycie*.

Чеш.: *drť, hať, kost, hrst, smrt; klec, nos, nos, pec; bití, bodnutí, bytí, kutí, krytí*.

Русск.: *вѣсть, память, смерть, честь; ночь, печь, сечь, мощь, помощь; закрытие, бытие*.

Укр.: *зависть; ніч; забиття, забуття, завзяття, заняття, зап'ястя*,

Блр.: *косьць, смерць, памяць, страць; ноч, печ; поняцце, быццё, узяцце, адкрыцце*.

Болг.: *благодат, вест, власт, грѣст; нощ, мощ; възприятие, битие, безвластие*.

Серб.: *бѣт, благодат, благодет, смрт, памѣт, вѣст, власт, клѣт, коѣст, мѣст; моћ, ноћ, пѣћ, рѣћ; бѣће, жиће*.

III. Морфологические рефлексy суффикса **-tĭ* в современных славянских языках.

1. Современные славянские языки сохранили в своем составе ограниченный ряд слов, принадлежащих к сфере действия словообразовательной модели с **-tĭ*. Для всех славянских языков эти слова должны быть охарактеризованы как образования, которые в период продуктивности словообразовательной модели *nomina actionis* с суффиксом **-tije* уже не проявляли непосредственной соотнесенности с глагольной основой или их корреляция была нарушена в отношении структурном или семантическом. Рядом с более продуктивными образованиями на **-tije* слова *actionis* с суффиксом **-tĭ* не удерживались.

2. Поскольку активное функционирование образований на **-tije* и, очевидно, параллельное существование моделей с **-tĭ* и с **-tije* можно связывать с праславянским периодом, постольку оказывается объяснимой лексическая близость сохранившихся существительных с рефлексами **-tĭ* в разных языках.

3. Второй сферой проявления морфологических рефлексов суффикса **-tĭ* в современных славянских языках являются образования на **-tije*, для которых можно восстанавливать два периода на основании современных противопоставлений: 1) период параллельного функционирования **-tĭ* и **-tije* с постепенным статистическим возобладанием форм с **-tije*; 2) период продуктивного аналогического образования имен с суффиксом **-tije* непосредственно от глагольных основ, минуя ступень образований с **-tĭ*. Этот второй процесс, судя по его различным результатам в разных языках, относится к эпохе после общеславянской.

4. Соответственно двум периодам — два типа образований на **-tije* со значением *actionis* (явным или легко восстанавливаемым), унаследованных современными славянскими языками²⁰. Формальное различие их: для первого типа производящими основами являются основы того же класса и вида, которые давали образования на **-tĭ*, для второго типа — как правило, иные основы: основы с классовыми показателями (кроме основ маркированного несовершенного вида). Особое положение занимают имена первого типа от приставочных глаголов, так как ярко вы-

²⁰ Несохранение отдельных слов на **-tije* в славянских языках не связано с системными изменениями и является лексическим фактом (в отличие от слов *nomina actionis* с **-tĭ*).

раженная на первом этапе способность приставочных основ давать образования с **-tŭ* во многих случаях оставалась нереализованной, и тогда последующие производные от этих глаголов на **-tije* должны восприниматься как аналогические образования второго типа, что подтверждается их семантическим сходством со словами указанной второй категории.

5. Есть тенденция к семантическому различию этих типов: первые могут утрачивать значение actionis, получая предметное значение; вторые, а также некоторые приставочные образования первого типа сохраняют корреляцию с глагольной основой и вместе с этим значение отглагольного имени действия. Ср. серб. *bŭhe* 'существо', уст. 'имущество', *dŭhe* 'пошлина, налоги', болг. *vъзприятие*, *безвластие*; образования второго типа продуктивны в западославянских языках: польск. *dotknięcie*, 'прикосновение', *draśnięcie* 'царапанье', *naszycie* 'нашивка' (действие), *objęcie* 'объятие', *opięcie* 'обтягивание', *pożarcie*, 'съедение' и т. д.

6. Продуктивность образований на **-tije* различна в разных славянских языках, причем в исторический период она непрерывно снижается, за исключением языков западной группы, где эта словообразовательная модель распространялась и на глагольные основы однократного совершенного вида с суффиксом *-n*: чеш. *bodnouti* 'уколоть, ужалить', *bodnutí* 'укол, прокол'; польск. *wygasnąć* 'угаснуть, потухнуть, истечь' — *wygaśnięcie* 'угасание, потухание; истечение (срока)'; *pchnąć* 'пихнуть' — *pchnięcie* 'удар, толчок'. Значительной продуктивностью отличаются производные на **-tije* от приставочных глаголов, особенно в польском языке: *dojście* 'приближение, разузнавание, созревание'; *nadejście* 'прибытие, наступление', *najście* 'нашествие'; *obejście* 'обход, обхождение, обращение'; *odejście* 'уход, удаление'; *przyjście* 'приход, прибытие'; *ujście* 'уход, бегство; устье, выходное отверстие'; *wejście* 'выход'; *zajście* 'столкновение, спор, ссора'; *zejście* 'спуск, нисхождение'. Наиболее полные „парадигмы“ приставочных образований представлены у глаголов *bić*, *być*, *czuć*, *iść*, *kryć*, *cieć*, *giąć*, *pić*, *szuć*, *-mierać*, *-pierać*, *żyć*.

7. В южных и восточных славянских языках отглагольные производные с **-tije* непродуктивны; они представляют собой сравнительно узкий лексический круг, унаследованный от более ранних эпох, потерявший соотнесенность с основами глагола. Например, укр. *завзяття* 'упорство', *заповзяття* 'рвение, задор'; русск. *укрытые* (убежище), *событие* (случай); болг. *покритие* 'погашение' (финансовый термин), *събитие* 'событие'.

8. Славянское значение индоевропейского суффикса **-jo* может быть определено как „обобщающее“: он употребляется для образования абстрактных имен со значением отвлеченного действия или качества; присоединяясь к основам конкретного значения, он дает производные собирательного типа — в соответствии с его общим значением.

В славянских языках этот суффикс, образуя имена среднего рода, имеет исключительно форму **-ijo* в соответствии с **-jo* в других языках (например, лат. *somnium* при *somnus*, греч. (ἐν)-ὕπνιον при ὕπνος). Не указывает ли эта форма на генетическую связь его в славянских языках с основами на *ŭ*, тем более что славянские основы на *ŭ* в большинстве случаев — отвлеченные имена?

Однако в исторический период чрезвычайно регулярными были образования с **-ъje* от основ на **-o*. По этому поводу А. Мейе пишет: „Служа для образования отвлеченных существительных среднего рода, славянский суффикс *-ъje* был неограниченно продуктивным, поскольку присоединялся к любому страдательному причастию прошедшего времени и давал отвлеченное существительное от любого глагола: от *пѣтъ* —

пѣтик 'пение', от дѣланъ — дѣланик, от оубикнѣ — оубикниик и т. д. Глагол давал отвлеченное существительное даже в тех случаях, когда, в зависимости от значения, страдательное причастие прошедшего времени от него не употреблялось²¹.

Тем не менее соотнесенность образований на *-ъје с основами причастий, столь регулярная в исторический период, по-видимому, является вторичной ассоциацией, возникшей в то время, когда непродуктивность абстрактных образований с основой на -і стимулировала широкое распространение имен на -ъје. Эта ассоциация в свою очередь разрушалась, если страдательное причастие было неупотребительно, и устанавливалась прочная корреляция абстрактного имени непосредственно с глаголом; при этом возникали новые суффиксы: -ние, -тие.

Для образований на *-ъје от прилагательных, очевидно, нельзя с уверенностью восстанавливать промежуточную ступень с *-ї, ибо, как правило, мы не находим от одной основы параллельных образований с *-ї и *-ъје: бѣль — бѣль, весель — веселие, а предполагать такую степень древности этих моделей, которая могла бы обеспечить абсолютное устранение параллелей с *-ї и *-ъје, у нас нет оснований.

²¹ А. Мейе. Указ. соч., стр. 288.

Р. М. ЦЕЙТЛИН

**М. В. ЛОМОНОСОВ — ИНИЦИАТОР И ОРГАНИЗАТОР
ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК**

„Он был рожден реформатором и основателем“

В. Г. Белинский

М. В. Ломоносов оказал громадное воздействие на весь ход развития науки и культуры в России.

Основные труды М. В. Ломоносова по филологии были восприняты его современниками и ближайшими потомками как недостижимые образцы и как самые авторитетные учебные руководства. В этом одно из отличий результатов филологической деятельности великого ученого от судьбы его работ по точным наукам. Последние в своей значительной части не были по достоинству оценены современниками, так как были им или просто неизвестны или непонятны, потому что значительно превосходили уровень тогдашней науки. Признание в этих областях знания пришло к М. В. Ломоносову в полной мере лишь в XX в. И в этом заслуга прежде всего Б. Н. Меншуткина и С. И. Вавилова¹.

Только в наше время труды М. В. Ломоносова во всех областях знания, включая и точные науки, получили достойную оценку. В настоящее время существует специальная отрасль истории русской науки — ломоносоведение, которая возникла в связи с юбилеем ученого в 1911 г. и окончательно оформилась в 40—50-е годы — период создания нового, наиболее полного из существующих, академического собрания всех ученых и поэтических сочинений Ломоносова, его писем и деловых бумаг.

В обилии новых, впервые изученных для этого издания архивных документов и впервые опубликованных в нем очень важных материалов встают новые проблемы, выявляются неизвестные до последнего времени стороны жизни и творчества первого русского академика. Одной из таких сторон деятельности М. В. Ломоносова является его повседневная работа инициатора и организатора языковедческих исследований в Петербургской Академии наук, а так как в то время все ученые и

¹ Б. Н. Меншуткин (1874—1938), химик и историк химии, расшифровал неизданные латинские и немецкие рукописи Ломоносова по химии и физике и показал, что многие теории Ломоносова, изложенные в его неопубликованных трудах, были предложены другими учеными только через 100—120 лет после смерти Ломоносова. Б. Н. Меншуткин является также автором первой научной биографии М. В. Ломоносова: Б. Н. Меншуткин. Жизнеописание М. В. Ломоносова. 3-е изд. с дополнениями П. Н. Беркова, С. И. Вавилова и Л. Б. Модзалевского, под ред. С. И. Вавилова и Л. Б. Модзалевского. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947. С. И. Вавилов (1891—1951) посвятил много времени и сил исследованию трудов Ломоносова, главным образом в области оптики, и был организатором планомерного изучения всего творческого наследия М. В. Ломоносова, инициатором издания нового академического собрания его сочинений.

учебные начинания были сосредоточены в Академии наук и исходили из нее, то на самом деле речь идет о роли М. В. Ломоносова в организации лингвистических исследований в России в целом.

Задача предлагаемой работы — показать основные направления в постановке и организации Ломоносовым языковедческих исследований.

Предварительно следует отметить, что хотя вновь открытые и опубликованные материалы позволяют поставить такую тему, тем не менее факты для ее решения приходится собирать буквально по крохам: по отдельным лаконичным записям в черновых бумагах ученого, по скудным протокольным материалам канцелярии Академии наук, по случайно сохранившимся частным письмам. Многие материалы, видимо, утрачены навсегда: сгорела усадьба Ломоносова и в ней — его богатая библиотека и часть рукописей; многие рукописи до сих пор не отысканы, в их числе, например, материалы по истории Петра I, одна словарная работа. Почти не разработана такая важная тема, как Ломоносов и его непосредственные помощники и ученики. Мы очень мало знаем о педагогической деятельности Ломоносова. Не все его ученики и сотрудники известны даже по именам. Между тем раскрытие этих имен должно дать в руки исследователя нити для выявления новых фактов творческой биографии Ломоносова.

Много новых ценных сведений о состоянии науки в России в XVIII в. следует ожидать от работы, которая в настоящее время ведется над изданиями сочинений В. Н. Татищева, С. П. Крашенинникова, Г.-В. Рихмана, Г.-Ф. Миллера, И. И. Лепехина и некоторых других крупнейших деятелей науки XVIII столетия.

М. В. Ломоносов никогда не был кабинетным ученым. Самые отвлеченные научные изыскания были связаны у него с нуждами практической жизни, в каждом его поступке сказывалась натура страстного и энергичного борца за прогресс отечественной науки и культуры.

Деятельность М. В. Ломоносова как организатора лингвистических исследований проявлялась не только в его собственных трудах, но и в повседневном руководстве своими непосредственными сотрудниками и помощниками, в регулярных занятиях с академическими студентами, в публичных и частных лекциях, горячих спорах с учеными и поэтами, частых академических диспутах, происходивших в Собраниях Академии, в многочисленных устных и письменных рецензиях, всегда конкретных и насыщенных указаниями, как вести дальнейшую работу, на те труды, которые в громадном количестве направлялись ему на отзыв (в этом отношении показательны материалы, собранные в IX и X томах нового академического собрания сочинений ученого).

Вспомним основные даты, связанные с деятельностью М. В. Ломоносова в Академии наук².

М. В. Ломоносов вернулся из-за границы в июне 1741 г. В январе 1742 г. он был зачислен адъюнктом физического класса Петербургской Академии наук. В июне 1745 г. Ломоносов получил звание профессора химии (т. е. по современной терминологии — звание действительного члена Академии наук³). Одновременно с ним звание профессора элоквенции получил В. К. Тредиаковский. Это были первые русские академики. Только через 12 лет М. В. Ломоносов был официально привлечен к руководству Академией наук. Однако уже с первых лет своей самостоятельной научной деятельности Ломоносов стремится не замы-

² Подробности см. в монографии М. И. Радовского „М. В. Ломоносов и Петербургская Академия наук“ (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961). Книга написана с учетом новых архивных материалов и представляет значительный интерес для специалистов самых различных областей знания.

³ Заметим, кстати, что самое слово *академик* в истории русской лексикологии впервые зафиксировано в сочинениях Ломоносова.

каться в своих личных ученых занятиях, а оказывать активное воздействие на состояние отечественной науки и культуры на всех основных направлениях их развития. Так, например, еще будучи студентом Марбургского университета, он старается сделать свои наблюдения в области русского стихосложения достоянием русских филологов и поэтов (см. ниже). Позднее, находясь уже в Петербурге, он постоянно вторгается в дела управления Академией наук, в определение ее неотложных научных задач.

В марте 1757 г. Ломоносов распоряжением президента Академии наук К. Г. Разумовского был, наконец, назначен советником Академической канцелярии, ведавшей всеми делами Академии, а ровно через год — в марте 1758 г. — были определены его обязанности. Ломоносову поручалось наблюдение за Академическим и Историческим собраниями, Географическим департаментом; ему было вменено в обязанность „иметь особенное прилежное старание“, чтобы „в университете и гимназии все происходили порядочно“⁴. Академическую канцелярию в то время возглавляли немцы И.-Д. Шумахер и его зять И. И. Тауберт, а также ярый крепостник и реакционер Г. Н. Теплов. Все трое не были заинтересованы в расцвете науки в России, в продвижении русских людей в науку; это были отъявленные карьеристы, защищавшие всеми средствами свою синекуру. Борьба с ними отнимала у М. В. Ломоносова много времени и душевных сил.

Помимо участия в работе Академии в целом, Ломоносов не оставлял без внимания и деятельность так называемого Российского собрания, примыкавшего организационно к Академии, не имевшей специального филологического отделения: специалистов по всем гуманитарным наукам — истории, философии, праву, элоквиции, поэзии, древностям — объединяло Историческое собрание.

За стенами Академии научно-организационная деятельность ученого была также очень многообразна. Ломоносов был основателем Московского университета, автором детального проекта его организации, учителем его первых профессоров⁵, автором регламента московских гимназий и т. п.

Таким образом, М. В. Ломоносов имел возможность оказывать и оказывал большое влияние на направление самых разнообразных научных исследований в России, в том числе и языковедческих, при этом всегда применительно к практическим нуждам страны.

С молодых лет и до самой смерти Ломоносов горячо интересовался судьбами родной речи, смело ставил проблемы, требующие неотложного разрешения, давал в своих поэтических произведениях образцы литературного языка нового времени. С гениальной прозорливостью он верно угадывал ведущее направление развития русского литературного языка и, движимый патриотическим чувством, безмерно много сделал для ускорения этого процесса, для реформы русского литературного языка. Необходимо иметь в виду, что Ломоносов действовал в эпоху после петровских реформ, когда все было в брожении и движении, когда быстро развивалась наука и новая литература (литература русского классицизма), выпускалось невиданное для того времени количество книг, как своих, так и переводных, а русская письменная речь оставалась скованной омертвившими формами славенороссийского языка. Назрела реформа русского письменного слова, и совершил ее Ломоносов, т. е. именно он обосновал ее теоретически, и ему же принадлежит

⁴ П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 368.

⁵ См.: М. Т. Белявский. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. Изд-во МГУ, 1955.

наиболее яркое ее воплощение в поэтическом языке. Следует учитывать, что применительно к языку понятие „реформа“ означает не отдельный кратковременный акт, а относительно длительный процесс. В данном случае реформа русского литературного языка совершилась в середине XVIII в. и неразрывно связана со всей деятельностью Ломоносова как писателя и ученого. Ее начало было положено трактатом Ломоносова о новом русском стихосложении и завершено учением о „трех штилях“ русского языка.

Большое значение для развития русской лингвистической мысли имели и положения общего языкознания, сформулированные М. В. Ломоносовым.

В течение 1739—1765 гг. Ломоносов ставит и в большинстве случаев самостоятельно решает следующие проблемы:

В области изучения и нормализации современного русского языка: 1) реформа стихосложения; 2) создание грамматики; 3) разработка методики лексикографической работы и подготовительные работы по созданию большого толкового словаря; 4) создание теории трех штилей.

В области определения места русского языка среди других языков мира: 1) русский язык и славенский; 2) русский язык и другие славянские языки; 3) русский язык и „сродственные“ и „несродственные“ языки.

При решении всех этих вопросов М. В. Ломоносов не устал подчеркивать самобытность русского языка, прилагал все силы к тому, чтобы выявить и противопоставить яркие национальные особенности родного языка иноязычным влияниям, с одной стороны, а с другой — ограничить в сфере литературного языка воздействие книжного церковнославянского начала на исконное народное.

Отправляясь в 1736 г. из Петербурга в Марбургский университет, Ломоносов в числе немногих книг берет с собой „Новый и краткий способ к сложению российских стихов“ (1735 г.) В. К. Тредиаковского. В этой работе, как известно, автор пытался реформировать русский стих и доказывал возможность введения в русское стихосложение тонического принципа взамен силлабического.

Студент Ломоносов тщательно штудировал новаторский трактат Тредиаковского (об этом свидетельствуют его многочисленные пометки и полемические замечания на полях экземпляра книги, дошедшего до современного исследователя)⁶. Еще будучи за границей, во Фрейберге, он пишет свое знаменитое впоследствии „Письмо о правилах российского стихотворства“. В виде образца практического применения своих правил автор предлагает „Оду на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года“. Ломоносов адресовал свое письмо „Российскому собранию любителей русского слова“. До нас дошли очень скудные сведения о деятельности этого общества. Известно, что оно было учреждено в 1735 г. при Петербургской Академии наук распоряжением „главного командира“ Академии И.-А. Корфа (исполнявшего некоторое время обязанности президента) для того, чтобы „радеть о возможном дополнении российского языка, о его чистоте, красоте и желаемом потом совершенстве“⁷. На открытии Российского собрания В. К. Тредиаковский выступил с программной речью „О чистоте российского слова“, в которой призывал к решительным мерам для очищения родного языка от церковнославянских и иноязычных элементов. В числе таких мер он на

⁶ Архив АН СССР, ф. 20, оп. 2, № 3. См.: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936; а также: П. Н. Берков. Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740 годах. — ИАН, Отделение общественных наук, 1937, № 1, стр. 207—211; А. В. Запатов. Отец русской поэзии (о творчестве Ломоносова). М., 1961, стр. 29—33.

⁷ С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 213.

первое место выдвигал создание грамматики и достаточно полного толкового словаря современного языка. У Тредиаковского не было необходимых данных для выполнения намеченного плана. Образованнейший филолог своего времени, он не обладал тем гениальным пониманием направления развития русского языка, которое проявил вскоре Ломоносов; он предлагал неосуществимый для того времени путь — путь полного отказа от русской славенороссийской традиции письменного слова⁸. Несмотря на то, что в Российском собрании участвовали такие образованные и способные люди, как В. Е. Адодуров, И. И. Ильинский, И. С. Горлицкий, А. И. Богданов и некоторые другие, это общество почти не оставило законченных трудов, и деятельность его заключалась преимущественно в наблюдении за чистотой речи и правильностью переводов, выполняемых академическими переводчиками. Такие переводчики в первое время существования Академии наук имелись при каждом „классе наук“ (т. е. при каждом академическом отделении). Деятельность переводчиков имела значительное влияние на формирование русского научного языка, на выработку отечественной терминологии, оборотов речи. Российское собрание просуществовало до 1743 г.⁹

Именно этому первому филологическому научному обществу в России и адресовал свое письмо Ломоносов. Известно, что его послание обсуждали и Тредиаковский написал ответ, который Шумахер, однако, счел излишним послать заграничному студенту.

В своем „Письме“ Ломоносов подверг суровой критике половинчатую реформу Тредиаковского. В. К. Тредиаковский не сумел целиком отказаться от силлабических стихов, он только регламентировал их, требовал соблюдения в длинных строках равномерного чередования ударений, из новых размеров признавал только хорей и разрешал только женскую рифму. Он отрицал ямб, ничего не говорил о трехсложных стопах. Ломоносов с присущей ему ясностью мысли и пониманием существа предмета подчеркивал: „Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить“¹⁰. Ломоносов возражает не только В. К. Тредиаковскому, но и своему учителю М. Смотрицкому, подчеркивая, что в русском языке нет долгих и коротких слогов, как в греческом или других языках. Он пишет: „В российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила (т. е. ударение. — Р. Ц.), а прочие все коротки“¹¹. В письме даются образцы ямба (впоследствии излюбленного размера русских поэтов), анапеста, хорей и других размеров; разрешается мужская рифма. „Подлость рифмов, — пишет Ломоносов, — не в том состоит, что они больше или меньше слогов имеют, но что оных слова подлое или простое что значат“¹².

Ломоносов указывал на прямой вред обедняющего влияния иноязычной поэзии на русскую. Польские рифмы „не могут иными быть, как только женскими, понеже все польские слова, выключая некоторые односложные, силу над предкончаемом слоге имеют“, — говорится в „Письме“ и тут же подчеркивается, что свободное ударение русского языка является богатством, которым нельзя пренебрегать, а потому не следует

⁸ См.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 77—85, 125—137, 138—140.

⁹ См.: „История Академии наук СССР“, т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 121—123.

¹⁰ М. В. Ломоносов. Письмо о правилах российского стихотворства. — Полное собрание сочинений, т. 7 (Труды по филологии). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 9—10.

¹¹ Там же, стр. 10.

¹² Там же, стр. 16.

„без всякия причины самовольную нищету терпеть“¹³, т. е. употреблять только женские рифмы.

Хотя „Письмо“ не было своевременно опубликовано¹⁴, идеи, изложенные в нем, быстро стали всеобщим достоянием. Их обсуждали в Российском собрании, им отвечали поэтические сочинения самого Ломоносова, служившие образцом для других поэтов, их, несомненно, излагал сам автор в своих лекциях. Осенью 1742 г. Ломоносов стал читать лекции о „стихотворстве и штиле российского языка“¹⁵. О чтении подобных лекций в последующие годы имеется очень немного точных сведений, но и они позволяют предположить, что подобные занятия не прекращались и имели значительное влияние на современников. Одним из слушателей Ломоносова был поэт Н. Н. Поповский (1730—1760), впоследствии первый профессор словесности Московского университета¹⁶.

Как предполагают исследователи, чтение лекций по стихосложению и стилистике русского языка послужило поводом к созданию важных теоретических сочинений Ломоносова, посвященных уже не стихотворному, а преимущественно прозаическому языку. Это „Краткое руководство к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненное“ (1743 г., впервые опубликовано в 1895 г.) и „Краткое руководство к красноречию“, более известное под коротким названием „Риторики“, впервые опубликованное в 1748 г. и при жизни Ломоносова несколько раз переиздававшееся¹⁷. В „Риторике“ М. В. Ломоносов дал обоснованную теорию строения предложения, его видов, изложил свое учение о словосочетаниях и тем самым положил основание русскому научному синтаксису¹⁸.

Ломоносов был первым преподавателем в Академии наук, который читал студентам лекции по-русски. Вообще же официальными языками в Академии, в том числе и в академическом университете, были в то время языки латинский и русский. Первое место принадлежало латыни, так как большинство профессоров были иностранцами, которые или совсем не знали, или очень плохо знали русский язык. Первые преподаватели красноречия также были иностранцами (это И.-Х. Коль, а затем З.-Т. Байер, последний вообще не знал русского языка). Красноречие в русском университете излагалось на латинском языке и применительно к античным авторам¹⁹.

Ломоносов читал лекции не только студентам. Он был первым лектором, когда были учреждены публичные чтения академиков в ознаменование вступления в должность нового президента Академии наук К. Г. Разумовского (1728—1803). И здесь Ломоносову принадлежит инициатива произнесения лекций на русском языке. Для Ломоносова-патриота было чрезвычайно важно добиться того, чтобы русский человек смог учиться на своем родном языке, и тем самым дать дорогу в науку простым людям из народа, для которых чуть ли не главным препятствием после преодоления собственно сословных препон являлось преподавание на латинском языке. Ломоносов всеми средствами добивался преподава-

¹³ М. В. Ломоносов. Письмо о правилах российского стихотворства. — Полное собрание сочинений, т. 7 (Труды по филологии), стр. 16.

¹⁴ „Письмо о правилах российского стихотворства“ было впервые опубликовано в посмертном Собрании сочинений Ломоносова (кн. II, 1778, стр. 3—16); Хотинская ода — несколько раньше: в Собрании сочинений, 1751 (стр. 157—171).

¹⁵ П. С. Биярский. Указ. соч., стр. 8—9.

¹⁶ См.: А. Б. Модзалевский. Ломоносов и его ученик Поповский. — В сб.: „XVIII век“, вып. 3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 111—169.

¹⁷ См. комментарии к этим трудам в Полном собрании сочинений Ломоносова, т. 7.

¹⁸ См.: В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса. Изд-во МГУ, 1958, стр. 13—35.

¹⁹ П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. XXXVIII—XXXIX.

ния на родном языке. Так, например, в проекте регламента московских гимназий (январь-февраль 1755 г.) он считал необходимым специально оговорить: „Арифметику, геометрию и географию показывать на российском языке“²⁰.

„Мое единственное желание, — писал однажды Ломоносов Шувалову, — состоит в том, чтобы привести в вожделенное течение гимназию и университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы“. Как не вспомнить здесь слов Тауберта: „Разве нам десять Ломоносовых надобно? И один нам в тягость“.

Неустанно пропагандируя преподавание на родном языке, М. В. Ломоносов очень многое сделал для совершенствования так называемого среднего штиля русского литературного языка, прежде всего стиля научного изложения, как устного, так и письменного, особенно в области создания терминологии различных наук²¹.

Ученый нередко и сам выступал в качестве переводчика с латинского, немецкого и французского языков. Так, например, он перевел физику Х. Вольфа, своего учителя по Марбургскому университету („Вольфианская экспериментальная физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов, Императорской Академии наук Член и химии профессор“, в СПб., 1746 г.). Этот перевод был одним из многих.

Ломоносову постоянно приходилось писать свои работы или излагать их в академических собраниях и по-русски и по-латыни одновременно²², иначе в диспутах не смогли бы участвовать иностранцы, составлявшие большинство в тогдашней Академии.

М. В. Ломоносов уделял внимание и работе академических переводчиков, принимая участие в обсуждениях правильности и стиля отдельных переводов. О взглядах ученого на проблему перевода можно судить по наброскам работы „О переводах“. В ней указывается, что при переводах важно „не потерять достоинств штиля“ и вместе с тем соблюдать „свойства российского языка“, „ныне принимать чужих не должно, чтобы не упасть в варварство, как латинскому. Прежде прием чужих полезен, после вреден“²³. Здесь, вероятно, имеются в виду заимствованные из иностранных языков в процессе перевода слова и обороты, противоречащие свойствам русского языка. Стремление всегда и во всем, что касалось языковедческих исследований, следовать свойствам данного языка и исходить прежде всего из них является одним из отличительных качеств Ломоносова-лингвиста. Это качество было особенно ценным именно в его время, когда авторы популярных славянских и европейских грамматик нередко стремились создавать в известной мере универсальные руководства, пригодные для всех языков, приписывать особенности греческого или латинского языков церковнославянскому или новым европейским языкам. Непосредственные факты живой речи всегда говорили

²⁰ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 451. Характерно, что в том же регламенте Ломоносов обращал специальное внимание на изучение гимназистами четырех иностранных языков (немецкого, французского, английского и итальянского) и указывал методику преподавания: „Обучать не так, как обыкновенно по домам принятые информаторы одною практикою, но показывать и грамматические правила. Притом излишним оных множеством не отягощать, особливо сначала практику употреблять прилежно, слова и разговоры твердить, упражняться в переводах и сочинениях“ (стр. 451).

²¹ См.: С. М. Бурд и н. Роль М. В. Ломоносова в создании общественно-научной терминологии. — „Ученые записки Ташкентского гос. пед. ин-та“ (филологический сборник), вып. 2, 1954.

²² Уместно отметить, что Ломоносов, по свидетельству современников, в том числе и его врагов, был одним из лучших знатоков латыни не только в России, но и в Европе.

²³ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 767—768.

Ломоносову больше, чем отвлеченные теоретические рассуждения. „Прочитать русских книг и из них взять правила правописания“ — записывает, например, ученый в материалах к „Российской грамматике“²⁴. Известно, что Ломоносов был знаком и с первыми правилами русской орфографии, которые были установлены в 1733 г. для нужд корректоров академической типографии²⁵.

М. В. Ломоносов неоднократно выступал в ученых диспутах по вопросам русского языка. Об одном из таких обсуждений нам известно несколько подробнее, чем об остальных. Это спор с В. К. Тредиаковским об окончаниях имен прилагательных в полной форме во множественном числе. Возражения Ломоносова были изложены также и в письменном виде — в записке под названием „Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен“ (1746). В противоположность Тредиаковскому, отстаивавшему в этом вопросе церковнославянскую традицию, Ломоносов предлагал не нарушать установившееся в русском письменном языке обыкновение: „Хотя в славенском языке мужские прилагательные имена множественного числа в именительном падеже кончатся на и, однако из того не следует, чтобы в великороссийском языке имели они такое же окончание, ибо славенский язык от великороссийского ничем столько не разнится, как окончаниями речений“²⁶. Далее: „Окончание множественных прилагательных женских в именительном на е утверждается особливо на требуемом различии родов. Однако я рассуждаю, что такого различия родов, которого в российском языке нет, вновь замышлять не надлежит“²⁷. И затем: „Мое мнение в том состоит, что введенное за 10 и больше лет в академической типографии употребление множественных прилагательных окончаний мужеского на е, а женского и среднего на я, хотя довольно основания не имеет, однако свойству нынешнего великороссийского [языка не] противно“²⁸.

Ломоносов понимал, что если русская наука, русская школа и русская литература будут выражаться не по-русски, а по-славенски или по-латыни, то ни о каком подлинно значительном прогрессе отечественной культуры и науки не может быть и речи. Он сознавал, что для широкого внедрения общедоступного современного русского языка в научный и литературный обиход необходимы срочные меры. И таковыми он считал создание грамматики и словаря современного языка. Данные труды, по его мнению, должны были быть, с одной стороны, научно обоснованы и обусловлены свойствами родного языка, а с другой — строго нормативны, т. е. должны содержать ясные и приемлемые советы-указания по конкретным случаям современного словоизменения и словоупотребления.

„Российская грамматика“ М. В. Ломоносова, один из его самых замечательных теоретических трудов, была создана после многолетних подготовительных работ (при этом автор несомненно использовал свой опыт естествознателя-экспериментатора). Черновые материалы к „Грамматике“ грандиозны и представляют громадный научный интерес для историка русского языка²⁹. По подсчетам исследователя, „в одном лишь

²⁴ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 690.

²⁵ Автором этих правил, возможно, был В. Адодуров. См.: В. Н. Макеева. История создания „Российской грамматики“ М. В. Ломоносова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 16.

²⁶ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 83.

²⁷ Там же, стр. 86.

²⁸ Там же, стр. 87. См. также т. 9, стр. 615.

²⁹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 595—760. См. также: П. С. Кузнецов. М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7 (Лингвистический обзор). — ВЯ, 1953, № 6, стр. 113—120.

III наставлении насчитывается 532 примера, а во всей грамматике, не включая словосочетаний, — 1728³⁰.

„Российская грамматика“, первое издание которой вышло в Петербурге в 1755 г., была не только научным трудом, она немедленно стала учебником, по которому училось родному языку несколько поколений русских людей³¹. Значение „Грамматики“ определялось тем, что языковые нормы в ней выводились из законов, которые были свойственны языку того времени. В предисловии к „Грамматике“ говорится: „И хотя она (т. е. грамматика, — Р. Ц.) от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению“³². Этот единственно верный и истинно научный путь воздействия на живой язык и теперь еще не всеми осознан. Нередко пуристы навязывали, а порой и в наше время навязывают языку то или иное словоупотребление, ту или иную форму слова, совершенно не сообразуясь при этом с духом языка, с внутренними языковыми законами. Во времена же Ломоносова, когда русскому стихотворству навязывались правила греческого, латинского, немецкого или польского стихосложения, риторика составлялась по Буало или Готшеду, а правила красноречия извлекались из произведений церковных ораторов или речей Демосфена и Цицерона, такой подход к проблеме нормативности речи имел громадное и теоретическое и практическое значение.

Твердые правила, сформулированные Ломоносовым, извлеченные из живого современного языка и согласованные с его повседневным употреблением, были особенно необходимы в условиях смешения всех стилей речи послепетровской эпохи³³.

Одновременно с „Российской грамматикой“ М. В. Ломоносов продумывает план создания большого толкового словаря русского языка. Идея его создания подкреплялась всей работой над грамматикой. Черновые заготовки к грамматическим „наставлениям“ представляют собой и ценнейшие собственно словарные собрания. В материале для грамматики имеются две лаконичные, но очень ценные для историка русской лексикографии записи: „Лексикон русских примитивов“ и „Положить проект, как сочинять лексикон“³⁴.

Несколько позднее (вероятно, в 1755—1758 гг.), набрасывая план своих дальнейших исследований, Ломоносов записал: „...10. О чтении книг старинных и о речениях нестеров(с)ких, новгородских и проч., лексиконом незнакомых. 11. О лексиконе“; а несколько выше: „4. О простонародных словах...8. О синонимах. 9. О новых российских речениях“³⁵. В „Росписи сочинениям и другим трудам“ (1764) Ломоносов в числе завершенных работ указывает „Лексикон первообразных слов российских“³⁶. Рукопись эта до сих пор не найдена. Неизвестно также, был ли составлен и проект, „как сочинять лексикон“.

Тем не менее о взглядах ученого на вопросы лексикографии нам известно не так уж мало. Особенно многое здесь прояснилось в резуль-

³⁰ В. Н. Макеева. Русская лексикография 40—50-х гг. XVIII в. и Ломоносов. — „Ломоносов. Сборник статей и материалов“, IV. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 186.

³¹ И не только русских. В 1764 г. „Грамматика“ была издана в немецком переводе. Как показывают исследования, в текст ее, вероятно, сам автор внес ряд дополнений, необходимых для иностранцев, главным образом фонетического характера. См. Примечания к „Грамматике“, т. 7, стр. 870 и сл.

³² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 392.

³³ История написания и лингвистический анализ „Российской грамматики“ даны в указанной монографии В. Н. Макеевой „История создания „Российской грамматики“ М. В. Ломоносова“.

³⁴ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 688 и 689.

³⁵ Там же, стр. 763 и 944—948.

³⁶ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 10, 1957, стр. 400.

тате исследований последних лет³⁷. Теперь можно с определенностью сказать, что Ломоносов вслед за Тредиаковским считал неотложной задачей создание словаря современного языка в отличие от словарей Лаврентия Зизания Тустановского, Памвы Беринды, Ф. Поликарпова, которые занимались в своих лексиконах преимущественно славенороссийской лексикой. Ломоносов неоднократно высказывался за создание не двуязычного или многоязычного, а именно толкового словаря, т. е. словаря, посвященного прежде всего объяснению слов родного языка, в котором перевод на иностранные языки был бы дополнительным справочным материалом. Из записей Ломоносова известно также, что ученый считал необходимым делать словарь по гнездовой системе, т. е., пользуясь терминологией того времени, строить его по „примитивам“ или „первообразным словам“. Ломоносов понимал, что именно лексикографическая работа требует коллективного труда и не под силу одному человеку. К записи „положить проект, как сочинять лексикон“ примыкает другая, весьма характерная: „Я хотя и не совершу, однако начну, то будет другим после меня легче делать“.

Установлено, что М. В. Ломоносов в течение нескольких лет (1748—1751) по поручению Академии систематически помогал лексикографу К. А. Кондратовичу в работе над российским лексиконом этимологического типа по „Целлариеву и Фаброву образцу“. Кондратович работал много и увлеченно, но у него не было должных знаний и способностей для словарной работы. Ломоносов считал его труд неудачным. В отзыве 1747 г. на рукопись К. А. Кондратовича он, между прочим, писал: „Помянутый лексикон хотя имеет немалое число первообразных слов, однако производными, а особливо сложенными недоволен и притом имеет немало производных не под своими первообразными и нарочитое число весьма новых и неупотребительных производных же слов“³⁸.

Работу Кондратовича Ломоносов считал лишенной самостоятельного значения, но все же полезной для других лексикографических предприятий, в частности для словаря А. И. Богданова. Словарь А. И. Богданова составлялся по поручению Российского собрания. Богданов с помощниками работал над ним более 30 лет (1735—1766). После смерти Богданова труд его присвоил себе И. И. Тауберт, и в науке эта рукопись до последнего времени была известна под именем словаря Тауберта³⁹. А. И. Богданов составлял свой словарь не столько по книгам, сколько по записям живой речи. В академическом документе говорится: „Андрей Богданов... ныне употребляется на посылку ко всем художникам, ремесленным и мастеровым людям для спрашивания, как называют их инструменты и прочие, в их ремеслах употребляемые вещи“⁴⁰. Такой подход к словарной работе не мог не импонировать Ломоносову — ученому-экспериментатору, исследователю живой речи. Он внимательно следил за работой Богданова и неизменно отзывался о ней с одобрением, считая ее основным лексикографическим трудом своего времени⁴¹. Впослед-

³⁷ См.: В. Н. Макеева. Русская лексикография 40—50-х гг. XVIII в. и Ломоносов; е е же: М. В. Ломоносов — составитель, редактор и рецензент лексикографических работ. — ВЯ, 1961, № 5.

³⁸ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 616. О дальнейшей судьбе рукописи известно немного. Самое важное то, что впоследствии она была в числе других рукописных лексиконов передана составителям Словаря Академии российской.

³⁹ Эта легенда в настоящее время опровергнута В. Н. Макеевой (см. указанные выше две ее лексикографические работы).

⁴⁰ „Летописи русской литературы и древности“, изд. Н. С. Тихонравовым. М., 1863, т. 5, стр. 28 („Смесь“).

⁴¹ См. отзывы Ломоносова на словари Кондратовича и Дандоло (Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 616 и 621—624). Начало недавно обнаруженного в Архиве АН СССР корректурного оттиска этого словаря опубликовано В. Н. Макеевой (ВЯ, 1961, № 5, стр. 113—114).

ствии материалы этого словаря послужили основанием для словопроизводного „Словаря Академии российской“ в шести томах (1789—1794).

О взглядах М. В. Ломоносова на назначение и структуру словаря современного языка многое можно почерпнуть из его рецензии на „Русско-латино-французско-итальянский лексикон“ венецианца Г. Дандоло (переводчика Государственной коллегии иностранных дел в России). Ломоносов подчеркивает здесь, что в словаре должны раскрываться все значения многозначных слов, приводиться „фразисы и идиоматизмы“, содержаться все „первообразные, или коренные, слова“, употребительные в современном языке, и исключаться „нововымышленные, в российском языке неупотребительные“; слова должны сопровождаться необходимыми грамматическими пометами (рода, родительного падежа и т. д.), должно обращать внимание на виды глаголов, правильность написания слов, соблюдать строгий алфавитный порядок⁴².

Все эти указания для лексикографов XVIII в. имели первостепенное практическое значение.

Особенно примечательны суждения М. В. Ломоносова о составе словника, идущие во многом в разрез с установившейся традицией. Ломоносов придерживался того взгляда, что в словаре должны быть не только „высокие“, но и все обиходные, часто „низкие“, по понятиям того времени, слова. В словаре Дандоло было всего около 8000 речений, но и в нем Ломоносов считал необходимыми такие, например, слова, как *каблук, карий, карась, китайка, клюю, клеть, клеши, клоп, клык, клубника, клюква, кляча, колено, копна, копоть, копыто, кочет, коромысло, крыса, кукла, кукиш* и многие другие, им подобные⁴³.

Одной из самых значительных и зрелых филологических работ Ломоносова является его небольшое сочинение под названием „Предисловие о пользе книг церковных в российском языке“ (1758)⁴⁴. Задумана эта работа была много раньше. В материалах к „Грамматике“ имеется следующая запись: „О славенском языке и о нашем, как и когда он переменялся и что нам должно из него брать и в пис. употреблять“⁴⁵. В „Предисловии“ показано, что искать твердые и ясные критерии для литературной обработки живого современного языка нужно не в чуждой иноязычной среде, на западе, а в национальной традиции, в старом русском книжном языке. В. К. Тредиаковский ориентировался на путь, указанный французскими стилистами. Еще в 1730 г. в нашумевшем предисловии к своему переводу романа „Езда в остров любви“ он декларировал: писать нужно „почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим“. Рекомендации Тредиаковского, несмотря на правильную, в конечном итоге, ориентацию, в условиях России XVIII в. были обречены на провал. Нельзя было сразу с славенороссийского языка перейти на разговорный русский. Невозможно было, не обедняя язык, не обескровливая его, отказаться от достижений прошлого, от многовековой традиции: для упорядочения обиходного современного языка необходим был какой-то переходный период. Это положение гениально понял Ломоносов. Он сумел отделить в существовавшем традиционном письменном языке отмирающее от продуктивного, мертвое от живого⁴⁶. Ломоносов выделяет три рода речений, „от рассудительного употребления и разбору“ которых „рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий“⁴⁷. Четкий анализ особенностей сращения обеих исторических стихий (книжной и народной) в русском литератур-

⁴² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 622—624.

⁴³ Там же, стр. 622—623.

⁴⁴ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 892—893.

⁴⁵ Там же, стр. 606.

⁴⁶ См. указанные выше работы Г. О. Винокура.

⁴⁷ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 589.

ном языке сказывается в каждом положении филологических трудов Ломоносова, в его поэтических произведениях. Он верно понял реальную историческую перспективу поступательного движения литературного языка, а потому и предельно ясно обосновал свою знаменитую теорию трех штилей, сыгравшую значительную роль не только в истории русского языка, но и в истории русской литературы.

„Предисловие о пользе книг церковных в российском языке“ является последним законченным филологическим трудом Ломоносова и завершает его двадцатилетнюю теоретическую работу в этой области. Несколько лет спустя (в 1762 г.), подводя итоги своей деятельности, ученый мог с чувством удовлетворения констатировать, что благодаря его трудам „стиль российской в минувшие двадцать лет несравненно вытиснился перед прежним и много способнее стал к выражению идей трудных“⁴⁸.

В своих языковедческих работах М. В. Ломоносов сформулировал ряд положений общего языкознания, которые в значительной своей части оказали существенное воздействие на развитие лингвистической теории в России XVIII—XIX вв. Ученый на многие десятилетия, а нередко и на целое столетие опережал лингвистические воззрения своей эпохи.

Ломоносов материалистически толковал назначение языка. Слово дано человеку „для сообщения с другими своих мыслей, — писал он в „Наставлении первом“ своей грамматики.—... Если бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому, то бы не токмо лишены мы были сего согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется, но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей, рассыпанных по лесам и пустыням“⁴⁹. Ломоносов обращал внимание своих читателей на многие имманентные особенности языка. Так, он писал о грамматическом роде: „Хотя разделение родов во многих языках употребительно, однако слову человеческому нет и в том необходимой нужды“⁵⁰.

Основным методом исследования Ломоносов считал наблюдение и сопоставление конкретных языковых данных, при этом не столько в области лексики, что было типично для сравнительных работ XVIII в., сколько в сфере фонетического и грамматического строя языков. „Языки не меньше разнятся свойствами, нежели словами“, — записывает Ломоносов в материалах для „Российской грамматики“⁵¹. В окончательном же ее тексте сопоставление свойств различных языков является одним из средств выделения специфических черт русского языка (см. хотя бы §§ 22, 57, 62, 72). В работе „Древняя Российская история“, говоря о сходстве славянских и балтийских языков, Ломоносов указывает: „Явные свидетельства о сходстве древнего прусского языка найдет, кто, кроме идолов, имена жрецов, волхвов, и слова, что в обрядах употреблялись, рассмотрит и грамматическое их произведение“⁵².

Эти и многие другие лингвистические положения были выработаны ученым в процессе многолетних и разносторонних исследований конкретных языковых фактов как родного языка, так и громадного числа других языков мира.

Ломоносов прекрасно знал русский язык, как современный — литературный и народный, так и древнерусский в объеме всех известных в XVIII в. памятников. Ему принадлежит первая классификация русских диалектов, противопоставление украинского (малороссийского, по

⁴⁸ П. Пекарский. Указ. соч., т. II, стр. 772.

⁴⁹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 394.

⁵⁰ Там же, стр. 413.

⁵¹ Там же стр. 622.

⁵² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 209.

терминологии того времени) „диалекта“ великороссийскому языку⁵³. В той же мере как и древнерусские памятники знал Ломоносов и старославянские (разумеется, в поздних списках) и церковнославянские тексты. Ломоносов не только вчитывался в церковнославянские рукописи, но и слыл их с греческими оригиналами. „Перевод Библии не очень исправен, и нередко славянские слова значат иное, а иное греческие“⁵⁴, — отмечал Ломоносов в споре со Шлецером. „Славянские книги“ Ломоносов рекомендовал изучать в гимназиях, так как из них „знатную часть великолепия, красоты и изобилия великороссийский язык заимствует“⁵⁵.

Ломоносов знал (в различной степени) более 30 языков. Среди них славянские и балтийские, греческий и латинский, еврейский, турецкий, финский, многие иранские, романские и германские языки. Он имел представление о китайском, а также об египетском и ассирийском письме⁵⁶.

Владение таким громадным и разнохарактерным языковым материалом позволило Ломоносову определить место русского языка среди других языков мира и положить начало научному изучению в Академии наук многих языков.

М. В. Ломоносов первый отделил русский (и древнерусский) язык от старославянского. Он неоднократно говорит о том, что это два самостоятельных языка, восходящие к одному источнику, при этом русский язык — восточнославянский в своей основе, а старославянский — моравский. Ломоносов не располагал еще необходимыми данными для правильного определения диалектной принадлежности старославянского языка, а потому и называл его традиционно или „древним моравским“ или „древним славено-моравским“. Он неоднократно на конкретных примерах показывает различные лексические и грамматические свойства этих языков (в „Примечаниях на предложение о множественном окончании прилагательных имен“, в „Российской грамматике“, в „Предисловии о пользе книг церковных в российском языке“, в отзыве о плане работ А.-Л. Шлецера). В связи с работой Шлецера Ломоносов писал: «[Шлецер] поистине не знает, сколько речи, в российских летописях находящиеся, разнятся от древнего моравского языка, на который переведено прежде священное писание; ибо тогда российский диалект был другой, как видно из древних речений в Несторе, каковы находятся в договорах первых российских князей с царями греческими. Тому же подобны законы Ярославовы, „Правда Русская“ называемые, также прочие исторические книги, в которых употребительные речи, в Библии и других церковных книгах коих премного, по большей части не находятся...»⁵⁷.

М. В. Ломоносов спорит здесь с историком А.-Л. Шлецером, который представил в Петербургскую Академию наук опыт изучения истории древней Руси в свете греческих источников. Шлецер не отличал церковнославянский и старославянский языки от древнерусского и чрезмерно преувеличивал роль греческого, считая его непосредственной основой древнерусского литературного языка. Ломоносов доказывал

⁵³ Там же, т. 7, стр. 429—430 и 83. Подробнее см. в статье: П. С. Кузнецов. М. В. Ломоносов и русская диалектология. — „Бюлл. диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР“, вып. 5. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

⁵⁴ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 415.

⁵⁵ Там же, стр. 458.

⁵⁶ См.: Ю. М. Лотман. К вопросу о том, какими языками владел М. В. Ломоносов. — В сб.: „XVIII век“, вып. 3. М.—Л., 1958, стр. 460—462; а также: П. С. Кузнецов. О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания. — „Ученые записки МГУ“, вып. 150. Русский язык“, 1952, стр. 20—21 и 31—32.

⁵⁷ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 415.

нелепость подобного мнения во всеоружии знаний русской истории и русского языка, свободно оперируя всеми источниками, какими располагала наука его времени. В утверждении Шледера отчетливо выступало отрицание самобытности древнерусской культуры и языка. С подобными суждениями Ломоносов последовательно боролся всю жизнь и, споря со своими оппонентами, не раз пользовался приемом языкового анализа. В „Кратком Российском летописце“, „Древней российской истории“, в „Замечаниях на диссертацию Миллера“ и некоторых других его работах по истории и географии содержится немало важных высказываний лингвистического характера, в том числе топонимических и этимологических наблюдений⁵⁸.

Подчеркивая самобытность родного языка, Ломоносов вместе с тем показывал, как русский язык благодаря счастливым обстоятельствам в истории русской культуры испытал на себе благотворное, длительное и разностороннее воздействие старославянского языка, а через него и древнегреческого. В „Предисловии о пользе книг церковных“ Ломоносов писал: „Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу ветхого и нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и отсюда умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика...“⁵⁹.

Возражая историку Г.-Ф. Миллеру, Ломоносов доказывает древность славян и славянских языков: „...славенский язык ни от греческого, ни от латинского, ни от другого какого известного не происходит; следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времен и многочисленные оные славенские народы говорили славенским языком еще прежде рождения Христова“⁶⁰.

Ломоносов постоянно сопоставляет славянские языки между собою, оперируя данными всех славянских языков, кроме словенского и кашубского, и приходит к выводу о том, что южнославянские языки ближе к восточнославянским, чем западнославянские, в частности польский⁶¹.

Ломоносов указывал на близость балтийских и славянских языков как в своих лингвистических, так и в исторических работах. Его глубоко интересовали культурно-исторические связи балтийских и славянских народов в их обычаях, мифологии и языках. Так, например, он сопоставляет русское *Перун* с прусским *Perkūn* в значении бога грома и молнии и предлагает этимологию, которая звучит современно и в наши дни⁶².

В своих исследованиях М. В. Ломоносов не ограничивался привлечением материала из славянских или балтийских языков, его внимание нередко привлекали языки, весьма далекие от славянских. Данные этих языков Ломоносов широко использовал при толковании явлений русского языка. Так, например, в своей „Грамматике“ он пишет: „У греков *p* картавые и *c* шепелеватое были не погрешности, но свойствен-

⁵⁸ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6.

⁵⁹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 587. Характерно, что антиклерикально настроенный Ломоносов ничего не говорит здесь о содержании церковных книг и подчеркивает только их собственно языковые достоинства (см. Примечания, т. 7, стр. 894).

⁶⁰ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 29.

⁶¹ См. хотя бы „Предисловие о пользе книг церковных“. — Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 590.

⁶² См.: П. С. Кузнецов. О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания, стр. 15—16, а также: В. В. Иванов. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома. — ВСЯ, № 3, 1958, стр. 101—111.

ное употребление всего народа, и для того употреблялись у них особливые буквы: для первого р, для второго ѳ, которая от первых сочинителей славенской азбуки в нее внесена напрасно, ибо она славянам и россиянам столько ненадобна, как французам ч или ъ, немцам ж, китайцам р, которых выговора они в своих языках не имеют“⁶³. В материалах к „Российской грамматике“ таких сопоставлений значительно больше. Многие из них остались неизвестными современникам Ломоносова, а между тем ряд этих наблюдений сравнительного и исторического характера поражает своей верностью и смелостью интерпретаций и сопоставлений. Следует иметь в виду, что эти наблюдения были сделаны задолго до появления работ Ф. Боппа, Р. Раска, Я. Гримма, А. Востокова и ряда других трудов начала XIX в., заложивших основы сравнительно-исторического языкознания⁶⁴. Следует отметить, что Ломоносову не был известен санскрит.

Сравнительной характеристике языков мира Ломоносов предполагал посвятить специальную работу. В одном из его отчетов говорится: „В 1755 году... сочинил Письмо о сходстве и переменах языков“. Работа эта до нас не дошла, но в материалах к „Российской грамматике“ сохранились черновые наброски на эту же тему, которые исследователи связывают непосредственно с „Письмом“. Вот выдержки из них: „NB. Представим долготу времени, которою сии языки разделились. NB. В конце письма заключить о перемене языков. Так-то невдуг переменяются языки! так-то не постоянно! Так-то пропали еврейской, аларбейской⁶⁵, еллинской, латинской! и протчие! Счастливы те, которые память по себе в книгах оставили. Иные безвестно, пропали. Счастлив наш язык... NB. Польской и российской язык коль давно разделились! Подумай же, когда курляндской⁶⁶! Подумай же, когда латинской, греч., нем., росс. О глубокая древность!“⁶⁷.

Как предполагают исследователи, в этой работе Ломоносов намеревался рассмотреть вопрос о взаимоотношениях „сродственных“ и „несродственных“ языков. В „сродственные“ он включал русский, греческий, латинский, немецкий, в „несродственные“ — финский, мексиканский, готтентотский, китайский⁶⁸. В „сродственные“ здесь включаются основные индоевропейские языки, в „несродственные“ — языки, которые не относятся к индоевропейским. Существенные пропуски в предложенной схеме более чем объяснимы, к тому же перед нами черновой набросок.

М. В. Ломоносов придавал большое значение развитию в России изучения всех языков мира, как мертвых, так и живых, заботился о собирании памятников древних культур. Так, в октябре 1760 г. он подает в Канцелярию Академии наук „Представление“ о посылке живописца „для снятия копий с древних живописных изображений и с надгробных надписей“⁶⁹. В Проекте регламента Академии наук (1764) Ломоносов предлагал: „Древностей ординарный академик по знанию своему старинных языков, которые уже из употребления вышли, и по искусству в древностях еврейских, греческих, римских и северных народов должен в оных все изыскивать, что надлежит к сведению древнего

⁶³ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 401.

⁶⁴ Анализ этих наблюдений Ломоносова дается в работе П. С. Кузнецова „О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания“.

⁶⁵ Вероятно, Ломоносов имел в виду алародийский язык. См.: П. С. Кузнецов. М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7 (Лингвистический обзор), стр. 120.

⁶⁶ Т. е. латышский, по мнению П. С. Кузнецова (Статья „О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания“, стр. 14—15). Ср. А. Martel. Michel Lomonosov et la langue littéraire russe. Paris, 1933, стр. 25.

⁶⁷ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 658—659: ср. также запись на стр. 606.

⁶⁸ Там же, стр. 652.

⁶⁹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 406—407.

состояния российских предков, также единоплеменных славянских и других, с ними смешанных народов, дабы приобрести большее просвещение в российских древностях"⁷⁰. И далее: „Знающий восточные языки академик, во-первых, должен стараться иметь переписку с природными восточных народов учеными по тамошнему состоянию людьми и собирать всякие книги и известия о состоянии тамошних стран, а особливо соседственных народов в рассуждении истории, поелико можно пользоваться тем в описании российских древностей и соседственного политического взаимодействия“⁷¹.

После смерти М. В. Ломоносова Петербургская Академия наук перестала быть центром русского языкознания, так называемый „ломоносовский период“ (1742—1765) ее истории закончился.

Средоточием грамматической разработки русского языка становится Московский университет — детище Ломоносова. После смерти Н. Н. Поповского кафедру красноречия здесь занял А. А. Барсов — также последователь Ломоносова. В своей грамматике русского языка он развивал взгляды автора „Российской грамматики“, уделяя большое внимание роли народного начала в формировании русского литературного языка.

В 1772 г. вышло первое посмертное издание „Российской грамматики“, в 1777 г. — второе, в 1785 г. — третье. Грамматические труды В. П. Светова, Е. Б. Сырейщикова, популярное изложение основ русской грамматики в „Письмовнике“ Н. Г. Курганова, работа П. И. Соколова и некоторые другие руководства опираются на основные положения классического труда Ломоносова. Выпущенная в 1802 г. академическая грамматика („Русская грамматика“ П. И. и Д. М. Соколовых) была неудачна. Новое слово в области грамматической разработки русского языка сказали только Н. И. Греч и А. Х. Востоков, но это уже были 20-е и 30-е годы XIX в.

В конце XVIII в. под влиянием идей М. В. Ломоносова собираются материалы для словаря всех языков мира. В 1787—1789 гг. под руководством акад. П. Палласа публикуется „Сравнительный словарь всех языков и наречий“ (вышло 2 тома, в которых 285 русских слов было переведено на 200 языков). Тогда же выходит ряд терминологических, этимологических, несколько двуязычных словарей. Самым замечательным творением конца XVIII в. в области филологических наук был шеститомный Словарь Академии российской. Он создавался в течение 11 лет. Этот короткий срок и высокое качество словарной техники оказались возможными в результате значительных лексикографических подготовительных работ, проводившихся в Петербургской Академии наук с участием М. В. Ломоносова.

Таким образом, в течение почти столетия — с 40-х годов XVIII в. по 20—30-е годы XIX в. — идеи М. В. Ломоносова определяли состояние русской филологической науки, и не было в ней в этот период более славного и авторитетного имени. Значение деятельности Ломоносова как языковеда не ограничивается указанным временем. Целый ряд его высказываний созвучен лингвистической мысли нашего времени.

⁷⁰ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 149.

⁷¹ Там же, стр. 150.

И. К. БУНИНА

К ИСТОРИИ ГОВОРА с. ДЕРМЕНДЕРЕ

На совещании 1959 г. в Москве С. Б. Бернштейн в докладе, посвященном принципам построения комментариев к картам „Болгарского диалектологического атласа“ (сокращенно БДА)¹, обратил внимание составителей атласа на возможность использовать при комментировании материалы „Атласа болгарских говоров в СССР“ (сокращенно АБГ)² и показал на некоторых примерах, что говоры Советского Союза, генетически связанные с говорами той территории, которая картографируется в I томе БДА, содержат „ценные сведения для определения исходного варианта, дают надежный критерий для установления хронологии отдельных явлений“. В настоящей статье проводится более широкое сопоставление картотек четырех сел: одного села на территории НРБ — с. Гавраилова (Сливенская околия — 3198)³ и трех сел на территории СССР — с. Каланчак (Болградский р-н, Одесская область УССР — 33), с. Ботева (бывш. Цареводаровка) и с. Строгановка (Приазовский р-н, Запорожская обл. УССР — 33_{1, 2}). Анализируются не только дублиеты, встречающиеся в говоре села, расположенного на территории Болгарии, но и те расхождения, которые имеются между говором этого села и говорами сел, расположенных на территории Советского Союза; анализируются также дублиеты, зафиксированные в этих говорах. При этом используются также материалы по селам Цареводаровка и Строгановка, содержащиеся во втором томе известной книги Н. С. Державина „Болгарские колонии в России“ (Пг., 1915; сокращенно — Державин). На основании этих данных, а также имеющихся в нашем распоряжении исторических сведений по перемещению населения в исследуемых селах можно было бы установить не только относительную, но и абсолютную хронологию явлений, пережитых говорами этих сел. Однако далеко не всегда оказывается возможным сделать какие-то определенные выводы ввиду ограниченности материала, на основании которого проводится исследование.

Тем не менее проведение сопоставления и на таком ограниченном материале представляется не бесполезным. Оно даст возможность поставить ряд вопросов, которые могут пробудить интерес уже к монографическому изучению говоров названных сел и облегчить составление программы такого исследования.

§ 1. Село Гавраилово расположено на южных склонах Старой Планины юго-западнее г. Сливена. Оно стоит на р. Дермендере, откуда

¹ „Болгарский диалектологический атлас“ в настоящее время находится в печати, опубликована только программа: Ст. Стойков. Програма за събиране на материали за Български диалектен Атлас. София, 1959, 50 с.

² С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Э. И. Зеленина. Атлас болгарских говоров в СССР. М., 1958.

³ При названии села в скобках дается номер, присвоенный селу в БДА или в АБГ.

и идет старое название села — Дермендере. Современное название дано было по имени святого, в честь которого в селе была церковь⁴.

В исторической справке к картотеке № 3198 имеются следующие сведения об истории с. Гавраилова, собранные в результате опроса населения⁵. О времени основания села жителям ничего не известно. Сохранилась легенда, что село основал „някой си воденичар дядо Стоян“. При турках село было сожжено, и тогда „някои от жителите избягали в Бессарабия, където основават село Дермендере“⁶. Современное название бессарабского села — Каланчак⁷. По данным АБГ, оно было основано в 1830 г. Сами жители с. Каланчак уже ничего не знают о происхождении своих предков, но помнят, что одно время их село носило название Дермендере.

Переселение в Бессарабию из с. Гавраилова происходило и позже, во время Крымской войны, но некоторые семейства через два-три года вернулись обратно. Еще при турках несколько семейств переселилось в села Шуменской околии Касапларе (=Дибич) и Инджиците и в поморийское село Каблешково. После Освобождения 40—50 семейств перешло на жительство в соседнее село Малък Чочовен. По несколько семейств переехало на жительство в с. Каблешково, с. Джиново (Сливенская околия), с. Тикенлик (=Трънак; Айтосская околия).

До Освобождения население с. Гавраилова было смешанное — турецко-болгарское. Имелось 20 турецких и 100 болгарских семейств. После Освобождения турки переселились в другие места. В настоящее время в селе живут только болгары и одно цыганское семейство. В селе 400 домов и 1600 жителей.

Как утверждают местные жители, массового переселения в с. Гавраилово болгар из других сел не было „с исключение на две-три семейства от Тракия преди Освобождението“. Село Гавраилово в прошлом было тесно связано с селом Бяла (2538), тоже Сливенской околии (с. Бяла расположено в нескольких километрах на север от с. Гавраилова), откуда больше всего брали невест. В настоящее время имеются тесные связи с селами Малък Чочовен и Селиминово. Село М. Чочовен (бывш. Кючук чешли), в прошлом чисто турецкое, после Освобождения было заселено главным образом жителями с. Гавраилова, от которого оно находится на расстоянии трех километров. Оба села имеют общий сельский совет, дети обоих сел учатся в одной школе. В с. М. Чочовен имеются переселенцы и из других сел. Несколько позже, чем гавраиловцы, туда приехали переселенцы из сел Сливенской околии Ковачите⁸ и Кермен (3228). Пять семейств пришло из турецкой Фракии (из каких именно сел, неизвестно).

К сожалению, с. М. Чочовен, как сравнительно недавно образованное, по программе АБГ не обследовалось; в материалах атласа имеется только историческая справка⁹.

⁴ Павел Делирадев. Принос към историческата география на Тракия, т. I, София, 1953, стр. 252.

⁵ Говор с. Гавраилова обследовался с 30 июля по 6 августа 1958 г. группой под руководством Г. К. Венедиктова; в группу входили Николай А. Стефанов, Здравка А. Иванова, Лидия Д. Веселинова.

⁶ Никаких сведений о переселении жителей с. Гавраилова в Бессарабию или в другие болгарские села на территории Болгарии в указанной книге П. Делирадева не содержится.

⁷ Наблюдения над говором с. Каланчак проводились с 14 по 19 августа 1948 г. группой студентов под руководством Л. С. Плотниковой. В АБГ это село именуется Калинчак, т. е. в той огласовке этого названия, в которой оно употребляется жителями приазовских сел Божево и Строгановка. Болгары бессарабские называют свое село Каланчак.

⁸ Село Ковачите по программе АБГ не обследовалось.

⁹ Сведения по истории села были собраны группой в составе: Николай А. Стефанов, Здравка А. Иванова, Лидия Д. Веселинова 4 августа 1958 г.

Село Селиминово (старое название Кара сърли)¹⁰ до Освобождения имело смешанное турецко-болгарское население. В начале XIX в. сюда пришли переселенцы из Казанлыкской околии. После Освобождения здесь поселились многие семейства из названного выше села Бяла и из села Ковачевцы¹¹.

Ввиду смешанного состава населения говор с. Селиминово по программе АБГ не обследовался.

Ближние экономические, общественные и родственные связи, существующие между селами Гавраилово, М. Чочовен и Селиминово, находят отражение и в языке жителей этих сел, которых окрестные крестьяне прозвали „рековцами“ за частое употребление ими при обращении частицы *ре*.

Судьба болгарских переселенцев из бывшего села Дермендере в Бессарабии сложилась так. Видимо, во второй половине XIX в. значительная часть их переселилась в Таврическую губернию, где они основали два села: Большой Калинчак (Ботево) и Малый Калинчак (Строгановка). Меньшая часть продолжала жить в с. Каланчак, куда на место ушедших в Приазовье пришло много болгар из г. Болграда (25) и несколько семей из бессарабских сел Кот-Китай (теперь Островное — 4). Село Каланчак расположено к востоку от с. Криничного (Чешма-Варуита — 32). Ближайшие болгарские села — Каменка (б. Таш-Бунар — 30) и Лощиновка (г. Кайраклия — 52). Население в селе смешанное. Болгары составляют 75%, остальное население — украинцы, русские, молдаване и гагаузы.

Ввиду преобладания болгар в селе все говорят на болгарском языке. Собиратели полагают, что в основу его „легли болгарские говоры, но наблюдаются в нем черты и других соседних болгарских говоров, а также украинского и русского языков“ (картотека № 33).

Села Ботево и Строгановка, расположенные друг от друга на расстоянии полукилометра, находятся в 15 километрах от районного центра Приазовье¹².

Сведения о времени основания сел, содержащиеся в исторических справках к бессарабскому селу, с одной стороны, и к приазовским селам, с другой, противоречивы. В картотеке № 33 читаем: „По всей вероятности, переселение это (т. е. переселение каланчаковцев в Таврическую губ. — И. Б.) имело место в 80-х гг. прошлого столетия“. Жители же сел Ботева и Строгановки утверждают, что их села были основаны в 1861 г. (картотека № 33₁₋₂). По-видимому, более достоверными являются последние сведения, поскольку собирателям удалось обнаружить на кладбище с. Ботева надгробный памятник, датированный 1863 г.

В обоих приазовских селах население смешанное: 70% составляют болгары, остальные 30% — украинцы и русские. Собиратели отмечают, что по сравнению с селами Богдановка и Степановка, расположенными в том же районе, что и интересующие нас села, болгарский быт, песни и танцы в Ботева и Строгановке сохраняются хуже. В языке это проявляется в том, что болгары этих сел сравнительно с другими довольно часто прибегают к русизмам, особенно, видимо, в с. Ботева.

§ 2. Говор села Гавраилова (3198) по своему диалектному типу принадлежит к южносливенским говорам, которые являются типичными

¹⁰ Исторические сведения о с. Селиминове были собраны группой в составе: Г. К. Венедиктов, Николай А. Стефанов, Здравка А. Иваиова, Лидия Д. Веселинова.

¹¹ Какой околии с. Ковачевцы, жители с. Гавраилова не помнят. В списке сел АБГ такого названия нет, есть только Ковачево Старозагорской околии. В указанной выше книге П. Делирадева приводятся исторические сведения о с. Ковачево (бывш. Демирджилер) Пазаджикской околии и о с. Ковачите Сливенской околии. С каким селом следует связывать название Ковачевцы — сказать трудно.

¹² Села Ботево и Строгановка были обследованы группой в составе: И. Е. Шейн, Т. В. Попова, Э. И. Зеленина (руководитель) с 11 по 23 августа 1950 г.

говорами так называемого „загорского клина“¹³. Село Гавраилово расположено, однако, на границе с подбалканскими говорами, которые в отличие от говоров „загорского клина“ имеют некоторые черты, общие с рупскими говорами. Очень скупо черты эти представлены и в говоре Гавраилова, обычно в виде лексикализованных вариантов (это проявляется например, в непоследовательности мягкости конечных согласных и отсутствии аффрикат *з* и *й*). В области морфологии немногочисленные подбалканские черты оказываются более устойчивыми (окончание *-ме* в 1 л. ед. ч. настоящего времени глаголов I и II спряжения, форма мн. ч. причастия прошедшего времени *дошли́*, формы причастий *донесъл*, *флазъл* в отличие от *донел*, *фла́л*, характерных для загорских и большей части рупских говоров).

Говор с. Гавраилова в настоящее время является единым. В нем почти нет дублетов. В лексике они отсутствуют полностью. Что касается фонетики и морфологии, то в основном здесь наблюдаются дублеты в соотношении отдельных слов.

Еще большей степенью монолитности характеризуются говоры приазовских сел. По существу, здесь один говор, как об этом свидетельствуют собиратели и как это следует из анализа фонетических и морфологических особенностей этих говоров. Имеющиеся расхождения между говорами сел Ботево и Строгановка столь незначительны, что собиратели сочли возможным составить для этих сел одну картотеку (№ 33₁₋₂).

Эти различия дают себя знать преимущественно в лексике.

Среди дублетов, наблюдающихся в обоих селах, находим такие, которые употребляются и в бессарабском с. Каланчак: *две* — *дв'а*, *идна́* — *ина́*, *идно́* — *ино́*, *месе"ц* — *мехе"ц*, *раце́* — *рѣци*; *то́зи*, *тас*, *тес* — *то́(в)а*, *та́(в)а*, *те́(в)а* и такие, которые каланчакскому говору неизвестны: *направѣти* — *направѣти*, *турѣти* — *турѣти*, *вилка* — *фэркули́ца*, *циба́рка* — *бакѣр*, *во́жи* — *те"рби́и*.

Говор с. Каланчак, по заключению собирателей, — смешанный, что подтверждается и историческими данными и обилием дублетов, которые фиксируются в картотеке № 33 в ответах и по фонетике, и по морфологии, и по лексике: *две* — *дв'а*, *дубре́* — *дубр'а*, *чула́к* — *чил'ак*, *жил'азу* — *жула́зу*, *шаро́к* — *широ́к*, *уда́* — *вуда́*, *зрѣну* — *зѣрну*, *дѣлак* — *дѣлк*, *вѣлак* — *вѣлк*, *бѣлах́а* — *блах́а*, *фѣтр'а* — *вѣтр'а*, *сух* — *суф*, *снаха́* — *снаха́*, *дза́дниа* — *за́дниа* и т. п., *джура́пи* — *чура́пи*, *ве́ки* — *ве́чи* — *вѣчик*, *уфѣ́* — *фѣ́*, *но́хчи* — *но́шчи*, *мѣхи́ц* — *мѣси́ц*, *мумчѣ́* — *мумчѣ́*, *дрѣмни* — *дрѣбни*, *раце́* — *рѣци*; *тос*, *тѣс*, *ту́й*, *тес* — *то́(в)а* (*тоо*), *та́(в)а*, *тва*, *те́ва* (*та́ва*); *о́нзи*, *унѣ́с*, *унѣ́й*, *унѣ́с* — *о́ниа*, *уна́ва*, *унва́*, *унѣ́с* (*ун'ава*), *ви́сти* — *ви́сви*, *мо́ја* — *мо́жа*, *истри́и* — *ри́цети*, *калпак* — *шапка*, *бурка* — *мантава*, *джам* — *пенджур*.

§ 3. Из 121 вопроса Программы БДА по фонетике одинаковый ответ находим в картотеках всех сел по 75 вопросам. По 16 вопросам картотеки говоров Советского Союза не содержат соответствующего материала, поэтому сопоставление невозможно.

Анализ совпадающих ответов дает возможность охарактеризовать тот единый фонд, который каждый из сравниваемых говоров получил в наследство от старого говора с. Дермендере и на который наслаивались различия, возникшие в результате более поздних процессов смешения уже во время обособленного существования этих говоров.

В исследуемых говорах общими являются следующие фонетические черты. Так, здесь господствует чередование *а/е* на месте старого *ѣ* под ударением в зависимости от твердости или мягкости предшеству-

¹³ См. статью С. Б. Бернштейна, Е. В. Чешко „Классификация юго-восточных говоров Болгария“, Известия АЛЯ, 1963 г., № 4.

ющего согласного, например: *л'ап*, *г'рах*, *б'ал*, *гол'ам* (*гул'ам*), *н'ама*, *м'аку* и т. д. (31, 98, 33, 33₁₋₂), но *б'ели*, *вр'еме* (*вр'еми*), *гол'еми* (*гул'еми*), *нед'ел'а*, *с'еми* (3198, 33, 33₁₋₂), *л'еб'ец*, *цв'ете*, *с'еки*, *т'есничка* (3198) *л'еб'ан*, *л'ет'ан* (33₁₋₂), *л'еб'е"н*, *л'ете"н*, *пл'евника* (33), *мр'ежа*, *б'еше*, *н'ешто*, *св'ештите* (3198), *мл'ечна* (3198, 33, 33₁₋₂), *см'ешан*, *гр'ешан* (33₁₋₂), *см'еше"н*, *гр'еше"н* (33), *v'ezd'i*, *sv'eš*, *sv'ešti*, *mr'eža* (Державин, 127)¹⁴.

Чередование *а/е* в исследуемых говорах наблюдается и на месте исконного *а* после шипящих согласных и *дж*, например: *ж'аба*, *ш'апка*, (3198, 33, 33₁₋₂); *ч'аша*, *ч'акам*, *чам*, *ч'аса*, *г'р'начар'ън*, *шал* (3198); *куч'ан*, *патладж'ан* (33, 33₁₋₂); *ч'акам*, *уфч'ар* (33₁₋₂), но *ж'еби*, *ш'епки* (3198, 33, 33₁₋₂); *ч'еши*, *страж'ерите*, *каракач'ени* (3198), *куч'ени*, *патладж'ени* (33, 33₁₋₂); *уфч'ери* (33₁₋₂). Некоторые отклонения по отдельным словам наблюдаются в каждом говоре. Так, в с. Гавраилове собиратели зафиксировали следующие слова, не отражающие чередования: *ш'арка* — *ш'арки*, *ч'анта* — *ч'анти*. Отклонение в слове *овч'ар* фиксируется собирателями и для говора с. Каланчак: (*у*) *фч'ер* — (*у*) *фч'ери*. То же отмечается здесь и для слова *чашка*: *ч'ешка* — *ч'ешки*, но наряду с *ч'ашка* — *ч'еши*. Что касается приазовских сел, то группа Э. И. Зелениной, работавшая здесь летом 1948 г., записала формы, отражающие чередование *а/е*, не отметив никаких отклонений. В их картотеке наряду с прочими находим формы *ч'аша* — *ч'еши*. Н. С. Державин приводит только формы без перегласовки *ч'еш'а* — *ч'еш'и* (стр. 127).

Большой материал на чередование *а/е* на месте исконного *а* в позиции после *ј* находим в картотеке № 3198: *Стой'ан* — *Стой'ене*, *й'арка* — *й'ерки*, *й'асла* — *й'если*, *тр'ой'ага* — *тр'уй'еги*, *пол'ана* — *пол'ени*. Материал картотек сел Советского Союза не противоречит данным из с. Гавраилово, хотя он и не столь обширен. Так, в картотеке с. Каланчак тоже находим формы с чередованием: *Стуј'ан* — *Стуј'ене*, *пјан* — *пјени*, а в картотеке приазовских сел: *пиј'ан* — *пиј'ени*.

Во всех позициях, предусмотренных в Программе БДА, на месте общеславянских *ѣ* и *ѣ*, а также вторичного *ѣ* в говоре с. Гавраилова находим один и тот же звук, который собиратели обозначают, не описывая его специально, знаком *ѣ*. Например, на месте общеславянского *ѣ*: *вѣн*, *дѣм*, *сѣн*, *рѣш*, *дѣска*; *рѣштѣ*, *сѣнѣвам*, *дѣждовѣте*; *какѣф*, *такѣф*; *слѣдѣк*, *пѣтѣк*, *никакѣф*; *сѣбрали*, *сѣбѣвам*, *вѣзври*, *вѣзглѣвница* (*вѣглѣница*), *сѣс кракѣ*; на месте общеславянского *ѣ*: *зѣби*, *пѣт*, *мѣже*, *мѣчно*; *рѣка*, *рѣкави*, *пѣтѣка*, *обрѣч*; *вѣглѣн*, *вѣтрѣ*, *вѣже*; на месте секундарного *ѣ*: *в'атѣр*, *м'окѣр*; *р'екѣл*, *фл'азѣл*, *топѣл*; *осѣк*, *м'озѣк*, *п'осѣк*; *к'осѣм*¹⁵.

В Программе БДА знак *ѣ* используется для обозначения звука, свойственного литературному болгарскому языку, т. е. звука среднего ряда среднего подъема. В материалах „Атласа болгарских говоров в СССР“ звук, произносимый на месте старых *ѣ*, *ѣ* и секундарного *ѣ* в интересующих нас говорах, обозначается знаком *ѣ* только под ударением, например: на месте общеславянского *ѣ*: *дѣш*, *сѣн* (33, 33₁₋₂), *вѣнка* (33); на месте общеславянского *ѣ*: *зѣп*, *пѣт*, *мѣш* (33, 33₁₋₂), *рѣка* (33). В неударяемой позиции собиратели ставят знак *а*, который свидетельствует о более открытом произношении этого звука в данной позиции, например: на месте общеславянского *ѣ*: *званѣц* (*дѣванѣц* — 33), *званѣц* (33₁₋₂), *даждувѣ* (33), *вазглѣвница* (33₁₋₂), *ваглѣнца*, *ваглѣница* (33); *фаф сѣлу*, *сас важѣту* (33, 33₁₋₂), *восѣк* (33₁₋₂); на месте общесла-

¹⁴ В отношении произношения ударенного конечного *ѣ* в говорах единства нет. В основном в этой позиции находим *ѣ*, но встречается и *е* (см. § 5).

¹⁵ Материал по говору с. Гавраилова приводится выборочно ввиду его однородности.

вянского *о*: *мажѣ* (33), *рацѣ*, *рака* (33, 33₁₋₂), *ракави* (33); на месте вторичного *ѣ*: *вѣсак* (33₁₋₂).¹⁶

Н. С. Державин пользуется знаком *а* для обозначения так называемого „слабо-глухого *ѣ*“ (стр. 58). Именно этот звук он слышал в селах Ботево и Строгановка, судя по его записям, под ударением: *у́пка* (стр. 126); *таш*, *рат*, *фитра* (там же). В безударной позиции он фиксировал *а*: *даждувѣ* (там же); *мажѣ*, *завѣти*, *раката* (стр. 126); *ѣсак* (стр. 129), *мадар* (стр. 131).

Знак *ѣ* находим во всех селах и в словах турецкого происхождения: *бакѣр*, *каѣр*, *кѣра*, *сандѣк* (3198); *бакѣр*, *кѣра* (33, 33₁₋₂).

Насколько различное обозначение отражает различие в степени открытости рассматриваемого звука по интересующим нас здесь говорам, сказать трудно. Но сейчас нам важнее в классификационном отношении подчеркнуть единство этих говоров и в этом явлении. Оно состоит в том, что это звук среднего ряда, неверхнего подъема.

Для всех исследованных говоров характерно отсутствие каких-либо следов старого *ы*: *син*, *мишка*, *дим*, *висѣко* (3198); *риба*, *син* (33, 33₁₋₂).

Праславянское *ѣ* в позиции под ударением здесь везде произносится как *е*: *йѣдѣр*, *йѣсѣн*, *глѣда*, *мѣкичко*, *пет*, *рет*, *зет*, *тѣшка* и *тѣле*, *прасѣ*, *детѣ* (3198); *лѣшта* (33, 33₁₋₂), *тѣшку*, *зѣт*, *рет*, *пет* (33); *зѣт* (33₁₋₂); *рет*, *ѣду*, *зѣт* (Державин 33₁₋₂) и *димѣ* (33, 33₁₋₂), *д'итѣ*, *т'илѣ* (Державин 126). На месте старого *е* после шипящих также находим *е*: *жѣдѣн*¹⁷, *жѣтва*, *шѣпа*, *шѣтам*, *чѣсто* (3198), *жѣтва*, *шѣпа* (33, 33₁₋₂).¹⁸

В корнях слов и в ударяемых суффиксах праславянский *ѣ* произносится во всех говорах как *е*: *ден*, *лѣсно*, *лен*; *увѣс*, *увѣн*, *ѣрѣл*, *винѣц*, *питѣл*, *ѣцѣт* (3198); *ден* (33, 33₁₋₂), *пручѣтах* (33); *дѣванѣц* (33, 33₁₋₂), *р'ит'ѣл* (Державин, 129).

Во всех четырех исследуемых говорах представлена такая характерная славянская черта, как редукция безударного *и* в сторону *а* в суффиксе существительных *-ин-*. В говоре с. Гавраилова находим произношение с *ѣ*, *а*: *млакарѣн*, *лѣбарѣн*, *клучарѣн*, *грѣначарѣн*, *салдатан*; в говорах сел Советского Союза эти формы фиксируются со звуком *а*: *уфчѣран*, *чубанан* (33), *другаран* (33, 33₁₋₂), *guidar'an* (Державин, 129).¹⁹

Для всех рассматриваемых говоров характерна редукция *о* в сторону *у*. Н. С. Державин и другие собиратели материала в селах Советского Союза пользуются для ее обозначения знаком, свидетельствующим о сильной степени редукции, — *у* (*-и* в транскрипции Державина): *малку*, *млаку*, *житу*, *даду*, *ладу*; *мумѣ*, *удѣ*, *удиница* и т. д. (33, 33₁₋₂); *лату*, *мласту*, *млаку*, *ѣду*, *удѣ*, *удичѣ*, *убушта*, *гудина зубѣви*, *сультѣ* (Державин, 130). Собиратели же материала по говору с. Гавраилова избрали для обозначения редукции безударного *о* знак *ѣ*, например: *ѣдѣ*, *ѣрѣла*, *ѣрѣл*, *ѣрма*, *ѣнкр*, *ѣфчѣ*, *лѣсно* и т. д., но иногда в конце слова и они обозначают редукцию безударного *о* знаком *у*: *ѣкѣшу*, *млаѣу*, *лѣшу*, *ѣзѣу*.

Ни в одном из исследуемых говоров не зафиксировано отклонений от явления оглушения звонких согласных.

Что касается произношения конечного *в*, то оно обычно во всех говорах тоже оглушается в *ф*. В говоре же с. Каланчак записана форма *жух* с *х* на месте *ф*, но наряду с формами *жуф*, *жиф*. Во всех других

¹⁶ Материала на произношение общеслав. *ѣ*, *ѣ* в конечном закрытом слоге под ударением (вопр. 1в) и без ударения (вопр. 1г) и на произношение секундарного *ѣ* перед согласными *л* (вопр. 2б) и *м* (вопр. 2г) ни в картотеках № 33, 33₁₋₂, ни в книге Н. С. Державина нет.

¹⁷ В копии картотеки, которой располагает Ин-т славяноведения АН СССР, видимо, ошибочно написано: *жѣдѣн*, без мягкости *д*.

¹⁸ О произношении *ѣ* в безударной позиции см. § 4.

¹⁹ В картотеке с. Гавраилова находим еще *либѣвнѣк*, т. е. *ѣ* в суффиксе *-ик*.

Полное единство обнаруживают исследуемые говоры в отношении произношения групп согласных. На месте *tj* находим здесь *шт*: *лэшта*, *кѣшта*, *свѣштите*, *врѣшта*, *сѣштото* (3198), *лэшта*, *кѣшта*, *срѣштат* (33, 33₁₋₂), и *ubraštam*, *uséštam* (Державин, 132); на месте *dj* — *жд*: *вѣжди*, *вѣждам*, *прѣжда*, *губѣжду* (33, 33₁₋₂), *vězdi*, *duxóždam* (Державин, 132).

Во всех говорах представлена группа *чер*: *чѣрни*, *чѣркова*, *ч'ѣрвѣн*, *чѣрница* (3198); *чарвѣн* (33₁₋₂), *чурѣша* (33, 33₁₋₂), *чарница* (33); *čérkva* (Державин, 130).

В исследуемых говорах наблюдаются следующие изменения групп согласных. На месте группы *мн* находим *вн*: *пѡвна*, *стѡвна* (3198), *пѡвна*, *стѡвна* (33) с отклонениями в одних и тех же словах — *тѣмно*, *сѣмне се* (3198), *t'etna* (Державин, 127). В картотеке с. Каланчак соответствующий материал отсутствует. Одинаковое распределение различного произношения по словам в с. Гавраилове и в приазовских селах говорит о том, что эти формы были уже свойственны говору с. Дермендере до переселения болгар в Бессарабию.

Отражением также давнего процесса является в говоре с. Гавраилова изменение группы согласных *вн* в некоторых словах в сочетании *мн*: *грімни*. С таким произношением это слово зафиксировано во всех остальных рассматриваемых здесь говорах. В других словах эта группа сохраняется: *рѡвни*, *глѡвн'а* (3198), *вглѡвница* (33₁₋₂). В говорах с. Гавраилова и с. Каланчак последнее слово фиксируется в форме: *вглѡнца* (*ваглѡнца*). В селе Каланчак, кроме этого, записаны формы *вазглѡнца* и *ваглѡница*. По поводу употребления этих форм жители дают такое объяснение: *чил'ака коїту гу мардѣи поїчи казва „ваглѡнца“*.

Во всех говорах различаются группы согласных *ср*, *зр*, с одной стороны, и *стр*, *здр* — с другой. Ср., например: *срѣбро*, *срам*, *ср'ада*, *срѣшнах*, *срамижлѣф* (3198); *срѣшнах*, *срамижлѣф* (33₁₋₂), *срѣшнах*, *срамежлѣф* (33) с одинаковым отклонением: *оздр'ава* (3198), *уздр'ава* (33) и *сестра*, *стрина*, *стражлѣф*, *зраф* (3198); *систра*, *страна* (33, 33₁₋₂).

Произношение группы *ѣр* между согласными в исследуемых говорах совпадает в односложных словах и в позиции перед двумя согласными. Для говора с. Гавраилова в односложных словах характерно *рѣ*: *прѣс*, *грѣп*, *врѣѣ*, *грѣк*, *дрѣт*, *прѣч*, *прѣт*, лишь для слова *сѣрп* наряду с обычной формой *срѣп* находим *сѣрп*, которая, как замечают собиратели, была записана один раз от информатора, обычно употребляющего форму *срѣп*²². В картотеках по говорам Советского Союза это слово не представлено, но во всех остальных случаях также фиксируется *рѣ*: *прас* (33, 33₁₋₂), *грап*, *грам*, *драг* (Державин, 128).

Последовательно *рѣ* находим в многосложных словах перед двумя согласными по всем четырем говорам, например: *трѣина*, *мрѣсни*, *прѣво*, *прѣсти*, *прѣст'ана*, *врѣшта*, *обрѣштат*, *мрѣ мало* (3198), *врѣвница*, *врѣзвам* (33, 33₁₋₂), *врѣдѣзам*, *прѣстен* (33); *braní*, *gráckí*, *grátna* (Державин, 128), *ubraštam* (Державин, 132)²³.

В многосложных словах перед одним согласным в говоре с. Гавраилова всегда находим группу *ѣл*: *жѣлато*, *дѣло*, *дѣл'бѡк*, *стѣл'бите*, *дѣл'ш*, *вѣл'ци*, *мѣл'чѣме*. То же находим в приазовских селах: *салдѣа* (33₁₋₂), *salzá* — *sélzi*, *dalgá* — *dalgí*, *as gal'čáx*, *as sa kalnách* (Державин, 128). В картотеке с. Каланчак зафиксировано только слово *салдѣа*. В положении же перед двумя согласными в говоре с. Гавраилова последовательно отражается *лѣ*: *слѣнце*, *глѣтка*, что подтверждается и

²² Произношение *сѣрп* характерно для говоров к западу от села Гавраилова.

²³ Произношение *ѣр* в многосложных словах перед одним согласным не представляет единства (см. § 5).

данными говоров сел Советского Союза, в которых мы находим: *slǎnu(u)tu* (33), *slǎnc'itu* (Державин, 128). Для заключения о произношении этой группы в односложных словах нет материала ни в картотеках сел Советского Союза, ни в книге Н. С. Державина²⁴.

Единство говоров обнаруживается и в произношении отдельных слов; ср.: *dǎšter'á* (3198) — *dǎštir'á* (33, 33₁₋₂), *dašt'er'á* (Державин, 130); *mlǒgu* (3198, 33), *mlǒgu* (Державин, 134), *nibé* (3198, 33, 33₁₋₂), *noš* (3198, 33, 33₁₋₂), *noštová* (3198) — *nuštuvá* (Державин, 130), *n'áma*, *n'áma* (3198, 33, 33₁₋₂), *čýzdi* (3198, 33, 33₁₋₂), *icé* (3198, 33, 33₁₋₂), *icé* (Державин, 130), *ftǐtche*, *ftǐtčka* (3198) — *ftǐtche* (33₁₋₂), *ftǐtča*, *ftǐtčka* (33), *garm*, *garmi* (Державин, 133) — *gǎrmut*, *gǎrmoťevica* (3198). Слово *glǐna* в исследуемых говорах не употребляется, вместо него здесь везде употребляют слово *prǐs* (33, 33₁₋₂), *č'ǎrvéna prǐs* (3198).

§ 4. Все дублиеты, встречающиеся в говоре, распадаются на две группы: на варианты нелексистализованные и варианты лексистализованные.

К нелексистализованным вариантам относятся прежде всего явления безударного вокализма.

На месте безударного конечного *ǎ* находим *'ǎ* (*'a*): *ǒr'ǎ*, *vǎtr'ǎ* (3198), *ǎtr'a*, *vǎtr'a* (33), *fǎtr'a* (Державин, 126), но *ǎtrǐe* (33₁₋₂). В предударных слогах непоследовательность в произношении *ǎ* отражена в картотеках шире: здесь наряду с *ǎ* возможно *e* и *u*.

В ответе на вопрос 15б для говора с. Гавраилова собиратели констатируют, что в произношении старого *ǎ* в предударном положении перед последующим мягким согласным „няма единство у едно и също лице“: возможно *ǎ* и *e*. Материал, однако, приводится скудный: *v'ǎnčǐlo*, *v'ǎn'čǐyat*, но *vinéu*; *b'ǎlǐlo*, но *pitél*, *pévéu*. Непоследовательное произношение предударного *ǎ* наблюдается, по-видимому, в рассматриваемом говоре и перед твердым согласным, хотя собиратели этого не отмечают и в ответе на вопрос 15а приводят только формы с *ǎ* на месте *ǎ*: *st'ǎná*, *ml'ǎkǎr'ǎn*, *sv'ǎtǎ*, *l'ǎbǎr'ǎn*. Об этом могут свидетельствовать следующие формы, приводимые ими в ответах на другие вопросы: *mǐstǎ* (вопр. 60а), *svǐtǎ* (вопр. 61а), *deǎtǎ* (вопр. 296). Еще более скудным материалом мы располагаем по нашим селам. Здесь ни разу не фиксируется произношение предударного *ǎ* перед мягким согласным как *'ǎ* (*'a*), вообще имеется лишь три примера на эту позицию, в которой находим *e* (*u*): *de"mé* (33₁₋₂), *nasichǐ*, *dité* (33), *sv'ǐštǎ* (Державин, 131). Что касается произношения *ǎ* перед твердым согласным, то здесь примеров несколько больше. В материалах, собранных по программе „Атласа болгарских говоров в СССР“, во всех примерах на интересующую нас позицию фиксируется тоже *e* (*u*): *trǐe"vá*, *stǐe"ná*, *te"stǒ*, *se"nǒ* (33₁₋₂), *trǐvá*, *stǐná*, *tǐstǒ*, *sinǒ*, *pro"le"tǎ* (33), *sl'iputǎ*, *mǐstǎ*, *sn'ǐguv'é* (Державин, 130—131).

Среди примеров, приводимых Н. С. Державиным, однако, есть и другие, в которых он фиксирует произношение предударного *ǎ* перед твердым согласным как *'ǎ*: *s'ǎnǒ*, *tr'ǎvǎ*, *sv'ǎtǎ* (стр. 130), а в одном случае как *'a*: *gn'azdǒ*. Судя по материалам с. Гавраилова, в котором, видимо, и сейчас шире распространено произношение предударного *ǎ* как *ǎ*, чем произношение его как *e*, и по тем примерам с гласными *'ǎ*, *'a*, которые записаны Н. С. Державиным, можно предполагать, что в говоре с. Дермендере до переселения части болгар в Бессарабию на месте предударного *ǎ* произносился звук, близкий к *a*, более широкий, чем *e*. Возможно, что это было открытое широкое *e*. Произношение

²⁴ Непоследовательность в произношении рассматриваемой группы *ǎ* наблюдается в положении после губного согласного (см. об этом § 5).

звука более широкого, чем *e*, на месте *ъ* в предударном слоге перед твердым согласным характеризует многие подбалканские говоры западнее Гавраилова и северные сливенские говоры. Произношение *'ъ* на месте предударного *ъ* перед мягким согласным фиксируется на данной территории лишь спорадически в отдельных говорах.

Безударное *e* из ст.-болг. *ѣ*, *ѡ* и *Ѣ* имеет в данных говорах одинаковую судьбу.

Зафиксировано произношение предударного *e* как *'ъ* в корнях некоторых существительных: *п'ъра*, *п'ърони*, *йъргѣн*, *йърма*, *чъло* (3198). Это явление наблюдается и в некоторых соседних говорах. Нередко встречаются пометы, что редукция в сторону более широкого звука отмечается в соседстве с сонорными. В приазовских селах это явление было отмечено Державиным: *dašt'ap'a*, *m'arisan'i*, *id'anais'i* (стр. 128). Обычно же в предударном слоге и в конечном открытом слоге на месте безударного *e* произносят *e* (*e''*) или *и*. Приведем некоторые примеры: *предá*, *медъ*, *гредá*, *селá*, *денъ*, *женá*, *женí*, *берé*, *денíте*, *ергѣните*, *пештíте*, *оперá*, *заведá*, *имáни*, *зѣли*, *мýли*, *кýчи*, *áни*, *пýли*, *сѣми* (3198); *придá*, *пирá*, *жинá*, *систрá*, *митлá*, *мисó*, *бис_парí*, *силá*, *сидът*, *бирé*, *пидисé*, *дивиндисé* (33); *ge'pán*, *se'strá*, *je'ná*, *pe'ká*, *me'dó*, но *мисó*, *плитá*, *читá*, *пидисé*, *дивиндисé* (33₁₋₂), *gridá* (Державин, 130), *perón*, *reduvé* (Державин, 129). Отклонения очень незначительны. Они фиксируются для всех четырех сел в полных формах винительного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа: *мѣн'а* (3198, 33, 33₁₋₂), *мѣб'а* (3198), правда, Н. С. Державин наряду с формой *мѣн'а* в примере *ila pr'i m'én'a* (стр. 131) записал форму *m'éni* в примере: *m'én'i ma bul'et zab'iti* (стр. 130).

Редукция безударного *e* в сторону *а* последовательнее всего приводится в заударном закрытом слоге.

В с. Гавраилове мы всегда находим здесь *'ъ*, например: *грѣб'ън*, *йѣс'ън*, *пѣп'ъл*, *вѣч'ър*, *жѣд'ън*, *бóл'ън*, *чѣр'ън*, *чѣс'ън*, *жѣн'ън*, *пѣц'ън*, *ублѣч'ън*, *дѣв'ът*, *пáм'ът*, *мѣс'ъц*, *зáйък*. В говоре сел Ботево и Строгановка группа, работавшая под руководством Э. И. Зелениной, зафиксировала следующие формы с *'а* на месте безударного *e*: *лѣм'ан*, *лѣб'ан*, *грѣшан*, *смѣшан*, *тýкашан*, *дѣáд'ан*, *папýр'ан*, *л'ап*, *рóд'ан*, *баштá*. В книге Н. С. Державина находим такие примеры с *а*: *grěb'an* (стр. 127), *ból'an*, *s'il'an* (стр. 131), *pl'evn'ak* (стр. 129). Наряду с этим в приазовских селах зафиксировано произношение безударного *e* как *e''*: *прѣсте"н*, *м'ѣсе"ц* (*мѣхе"ц*), *јѣсе"н* (33₁₋₂), как *e*: *grěšen*, *lét'en*, *véren* (Державин, 127, 131) и как *и*: *méxíc*, *m'éxíc* (Державин, 127). Только в книге Н. С. Державина находим формы с *'ä*: *žiléz'än*, *sn'éž'än* (стр. 131), *vágl'än* (стр. 126). Что касается с. Каланчак, то собиратели приводят в картотеке формы с *e*, *e''* на месте безударного *e*: *прѣстен*, *оген*, *кóрен*, *бóл'ен*, *лѣтен*, *грѣшен*, *смѣшен*; *јѣсе"н*, и к прилагательным делают следующее примечание: „В произношении некоторых лиц гласный суффикса у прилагательных звучит как *'а*“. В текстах, которых, к сожалению, очень немного, мы нашли такие формы с *'а* на месте безударного *e* в конечном закрытом слоге: *вѣчар*, *тýр'ан*. В слове *месец* они фиксируют *и*: *мѣхиц*, *мѣсиц*, но отмечают *мѣичана*. Большой интерес представляют формы с *'ä*, записанные Н. С. Державиным. Возможно, что именно этот вариант произношения безударного *e* следует восстанавливать для старого говора с. Дермендере.

В области согласных нелексикализованными являются дублиеты, отмеченные собирателями материала в с. Гавраилове в ответах на вопросы 34а и 35, которые предусматривают произношение согласного *х* в интервокальном положении и на конце слова. Как и в начале слова

(см. предыдущий параграф), в этих позициях возможно сохранение *х* и реже его выпадение, но наряду с этим здесь фиксируется произношение на месте *х* согласных *ф* и *в*, правда, только в именах: *глѹфи*, *бр'ѣви*; в глагольных формах находим только *х* или его отсутствие, например: *кол'аха*, *игр'аеха*; *отид'аха*, *вод'иха*, *д'адоха* и т. д.

Шире произношение *ф* и *у* на месте *х* представлено в позиции конца слова, причем без различия по частям речи — и в именах и в соответствующих глагольных флексиях, но опять наряду с сохранением *х* или его выпадением. Все три согласных, как свидетельствуют собиратели материала, возможны в речи одного и того же лица, но одни предпочитают *х*, другие *ф*. Реже слышится *ѣ*. Примеры: *т'аф* и *т'аѣ*, *мѣх* и *мѣѣ*, *глух* и *глуф*. Очень широко распространено такое тройное произношение в формах имперфекта и аориста (1-е лицо единственного числа), ср., например: *плет'ах* и *плет'аф*, *тѣрп'аф* и *тѣрп'аѣ*; *кол'ѣх* и *кол'ѣф*, *отид'ах* и *отид'аф* и им подобные.

В соответствующих говорах Советского Союза картина несколько иная. В говоре приазовских сел в именах фиксируется произношение только с *х*, в форме 3-го лица множественного числа аориста отмечается факультативное произношение *х'*: *б'а(х)а*. На конце слова здесь последовательно фиксируется *х*: *гр'ах*, *б'ах*, *кѹп'ах*, *сух*, *глух*.

В говоре с. Каланчак находим наряду с обычными формами *снаха*, *дрѣхи* и *дрѣи*, *муха*, *б'а(х)а* формы с *ѣ* на месте *х*, которые неизвестны ни одному другому говору из тех, которые нас здесь интересуют: *снаѣа*, *дрѣѣи*, *б'аѣа*, причем если произношение с *ѣ* в именах существительных, как отмечают собиратели, встречается редко, то в глагольных формах оно имеет широкое распространение. Формы с *х* и *ѣ* встречаются одинаково часто и в речи одних и тех же лиц, что свидетельствует о живом процессе смешения. На позицию конца слова в картотеке с. Каланчак наряду с формами на *х*: *гр'ах*, *б'ах*, *кѹп'ах*, *сух*, *глух* приводится форма на *ф*: *суф*, но тут же делается оговорка, что „она встречается очень редко“.

Для старого говора с. Дермендере, видимо, следует восстанавливать произношение *х* во всех позициях, что находит наиболее последовательное отражение в говоре сел Приазовья — Ботево и Строгановке. Появление произношения *в*, *ф* на месте *х* в говоре с. Гавраилова следует связывать с периодом после переселения части болгар в Бессарабию, когда говор пережил какие-то новые процессы смешения. Наличие в картотеке говора с. Каланчак формы *суф* при последовательном употреблении *х* в приазовских селах не может поставить под сомнение этот вывод. Появление такого произношения, как и произношения *ѣ* в говоре с. Каланчак, относится к еще более позднему периоду (ко второй половине XIX в.) и обязательно смешению говора бывших дермендеровцев с говором выходцев из Кот-Китая и Болграда, пришедших на место каланчаковцев, переселившихся в Приазовье.

Дублеты, встречающиеся в речи одних и тех же лиц, наблюдаются и в произношении *л* в середине слова перед следующим согласным. Перед слогом с гласным переднего ряда в говоре с. Гавраилова всегда найдем *л'*, например: *мал'ки*, *бул'ки*, *дѣл'и*, *вѣл'нено*, *зѣл'ви*, *гѣл'чи*, *стол'че*, *мамѣл'че*, но перед слогом с гласным заднего ряда в с. Гавраилове произносят то *л*, то *л'*, например: *булка*, *малка*, *даскалка*, *совалка*, *зѣла*, *болно*, но *бул'ката*, *кол'ко*, *дѣл'боко*, *мал'ко*, *гѣл'чал*. Пока преобладают формы с *л* твердым, но, видимо, они вытесняются формами с *л'* мягким. В исследуемых говорах Советского Союза наблюдается чередование *л* — *л'* в зависимости от характера последующего слога, ср., например: *(х)абѣлка*, *учѣтилка* (33), *абѣлка* (33₁₋₂), но *напѣл'ни*, *крѣл'чинцы* (33), *парал'ni! da sa zakal'n'é*, *mal'ci!* (Державин, 128). Если здесь и происходит процесс аналогического вырав-

нивания, то идет он в обратном направлении: твердое произношение л в формах типа *учѣтилка* проникает в слова, где л находится перед слогом с гласным переднего ряда. Правда, об этом приходится заключить только по двум примерам. Один удалось отыскать в книге Н. С. Державина: *dalgá — dalgí* (стр. 128), другой — в картотеке с. Каланчак: *(х)áбълки*.

Исходным состоянием и для говора с. Гавраилова, и для говоров Приазовья и Бессарабии было положение, при котором описанные позиции для л и л' различались, и, по-видимому, именно это было характерно для старого говора с. Дермендере, тенденция же к единообразию возникла позже, когда эти говоры были уже территориально разобщены. Поскольку этот процесс развивается одинаково и в бессарабском селе, и в приазовских селах, можно предположить, что начало его относится к периоду до переселения части болгар из с. Каланчак в Таврическую губернию.

§ 5. Вторую группу вариантов мы лишь условно можем назвать дублетами, так как фонетические различия связаны с разной лексикой или словообразовательными элементами. Возможно, что в некоторых случаях недостаток материала не позволяет проследить фонетические закономерности, и потому в эту группу у нас могут попасть явления, которые при наличии большего материала могли бы получить и фонетическое истолкование.

В этих говорах не наблюдается единства в рефлексах старого ъ. Здесь в одних корнях (их большинство) собиратели фиксируют тот же звук, который они слышат на месте праславянских ъ и ѣ: *тѣнко*, *лѣскала*, *лѣснем*, *мѣлѣво*, *пѣн* (3198), *тѣнка* (33), *pástru* (Державин, 127), а в других — звук е: *шѣпна*, *дошѣл*, *жѣна*, *тѣмно* (3198), *тѣмну* (33), *t'ětna* (Державин, 127). Материал по селам Советского Союза очень неполон, но он согласуется с тем, что мы находим в говоре с. Гавраилова.

В конце слова под ударением на месте старого ъ находим разные звуки в разных категориях слов. Во всех говорах зафиксировано 'а в наречиях: *дубр'а*, *кѣд'а*, *накѣд'а*, *блáz'а* (3198); *дубр'а*, *кѣд'а*, *эл'а* (33, 33₁₋₂). В именах существительных и числительном *двѣ* единства нет. Во всех говорах Советского Союза фиксируются варианты *дв'а* и *две*. В именах существительных в говоре Гавраилова отмечены варианты: *рѣцѣ*, *колѣнѣ*, *раменѣ*, *крилѣ* и *кол'ен'а*. В с. Каланчак АБГ для существительных указывает только е. В говоре с. Гавраилова эта форма и является, видимо, исконной.

Непоследовательно представлены в говоре Гавраилова явления длабиализации гласного у после л', а также явления лабиализации и и е после шипящих и и перед губными согласными.

В ответе на вопрос 23, предусматривающем произношение гласного у после л', фиксируется произношение и с гласным у, и с гласным и, но по разным словам: *кл'уч*, *кл'учár'ѣн*, *л'ѹл'ка*, *л'утѣф*, *ѹкл'ѹк*, *л'ѹти*, но *лѣби*, *лицѣрна*, *лѣл'ак*, *либѣвн'ѣк*. То же наблюдается в ответах на вопросы 7, 8 и 11, где лабиализация и и е отмечается только в части возможных в этом случае слов: 7. *жуф* (*жѣф*), *ожув'а*, *жувѣй* (*жѣвѣе*), *почѹвам* (*почѣвам*), *почѣфка*, но *живѣт*, *жѣтѣтѣ*, *шивѣч*, *шѣпка*, *исчѣстим*, *чѣчо*, *чил'ак* (49т), *чил'азѣ* (396); 8. *убѣвам*, *полѣвам*, *отѣвам*, *бѣвам*, но *крѣво*, *паметлѣф*, *л'утѣф*; *колѣба*, *пѣр*, *пѣпа*, *ѣме*, *килѣм*; 11. *ичумѣк*, *чуш'м'а*, но *тѣнцѣра*, *ч'арѣша*.

Соответствующий материал из картотек сел Советского Союза явно недостаточен для проведения широкого сопоставления, но и он свидетельствует скорее о единстве, чем о различии говора с. Гавраилова, с одной стороны, и соответствующих болгарских говоров Советского Союза, с другой. Для всех последних сел собиратели отмечают

слово *кл'уч* без явлений делабиализации, как и в говоре с. Гавраилова, но слов, в которых в с. Гавраилове фиксируется *и* на месте *у*, в картотеках по этим селам вообще нет.

Форма с *й* на месте *и* после шипящих ни в с. Каланчак, ни в приазовских селах не зафиксирована, но вариант с *у*, свидетельствующий о сильной лабиализации, здесь представлен в тех же словах, что и в картотеке с. Гавраилова: *жуф* — в Ботева и Строгановке и *жуф*, *жух* — в Каланчаке; во всех этих селах отмечается сильная лабиализация и в глаголе, образованном от этого корня: *жувѣят*, что имеет место и в Гавраилове. Кроме того, здесь с *у* на месте *и* после шипящих зафиксировано слово *шупър*, которое, правда, в картотеке с. Гавраилова отсутствует. Из слов с *и* после шипящего не перед губным согласным в говорах сел Советского Союза отмечено только два, но тоже с *и*: *жѣту* (33, 33₁₋₂), *чѣчу* (33₁₋₂).

Что касается слова *ширѣк*, то и в этих говорах, как и в говоре с. Гавраилова, результаты лабиализации *и* в этом слове не представлены. Здесь во всех селах находим форму *шарѣк*, соответствующую гавраиловской *шѣрѣк*, но в с. Каланчак наряду с ней употребляется и форма *ширѣк*, которая, однако, встречается реже, чем первая, и которую, видимо, следует связывать с влиянием говора болгар из Болграда или Кот-Китая. Произношение слов *железо*, *череша*, *човек* по рассматриваемым говорам Советского Союза не всегда совпадает с тем, что мы находим в с. Гавраилове.

Формы с *й* на месте *и* в положении перед губным согласным *в* в селах Советского Союза не зафиксированы, и вообще примеров на произношение *и* в этой позиции очень мало. В картотеке № 33 находим в текстах только *утѣват*, *пулѣва са*; в картотеке № 33₁₋₂ на произношение *и* перед *в* в корнях слов вообще нет примеров, но в обеих картотеках имеется прилагательное *срамижлѣф*, которое, как мы видим, свидетельствует об отсутствии результатов лабиализации перед согласным *в* в суффиксах прилагательных, что характерно для говора с. Гавраилово, в картотеке которого мы находим формы: *паметлѣф*, *л'утѣф*. Слово *липѣр*, записанное и в бессарабском селе, и в обоих приазовских селах с гласным *и* в первом слоге, также согласуется с данными по говору с. Гавраилова, где, как мы видели выше, лабиализация *и* наблюдается только перед губным согласным *в*, перед другими губными согласными здесь произносится *и*.

В отношении твердых и мягких согласных в позиции конца слова в говоре с. Гавраилово можно отметить следующее. Только с мягким *л'* произносятся слова: *сол'*, *питѣл'*, *фитѣл'*, *чѣвал'*, *учѣтел'*, и только с *л* твердым — слова: *кал*, *тел*, *даскал*, *акѣл*. При всегда твердом произношении *р*, *к* в конце слова имеем *р'* мягкий в слове *офчѣр'* (*ушчѣр'*) (ср. твердое произношение в слове с тем же суффиксом *гов'ѣдър*) и *к'* мягкий в слове *изик'*.

В говорах Советского Союза вырисовывается следующая картина в отношении палатальности конечных *к*, *л*, *р*. Везде представлено только твердое *к*, хотя, правда, именно тех слов, которые приводятся на твердость *к* в картотеке № 3198, мы в картотеках № 33 и № 33₁₋₂ не обнаружили, кроме слова *изик*, которое предусматривается программой и потому имеется в обеих картотеках. Из ответов на разные вопросы удалось составить следующий список для с. Каланчак: *вѣлак*, *вѣлк*, *убѣак*, *имрѣк*, *карѣк*, *ишумѣк*, *калпѣк*. Для приазовских сел он дополняется словами *тукмѣк*, *јумурѣк*. Вместо слова *калпѣк* здесь употребляется слово *шѣпка*. В книге Н. С. Державина также находим слова только с *к* твердым (стр. 129—130): *ісѣтѣк*, *sn'ak*, *pájak*, *póluk* и др. Что касается *л*, то оно также последовательно твердо в с. Каланчак, хотя опять состав слов, которыми это может иллюстрироваться,

кроме слова *сол*, не совпадает со списком слов с *л* твердым в картотеке № 3198: *хмел*, *вол* (*уол*), *штрѣкел*, *мамѹл*, *кѹндел*. В говорах приазовских сел мягкость, кроме слова *сол*, зафиксирована еще в словах *хмел'*, *мамѹл'* (33₁₋₂), *čuvál'* (Державин, 129), твердость *л* в словах *вол*, *штѣрке*^л, *кѹнде*^л (33₁₋₂), *pit'él*, *stol* (Державин, 129, 130). В говоре с. Гавраилова *штрѣкел* тоже произносится с твердым *л* (из ответов на вопрос 150). Случаев мягкости конечного *р* в говоре с. Каланчак не отмечено. Из слов, записанных с твердым *р* в говоре с. Гавраилова, здесь находим *пипѣр*, *бакѣр*, но еще *учкѹр*, *шупѣр*. Вместо гавраиловского *офчѣр'* (*уичѣр'*) в этом говоре употребляется *уфчѣр'ан* наряду с *другѣр'ан*. В говоре сел Ботева и Строгановки мягкость представлена даже шире, чем в говоре с. Гавраилова: *мисѣр'*, *пахѣр'*, *папѹр'*, *киптѣр'*, но в слове *уфчѣр* она как раз отсутствует. Слова *бакѣр*, *пипѣр*, *шупѣр* здесь также произносятся с твердым *р*.

Что касается произношения согласных *н*, *т* в конце слова, то в с. Гавраилове также господствует твердое произношение с отклонением только в двух словах: *кон'* и *зет'*. С твердым *н* записаны следующие слова: *ден*, *сѣн*, *п'ѣрѣн*, *хармѣн*, *сапѹн*, *курбѣн*, *кѣр'ѣн*, *салѣн*, *бостѣн*, *калмукѣн*, с твердым *т* — слова: *пѣт*, *живѣт*, *нѣкѣт*, *пет*, *оцѣт*, *осѣт*. Для слов *кон*, *зет* собиратели фиксируют дубликеты *кон* — *кон'*, *зет* — *зет'*, которые, как они замечают, „се срещат у различни хора“.

В говоре с. Каланчак твердость *н* проведена еще последовательнее, здесь при обилии материала не зафиксировано ни одного случая произношения мягкого конечного *н*: *кон*, *ден*, *сѣн*, *куркѣн*, *кучѣн*, *кѣрен*, *каѹн*, *казѣн*, *триѣн*, *гирѣн*, *жирѣн*.

В картотеке по приазовским селам материала меньше, но он не отражает той последовательности в произношении, какую мы наблюдали в рассмотренных выше говорах. Для согласного *н* мы здесь находим такие примеры: *н* твердое фиксируется в словах *ден*, *сѣн*, *кучѣн*, *ге'рѣн*, *турѣн*, *ж'рѣн*, *н* мягкое — в словах *кон'*, *калвун'*. Если привлечь материал, приводимый Н. С. Державиным, то число слов с конечным мягким *н* несколько увеличится. Кроме *кон'*, находим у него *ogan'*, *peron'*, *geran'* (Державин, 129). Твердое произношение Державин фиксирует в словах *den*, *greban*, *vaglan* (стр. 129—130).

На произношение конечного согласного *т* в картотеках говоров Советского Союза примеров очень мало; они фиксируют твердое произношение во всех записанных словах для говора с. Каланчак: *зет*, *пѣт*, *наѣзѣт* (*назѣт*), а для говора приазовских сел только в словах *наѣзѣт*, *пат*; остальные два слова записаны с мягким *т*: *зет'*, *пѣт'*. У Державина находим тоже *zet'* (стр. 130).

Таким образом, из всех четырех сел мягкость конечных согласных шире всего представлена в говорах Приазовья, которые вообще отмечаются большей архаичностью. Имея в виду материал этих говоров и случаи с мягким произношением конечных согласных в с. Гавраилове, можно заключить, что в говоре с. Дермендере мягкость согласных была распространена шире, чем теперь в с. Гавраилове, но уже намечалась тенденция к неразличению противопоставления по мягкости — твердости, которая, как мы видели, нашла свое полное завершение лишь в одном из анализируемых говоров — в говоре с. Каланчак.

Лексикализованные варианты имеются в картотеке с. Гавраилова и в ответах на вопросы 30а и 31а, в которых выясняется судьба начального *ј* перед гласными *е* и *а*. Перед начальными гласными *е*, *а* *ј* во всех говорах сохраняется непоследовательно, и по отдельным говорам фиксируются разные слова с начальным *ј* и без него. Так, в картотеке № 3198 находим *ј* перед начальным *е* в следующих словах: *йѣзѣка*, *йѣсѣн*, *йѣдене*, но и *ѣдене* (ответ на вопрос 104: *на мѣн'а ми*

са́йска е́дене), *йе́дър*, *йе́рки*, *йе́рма*, в картотеке № 33: *је́дине*“, *је́сен*, но *изы́к*; остальные слова, отмеченные в говоре с. Гавраилова, вообще не были зафиксированы в говоре с. Каланчак. В говоре приазовских сел с начальным *j* из перечисленных выше слов зафиксировано только *је́се*“, но так же как в с. Каланчак здесь *изы́к* (33), *izik'a* (Державин, 128). Во всех четырех говорах без *j* произносится числительное *иди́н*. В говорах с. Гавраилова и приазовских сел без *j* зафиксированы, кроме того, слова: *ичу́мик*, *ице́* (3198), *ičumik*, *icé*, *icá* (Державин, 128). По-разному произносится глагольная связка в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени *е*. В говоре с. Гавраилова находим: *ни е́ рани́ла*, но не *ми́й* *на ъкѣ́ла*, *нали́й* *глю́паво*, т. е. *j* ведет себя так же, как и вообще в интервокальном положении (см. выше). В картотеке приазовских сел находим примеры на отсутствие *j*: *ни е́ сѣш ба́штá*, *ни е́ сѣ́шта ма́йка*. Материал по говору с. Каланчак неоднороден. Здесь, с одной стороны, повторяются только что приведенные примеры, фиксирующие отсутствие *j* в произношении глагольной связки, с другой — в текстах находим примеры, фиксирующие присутствие *j*: *то́й је́ тѹ́р'ан*; *чи ми́ је́ мѣ́чу*.

По-видимому, к тому времени, когда из с. Дермендере часть болгар ушла в Россию, процесс унификации произношения начального *j* перед гласным *е* еще не был завершен, и поэтому он был осуществлен несколько по-разному в говоре с. Гавраилова, с одной стороны, и в говорах сел Советского Союза, с другой. Для говора с. Дермендере начала XIX в., таким образом, можно предполагать наличие хотя бы таких дублетов, как **йезы́к* и *изы́к*, *йе* (глагольная связка) и *е*.

Что касается начального *j* перед гласным *а*, то одно положение мы находим в говорах с. Гавраилова и приазовских сел Ботево и Строгановка и несколько другое — в с. Каланчак. В первых трех селах примерно одинаково распределены формы с *j* и без него. В с. Гавраилове записаны следующие формы: *ас*, *а́гне*, *а́бѣ́лка*, но *йа́дѣ́т*, *йа́года*; в селах Ботево и Строгановка: *аз*, *а́ганце*“, *а́балка*, но *ја́м*, *ја́дах*; слово *ягода* здесь не употребляется. Рядом с формой местоимения *ас* в картотеке № 3198 в ответе на вопрос 31а фиксируется форма *йас*, с примечанием, что она встречается реже. Из этого примечания можно заключить, что формы *ас*, *йас* являются дублетными вариантами, употребление которых ничем не ограничивается. Однако, видимо, это не так. Следующие фразы ясно показывают условия появления формы *йас*: *и йа́с ми́ са́ хо́ди*, но *ас ма́ рані́ха* (вопр. 104); *ас ни́ тѣ́ чу́вам* (вопр. 107). Таким образом, *йас* является не дублетом, а позиционным вариантом *ас*.

В говоре с. Каланчак собиратели обнаружили наряду с формами *ас*, *а́гни*, *а́ганци*, *а́балка* (но *ја́гуда*), согласующиеся с теми, которые мы находим в остальных трех селах, еще формы *ха́гни*, *ха́балка*. Эти формы принесли с собой переселенцы из Болграда.

Наличие единообразного распределения форм с *j* и форм без *j* по всем четырем говорам, с одной стороны, и наличие форм с *х* только в говоре бессарабского села, с другой, позволяет заключить, что такое распределение форм было характерно и для говора с. Дермендере.

В говоре с. Гавраилова находим последовательно *ѹ* (*дж*) и на месте *ѹ*, и на месте *ж*: *ѹоп*, *ма́нѹа*, *ѹѹни*, *ѹумѣ́рки*, *баѹа́* и т. д.; *бѣ́рѹо*, *ѹил'áзо*, *дѣ́рѹй*, *дѣ́риáва*, *рѣ́мѹй*, *дѣ́рѣ́лиф*. В материалах, собиравшихся по программе АБГ для сел Каланчак, Ботево и Строгановка, фиксируются только формы с исконным *ѹ*: *джоп*, *джѹ́ни*, *джумѣ́рки* (33, 33₁₋₂), *джам*, *джáма*, *ма́нджа*, *патладжа́н*, *пе́нджур* (33), *джигра́*, *пе́нджура* и только формы с исконным *ж*: *жил'áзу*, *ди́ржа́ми* (33), *жил'áзу* (33₁₋₂). Н. С. Державин же пишет: „Характерную черту говора представляет отсутствие согласных *з* и *ѣ́* (разрядка наша. —

И. Б.), вместо них мы имеем здесь *z* и *ž* или *č* (стр. 122), и приводит следующие примеры: *várža, pájažina, pájačina, s'inžir, žand'ém, žob — žubóvi, p'énžara* (там же). Им записано с *ж* только одно слово — *mánža*. Вряд ли можно думать, что такое расхождение в материалах является результатом слуховой ошибки. Скорее следует предположить, что в говоре сел Ботева и Строгановки употребляются и те и другие формы.

То обстоятельство, что в говорах сел Советского Союза последовательно сохраняются формы с исконным *ж* и что имеется тенденция к употреблению *ж* и в словах с исконным *џ*, наводит на мысль, что в старом говоре с. Дермендере слова с исконным *ж* и слова с исконным *џ* различались и что та унификация, которая сейчас наблюдается в говоре с. Гавраилова, является результатом аналогии, начавшей действовать, возможно, под влиянием загорских говоров уже после переселения части населения с. Дермендере в Бессарабию.

В говоре с. Гавраилова широко представлена аффриката *s* (*дз*): *svездá, sv'ap; sáden, c'bl'su* (*c'bl'sú*), *osát, mepsúa, b'psáme, m'pseliú, z'psaliú, v'psano, ónsu*. Исключения составляют дублет *sv'áp* и *zv'áp* и имя существительное *зв'н'ц*. В картотеке № 33 находим формы *и с s* и *с z*: *vr'bdzvam* и *vr'bdzam, dzád'nia* и *zád'nia, nadzát* и *nazát, dzvan'c* и *zvan'c; dzin'ii*, *mar'dz'í ma, óndzi, sal'dzá*. В картотеке № 33₁₋₂, вопреки утверждению Н. С. Державина о характерности для говоров Ботева и Строгановки звука *з* (см. выше), фиксируются слова с *s*: *dzád'an, nadzát, dzv'ón'c, dzin'ii, mar'dz'í ma, sal'dzá*. Со звуком *з* записан только глагол *vr'bdzam*. Эту же форму находим в описании Н. С. Державина: *várzuvam* (стр. 132). Кроме того, он приводит формы *ónzi c'il'ák* (стр. 131), *b'rzam* (стр. 132), *zv'izdá—zv'izd'it'i* (там же). Таким образом, и для говоров приазовских сел, как и для говора с. Каланчак, можно констатировать непоследовательное употребление аффрикаты *s*.

В произношении группы *ѣр* в многосложных словах перед одним согласным между исследуемыми говорами наблюдается расхождение. В говоре приазовских сел все имеющиеся в нашем распоряжении слова записаны с *ѣр*: *varbá, varv'et, ѣрн'е, з'ѣрну, сар'ц'е, штр'ѣке"л, п'ѣрвиа* (33₁₋₂); *bárzam, varš'és, garmí, g'rd'i, darvó, dár'v'an, f'órgam, ivaršáxmi, čuvarkam* (Державин, 128). В остальных двух селах наблюдается колебание в произношении группы *ѣр* по отдельным словам: в одной части слов произносится *ѣр*, например: *b'psáme, ѣрн'ета, ѣрм'и, д'ѣрвó, сар'ц'е, п'ѣрво, под'ѣр'ѣт, з'ѣрната, ѣр'ци, с'ѣрби, д'ѣр'ѣва, к'ѣрпа, ѣрб'з, пр'ѣг'рна* (3198); *varbá, ѣрн'е, сар'ц'е, ск'ѣрти, з'ѣрну, д'ѣр'ѣми* (33); в другой — только *рѣ*: *vr'bdzan, sv'r'šat, tr'ѣни, др'ѣжа, издр'ѣпам, штр'ѣкел* (3198); *др'ѣвó, вр'ѣджим, штр'ѣкел* (33). Слов с *рѣ* зафиксировано меньше, и они не всегда совпадают по говорам; ср., например, *др'авó* (33) и *д'ѣрвó* (3198), *др'ѣжа* (3198) и *д'ѣр'ѣми* (33). Форма *з'ѣрну*, зафиксированная в говоре с. Каланчак наряду с формой *з'ѣрну*, отсутствует в говоре с. Гавраилова: тут всегда говорят *з'ѣрну*. Последовательное произношение *ѣр*, характерное для говора приазовских сел, можно интерпретировать по-разному. Можно видеть в нем отражение исконного произношения, которое было свойственно говору с. Дермендере, и тогда формы с *рѣ* можно объяснить влиянием на говоры сел Каланчак²⁵ и Гавраилово других болгарских говоров. В пользу этого как будто бы свидетельствует также последовательность в произношении группы *ѣл* в том же положении (в многосложных словах перед одним согласным),

²⁵ Формы с *рѣ* находим в говоре с. Кот-Китай, но тоже по отдельным словам. Интересно, что здесь наблюдается то же лексическое распределение слов с *рѣ* и слов с *ѣр* (*з'ѣрнó, штр'ѣке"л, вр'ѣзам*, но *с'ѣр'ц'е, ѣрн'е, в'ѣрбá*), что и в с. Каланчак. Произношение *рѣ* фиксируется главным образом под ударением.

наблюдаемая уже во всех исследуемых говорах (см. об этом ниже). Однако с таким же основанием, пока мы не привлечем дополнительный материал, мы можем предполагать, что единообразие в произношении группы *ѣр* в селах Ботево и Строгановка — результат позднейшего процесса унификации и что говору с. Дермендере было свойственно именно различное произношение слов, имеющих в своем составе группу *ѣр*. Второе объяснение представляется более приемлемым, если иметь в виду смешанный характер говора.

В картотеке говора с. Гавраилова наблюдается также распределение по словам произношения группы *ѣл* в положении перед губными согласными. С *ѣл* представлены слова: *бѣлгари*, *вѣлна*, *мѣл'чешката*, *вѣлк*, *абѣлка*, а с *лъ* слова: *плѣх*, *блѣска*. В картотеках сел Советского Союза и в книге Н. С. Державина последних слов нет, и все имеющиеся в этих материалах слова зафиксированы с *ѣл*: *бѣлгарин*, *вѣлк*, *напѣл'ни*, (*х*)*абѣлка* (33); *вѣлк*, *абѣлка* (33₁₋₂); *para'l'n'i! mal'ci!* (Державин, 128), кроме *блахá* (33, 33₁₋₂). Эта форма, видимо, неизвестна говору с. Гавраилово, для которого собиратели фиксируют форму *бахлá*. Последняя употребляется наряду с названной выше формой *блахá* в говоре с. Каланчак. Возможно, что произношение *блахá* было усвоено жителями с. Каланчак от переселенцев из с. Кот-Китай, в котором теперь употребляется форма *блѣá*.

Изменение группы согласных *дн* в *нн* зафиксировано во всех говорах, но для говоров Советского Союза без всяких оговорок, а для говора с. Гавраилова отмечается наличие форм с *дн*, которые, однако, по свидетельству собирателей, встречаются редко. Ими записано семь форм с *нн*: *гланна*, *женна*, *сенни*, *срѣнни*, *планне*, *панно*, *пѣглѣннала* и только две — с группой *дн*: *гладно*, *бѣдна*.

По-видимому для старого говора с. Дермендере было характерно произношение группы согласных *дн* и *нн*, поскольку во всех селах, кроме с. Гавраилово, это явление фиксируется без всяких отклонений.

Рассмотренные лексикализованные варианты отражают для говора с. Дермендере наиболее древние процессы смешения, поскольку унификация в основном закончилась и отклонения наблюдаются лишь в отдельных словах. Они свидетельствуют о смешанном происхождении старого говора с. Дермендере.

§ 6. В области морфологии исследуемые говоры обнаруживают, пожалуй, еще большее единство, чем в области фонетики. Правда, сопоставление говоров несколько затруднено из-за отсутствия необходимых данных по говорам Советского Союза: из 134 вопросов по морфологии Программы БДА в картотеках № 33 и № 33₁₋₂ и в текстах, приложенных к ним, находим ответ лишь на 77 вопросов. Вопросы, на которые в картотеках 33 и 33₁₋₂ нет ответа, падают в основном на два раздела: о личных местоимениях (вопр. 70а, 70б, 72, 73, 76б, 76г, 77 д, 77б, 79б, 79г, 79д, 80б, 80в, 80 г, 81а, 81г, 81д) и о причастиях (вопр. 99, 100а—г, 102а—в). Полностью отсутствуют ответы по формам имперфекта (вопр. 94а—д, 95) и по итеративным глаголам (вопр. 103а—б). Сравнительно полнее представлен материал по формам имен существительных.

Во всех сравниваемых картотеках в ответах на вопросы из раздела морфологии дублетных форм еще меньше, чем в разделе по фонетике. За исключением нескольких случаев отклонения от общей нормы, характерной для всех четырех рассматриваемых здесь говоров, они наблюдаются в отдельных словах при наличии последовательного проведения явления во многих других словах. Ввиду этого анализ дублетов не выделяется в особый параграф, а дается по ходу рассмотрения морфологических явлений, общих всем говорам.

Из морфологических особенностей, наиболее характерных для славянской разновидности балканских говоров, во всех исследуемых говорах наблюдаются последовательно следующие.

Все имена существительные женского рода с основой и на твердый и на мягкий согласный под ударением имеют окончание *-а*, например: *ода́, глава́, турба́, дѣска́, храна́; жена́, мома́, сестра́, снаха́; зем'а́, зѣм'а́, дѣштир'а́, свин'а́* (3198); *уда́, брада́, глава́, трива́, муха́, уфца́; мума́, систра́, жина́, снаха́; зим'а́, зам'а́, дѣштир'а́, свин'а́* (33); *уда́, брада́, глава́, тре"ва́, муха́, храна́; жина́, снаха́, се"стра́, мума́; зе"м'а́, зам'а́, даштир'а́, свин'а́* (33₁₋₂).

В 1-м лице единственного числа настоящего времени глаголы I и II спряжения имеют окончание *-а* и под ударением и в безударной позиции, например: 1) *предá, берá, дѣриá, не шта́; стов'á, дов'á, бойá са* (3198); *прида́, плита́; стувá* (33); *пе"ка́, прида́, плита́, чита́, така́* (33₁₋₂); 2) *тѹра, хода́, вода́, повна́, носа́, скѹба, пѣрпѹра; смѹта́йа, обѹйа, зна́йа* (3198); *хода́, рабу́та (рабу́т'а), напра́ва, хра́н'а* (33), *повна́* (33₁₋₂), *пе́ја* (33, 33₁₋₂). В 3-м лице множественного числа настоящего времени эти глаголы имеют окончание *-ѹт* под ударением и *-ат* в безударной позиции, например: 1) *пасѹт, плетѹт, крадѹт, сечѹт, тѣчѹт, пишѹт, ѣдѹт, дадѹт, дѣриѹт, дерѹт, берѹт, вѣрвѹт; дов'ѹт, стов'ѹт, проѹт, бойѹт са* (3198); *идѹт, булѹт* (33), *варвѹт, сидѹт, булѹт* 33₁₋₂); 2) *гон'ат, мисл'ат, фал'ат, фѣрл'ат, свѣрат, чѣстат, носат, ходат; зна́йат, пѣйат, се́йат* (3198); *нос'ат, носат; пе́йат, ве́йат, се́йат, пра́йат* (33), *жуве́йат* (33, 33₁₋₂).

Во всех исследуемых говорах наблюдается тенденция к отвердению конечного мягкого согласного в глагольной основе, что ясно уже из вышеприведенных примеров, однако осуществляется она несколько по-разному. Так, в картотеке говора с. Гавраилова последовательно с твердым конечным согласным основы представлены формы 1-го лица единственного числа настоящего времени от глаголов II спряжения, например: *хода́, вода́, повна́, носа́* и т. д.; в с. Каланчак от этих глаголов возможны формы 1-го лица единственного числа и с мягкой и с твердой основой. Так, в тексте, записанном в этом селе, находим формы *хода́, рабу́та, напра́ва*, а в иллюстративных примерах из картотеки этого села — формы *рабу́т'а, хра́н'а, пустѣл'а*, но *истрѣса*. В картотеке по приазовским селам зафиксирована форма *повна́*. Формы 3-го лица множественного числа настоящего времени и в говоре с. Гавраилова, и в говоре с. Каланчак могут иметь основу и на твердый и на мягкий согласный: *гон'ат, мисл'ат, фал'ат, фѣрл'ат*, но *носат, свѣрат, чѣстат, ходат* (3198); *нос'ат* и *носат* (33).

С твердой основой зафиксированы формы 3-го лица множественного числа настоящего времени от глаголов с ударением на окончании: *вѣрвѹт, спѹт* (3198); *варвѹт, сидѹт* (33, 33₁₋₂), *булѹт* (33₁₋₂), но в картотеке № 33 находим форму *булѹт*.

В глаголах с основой на гласную и с ударением на окончании наблюдается переход *j* в *в*. В говоре с. Гавраилова *в* остается мягким: *стов'á, дов'á*. В селе же Ботево записана форма с твердой основой: *стувá*.

Поскольку в картотеках по болгарским говорам и по говору с. Кот-Китай фиксируются формы только с отвердевшими основами, например: *булѹт, вѣрвѹт, сидѹт*, с одной стороны, и поскольку, с другой стороны, непоследовательность в осуществлении тенденции к отвердению конечных мягких согласных в основах настоящего времени наблюдается во всех четырех говорах, постольку можно предполагать, что в старом говоре с. Дермендере эта тенденция только намечалась и формы с мягкими основами были представлены в нем шире, чем в современном говоре с. Гавраилова.

Членная форма имен существительных мужского рода и после твердой, и после мягкой согласной имеет под ударением *ъ*, в безударном положении — *а*, например: *градъ, светъ, кракъ, гърбъ, дъждъ, даръ; сънъ, денъ*, но *гроба, попа, свѣтъра, чил'ака; пѣт'а, зѣт'а, чувал'а, пешкѣр'а* (3198), *лукъ, мѣжъ, кл'учъ, на_р'адъ, на_врахъ*, но *л'аба, ф_къра, чил'ака, на_учкѣра, пут сайв'ана, пипѣр'а, казан'а, на_(х)ар_ман'а, бустан'а, учѣтил'а, ф_гиран'а* (33); *синъ, ме"дъ*, но *на_пазър'а, на_фантала, у_дама* (33₁₋₂). Примеров на членную форму под ударением с предшествующим мягким согласным в картотеках сел Советского Союза нет.

Имена прилагательные мужского рода единственного числа тоже имеют членную форму *-а*: *бѣлийа св'ат, дрѹгийа ден, трѣтийа син* (3198); *гулѣмија, пѣрвија* (33₁₋₂)²⁶. Для говора с. Каланчак характерно выпадение *ј* перед членом, например: *найгулѣмиа ми брат, пѣрвиа чул'ак, фтѣриа ден*. Все эти примеры взяты из иллюстраций к отдельным ответам в картотеке, но в тексте, записанном в этом селе, наряду с *фѣф_пѣрвиа клас* (2 раза) находим *ду_шѣстија клас* (1 раз). Факкультативное употребление *ј* в членных формах прилагательных фиксируют собиратели материала в говоре с. Кот-Китай: *прѣвни(ј)а, гул'ами(ј)а, фтѣри(ј)а ден* (41).

Имена существительные женского рода, оканчивающиеся в единственном числе на *-а*, в членной форме имеют *-та*, например: *главата, родата, косата, колата, жената, момата, сестрата, зѣм'ата, дъштер'ата, чушм'ата, пѣсн'ата* (3198); *за_раката, тарјата, пчилата, фаф_удата, жината, зим'ата* (33). В картотеке 33₁₋₂ материала по этому вопросу нет. Имена существительные женского рода на согласный имеют членную форму на *-тъ*, например: *рѣштъ, нѣштъ, пѣштъ, вѣчѣртъ, сутринтъ, младѣстъ* (3198); *про"ле"тъ* (33). В картотеке № 33₁₋₂ примеров нет.

Двусложные имена существительные среднего рода имеют членную форму *-то* с ударением либо на третьем, либо на втором слоге от конца, в зависимости от того, какое ударение они имеют в нечленной форме, например: *вѣнѣто, зѣрнѣто, жѣтѣто, сѣлѣто, лѣзѣто, м'астѣто, ралѣто*, но *брашнѣто, чѣлѣто, дѣтѣто, момчѣто, окѣто, ухѣто* (3198); *зрѣнѣ"ту, сѣлуту, лѣзиту, слѣнц(и)ту*, но *важѣту, дарвѣту, цак_лѣту* (33); в картотеке № 33₁₋₂ примеров нет.

Единство морфологии исследуемых говоров обнаруживается и в других явлениях, менее существенных для их классификационной отнесенности.

Так, в именах существительных женского рода на *-ка* согласный *к* всегда произносится в наших говорах твердо и после *ј*, например: *мѣйка, дѣвѣйка, комѣйка* (3198); *мѣйка* (33, 33₁₋₂), и после твердого согласного, например: *кѣтка, сѣвалка, бѣлка, дѣпка* (3198), *учѣ_тилка* (33); в картотеке 33₁₋₂ примеров нет.

В той части, в которой программы БДА и АБГ совпадают в вопросе о месте ударения в именах существительных женского рода (примеры см. выше) и в именах существительных среднего рода, никаких расхождений между данными всех трех картотек не наблюдается. Здесь фиксируются следующие имена существительные среднего рода с ударением на флексии: *брашнѣ, гѣрнѣ, мѣсѣ (мисѣ — 33, 33₁₋₂), момчѣ (мунчѣ — 33, 33₁₋₂), окѣ, сѣнѣ (се"нѣ — 33₁₋₂, синѣ — 33), ухѣ (ушѣ — 33, 33₁₋₂)*. С ударением на основе фиксируются имена существительные среднего рода: *жѣто (жѣту — 33, 33₁₋₂), мл'акѣ (мл'аку — 33, 33₁₋₂), сѣло (сѣлу — 33, 33₁₋₂)*. Расхождения наблюдаются только в двух слу-

²⁶ Форма *пѣрви(ј)а* наряду с *прѣвни(ј)а* употребляется, как отмечают собиратели, в речи молодежи с. Кот-Китай (карт. № 41).

чаях. Так, в с. Гавраилове находим *вѣже*, а в говорах Советского Союза — *важе*; в с. Гавраилове — *златѣ*, а в приазовских селах — и *злату* и *златѣ* (последнее, правда, дается с пометой „реже“); в с. Каланчак, как отмечают собиратели, это слово не употребляется. По-видимому, эти формы были усвоены жителями с. Каланчак и приазовских сел под влиянием местных, болгарских говоров. Формы *златѣ*, *важе* находим, например, в говоре с. Кот-Китай.

В с. Гавраилове собиратели отмечают дублетные формы на ударение в слове *рѣка*: *рѣка* и *рѣкѣ*. Эти же дублеты находим в говоре с. Каланчак. К употреблению вариантов в говоре с. Гавраилова имеется следующее примечание: „Форму *рѣка* мы отметили в выражении *цалѣвам рѣка*, в котором может употребляться и *рѣкѣ*“. Совершенно очевидно, что форма *рѣка* является в говоре вариантом уходящим. Это — архаизм. Уходящей формой является она и в говоре с. Каланчак. В картотеке № 33 находим такую помету: „Форма *рѣка* употребляется редко“. В селах Приазовья мы находим только форму *рѣкѣ*.

Односложные имена существительные мужского рода в форме множественного числа, образуемой с помощью флексии *-ове*, могут иметь ударение и на корне и на флексии (и на первом и на втором слоге): 1) *сѣнове* (*сѣнуви* — 33), *зѣт'ове*, *плѣхове* (3198); 2) *олѣве* (*улѣви* — 33, 33₁₋₂), *стрѣве* (*сто'лѣви* — 33, 33₁₋₂), *ножѣве*, *цѣбѣве* (3198); *кулѣви*, *снѣпѣви* (33); 3) *планѣве*, *платѣве*, *часѣве*, *станѣве* (3198); *даждѣве* (33).

От имени существительного *кон* форма множественного числа образуется с помощью флексии *-ѣ*: *конѣ* (*кунѣ* — 33, 33₁₋₂); от имени существительного *мѣж* в картотеках сел Советского Союза зафиксирована форма *мѣжи*, а в картотеке с. Гавраилова — форма *мѣже*, как будто указывающая на флексию *-е* (см. выше о передаче редукции *e* в картотеке № 3198 с помощью знака *e*), однако рядом находим форму *снѣпи*. В членной форме, где ударение падает на флексию, в с. Гавраилове находим *мѣжѣте*. В с. Каланчак эта форма тоже употребляется, но наряду с формой *мѣжити*. От имени существительного *кон* членная форма множественного числа и в с. Гавраилове и в с. Каланчак будет *конѣте* (*кунѣти* — 33). Имея все сказанное в виду, можно предположить, что в старом говоре с. Дермендере от имени существительного *мѣж* употреблялись две формы множественного числа — и с ударением на основе и с ударением на флексии: **мѣжѣ*, **мѣже*. Это тем более вероятно, что для исследуемых говоров характерна тенденция к сохранению ударения в членной форме множественного числа на том же слоге, что и в нечленной форме множественного числа (см. об этом ниже).

Многосложные имена существительные мужского рода имеют во множественном числе флексию *-и*; ударение в форме множественного числа падает на тот же слог, что и в форме единственного числа, например: *офцѣр* — *офцѣри*, *другѣр* — *другѣри*, *свадѣри*; *кѣкали*, *бакѣри*, *дувѣри*; *бѣлѣри*, *цѣгани*, *сѣрби* (3198); *шкулѣри*, *уфцѣри*, *ѣдари*, *рѣкѣви*, *кѣкали*, *музикѣнти* (33), *каѣни*, *трѣтѣни*, *крѣстуфѣци* (33₁₋₂); *бѣлѣри* (33).

В говоре с. Гавраилова от имен существительных мужского рода с основой на согласный *-к-* возможно образование форм множественного числа от той же основы на *-к-* и от основы на *-ц-*. От имен существительных, обозначающих лиц, употребляются формы множественного числа от основы на *-ц-*, например: *ѣйниѣци*, *срѣдниѣци*, *руснаѣци*. От основы на *-к-* зафиксировано слово *мустѣки*. В с. Каланчак от имен существительных с основой на *-к-*, обозначающих лиц, формы множественного числа не записаны, но от имени существительного *мустак* фиксируется две формы: *мустѣки* и *мустѣци*. Для старого говора с. Дермендере

можно предполагать возможность образования форм с основой на *-ц* не только от имен существительных, обозначающих лиц.

Имена существительные женского рода с ударением на флексии в единственном числе в с. Гавраилове имеют форму множественного числа с флексией *-и́*: *же́ни́, горí, сестри́, мо́и, ко́зи, дъштерí*. В картотеках по селам Советского Союза материала по этому вопросу почти нет. Здесь фиксируется с ударением на флексии форма множественного числа от имени существительного *мома*: *муми́* (33, 33₁₋₂). Интересно, что в картотеках сел Гавраилово и Каланчак фиксируется отклонение в форме множественного числа одного и того же имени существительного *дъска* — *дъски* (3198, 33). Имена существительные женского рода на согласную также имеют во множественном числе флексию *-и* безударное. Ударение в форме множественного числа падает на тот же слог, что и в форме единственного числа, например: *бѣлѣсти, свѣшти* (3198), *sv'ěšt'i* (Державин, 130).

От имен существительных *овца, рѣка* в трех из исследуемых говоров употребляется форма множественного числа с флексией *-е*: *офи́е* — 3198, *(у)фи́е* — 33, *уфи́е* — 33₁₋₂; *рѣ́е* — 3198, *ра́е* — 33, 33₁, но в селах Советского Союза, кроме формы *ра́е*, употребляется еще форма *рѣ́ци*. Ее фиксируют в картотеке собиратели материала в с. Каланчак в качестве реже употребляемого дублета к форме *ра́е*. В качестве единственной форма *рѣ́ци* отмечается для говора с. Строгановка. Поскольку ни в говоре переселенцев из Болграда и Кот-Китая, ни в окружающих села Каланчак, Ботево и Строгановку говорах форма *рѣ́ци* не фиксируется собирателями, можно предполагать, что она была принесена еще предками нынешних каланчаковцев из Болгарии.

В формах множественного числа от имен существительных среднего рода исследуемые говоры тоже обнаруживают известное единство, ср., например: *сѣла́, мѣста́, п'ѣра́, писма́* (3198) и *сила́, крила́* (33), *иса́* (Державин, 130); *гѣрне́та, момче́та, момичѣ́та, тѣле́та, прасѣ́та* (3198) и *пйле́та, мумичѣ́та* (33₁₋₂), *дирѣ́та, куле́та* (33). Различия наблюдаются в формах множественного числа имен существительных *рамо* и *коляно*. В говоре с. Гавраилова собиратели зафиксировали дублетные формы множественного числа от этих имен существительных, как нечленные: *раменá — раменѣ́, коленá — коленѣ́*, так и членные: *раменáта — раменѣ́та, коленáта — коленѣ́та*. От имени существительного *име* здесь употребляются следующие формы: *именá — именѣ́*, но только *именáта*. Относительно употребления этих дублетов собиратели замечают, что одни лица, употребляя оба указанных ряда форм, предпочитают формы на *-а*, другие — формы на *-е*.

В бессарабском с. Каланчак находим только формы *рамина́, кулина́*. Форм множественного числа от имени существительного *име* как членных, так и нечленных в картотеках наших сел нет. Нет здесь и членных форм множественного числа от двух других имен существительных, поскольку такой вопрос не был предусмотрен Программой АБГ. В приазовских селах Ботево и Строгановке собиратели записали формы *рамина́, куле́на*. Сопоставляя приведенные факты, можно, как нам представляется, прийти к следующему заключению. Формы на *-ѣ* как не встречающиеся в селах Советского Союза, но последовательно параллельно употребляющиеся в говоре с. Гавраилово, являются по сравнению с формами на *-á*, по-видимому, более „новыми“ и относятся, так сказать, к самому верхнему пласту заимствованных форм. Из форм же на *-á* предпочтительнее расценивать как наиболее архаичные и, следовательно, исконные, формы с основой на твердый согласный, поскольку они фиксируются во всех четырех селах. Впрочем, то обстоятельство, что в с. Гавраилово от имени существительного *име* находим членную форму только на *-á*, что, по-видимому, является результатом процесса уни-

фикации, начавшегося, очевидно, достаточно давно, по крайней мере до усвоения форм на -ё, может дать основание и формы на -а рассматривать как свойственные старому говору с. Дермендере. Что же касается формы *кулéна*, которая встречается только в приазовских селах, то, по-видимому, она, как и формы на -é в с. Гавраилове, является по сравнению с формами на -á более „новой“, усвоенной уже в период изолированного существования. Источник заимствования этой формы остается, однако, неясным.

При числительных в с. Гавраилове употребляется последовательно особая форма множественного числа на -а: *трíма сiна, три кóн'а, сто дéкара, три крáка, три дéна, два пéт'а*. В картотеках по селам Советского Союза находим только один пример, который, однако, не противоречит тому, что мы находим в говоре с. Гавраилова: *два мéхица*.

Имена существительные мужского и женского рода во множественном числе во всех четырех говорах имеют членную форму на -те безударное, которое транскрибируется в картотеке с. Гавраилова как -те, а в картотеках сел Советского Союза как -ти, что отражает разный способ передачи редукции безударного е (см. об этом выше).

Для всех исследуемых говоров характерно сохранение ударения в членных формах множественного числа на том же слоге, что и в нечленных формах как имен существительных мужского рода, так и имен существительных женского и среднего рода, ср. например:

олóве — олóвете, сiнове — сiновéте, кóкали — кóкалите, свадбáри — свадбáрите, кóне — кóнэте, снóпи — снóпите, гóрци — гóрците;

главi — главiте, жéни — жéни́те, момi — момiте, дэштeрi — дэштeрiте, свéшти — свéштите, офцé — офцéте, свiни — свiните, рэцé — рэцéте;

писмá — писмáта, зéрнá — зéрнáта, лóз'á — лóз'áта, дeцá — дeцáта, вэжá — вэжáта; ушi — ушiте (3198).

В картотеках по селам Советского Союза материала мало, но фиксируемые там формы не противоречат тому, что мы находим в с. Гавраилове: *кунéти, мишiнити, чувáлити, килiмити; жинiти, рацéти, фицéти, пчилiте*".

Материал по личным местоимениям в картотеках сел Советского Союза очень неполон, особенно по приазовским селам. Для с. Каланчак он значительно пополняется из текстов, записанных в этом селе, и примеров, которые приводятся собирателями для иллюстрации других явлений. Но по тем вопросам, на которые есть ответы для всех четырех сел, расхождений в формах местоимений нет. Приведем эти формы:

	Им. п.	Вин. п.
Ед. ч.		
1-е лицо	<i>ас</i>	<i>мéн'а</i> (3198), <i>мéн'а</i> (33, 33 ₁₋₂)
		<i>мé (ма)</i>
3-е лицо	<i>той</i> (3198), <i>тоi</i> (33, 33 ₁₋₂)	<i>ю</i> (3198), <i>ю</i> (33), <i>юу</i> (33 ₁₋₂)
	<i>т'а</i>	<i>нéйа</i> (3198), <i>нéйа</i> (33)
		<i>йа</i> (3198), <i>йа</i> (33, 33 ₁₋₂)
	<i>то</i>	<i>ю</i> (3198), <i>ю</i> (33), <i>юу</i> (33 ₁₋₂)
Мн. ч.		
1-е лицо	<i>ни́й</i> (3198), <i>ни́i</i> (33, 33 ₁₋₂)	<i>на</i> (3198), <i>на</i> (33)
2-е лицо	<i>ви́й</i> (3198), <i>ви́i</i> (33, 33 ₁₋₂)	
3-е лицо	<i>те</i> (3198)	<i>т'ах</i> (<i>т'аф</i>) — 3198, <i>т'ах</i> (33)
		<i>и</i> (3198, 33, 33 ₁₋₂)

В с. Гавраилове наряду с формой *ас* употребляется форма *йас*, но она является, как мы видели, не дублетом, а фонетически обусловленным вариантом. В с. Каланчак имеется дублетная форма к форме винительного падежа местоимения *т'а*: здесь наряду с *йа* употребляется форма *га*, которая была усвоена жителями села от пришельцев из Кот-Китай, где она является единственной.

В говорах с. Гавраилова и с. Каланчак зафиксировано употребление форм винительного падежа личных местоимений в функции указательных местоимений, например: *не́го, вре́ме, ф_не́го дор, не́йа ра́бота* (3198); *ба́йка ймаши ка́рти и се́тн'а учы́тилката зе т'а́х ка́рти ут не́йа ба́йка* (33). По приазовским селам материала нет.

Во всех исследуемых говорах употребляются одинаковые формы указательных местоимений: *тоз* (*то́зи* — 33₁₋₂), *тас* (*тэ́с* — 33, *тас* — 33₁₋₂), *туй, тес*; *о́нзи* (*о́нзи* — 33), *о́нас* (*уно́с* — 33), *о́ну́й* (*уноу́й* — 33), *о́не́с* (*уно́с* — 33). В картотеке 33₁₋₂ зафиксированы только формы указательных местоимений для близлежащих предметов. Но в селах Советского Союза собиратели отмечают помимо этих форм еще формы *то́ва* (и еще *тоо* — 33), *та́ва, тва, те́ва* (и еще *т'а́ва* — 33). Только такие формы употребляются в говоре Кот-Китая (см. карту № 57 АБГ). И те и другие формы в говоре с. Каланчак, как показывают записи, являются равноправными²⁷.

В говорах сел Гавраилово и Каланчак собиратели фиксируют формы 1-го лица множественного числа глагола настоящего времени с флексией -м: *пб́лним, го́твим, тэ́чем, даде́м, вэ́ршем, бе́лим* (3198), *дади́м, зако́лим, плите́м, ре́жим, се́им, наче́ним, ший́м, рабу́тим*. Но в с. Гавраилове наряду с этими формами употребляются формы с флексией -ме, например: *ту́риме, но́семе, вэ́ршеме*. Обе формы, как отмечают собиратели, встречаются в речи одних и тех же лиц, но вторые реже. Хотя материала по говору приазовских сел нет, все же и на основании приведенных фактов можно заключить, что исконными для говора с. Дермендере следует признать формы на -м. Формы на -ме появились здесь позже переселения части населения в Бессарабию, чем и можно объяснить их меньшую употребительность по сравнению с формами на -м.

Во всех исследуемых говорах употребляются следующие формы 1-го и 2-го лица множественного числа настоящего времени от глагола *сѣм*: *сне, стс*, но в говоре с. Каланчак наряду с последней собиратели фиксируют как менее употребительную форму *све*. В говоре с. Кот-Китай собиратели отмечают наличие дублетов не только для 2-го, но и для 1-го лица: *ние сни* и *ние сми*, при этом в качестве более употребительного варианта указывается для 2-го лица как раз форма *сви*. Отсюда очевидно, что она была усвоена жителями с. Каланчак от переселенцев из Кот-Китая и в старом говоре с. Дермендере не употреблялась.

Формы повелительного наклонения 2-го лица единственного числа и от приставочных и от бесприставочных глаголов и в с. Гавраилове и в селах Советского Союза имеют ударение на флексии, например: *бе́ри, пле́ти, паси́, се́нни; напра́ви, ото́ри, зако́ли, оме́си, заве́ди* (3198); *зими́; зака́чи, зату́ри, насичи́, изва́ди* (33); *зе"ми́, се"нни́, напра́ви, дуне"си́* (33₁₋₂). Для 2-го лица множественного числа во всех селах имеется форма повелительного наклонения на -е́те. Эта форма образуется и от бесприставочных, и от приставочных глаголов, например: *вэ́рте, иде́те, се́ннете, почине́те; запале́те, ото́рте* (3198); *ту́рети; напра́вети, уставе́ти* (33, 33₁₋₂). Наряду с приведенными формами в картотеке приазовских сел имеются формы: *напра́вити, ту́рити, пи́шити*. В описании говора этих сел у Н. С. Державина этих форм нет. В картотеке № 33₁₋₂ они приводятся без всяких комментариев. Ни в говорах г. Болграда, ни в говоре с. Кот-Китай таких форм нет.

²⁷ Хотя в картотеке приазовских говоров такого примечания не содержится, но равноправность этих форм и в этих говорах явствует из способа записи дублетных форм, которые пишутся не по горизонтали (по степени убывания), а по вертикали.

В говоре с. Гавраилова форма будущего времени образуется по данным АБГ с помощью частицы *ша*, например: *ша ра́бот'а*, *ша у́мр'а*, *ша до́йде*, *ша рабо́ти*. В картотеке приазовских сел в качестве частицы будущего времени приводится частица *ше*, но примеров не дается. В картотеке с. Каланчак этот вопрос освещается обстоятельно. Здесь в качестве частицы будущего времени приводятся две частицы — *ша* и *ше*, употребление которых иллюстрируется следующим примером: *ас сига' ше истр'с'а кили́мити и ша ги пусте́л'а*. Имеется следующее примечание: „Гласный у частицы будущего времени изменяется в зависимости от характера последующего звука: в положении перед согласным звуком и перед гласным заднего ряда это звук *а*, перед гласным переднего ряда — *е*“. В тексте, записанном в этом селе, и в иллюстрациях к другим вопросам находим только формы с *ша*: *ско́ру ша б'бди́се"н*; *кату са св'рши рабу́тата на к'бра*, *ту́г'ва ша нач'ением да рабу́тим до́ма*; *дай ми пап'ш'о́йну брашно́*, *ас ша напра́ва мала́ј*. В картотеке с. Гавраилова и в текстах также имеются только такие примеры на форму будущего времени, в которых частица будущего времени оказывается в позиции не перед гласным: *а́ко м'а́за на ме́н'а ша го зе́ма*; *ша та зако́л'а*.

То обстоятельство, что в с. Гавраилове зафиксирована частица *ша*, а в селах Ботево и Строгановка — частица *ше*, с одной стороны, и что, с другой стороны, обе эти частицы употребляются в с. Каланчак не в качестве дублетов, а в качестве вариантов, фонетически обусловленных, дает основание предположить, что обе эти частицы употреблялись еще в старом говоре с. Дермендере. Это предположение можно подкрепить также тем фактом, что в языке переселенцев из Болграда употребляется только форма с частицей *ше*, а в говоре переселенцев из Кот-Китая — только форма с частицей *же*.

Формы 1-го лица единственного числа аориста глаголов I и II спряжения в исследуемых говорах в основном совпадают, если иметь в виду конечный гласный аористной основы. Глаголы, оканчивающиеся в литературном болгарском языке в 1-м лице единственного числа аориста на *-ох*, здесь имеют в 1-м лице единственного числа аориста флексию *-ах (-ах)*: *от'и́дах (от'и́даф)*, *ја́дах*, *дон'есах*, *зан'есах* (3198); *уп'ека́х*, *ја́дах*, *ре́ках* (33); *до́дах*, *ја́дах*, *ре́ках* (33₁₋₂). В остальных глаголах I спряжения употребляется окончание *-ах*. В картотеке с. Гавраилова зафиксировано всего три глагола с окончанием в 1-м лице ед. ч. аориста *-ах*, но все они имеют ударение на основе: *пла́ках*, *има́х*, *упре́наў*. В текстах, записанных в с. Каланчак и в селах Ботево и Строгановка, имеются и формы с ударением на основе и формы с ударением на окончании: *сре́شناх*, *има́х*, *нач'енах* (33), *наме́тнах*, *нач'енах* (33₁₋₂), но глагол *стана* в этих селах зафиксирован в форме аориста 1-го лица ед. ч. с ударением на конечном гласном основы: *стана́х* (33₁₋₂), *уста́нах* (33).

Глаголы, оканчивающиеся в литературном болгарском языке в 1-м лице единственного числа аориста на *-их*, в исследуемых говорах под ударением имеют тоже окончание *-их*: *ре́д'их* (3198) *рабу́т'их*, *уч'их се* (33), *загра́д'их* (33₁₋₂), а без ударения *-'эх (-'ах)*: *ту́р'эх*, *у́о́з'эх*, *хо́д'эх* (3198); *приго́тв'ах*, *напра́в'ах* (33); *напра́(в')ах (напра́јах)*, *пужа́р'ах*.

Глаголы I и II спряжения с ударением на окончании в 3-м лице ед. ч. аориста в говоре с. Гавраилова оканчиваются на *-а́*: *ви́д'а́*, *забо́гат'а́*, *заитр'а́*, *о́жув'а́*, *сед'а́*, *стув'а́*, *прит'ъмн'а́*. В картотеке приазовских сел материала по этому вопросу нет. В тексте, записанном в с. Каланчак, находим форму *ви́д'а́*: *уч'и́тил'а ма ви́д'а́ и ми ка́за да у́да ф'аф п'р'ви́а клас*.

Формы 3-го лица мн. ч. аориста во всех рассматриваемых говорах имеют флексию *-ха*, при этом в говоре с. Гавраилова *х* звучит иногда,

как отмечают собиратели, несколько приглушенно, реже выпадает совсем: *зимáха, дáдаха*, но *водй'á, измр'áа, вл'áаа, отй'даа, зéа* и т. д. Это же явление, по-видимому, наблюдается и в говорах интересующих нас сел Советского Союза. Собиратели не делают на этот счет особых примечаний, но ставят *х* в скобки, что указывает на его факультативность: *б'á(х)а* (33, 33₁₋₂).

В говоре с. Каланчак наряду с указанными формами употребляются формы с *γ* на месте *х*, например *б'áγа*, которые появились здесь явно под влиянием говора переселенцев из Болграда, для которого вообще характерно употребление *γ* на месте *х* в интервокальной позиции.

Что касается 1-го лица единственного числа аориста, то во всех исследуемых говорах представлены формы с конечным *х*, что видно из вышеприведенных примеров, но наряду с ними в селе Гавраилове имеются дублеты, в которых на месте *х*, как и в формах 1-го лица ед. ч. имперфекта, находим *ф* или *й*. Последнее, как отмечают собиратели, встречается редко. Например: *отй'даф, умр'áф, ймаф, вид'áф, упрэнай* и т. д. Поскольку ни в одном из исследуемых здесь говоров Советского Союза таких форм нет, можно заключить смело, что они были усвоены жителями с. Гавраилова уже после переселения. Для старого же говора с. Дермендере было характерно употребление форм 3-го лица мн. ч. аориста с *х*.

Во всех исследуемых селах фиксируется форма причастия *дошлэ* (*душлэ*), но в картотеке с. Гавраилова она дается с пометой, свидетельствующей о том, что эта форма является архаической: „форма *дошлэ* употребляется чаще всего в выражении *добр'á дошлэ*“. В причастных формах множественного числа от других глаголов здесь употребляется флексия *-лий*: *отишлий, можлий*. В причастии от глагола *съм* ударение падает на основу: *би́ли*. В исследуемых говорах сел Советского Союза форма *душлэ* не является ущербной. Здесь фиксируется соответствующая ей форма причастия от глагола *съм* — *билé*, никаких других форм собиратели не приводят, нет их и в описании Н. С. Державина. Все это дает основание думать, что исконными формами для говора с. Дермендере будут формы, употребляемые и теперь в селах Каланчак, Ботево и Строгановка, т. е. формы *дошлэ, билé*. Современные же формы с. Гавраилова есть результат позднейшего влияния, видимо, говоров фракийских переселенцев, о которых сообщается в исторической справке к этому селу (см. выше).

§ 7. На 24 вопроса из 43, совпадающих в программах „Атласа болгарских говоров“ и „Атласа болгарских говоров в СССР“, вопросов по лексике, собиратели дают одинаковые ответы для болгарского села Гавраилова и всех трех сел Советского Союза: 117. *чýтура*, 118. *бакър*, 129. *цумérки*, 125. *ишимйк*, 136. *дйн'а*, 147. *мисйрка*, 149. *йурдэчка*, 150. *штрéк'ъл*, 153. *бýба*, 154. *мамýл*, 158. *стърна*, 159. *мýни*, 165. *църýл*, 166. *обицй*, 174. *брáдва*, 184. *карýца*, 189. *йскам*, 205. *вали дýш*.

На вопрос 119 для всех сел дается, по существу, один и тот же ответ: для обозначения ручки ведра употребляется одинаковое название, но в различных фонетических вариантах. Для бессарабского с. Каланчак и для с. Строгановка (33₂) собиратели фиксируют его в форме *привизлó*, а для болгарского с. Гавраилова — *прéзлó*. В селе же Ботево специальное болгарское название исчезло: здесь говорят *рýчка на цибáрка*.

Фонетические варианты представлены и в ответах на вопросы 120, 156. Ср.:

	3198	33	33 _{1,2}
120.	<i>имрýк</i>	<i>им(у)рýк</i>	<i>умрýк</i>
156.	<i>ваглáница</i>	<i>ваглá(й)н(и)ца</i>	<i>вазглáвница</i>

Вариант *вазгланница* есть и в говоре с. Гавраилова. Он фиксируется собирателями в ответе на вопрос о произношении древнего *ѣ* в приставках наряду с *вгланца*.

В ответе на вопрос 157 для всех сел даются образования от одного корня. В говорах Советского Союза (33, 33₁, 33₂) фиксируется *кунде*^л, а для с. Гавраилова дается уменьшительная форма *кундел'че*.

Во всех четырех картотеках на вопрос 174 приводится слово *брáдва*, но в с. Гавраилове фиксируется еще *секíра* и *топóр*, при этом даются рисунки, из которых явствует, что словами *брáдва* и *секíра* обозначается один род топора, а словом *топóр* — другой, который имеет специальное назначение („использа се за правене корита“). Какого рода топор обозначается словом *брáдва* в селах Советского Союза, заключить нельзя, поскольку это слово в картотеках 33 и 33_{1,2} приводится без всяких комментариев. Несовпадений в ответах по лексике для всех четырех говоров не наблюдается. Но в двух случаях можно отметить несовпадение для сел Гавраилово — с одной стороны, Каланчак — с другой, и для сел Ботево и Строгановка — с третьей. Здесь по-разному называют кукурузу (вопр. 129): *мисíр* (3198) — *пашашóй* (38) — *пашúр* (33₁ — 33₂) и соответственно кукурузный хлеб (вопр. 131): *мисíр'ън л'ап* (3198) — *малáј*, *мамалáј* (33) — *пашúр'ан л'ап* (33₁ — 33₂). Естественно, что в описанном случае решить вопрос об исконности той или иной формы невозможно без обращения к дополнительному материалу. Карта № 96 в „Атласе болгарских говоров в СССР“ помогает разобраться в этом вопросе. Формы *пашашóй* и *пашúр*, неизвестные говору с. Гавраилова, были усвоены дермендеровцами от других болгар Бессарабии. Слово *пашашóй*, как видно на карте, употребляется в болгарских говорах и в говоре с. Кот-Китай, откуда, как известно, есть переселенцы в с. Каланчак. Слово *пашúр* встречается во многих бессарабских говорах. Совпадение в ответе по данному вопросу говора приазовских сел с говорами этих сел, возможно, не случайно, как увидим ниже.

В тех случаях, когда обнаруживается совпадение в ответах хотя бы для двух из четырех сравниваемых говоров, те или иные заключения об исконности сопоставляемых слов делать можно; правда, степень надежности их будет различна.

Совпадение в показаниях картотек 3198 и 33_{1,2} дает возможность делать самые надежные заключения, поскольку известно, что в селах Ботево и Строгановка живут только переселенцы из бессарабского с. Каланчак и никаких массовых пришельцев из других сел здесь нет. Правда, некоторые незначительные различия, имеющиеся между говорами этих сел, касаются именно лексики. Это наблюдается в ответах на вопросы 119 и 151. Эти различия, однако, для нас несущественны. В одном случае в говоре с. Ботева употребляется вместо исконного болгарского слова украинизм (имеется в виду название ручки ведра — см. выше). В другом случае, хотя дело касается болгарского слова, оно тоже может быть расценено как позднее заимствование, но уже из какого-то другого болгарского говора, потому что употребление для обозначения клюва птицы слова *калвúн'* противопоставляет говор с. Ботева, где зафиксировано это слово, не только говору с. Строгановка, но и говорам сел Каланчак и Гавраилово, в которых так же, как и в говоре Строгановки, клюв птицы обозначается словом *гáга*. В болгарских говорах Бессарабии название *калвун* определяется составителями АБГ как характерное для чийшийских говоров (см. стр. 35).

Для наименования индюка (вопр. 148) в болгарском селе (3198) и в двух приазовских селах (33₁, 33₂) употребляются слова, образованные от одного корня, но суффиксально оформленные по-разному: 3138 — *мисира́к*, 33_{1,2} — *мисíр'*, в бессарабском же селе (33) находим *куркáн*.

Если учесть, что название индюшки (вопр. 147) образовано во всех четырех селах от одного корня — от того же, от которого образовано название индюка в селах 3198, 33₁ и 33₂: *мисир'ка* — 3198, 33, *мисир'ка* — 33_{1,2}, и что для наименования утки (вопр. 149) употребляется везде одинаковое название (*йурдечка* — 3198, *йуречка* — 33, *йурдечка* — 33_{1,2}), то можно с очевидностью заключить, что каланчакское *куркан* не является исконным для говора с. Дермендере, и в качестве такового мы должны признать названия, образованные от основы *мисир-*, т. е. вариант, характерный для сел Гавраилово, Ботево и Строгановка. И действительно, слово *куркан* было усвоено жителями с. Каланчак от переселенцев из г. Болграда. Слово *куркан* было заимствовано бессарабскими болгарами из румынского языка.

То же можно констатировать и относительно названий шелковицы (вопр. 139), дыни (вопр. 137), голубцов (121) и бурки (вопр. 161). Для всех этих предметов в Гавраилове, Ботево и Строгановке употребляются одинаковые названия, которые не совпадают с названиями этих предметов в с. Каланчак, ср.:

	3198	33 _{1,2}	33
139.	<i>чарниџа</i>	<i>чарниџа</i>	<i>барабџка</i>
137.	<i>пџпеш</i>	<i>пџпиш</i>	<i>каџн</i>
121.	<i>џшки</i>	<i>џшки</i>	<i>сарми</i>
161.	<i>имурлџк</i>	<i>јимурлџк</i>	<i>бурка, мантава</i>

Слово *барабонка*, кроме говора с. Каланчак, известно в Бессарабии еще только в говорах Болграда (25), Паркан (3) и с. Новосельского (Сатунова — 55). Присутствие же переселенцев из Болграда в с. Каланчак не вызывает сомнения²⁸. Остальные слова — *каџн*, *сарми*, *мантава* — также употребляются в болгарских говорах. Известны они и говору с. Кот-Китай (*каџн*, *сџрми*, *мантава* — 41).

Для названия колодца в с. Гавраилове употребляется слово *кладенец*. Собиратели материала по программе АБГ в СССР фиксируют во всех интересующих нас селах слово *геран*. Но Н. С. Державин указывает для сел Ботево и Строгановка еще слово *кладенец*, которое, конечно, и является исконным для говора с. Дермендере.

По четырем вопросам из лексики наблюдается совпадение ответов в картотеках № 3198 и № 33. Одинаковые слова употребляются в этих селах и для обозначения пилы (вопр. 173): *триџн* (ср. *т'урџ'он* в картотеке 33_{1,2}) и кнутовища („*рџчка за сечиво*“): *сап* (ср. *пџжалну* в картотеке 33_{1,2}) — вопр. 177. По всей видимости, именно они являются для говора Дермендере исходными. В ответах на вопросы 162 (название мужского головного убора) и 206 (выражение „вытри руки!“ в картотеке № 33 указываются дублиеты: 162. *калпџк*, *шапка*, 206. *убраши си раџети*, *истриџи си раџети*. Первые варианты совпадают с ответами на соответствующий вопрос в картотеке № 3198, а вторые — в картотеке 33₁₋₂. Если ограничиться сравнением материалов только сел Советского Союза, то можно прийти к ложному выводу о том, что исконными для говора сел Каланчак, Ботево и Строгановка были варианты, встречающиеся во всех трех селах, а именно: *шапка* и глагол, образованный от основы *-три-*. Материалы картотеки с. Гавраилово вносят существенные коррективы. Они указывают, что исконными следует признать названия *калпџк* и выражение *убраши си раџети*, которые

²⁸ См. карту № 98 АБГ и комментарий к ней, в котором читаем следующее: „Надо думать, что это слово (имеется в виду слово *барабонка* — И. Б.) чийшийского происхождения. Оно могло быть усвоено болгарами из туканского говора и ими же завезено в Каланчак (33)“ (стр. 80).

употребляются и в с. Гавраилове, и в с. Каланчак. Тем самым решается вопрос об источнике выражения *убърши си рѣцѣти* в говоре с. Каланчак, приводивший в недоумение составителя комментария к карте № 73 в АБГ (стр. 72). Что касается варианта *истри́и си рацѣти*, то он был усвоен жителями с. Каланчак от переселенцев из Болграда и Кот-Китая, где этот вариант является единственно возможным (см. карту № 73 в АБГ).

Выше уже указывалось, что во всех исследуемых говорах для наименования шкварок употребляется слово *цумѣрки* (*джумѣрки* — 33, 33₁₋₂). Н. С. Державин в своем описании говора сел Ботево и Строгановка фиксирует еще одно название — *sakar'id'i*. Это название, по данным АБГ, употребляется еще только в двух болгарских селах Бессарабии: в Твардице (6) и в Кирютне (7) — см. карту № 107 в АБГ и комментарий к ней (стр. 83).

Еще труднее решать все эти вопросы, когда данные сел Советского Союза совпадают между собой, но расходятся с данными с. Гавраилова. Ср.:

	3198	33	33 _{1, 2}
114.	<i>бунѣла</i>	<i>фаркули́ца</i>	<i>вѣлка, фѣркули́ца</i>
110.	<i>одайѧ</i>	<i>кѣштѧ</i>	<i>спѧл'нѧ, кѣштѧ</i>
113.	<i>парали́йѧ</i>	<i>суфра́</i>	<i>сухра́</i>
130а.	<i>чѣкан</i>	<i>кучѧн</i>	<i>кучѧн</i>
146.	<i>кайру́к</i>	<i>упѧшка</i>	<i>упѧшка</i>
160.	<i>кожу́хче</i>	<i>кожану кипта́рчи</i>	<i>кипта́р'</i>

Естественно предположить, что слова *фаркули́ца, кѣштѧ, суфра́* (*сухра́*), *кучѧн, упѧшка, кипта́р'* были усвоены переселенцами из с. Дермендере уже в Бессарабии от местных болгар, и прежде всего от болгар из Болграда. Перечисленные слова имеют широкое распространение в бессарабских говорах. Так, например, широко употребительным является слово *суфра́*, а слово *парали́я* встречается только в трех селах (см. карту № 87 в АБГ). Естественно, что оно было вытеснено словом *суфра́* в говоре с. Каланчак, который испытал сильное влияние болгарской подгруппы говоров. Таким образом, из приведенных выше вариантов, скорее всего, исконными являются те, которые употребляются сейчас в говоре с. Гавраилова. Однако так бывает далеко не всегда. Это можно продемонстрировать на сравнении ответов в картотеках 3198, 33 и 33₁₋₂ на вопрос 186: „как говорят в говоре *говоря с някого* или *вре́вим с някого; гѣлѧ, забору́вам, прика́зва, хорту́вам*“²⁹.

В картотеке с. Гавраилова фиксируется глагол *прика́звам*, в картотеке приазовских сел — *хурту́вам*, а в картотеке с. Каланчак — три глагола: *хурту́вам, думам, прика́звам*, которые, как отмечают собиратели, встречаются здесь в равной степени и часто в речи одних и тех же лиц.

При первом, самом поверхностном сопоставлении приведенных вариантов в качестве исконного представляется необходимым выбрать глагол *прика́звам*, поскольку он встречается в с. Гавраилове и поскольку совпадение в ответах только сел Советского Союза, что можно в данном случае констатировать в отношении варианта *хурту́вам*, как мы видели выше, не дает достаточных оснований для положительного решения вопроса об исконности данных слов. Однако следующее примечание, имеющееся в картотеке № 3198: „познават и думата *хорту́вам*, но не я употребляват“, несколько меняет положение. Оно дает основание предполагать в качестве исконного варианта не только *прика́звам*, но и *хорту́вам*. Впрочем, возможно, что *прика́звам* и в говоре с. Гавраи-

²⁹ Ст. Стойков. Програма за събиране. ., стр. 47.

лова и в говоре с. Каланчак есть результат позднего влияния. Так, вполне возможно, что в говоре с. Каланчак это слово появилось уже после переселения в Таврическую губернию, поскольку в селах Ботево и Строгановка оно не употребляется, и было воспринято от переселенцев из Кот-Китая, где глагол *приказвам* собиратели фиксируют как единственно возможный. Употребление наряду с ним исконного глагола *хъртѹвам* поддерживалось в говоре с. Каланчак тем, что его употребляли и пришельцы из Болграда (см. карту № 72 в АБГ). Как указывалось уже, влияние фракийских говоров на говор с. Гавраилова вполне вероятно. Возможно, что появление здесь глагола *приказвам* можно объяснить именно этим.

§ 8. Основной вывод проведенного исследования сводится к следующему. Хотя в настоящее время говор с. Гавраилова является единым, монолитным, тем не менее анализ дублетов, встречающихся в нем, в сопоставлении с данными говоров переселенцев из с. Дермендере, проживающих с 30-х годов прошлого века в России, позволяет вскрыть хронологически различные пласты как в фонетике, так и в морфологии и лексике, которые свидетельствуют о его смешанном происхождении. В результате такого сопоставления, как мы пытались показать, существенно меняется наше представление об исконных формах говора с. Дермендере. Известные коррективы такой анализ вносит и в наше представление о судьбе старого говора с. Дермендере на территории Советского Союза.

Несмотря на то, что в исторической справке к приазовским селам утверждается, что села Ботево и Строгановка были основаны только переселенцами из бессарабского села Каланчак, некоторые особенности этих говоров, не находящие соответствий ни в говоре с. Каланчак, ни в говоре с. Гавраилова, указывают на то, что среди болгар, поселившихся в селах Ботево и Строгановка, были выходцы не только из с. Каланчак.

И. Е. МОЖАЕВА, К. И. ХОДОВА

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО СТАРОСЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ,
ОПУБЛИКОВАННОЙ В СССР ЗА ПЕРИОД С 1945 ПО 1961 г.**

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Цель настоящего указателя — представить полный перечень литературы по старославянскому языку, вышедшей в СССР на славянских языках за период с 1945 по 1961 г.

Учет материала. При составлении указателя были использованы книжные летописи, летописи журнальных статей и летописи рецензий, издаваемые Всесоюзной книжной палатой и республиканскими книжными палатами БССР и УССР, бюллетени ФБОН, каталоги и библиографические картотеки Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, указатели к крупным лингвистическим и литературоведческим периодическим изданиям, прикнижные указатели, ряд библиографий, библиографических обзоров¹. Включенная в указатель литература была просмотрена *de visu*. Литература, отсутствующая в книгохранилищах Москвы, в указатель не включалась.

Отбор материала по видам издания. В указатель включены:

1. Книги и брошюры.
2. Статьи из сборников, периодических и продолжающихся (типа Ученых записок, Трудов и т. п.) изданий.
3. Словари старославянского языка.
4. Учебные программы, а также методические разработки, сборники упражнений и контрольные работы для студентов вузов.
5. Авторефераты докторских и кандидатских диссертаций.
6. Тезисы докладов на научных сессиях, конференциях, заседаниях.
7. Хроникальные заметки.
8. Рецензии на труды по старославянскому языку.
9. Ротапринтные и прочие нетипографские издания.

Не включены в указатель: газетные статьи, небольшие хроникальные заметки без указания автора.

Отбор материала по содержанию. В указатель включается:

1. Литература научного характера по старославянскому языку.
2. Методическая литература. Учебники, учебные пособия, сборники упражнений, учебные программы.
3. Работы по языкознанию, литературоведению, истории, палеографии, касающиеся проблем происхождения и первых этапов истории славянской письменности, а также каталоги выставок и палеографические описания памятников древнеславянской письменности, имеющие как лингвистический, так и нелингвистический характер.

¹ Например, A. Dostál. K dnešnímu stavu mluvnice a příruček ke studiu staroslověnského jazyka. — RSl, t. XXI. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1960—1961. Przegląd bibliograficzny za rok 1956, s. 78—98.

4. Информация о научной деятельности языковедческих учреждений по вопросам, связанным с изучением старославянского языка или отдельных его проблем, о работе съездов, конференций, сессий.
5. Библиографические издания, включающие указания на литературу по старославянскому языку.
6. Персоналии русских и советских ученых, занимавшихся или занимающихся изучением старославянского языка.

Кроме исследований по языку и палеографии древнейших глаголических и кириллических памятников, созданных в Македонии или Восточной Болгарии (X—XI вв.), и работ, посвященных вопросам происхождения и ранним этапам истории славянской письменности, в нашей библиографии отражена литература о древнейших восточнославянских (древнерусских) и древнеболгарских текстах, древнейших памятниках с чертами чешского и сербохорватского языков, которые непосредственно продолжали в различных местных условиях языковые традиции первых переводов. Поэтому в указателе полностью приведены все работы об Остромировом евангелии, опубликованные в связи с 900-летием этого памятника.

Произведения, созданные или переведенные в Древней Руси и написанные на славянорусском языке, к числу старославянских памятников не относятся и исследования о них в указатель не вошли. Например:

Копыленко М. М. Гипотактические конструкции славянорусского перевода „Хроники Георгия Амартола“ — ВВ, 1957, т. 12, с. 232—241; Мещерский Н. А. Искусство перевода Киевской Руси. — ТОДРА, т. 15, 1958, с. 54—72.

За рамками библиографии остаются также издания славяно-русских словарей и грамматик и исследования об этих трудах. Например:

Ковтун Л. Древние славяно-русские словари. (К истории русской лексикографии древнего периода). — Уч. зап. ЛГУ, № 267. Серия филол. наук, вып. 52, 1960, с. 36—54; Лексикон славенороський Памви Беринди. Підгот. тексту і вступ. стаття В. В. Німчука. Київ, АН УРСР, 1961; Ващенко В. С. Грамматика Мелетія Смотрицького. — УМШ, 1957, № 3, с. 27—33; Кузнецов П. С. Старинные восточнославянские грамматики церковнославянского языка как источник сведений о грамматическом строе языка их эпохи. — НДВШ. Серия филол. наук, 1958, № 1, с. 42—50.

Обходятся работы, трактующие вопросы взаимодействия славянизмов с русскими, украинскими или белорусскими элементами в отдельных литературных произведениях или в истории литературных языков, как, например, следующие:

Едлінська У. Я. Церковнослов'янська лексика в українських учительних евангеліях. — В кн.: „О. О. Потебня і деякі питання сучасної славістики. Тези доповідей“. Харків, 1960, с. 55—57; Кобиланський Б. В. Роль церковнослов'янizmів у „Кобзарі“ Т. Г. Шевченка. — УМШ, 1961, № 5, с. 23—30; Шахун Л. М. Значення церковнослов'янської мови у розвитку беларускої літературної мови. — Матеріялы да IV Міжнароднаго з'езду славистаў. Беларускі камітэт славистаў. Мінск, 1958.

Не включены в библиографию работы сравнительно-исторического характера, в которых старославянские примеры привлекаются наряду с примерами из других славянских языков. Например:

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., Изд-во АН СССР, 1961. 360 с.; Трубачев О. Н. История славянских терминов родства. М., Изд-во АН СССР, 1959. 212 с.

Вместе с тем мы сочли целесообразным сообщить сведения о тех сравнительно-исторических исследованиях по славянским языкам, в которых существуют специальные разделы, посвященные описанию изучаемого явления в старославянском языке. Поэтому в библиографии дается указание на исследование В. Н. Топорова „Локатив в славянских языках“, в котором вопрос о старославянском локативе рассматривается в особой главе.

Мы приводим также данные о работах сравнительного характера, в заглавиях которых есть специальные упоминания о старославянском языке как одном из сравниваемых. Например:

Чернов В. И. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками. АКД. Л., 1961. 16 с. (ЛГПИ им. А. И. Герцена); Руднев А. Г. О происхождении деепричастия (по памятникам старославянского и древнерусского языков). — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 111, № 1, 1955, с. 107—109.

Систематизация материала. Материал располагается в хронологическом порядке, а в пределах года — по алфавиту. Переиздания указываются под соответствующим годом с отсылкой ко всем другим изданиям. Рецензии на литературу по старославянскому языку даются два раза: при соответствующей книге или статье и отдельно, в качестве самостоятельной работы. Рецензии на работы по смежным вопросам, включенные в указатель, указываются только при книгах. Каждое название имеет порядковый номер, нумерация сплошная.

Описание. Описание производилось по образцу библиографических изданий книжной палаты с некоторыми отступлениями. Описание дается на том языке, на котором опубликована работа. Автор или составитель указывается вначале. При отсутствии издательства в скобках указывается издающий коллектив.

В описании продолжающихся изданий название издания дается в одной форме, независимо от того, входит ли оно в заглавие или надзаголовочные данные. Например: Ученые записки Елецкого пед. ин-та, а не Ученые записки (Елецкий пед. ин-т). Слово „государственный“ и имя, которое носит институт, опускаются.

Место издания продолжающихся изданий не указывается, если оно ясно из названия издающего коллектива (например: Уч. зап. Ярославского пед. ин-та) или если название дается в виде аббревиатуры (например, КСИС). Не указывается также место издания журналов, выходящих в Москве и Ленинграде, таких, как „Нева“, „Вопросы истории“ и т. п.

В описании употребляются только арабские цифры, независимо от того, как они обозначены в издании.

Аннотирование. Работы, включенные в указатель, сопровождаются краткими аннотациями. Цель аннотации — отразить основной круг вопросов, затронутых в работе, указать аспект исследования. Если книга имеет несколько изданий, аннотируется последнее. Аннотации книг иногда заменяются перечислением разделов. Не аннотируются словари, программы, авторефераты, рецензии, тезисы, некоторые статьи, заглавия которых раскрывают содержание. Аннотации и названия разделов даются на русском языке, независимо от того, на каком языке опубликована работа.

СПИСОК АББРЕВИАТУРНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АДД — Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук.
АКД — Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук.
ВАН — Вестник Академии наук СССР.
ВВ — Журнал „Византийский временник“.
ВСЯ — Вопросы славянского языкознания. М., Ин-т славяноведения АН СССР.
ВЯ — Журнал „Вопросы языкознания“.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ДСИЯ — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР.
ДСФФ — Доклады и сообщения филологического факультета МГУ.
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР.
НДВШ — Научные доклады высшей школы.
ПСМ — Питання слов'янського мовознавства. Львів, Львівський ун-т.
РЯНШ — Журнал „Русский язык в национальной школе“.
РЯШ — Журнал „Русский язык в школе“.
ТИЯ — Труды Института языкознания АН СССР.
ТОДРА — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.
УМШ — Журнал „Українська мова в школі“. Київ.

1. ГРАЦИАНСКИЙ Н. Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве. — *Вопр. истории*, 1945, № 1, с. 84—104.

Очерк жизни и деятельности создателей славянского алфавита Кирилла и Мефодия (со ссылками на исторические документы).

2. ДИТЯКИН В. П. Проф. Павел Шафарик. К 150-летию со дня рождения. — *Славяне*, 1945, № 5, с. 41—44.

Очерк жизни и деятельности П. Шафарика. Характеристика освещения вопросов о родине старославянского языка, о состоянии славянских языков в IX в. и об отношении их к кирилло-мефодиевскому языку, о двух славянских азбуках в трудах П. Шафарика.

3. МАВРОДИН В. В. Образование древнерусского государства. Изд-во АГУ, 1945. 432 с.

С. 194: Предположение о связи „русских писем“, обнаруженных Константином-философом в Херсонесе, с хазарской письменностью.

4. ПИЧЕТА В. И. Академия наук и славяноведение. — *ВАН*, 1945, № 5—6, с. 157—175.

С. 163—168: Характеристика освещения кирилло-мефодиевской проблемы в трудах славистов Ф. И. Успенского, В. И. Ламанского, К. Я. Грота.

5. Программы учительских институтов. 1. Введение в языкознание. 2. Старославянский язык. М., Учпедгиз, 1945. 8 с.

6. БАЙМУТ Т. В. Старослов'янська мова (Короткий конспект для студентів-заочників). Сталіно, 1946. 45 с. (Сталінськ. пед. та учительск. ін-т). [На правах рукопису].

Разделы: Введение. Фонетика. Морфология. Некоторые особенности синтаксиса. В прил.: Пособия, отрывки из текстов.

7. ГРУНСЬКИЙ М. К. Вступ до слов'янського мовознавства. Київ—Львів, „Рад. школа“, 1946. 148 с. (Посібн. для філол. фак-тів ун-тів и фак-тів мови та літ-ри пед. ін-тів).

Замечания о начале славянской письменности, о происхождении старославянских алфавитов, родине старославянского языка и о старославянской палеографии. Очерк фонетики и морфологии старославянского языка. Краткие сведения из области синтаксиса. В прил.: Отрывки старославянской письменности и фотографии текстов.

Рец.: Бернштейн С. Б. — *ДСФФ*, вып. 3, 1947, с. 49—53; Ярмусевич И. И. — *Вестник высш. школы*, 1947, № 5, с. 59—61.

8. ДЕРЖАВИН Н. С. Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии. — *Уч. зап. МГУ*, вып. 107, т. 3, кн. 2, 1946, с. 3—24.

Обзор разработки проблем славянской филологии, в том числе и старославянского языка, в трудах русских ученых, начиная с А. Х. Востокова.

9. НИКИФОРОВ С. Д. Старославянский язык. Конспект и метод. указания с прил. программы. Для заочн. фак-тов лит-ры и языка пед. ин-тов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946. 110 с.

Разделы: Введение (Значение старославянского языка. Пособия, методы работы над ними). Конспект курса (Происхождение старославянского языка. Азбука старославянской письменности. Кирилловская азбука. Фонетика старославянского языка. Морфология. Главные особенности синтаксиса. Лексика старославянских переводов. Программа по старославянскому языку. Контрольные работы). В прил.: Глаголическая азбука. Снимки с рукописей и надписей. Тексты для чтения и разбора. Образец разбора текста. Словарь.

Рец.: Кардашевский С. М. — *РЯШ*, 1946, № 5—6, с. 85—87.

10. Програма з старослов'янської мови. Для фак-тів мови і літ-ри учительск. ін-тів. Київ, „Рад. школа“, 1946 4 с.

11. РАЗУМОВСКАЯ А. В. Из писем Ватрослава Облака акад. Б. М. Ляпунову. — *Научн. бюл. АГУ*, 1946, № 11—12, с. 20—25.

Публикация писем В. Облака Б. М. Ляпунову, в одном из которых (№ 4, стр. 23) Облак высказывает свое отрицательное отношение к паннонской теории старославянского языка.

12. ТИХОМИРОВ М. Н. Рец. на книгу: Н. Дылевский. Рыльский монастырь в России в XVI и XVII вв. София, 1946, 173 с.; Киселков В. Сл. Славянские просветители Кирилл и Мефодий. София, 1946; его же. Пространные жития святых братьев Кирилла и Мефодия. София, 1945. — *Вопр. истории*, 1948, № 6, с. 89—94.

13. ЧАЕВ Н. С., ЧЕРЕПНИН Л. В. Русская палеография. М., 1946. 213 с. (Ист.-арх. ин-т).

С. 36—56: Сведения о деятельности Кирилла и Мефодия в Паннонии и изобретении ими славянской азбуки, о начале письменности в Болгарии, о славянских азбуках (кириллице и глаголице).

Рец.: Устюгов Н. — Вopr. истории, 1947, № 12, с. 110—112.

1947

14. БЕРНШТЕЙН С. Б. Рец. на кн.: Грунський М. К. Вступ до слов'янського мовознавства. Київ—Львів, „Рад. школа“, 1946. (см.) — ДСФФ, вып. 3, 1947, с. 49—53.

15. ДИТЯКИН В. П. Проф. Павел Шафарик. К 150-летию со дня рождения. — ДСФФ, 1947, вып. 3, с. 53—55.

См. также. — Славяне, 1945, № 5, с. 41—44.

16. КУЗНЕЦОВ П. С. В. Н. Щепкин как исследователь старославянского и русского языков. (К 25-летию со дня смерти). — ДСФФ, 1947, вып. 2, с. 81—84.

Характеристика трудов В. Н. Щепкина по старославянскому языкознанию и палеографии. С. 82—83: Краткий разбор „Рассуждения о языке Саввиной книги“.

17. ОБНОРСКИЙ С. П. Памяти А. М. Селищева. [Некролог]. — ДСФФ, 1947, вып. 4, с. 7—10.

18. Памяти В. Н. Щепкина. Отчет о заседании. — ДСФФ, 1947, вып. 2, с. 80—81.

Информация о совместном заседании кафедр русского языка и славянской филологии МГУ, посвященном памяти В. Н. Щепкина в связи с 25-летием со дня его смерти.

19. Программы учительских институтов. Старославянский язык. [М.], Учпедгиз, 1947, 6 с.

20. Програма для факультетів мови і літератури педагогічних інститутів. Старослов'янська мова. [Львів], 1947. 4 с. (Наук.-метод. кабінет заочн. пед. освіти).

21. ЧЕРНЫХ П. Я. К истории вопроса о „русских письменах“ в житии Константина Философа. — Уч. зап. Ярославск. пед. ин-та, вып. 9 (19). История СССР, 1947, с. 1—14.

Изложение взглядов ученых-славистов по вопросу о „русских письменах“, обнаруженных Константином в Корсуне. Предположение о глаголическом характере этих письмен.

22. ЭПШТЕЙН Э. И. К вопросу о происхождении русской письменности. — Уч. зап. АГУ. Серия ист., вып. 15, 1947, с. 21—26.

С. 26: Гипотеза об идентичности „загадочных знаков“, найденных на территории европейской части СССР, и „черт и резов“ Черноризца Храбра.

23. ЯРМУСЕВИЧ И. И. Рец. на кн.: Грунський М. К. Вступ до слов'янського мовознавства. Київ—Львів, „Рад. школа“, 1946. (см.) — Вестник высш. школы, 1947, № 5, с. 59—61.

1948

24. Програма для мовно-літературних факультетів педагогічних інститутів. Старослов'янська мова. [Львів], 1948. 4 с. (Наук.-метод. кабінет заочн. пед. освіти).

25. Програма з старослов'янської мови. Для відділів мови й літ-ри учительск. ін-тів. [Харків], 1948. 4 с. (Мін-во освіти УРСР. Упр. вищої школи).

1950

26. АВАНЕСОВ Р. И., ЧИЧАГОВ В. К. Программа по курсу старославянского языка (для филол. фак-тов гос. ун-тов). Изд-во МГУ, 1950. 19 с.

27. БАЙМУТ Т. В. Старославянский язык. Введение. (Сокращенная запись). Житомир, 1950/51 уч. г. 40 с. (Житомирский пед. ин-т). [На правах рукописи].

Разделы: Понятие о старославянском языке. Грамматический строй старославянского языка в сопоставлении со строем русского языка. Краткие сведения по истории возникновения и развития старославянской письменности. Вопрос о народной основе старославянского языка. Славянские азбуки. Памятники старославянского языка. Значение русской филологической науки в разработке старославянского языка. В прил.: Образцы старославянского склонения и спряжения. Тексты для упражнений в чтении и грамматическом разборе.

28. ВАСИЛЕНКО И. А. Старославянский язык. (Программы учительских ин-тов). М., Учпедгиз, 1950. 11 с.

29. ГРАНСТРЕМ Е. Э. О связи кирилловского устава с византийским унциалом. — ВВ, т. 3, 1950, с. 218—229.

Характеристика типов византийского письма. История византийского унциала. Соображения о возникновении праславянского дукта в византийском унциале в период развития кириллицы и о том, что древнейшие славянские рукописи являются продуктом самостоятельного графического творчества славянских народов.

30. ЛОУКОТКА Ч. Развитие письма. Перевод с чешского Н. Н. Соколова. Под ред. и с предисловием проф. П. С. Кузнецова. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1950. 320 с.

С. 157—163: Сведения о происхождении и составе глаголицы и кириллицы.

Рец.: Каменцева Е. И. — *Вопр. истории*, 1952, № 8, с. 113—117.

31. НИКИФОРОВ С. Д. Программа по старославянскому языку для факультетов русского языка и литературы педагогических институтов. М., 1950. 9 с. (Мин-во высшего образ. СССР. Отдел пед. высш. учебн. заведений).

32. ТУРБИН Г. А. Контрольные работы по курсу „Старославянский язык“ для студентов заочн. пед. ин-тов. М., Учпедгиз, 1950. 15 с.

33. ЧЕРНЫХ П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма. М., Учпедгиз, 1950. 40 с.

С. 7—19: Гипотеза о восточнославянском происхождении глаголицы.

См. статью: Львов А. С. К вопросу о происхождении русской письменности. — *РЯШ*, 1951, № 6, с. 17—23.

1951

34. АВАНЕСОВ Р. И., ЧИЧАГОВ В. К. Программа по курсу старославянского языка (для филол. фак-тов гос. ун-тов). Изд-во МГУ, 1951. 19 с.

35. АРДЕНТОВ Б. Сжатый курс старославянского языка. 1. Введение. 2. Фонетика. Петрозаводск, Карело-Финск. ун-т, 1951. 110 с. [Отпечат. множ. апп.]

Изложение разделов курса: место старославянского языка среди других славянских, происхождение славян, миссия Кирилла и Мефодия, азбуки старославянской письменности, характеристика древнейших памятников. Состав и происхождение звуков старославянского языка, действие закона открытых слогов, чередование гласных, явления в области согласных.

36. БЕРНШТЕЙН С. Б. Об одном чехо-моравизме в памятниках старославянского языка. — *Уч. зап. Ин-та славяноведения*, т. 3, 1951, с. 320—327.

Доказательство моравского происхождения местоимения *сьсо* на основе анализа особенностей его употребления в памятниках старославянского языка.

37. БОРОДИЧ В. В. К вопросу о значении аориста и имперфекта в старославянском языке. — В кн.: „Славянская филология“. Изд-во МГУ, 1951, с. 24—37.

Соображения по поводу того, что первоначальным для аориста было значение определенности и конкретности, а для имперфекта — неопределенности, собирательности.

38. БОРОДИЧ В. В. К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке. — *Уч. зап. Ин-та славяноведения*, т. 3, 1951, с. 345—393.

Описание употребления форм настоящего времени в Саввиной книге в сопоставлении с другими евангельскими кодексами и греческим оригиналом. Соображения о том, что формы настоящего времени глаголов, являющихся теперь глаголами сов. вида, не выражали будущего времени, и что виды не получили еще своего развития в языке восточной Болгарии.

39. КОНСТАНТИНОВ Н. А. Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья. К вопросу о происхождении славянского письма. — *Крым*, № 7, Симферополь, 1951, с. 245—255.

Соображения о роли причерноморской скифо-сарматской письменности в процессах возникновения древнеславянской глаголицы.

40. ЛИХАЧЕВ Д. Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. — *Вопр. истории*, 1951, № 12, с. 30—54.

Соображения о существовании на Руси многоалфавитной письменности до официального принятия христианства. Замечания о характере восточнославянского письма, обнаруженного Константином-философом в Корсуне.

41. ЛЬВОВ А. С. К вопросу о происхождении русской письменности. — *РЯШ*, 1951, № 6, с. 17—23.

Гипотеза о глаголице как первой (дохристианской) русской азбуке и о ее генетической связи с клинописью и нерасшифрованными знаками северного Причерноморья I—VII вв. н. э. (по поводу работы П. Я. Черных „Происхождение русского литературного языка и письма“. М., Учпедгиз, 1950).

42. Программа по старославянскому языку (для отделений языка и литературы учительск. ин-тов). Киев, „Рад. школа“, 1951. 11 с.

43. Программа по старославянскому языку (для фак-тов русск. языка и лит-ры пед. ин-тов). Киев, „Рад. школа“, 1951. 11 с.

44. СЕЛИЩЕВ А. М. Старославянский язык. Ч. I. Введение. Фонетика. М., Учпедгиз, 1951. 336 с.

См. ч. II. М., Учпедгиз, 1952.

Рец.: Букатеви́ч Н. И. — *РЯШ*, 1953, № 3, с. 77—80.

45. СТАХОВСЬКИЙ М. М. Микола Кузьмич Грунський. [Некролог]. — УМШ, 1951, № 4, с. 96.

46. ЦІЛУЙКО К. К. За наукові традиції вітчизняного мовознавства в галузі старослов'янської мови. — В кн.: „Київськ. ун-т. 8 наук. сесия. Тези доповідей. Секція філології. „Київ, Київськ. ун-т, 1951, с. 17—18.

Замечания о значении изучения старославянского языка для сравнительно-исторического анализа славянских языков и для истории русского литературного языка.

47. ЧЕРНЫХ П. Я. Язык и письмо. — В кн.: „История культуры Древней Руси. 2. Домонгольский период“. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, с. 114—138.

Гипотеза о восточнославянском происхождении глаголицы.

48. ЧЕШКО Е. В. К истории славянских глагольных видов. Основы глаголов движения в Зографском кодексе. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. 3, 1951, с. 328—344.

Сравнительный анализ значения основ глаголов движения в языке Зографского кодекса и современном русском языке. Характеристика отношения различного типа основ глаголов движения к образованию форм имперфекта и аориста.

1952

49. АВАНЕСОВ Р. И., ЧИЧАГОВ В. К. Программа по курсу старославянского языка (для филол. фак-тов гос. ун-тов). Изд-во МГУ, 1952. 18 с.

50. БОЙЧУК М. К. Старослов'янська мова. 1. Невідмінювані частини мови (прислівники, прийменники, сполучники, частки, вигукі). Київ, „Рад. школа“, 1952. 32 с. 2. Числівник. Київ, 1952. 36 с. і дві таблиці [отпечат. множ. апп.]. 3. Дієслово (особові форми). Київ, 1952. 90 с. [отпечат. множ. апп.]. Лекції для студ.-заочн. фак-тів мови й літ-ри вчительск. ін-тів. (Наук.-метод. кабінет заочн. освіти Мин-ва освіти УРСР).

Морфологический очерк.

Рец.: Самійленко С. П. — УМШ, 1954, № 2, с. 83—85.

51. БУЛАХОВСЬКИЙ Л. А. Микола Кузьмич Грунський. — Мовознавство, т. 10, 1952, с. 163—164.

Очерк жизни Н. К. Грунского и его деятельности в области старославянского языка и славянского языкознания вообще.

52. ВАЙАН А. Руководство по старославянскому языку. Пер. с франц. В. В. Боролич. Под ред. и с предисл. В. Н. Сидорова. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952. 447 с.

Определение понятия „старославянский язык“. Сведения о диалектах и памятниках старославянского языка. Описание фонетики, морфологии и синтаксических черт старославянского языка. В прил.: Словарь старославянских слов, встречающихся в книге (составлен В. В. Боролич).

Рец.: Чичагов В. К. — ВЯ, 1954, № 4, с. 147—153.

53. ВАСИЛЕНКО И. А. Старославянский язык. (Программы учительск. ин-тов). М., Учпедгиз, 1952. 13 с.

54. КОНДРАШОВ Н. А. Рец. на кн.: Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, изд. Болгарской Академии наук, 1952. 96 с. Напечатано в дискуссионном порядке. На русском языке — ВЯ, 1952, № 6, с. 144—150.

Ср. рецензию на эту же книгу М. П. Сотниковой. — Вопр. истории, 1953, № 3, с. 98—103.

55. ЛИХАЧЕВ Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952. 240 с.

С. 14—24: Утверждение о существовании письма на Руси в дохристианский период. Догадки о характере этого письма.

56. НИКИФОРОВ С. Д. Старославянский язык. Учебное пособие для учительск. и пед. ин-тов. М., Учпедгиз, 1952. 112 с. Изд. 2 — 1955.

57. Программа по старославянскому языку (для фак-тов русского языка и лит-ры пед. ин-тов). Киев, „Рад. школа“, 1952. 11 с.

58. СЕЛИЩЕВ А. М. Старославянский язык. Ч. II. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., Учпедгиз, 1952. 207 с. [Ч. I. М., Учпедгиз, 1951.]

Рец.: Букатевиц Н. И. — РЯШ, 1953, № 3, с. 77—80.

59. СОТНИКОВА М. П. Рец. на кн.: Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, изд. Болгарской Академии наук, 1952. 96 с. — Вопр. истории, 1953, № 3, с. 98—103.

Ср. рецензию на эту книгу Н. А. Кондрашова — ВЯ, 1952, № 6, с. 144—150.

60. Учебные программы учительских институтов. Старославянский язык. Для студентов отделения русск. языка и лит-ры учительск. ин-тов Эстонской ССР и инструкция для студ.-заочн. по изучению курса старославянского языка. Таллин, Эстонск. гос. изд-во, 1952. 12 с.

61. ХОДОВА К. И. Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника („Житие Нифонта“ в русском списке 1219 г.). АКД. М., 1952. 16 с. (МГУ).

62. ЧЕРНЫХ П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Пособие для пед. и учительск. ин-тов. М., Учпедгиз, 1952. 312 с.

То же: Минск, Учпедгиз БССР, 1952. 312 с.

Изд. 2—1954.

Рец.: Булаховский Л. А. — ВЯ, 1953, № 1, с. 131.

63. ЧИЧАГОВ В. К. Рец. на кн.: Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952. 447 с. — ВЯ, 1954, № 4, с. 147—153.

1953

64. АВАНЕСОВ Р. И., ЧИЧАГОВ В. К. Программа по курсу старославянского языка (для филол. фак-тов гос. ун-тов). Изд-во МГУ, 1953. 16 с.

65. БОРОДИЧ В. В. Видовые отношения старославянского глагола. АДД. М., 1953. 31 с. (МГУ).

66. БУКАТЕВИЧ Н. И. Рец. на кн.: Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1951 (см.) — РЯШ, 1953, № 3, с. 77—80.

67. ГРАНСТРЕМ Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдавляхские, сербские. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1953. 132 с. 19 илл. на вкладных листах (ГПБ).

Сведения о рукописях, хранящихся в Гос. публ. б-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в том числе о Зографском евангелии, отрывке Супрасльской рукописи, Остромировом евангелии, 13 словах Григория Богослова и др.).

Рец.: Робинсон А. Н. — Изв. ОЛЯ, т. 13, 1954, вып. 2, с. 194—197.

68. ГРАНСТРЕМ Е. Э. К вопросу о происхождении глаголической азбуки. — ТОДРА, т. 9, 1953, с. 427—442.

Критика теории о зависимости глаголического письма от византийского минускульного письма.

69. ГРЕКОВ Б. Д. Киевская Русь. М., Госполитиздат, 1953. 568 с. Изд. 1. — М., Учпедгиз, 1949. 511 с.

С. 390—391: Замечания о существовании русской письменности в дохристианский период. Отождествление ее с „чертами и резами“ Чернорица Храбра.

70. ИСТРИН В. А. Некоторые вопросы теории письма (типы письма и их связь с языком). — ВЯ, 1953, № 4, с. 109—121.

С. 120—121: Замечания об отражении старославянскими алфавитами звукового состава славянских языков.

71. КОЛЯДА Г. И. К вопросу о возникновении русской письменности. — Уч. зап. Сталинабадск. пед. ин-та. Филол. серия, вып. 3, 1953, с. 115—139.

История вопроса о „русских письменах“ Корсуня — Херсонеса. Гипотеза о древнерусском происхождении кириллицы.

72. КОНСТАНТИНОВ Н. А. История русской азбуки — Знание — сила, 1953, № 1, с. 1—6.

Доказательство большей древности глаголицы по сравнению с кириллицей и ее скифо-сарматского происхождения на основе сравнения скифо-сарматских и глаголических письменных знаков.

73. Контрольные работы по введению в языкознание и старославянскому языку для студ.-заочн. русск. отделения фак-тов языка и лит-ры пед. ин-тов на 1953/54 уч. г. Киев, „Рад. школа“, 1953. 8 с.

74. ОРЛОВА В. Г. — Старославянский язык. (Контрольная работа). — В кн.: Контрольные работы для студ.-заочн. 1 курса фак-тов лит-ры и языка пед. ин-тов. М., Учпедгиз, 1953, с. 44—64.

75. ПАВЛЮК М. В., КИРИЧЕНКО М. І. Бібліографія праць про життя і діяльність професора Одеського (Новоросійського) університету Віктора Івановича Григоровича. — 36. филол. фак-ту Одеськ. ун-ту, т. 3, 1953, с. 147—154.

Аннотированный указатель работ о жизни и деятельности проф. В. И. Григоровича. Краткая хронологическая канва его жизни и деятельности.

76. СЛОВАЧЕВСКАЯ Т. С. К истории вопроса о происхождении восточнославянской письменности. АКД. Ужгород, 1953. 20 с. (Киевск. ун-т).

77. ЯКУБИНСКИЙ Л. П. История древнерусского языка. М., Учпедгиз, 1953. 368 с.

С. 80—86: Сведения о возникновении письменности и буквенного письма у славян. С. 104—110: Сведения о распространении двух алфавитов у славян в IX—X вв.

Рец.: Ломтев Т. П. — ВЯ, 1953, № 6, с. 120—128; Василенко И. А. — РЯШ 1954, № 1, с. 76—80; Виноградов В. В. Проф. Якубинский как лингвист и его „История древнерусского языка“ (предисловие к назв. книге, с. 3—39); Булаховский Л. А. — Изв. ОЛЯ, т. 12, 1953, вып. 6, с. 55—61; Немноровский — УМШ, 1953, № 6, с. 75—78.

1954

78. АВАНЕСОВ Р. И., ЧИЧАГОВ В. К. Программа по курсу старославянского языка (для филол. фак-тов гос. ун-тов). Харьков, Харьковск. ун-т, 1954. 19 с.

79. АВАНЕСОВ Р. И., ЧИЧАГОВ В. К. Программа по курсу старославянского языка (для филол. фак-тов гос. ун-тов). Изд-во МГУ, 1954. 19 с.

80. БОЙЧУК Н. К. Старославянский язык. Морфология. АКД. Львов, 1954. 16 с. (Львовск. ун-т).

81. БОРОДИЧ В. В. К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. 9, 1954, с. 50—138.

Изложение существующих теорий происхождения славянских видов. Характеристика выражения видовых отношений в формах простых прошедших времен. Соображения о сохранении в этих формах старых отношений определенного и неопределенного действия.

82. ГРАНСТРЕМ Е. Э. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей. — ТОДРА, т. 10, 1954, с. 427—434.

Обзор сокращений в древнейших русских и болгарских рукописях (X—XI вв.). Характеристика различий между кириллическими и глаголическими рукописями в употреблении сокращений. В прил.: Список использованных памятников.

83. ЕЛКИНА Н. М. Беспредложные конструкции приименных родительного и дательного падежей в старославянских и среднеболгарских памятниках. АКД. М., 1954. 15 с. (МГУ).

84. КОЗЛОВСКИЙ Б. И. Выставка по истории русской книги. Краткий путеводитель. М., 1954. 34 с. 1 илл. (ГБЛ).

С. 7: Упоминание о представленных на выставке факсимильных изданиях древних рукописных книг: Остромирова евангелия (1056—1057 гг.), Изборника Святослава (1073 г.) и Архангельского евангелия (1092 г.).

85. ЛЬВОВ А. С. Из наблюдений над лексикой старославянских памятников. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. 9, 1954, с. 139—181.

Сравнительное исследование лексики памятников старославянской письменности — Маринского, Зографского евангелий и Синайской псалтыри — с данными восточнославянских словарей (по семантическим группам). Соображения о том, что немногие слова из указанных старославянских памятников не имеют параллелей в восточнославянских языках.

86. МАРКОВ В. М. Грамматика Церковно-Словенского языка академика А. Х. Востокова. (Из истории славянского языкознания). — Уч. зап. Казанск. ун-та. Сб. работ ист.-филол. фак-та, т. 114, кн. 6, 1954, с. 93—98.

Оценка значения названного труда для науки и его краткое изложение.

87. СИДОРЕНКО Р. І. Контрольні роботи із вступу до мовознавства та з старослов'янської мови для студ.-заочн. укр. відділу фак-тів мови і лит-ри пед. ін-тів на 1954/55 навчальний рік. Київ, „Рад. школа“, 1954. 11 с.

88. ТОЛСТОЙ Н. И. Краткие и полные прилагательные в старославянском языке. АКД. М., 1954. 12 с. (МГУ).

89. ТУРБИН Г. А. Старославянский язык. Контрольные работы для студ.-заочн. пед. ин-тов. М., Учпедгиз, 1954. 23 с.

90. ФИЛИН Ф. П. Происхождение и развитие русского языка. Л., 1954. 48 с. (Всесоюз. об-во по распространению полит. и научн. знаний. Ленингр. отд.).

С. 12—13: Краткие сведения о возникновении письменности у славян и распространении старославянского языка в древней Руси.

91. ХОДОВА К. И. Из наблюдений над лексикой древнерусского списка „Жития Нифонта“ 1219 г. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. 9, 1954, с. 182—204.

Сравнение лексики „Жития Нифонта“ с лексикой некоторых старославянских памятников. Установление близости „Жития Нифонта“ к старославянским памятникам восточноболгарского происхождения (по данным лексики).

92. ЧЕРКАСОВА Е. Т. Причинные союзы и их значения в старославянском языке. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. 9, 1954, с. 5—49.

Классификация служебных слов с причинными значениями в зависимости от их этимологического состава. Исследование значений причинных союзов в старославянском языке и их изменений в истории отдельных славянских языков.

93. ЧЕРНЫХ П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Пособие для пед. ин-тов. Изд. 2. М., Учпедгиз, 1954. 336 с.

С. 93—102: Сведения о старославянском языке. Кириллица и глаголица. Состав кириллицы. Числовое значение букв. Надстрочные знаки и титла.

Изд. 1 — 1952.

94. ЧИЧАГОВ В. К. Рец. на кн.: Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Пер. с франц. В. В. Бородин. Под ред. и с предисл. В. Н. Сидорова. М., 1952. (см.) — ВЯ, 1954, № 4, с. 147—153.

1955

95. АВИЛОВА Н. С., ЧЕРКАСОВА Е. Т., ШВЕДОВА Н. Ю. Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. Вып. 3. Историческая грамматика русского языка. Диалектология. Язык фольклора. Арго, условные знаки. Старославянский и церковнославянский язык. Учебники и хрестоматии по старославянскому и церковнославянскому языку. М., Изд-во АН СССР, 1955. 252 с.

С. 36—64: Библиография книг, учебников и хрестоматий старославянского и церковнославянского языка. С. 188—249: Библиография статей, заметок и рецензий по старославянскому и церковнославянскому языкам.

96. БЕРНШТЕЙН С. Б. Вячеслав Николаевич Щепкин. Изд-во МГУ, 1955. 32 с. Очерк жизни и деятельности В. Н. Щепкина. Разбор его капитальных исследований „Рассуждение о языке Саввиной книги“ и „Болонская псалтырь“. Щепкин как палеограф, историк искусства, издатель славянских текстов. В прил.: Библиография печатных трудов В. Н. Щепкина, литература о В. Н. Щепкине.

97. БОЙЧУК М. К. Старослов'янська мова. Займеники. Лекція для студ., заочн. мовно-літ. фак-тів пед. ін-тів УРСР. Київ, „Рад. школа“, 1955. 36 с.

Характеристика образования склоняемых форм местоимений.

98. ВАСИЛЕНКО И. А. Программы педагогических институтов. Старославянский язык. М., Учпедгиз, 1955. 15 с.

99. ГРАНСТРЕМ Е. Э. О происхождении глаголической азбуки. — ТОДРА, т. 11, 1955, с. 300—313.

Полемика со сторонниками теории происхождения глаголицы как самобытного древнерусского („скифского“) письма. Соображения об изобретении глаголицы Кириллом из специальных систем средневековой греческой письменности и о нежизненности глаголицы из-за искусственности ее источника. В прил.: Таблицы форм букв и знаков глаголицы и греческой письменности, фотографии с греческих рукописей XI и XIV вв.

100. ДАНИЛОВ В. В. Письма Исидора Пелусиота в Изборнике Святослава 1073 г. — ТОДРА, т. 11, 1955, с. 335—341.

С. 338—341: Краткий анализ перевода некоторых цитат из писем византийского писателя Пелусиота на старославянский язык сравнительно с греческим оригиналом.

101. ЕЛЕНСКИ И. И. Редуцированные гласные в Святославовом Изборнике 1073 г. АКД. М., 1955. 16 с. (МГУ).

102. ЕЛКИНА Н. М. Методические указания по курсу „Старославянский язык“. Для студ.-заочн. филол. фак-тов ун-тов. Изд-во МГУ, 1955. 60 с. [Отпечат. множ. апп.].

103. КАЦПРЖАК Е. И. История письменности и книги. М., „Искусство“, 1955. 256 с.

С. 123—130: Сведения о моравской миссии Константина и Мефодия и о создании славянских алфавитов. Вопрос о начале письменности у русского народа. Краткое описание первых русских рукописных книг (Остромирова евангелия, Изборников Святослава, Архангельского евангелия).

104. МАСЛОВ Ю. С. Изучение южных и западных славянских языков в СССР за последние десять лет. [Доклады советской делегации на международном совещании славяноведов в Белграде]. М., Изд-во АН СССР, 1955. 24 с.

Информация о работе советских лингвистов в области изучения славянских языков, в том числе и старославянского, в послевоенные годы.

105. НИКИФОРОВ С. Д. Старославянский язык. Учебн. пособие для учит. и пед. ин-тов. Изд. 2. М., Учпедгиз, 1955. 112 с.

Разделы: Введение. Звуковая система старославянского языка. Славянские звуки в древнейшую эпоху их развития. Соответствия им в других языках индоевропейской семьи. Морфология. Главнейшие особенности синтаксиса. Словарь старославянских переводов. В прил.: Глаголическая азбука. Снимки с рукописей и надписей. Тексты для чтения и разбора. Словарь к текстам.

Изд. 1. — 1952 г.

106. РУДНЕВ А. Г. О происхождении деепричастия (по памятникам старославянского и древнерусского языков). — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 111. Материалы Герценовских чтений 1955 г., с. 107—109.

Соображения о причинах возникновения деепричастий из кратких действительных причастий (по материалам памятников старославянского и древнерусского языков).

107. САМОХВАЛОВА Е. Методические указания по курсам „Старославянский язык“ и „Русская диалектология“. Для студ. филол. фак-та заочн. отдел Киев, 1955. 12 с.

108. ТУРБИН Г. А. Старославянский язык. Контрольные работы для с заочн. 1 курса фак. русск. языка и лит-ры пед. ин-тов. М., Учпедгиз, 1955.

109. ФЕДОРОВ И. В., КРЫЛОВА Л. Р. Библиография печатных тт В. Н. Щепкина. Литература о В. Н. Щепкине. — В кн: С. Б. Бернштейн. Чеслав Николаевич Щепкин. Изд-во МГУ, 1955, с. 33—42.

110. ЦЕЙТЛИН Р. М. Рец. на кн.: Sadnik L. und Aitzetmül R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, Winter, 1955. 342 с. (Indogermanische Bibliothek, 2 Reihe). — ВЯ, 1957, № 3, с. 147—148.

1956

111. АВАНЕСОВ Р. И., ЧИЧАГОВ В. К. Программа по курсу старославянского языка (для филол. фак-тов гос. ун-тов). Изд-во МГУ, 1956. 16 с.

112. АВАНЕСОВ Р. И. ЧИЧАГОВ В. К. Программа по курсу старославянского языка (для филол. фак-тов гос. ун-тов). Харьков, Харьковский ун-т, 1956. 1 л.

113. БОЙЧУК М. К. Іменні форми старослов'янського дієслова. — Наук. з Київськ. пед. ін-ту, т. 20, 1956, с. 155—177.

Морфологический очерк.

114. БОЙЧУК М. К. Старослов'янська мова. Дієслово (іменні форми). Київ, 1956. 30 с. (Наук.-метод. кабінет заочн. навчання вчителів).

Морфологический очерк.

115. БУЛЫГИНА Т. В., ШМЕЛЕВ Д. Н. Работы В. К. Метьюса по русскому и старославянскому языкам. — ВЯ, 1956, № 4, с. 115—118.

Критический обзор работ В. К. Метьюса по русскому и старославянскому языкам за 1950—1953 гг.

116. ГАГКАЄВ К. Є. З історії вітчизняного мовознавства (про пра В. І. Григоровича з слов'янознавства). — Наук. зап. Одеськ. пед. ін-ту інозем. мо т. 1, 1956, с. 35—49.

Обзор научной деятельности проф. В. И. Григоровича. Замечания о его занятиях старославянским языком и о заслугах в деле собирания памятников старославянского языка.

117. КОЛОБАНОВ В. А., КОНОВАЛОВА О. Ф., САЛМИНА М. А. Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. По ред. и со вступ. статьей Д. С. Лихачева. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956. 171 с.

Аннотированный библиографический указатель работ по древнерусской литературе на русском, украинском и белорусском языках, в том числе языковедческие исследования, палеография, публикации.

Рец.: Берков Н. П. Новинки советской литературоведческой библиографии. — Изв. ОЛЯ, т. 15, 1956, вып. 6, с. 538—541.

118. КОНДРАШОВ Н. А. Осип Максимович Бодянский. Изд-во МГУ 1956. 87 с.

Очерк жизни и деятельности О. М. Бодянского. Обзор работ, посвященных проблеме происхождения старославянской письменности и старославянским алфавитам (стр. 26, 43—45). Бодянский как издатель памятников древней письменности. В прил.: Библиография печатных трудов О. М. Бодянского и критико-библиографических работ о нем.

119. КОНДРАШОВ Н. А. Славянские языки. М., Учпедгиз, 1956. 199 с. [Книга предназначена для учителей-словесников и студентов-филологов].

С.: 65—72: Краткий очерк старославянского языка.

Рец.: Коломієць В. Т. — УМШ, 1957, № 4, с. 89—91.

120. ЛЬВОВ А. С. А. Х. Востоков. — РЯШ, 1956, № 6, с. 95—102.

С. 95—99: Характеристика работ А. Х. Востокова в области старославянского языка, славянской палеографии, лексикографии.

121. ЛЬВОВ А. С. Из лексикологических разысканий. (К этимологии старославянского слова *кладъ*). — ДСИЯ, № 10, 1956, с. 45—56.

Обзор значений рассматриваемого слова в старославянском языке и попытка дать его этимологию.

122. МАСЛОВ Ю. С. Рец. на кн.: Doštal A. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Z prací Slovanského Ústavu Československé akademie věd. Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1954. — ВЯ, 1956, № 3, с. 116—124.

123. ПРАВДИН А. Б. Детальный прилагательный в старославянском и древнерусском языках. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. 13, 1956, с. 3—120.

Анализ круга значений и способов употребления приглагольного дательного падежа в памятниках старославянского и древнерусского языков. Установление наиболее существенных изменений в его значениях и употреблении в русском языке XIV—XVII вв.

124. РОЗОВ Н. Н. К юбилею Остромирова евангелия. — ТОДРА, т. 12, 1956, с. 337—339.

С. 339: Соображения о необходимости нового издания Остромирова евангелия и новых исследований о его языке.

125. РОЗОВ Н. Н. Судьба старейшей книги. — Нева, 1956, № 5, с. 188.

Краткие сведения об истории рукописи Остромирова евангелия.

126. ТОЛСТОЙ Н. И. Краткие и полные прилагательные в старославянском языке. (Автореферат). — КСИС, вып. 18, 1956, с. 37—45.

127. ЧЕРЕПНИН Л. В. Русская палеография. М., Госполитиздат, 1956. 616 с.

С. 83—111: Сведения о славянах Балканского полуострова в IX—X вв., об обращении Моравского государства и его международном положении, о деятельности Кирилла и Мефодия.

Рец.: Устюгов Н. В. — Ист. архив, 1957, № 3, с. 240—243; Гранстрем Е. Э. — История СССР, 1958, № 2, с. 160—163.

1957

128. БІЛЕЦЬКИЙ А. О. З історії філологічних наук у Київському державному університеті ім. Т. Г. Шевченка за сорок років після Великої Жовтеневої соціалістичної революції. — Наук. зап. Київськ. ун-ту, т. 16, вип. 7. 36. філол. фак-ту, № 11, 1957, с. 5—31.

С. 18—21: Сведения о научной и педагогической деятельности Н. К. Грунского и Л. А. Булаховского в области славянской филологии.

129. БОЙЧУК М. К. Старослов'янська мова. Прикметник. Лекція для студ.-заочн. мовно-літ. фак-тів пед. ін-тів УРСР. Київ, 1957. 25 с. (Наук.-метод. кабінет заочн. навчання вчителів).

То же. — Наук. зап. Київськ. пед. ін-ту, т. 24, 1957, с. 147—169.

130. ВАН-ВЕЙК Н. История старославянского языка. Пер. с нем. В. В. Бородич. Под ред. и с предисл. Н. А. Кондрашова. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 368 с.

Замечания об условиях и времени возникновения старославянского языка. Характеристика болгарского периода его развития и его судьбы в чехословацкой, словенской и хорватской областях. Обзор старославянских памятников. Очерк фонетики и морфологии старославянского языка.

131. ВАСИЛЕНКО И. А. Старославянский язык. М., Учпедгиз, 1957. 16 с. (Программы пед. ин-тов).

То же: Київ, „Рад. школа“, 1957. 17 с.

132. ВРАДИЙ А. А. Контрольные работы по курсу „Старославянский язык“. Для студ.-заочн. пед. ин-тов. Ташкент, 1957. 30 с. (Мин-во просвещ. Узб. ССР. Научно-метод. кабинет по заочн. обучению).

133. ГРУЗДЕВА С. И. Об односоставных предложениях в старославянском языке. — Уч. зап. ЛГУ, № 197. Серия филол. наук, вып. 23, 1957, с. 84—91.

Характеристика типов безличных, номинативных и неопределенно-личных предложений.

134. ДУЙЧЕВ И. Изучение в Болгарии древнеславянской и древнеболгарской литературы за 1945—1955 гг. — ТОДРА, т. 13, 1957, с. 601—614.

С. 601—609: Обзор работ болгарских ученых по вопросам славянского письма и старославянской письменности, славянской эпиграфики, связанной с началом славянской письменности, публикации древнеболгарских текстов. Деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников.

135. ЕЛКИНА Н. М. Учебно-методическое пособие по курсу „Старославянский язык“. Для студ.-заочн. 1-го курса филол. фак-тов гос. ун-тов. Изд-во МГУ, 1957. 44 с. [Отпечат. множ. апп.].

136. ЖУКОВСКАЯ Л. П. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галицкого евангелия 1357 г.). — ТИЯ, т. 8, 1957, с. 5—106.

С. 36—41. Характеристика лексических вариантов в разных частях рукописи Галицкого евангелия. Соображения о более позднем происхождении полного апракоса по сравнению с тетрами на основе соответствий особой лексики Галицкого евангелия 1357 г. и других полных апракосов и о невозможности установления оригинала евангелия древнейшей поры на основании лексических разночтений.

137. ЖУКОВСКАЯ Л. П. Юбилей Остромирова евангелия. — ВЯ, 1957, № 5, с. 154—156.

С. 155—156: Изложение содержания докладов о задачах лингвистического изучения Остромирова евангелия и о его лексических особенностях на юбилейных заседаниях Публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрин (Л., май 1957 г.).

138. КЛЕПИКОВА Г. П. Рец. на кн.: Rozenkranz B. Historische Laut- und Formenlehre des Altbulgarischen (Altkirchenslavischen). Heidelberg — s'Gravenhage, 1955. 144 с.; Lunt H. G. Old Church Slavonic Grammar. — s'Gravenhage, 1955. XIV, 143 с. — ВЯ, 1957, № 3, с. 146—147.

139. КОНДРАШОВ Н. А. Старославянский язык. — БСЭ, изд. 2, т. 40, 1957, с. 511—512.

Краткие сведения о славянских азбуках, памятниках старославянского языка. Очерк фонетических и морфологических особенностей старославянского языка.

140. КОНСТАНТИНОВ Н. А. Черноморские загадочные знаки и глаголица. — Уч. зап. ЛГУ, № 197. Серия филол. наук, вып. 23, 1957, с. 110—146.

Обзор мнений археологов и лингвистов о происхождении глаголицы. Сравнительный анализ начертания знаков надписей Северного Причерноморья и глаголических букв Киевского миссала и Зографского евангелия.

141. КОНСТАНТИНОВ Н. А. О начале русской письменности. — Нева, 1957, № 7, с. 178—182.

Догадки о силлабическом письме Кипра как основе глаголицы. Соображения о происхождении надстрочных знаков Киевских листов.

142. ЛУКИНОВА Т. Б. Дослідження західнослов'янських і південнослов'янських мов на Україні в радянський час. — В кн.: „Дослідження з мовознавства в Українській РСР за сорок років“. Київ, Изд-во АН УРСР, 1957, с. 220—234.

Вопросы славянских языков, в том числе старославянского, в трудах ученых Украины.

Рец.: Макеева Г. М. — ВЯ, 1958, № 5, с. 124—125.

143. ЛЬВОВ А. С. 900-летие русской книги. — РЯШ, 1957, № 3, с. 51—54.

Характеристика графических и орфографических особенностей рукописи Остромирова евангелия и ее значения для изучения древнерусского языка.

144. МАТВЕЕВА Е. В. Остромирово евангелие как памятник древнерусской культуры (1056—1057 гг.). Из очерков по истории русского языка. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 130, 1957, с. 5—13.

Характеристика значения Остромирова евангелия для истории славянской культуры и изучения древнерусского языка.

145. ОБРАЗЦОВ А. Древнейший памятник русской письменности. — Славяне, 1957, № 2, с. 46.

Краткие сведения о рукописи и изданиях Остромирова евангелия (в связи с 900-летием памятника).

146. ОХРИМЕНКО М. Короткий старослов'янсько-український словник. Посібн. для студ.-заочн. Вінниця, 1957. 86 с. (Вінницьк. пед. ін-т).

147. ПАРХОМЕНКО О. М. Йосип Максимович Бодянський (1808—1877). — УМШ, 1957, № 1, с. 20—27.

Очерк жизни и деятельности О. М. Бодянского. Замечания о его занятиях старославянским языком.

148. СКУПСКИЙ Б. И. Лекции по старославянскому языку. Пособие для студ.-заочн. Разделы 3—5. Махачкала, 1957—1961. (Дагестанск. ун-т).

Раздел 3. Звуки старославянского и других славянских языков в сравнительно-историческом освещении. 1957. 59 с.

Краткая характеристика важнейших черт фонетической системы индоевропейского языка древнейшей поры. Определение фонетических процессов, происходивших в ранний и поздний периоды праславянского языка.

149. ТИХОМИРОВ М. Н. Историческое значение „кирилловского алфавита“ — Славяне, 1957, № 5, с. 44—45.

Характеристика значения алфавита, созданного Кириллом и Мефодием, для славянских стран, для связей России с Болгарией и Сербией, для борьбы славянских народов за национальную независимость.

150. ТОЛСТОЙ Н. И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов). — ВСЯ, вып. 2, 1957, с. 43—122.

История вопроса. Определение основного значения кратких и полных форм прилагательных на основе наблюдений над их употреблением в атрибутивной и предикативной функциях и при субстантивации в Маринском, Зографском, Ассеманевом кодексах и в Саввиной книге с привлечением фактов других славянских языков. Установление связи полной формы с семантикой прилагательного.

151. ФИГУРОВСКИЙ И. А. Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных „загадочными знаками“. — Уч. зап. Елецкого пед. ин-та, вып. 2, Липецк, 1957, с. 166—186.

Предполагаемые чтения нескольких надписей, выполненных древнерусским дохристианским письмом на сосудах, камнях и других предметах. Соображения о близости этого письма к глаголице.

152. ФОРТУНАТОВ Ф. Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. — В кн.: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. 2. М., Учпедгиз, 1957, с. 5—256. [Опубл.: ОРЯС Российской Акад. наук. Пг. 1919].

153. ЯКУБОВИЧ М. П. Формы страдательного залога в Остромировом евангелии. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 140, 1957, с. 40—42.

Описание состава форм страдательного залога в Остромировом евангелии.

154. ЯКУБИНСКАЯ-ЛЕМБЕРГ Э. А. Употребление кратких и полных прилагательных в старославянском языке. — Уч. зап. ЛГУ, № 197. Серия филол. наук, вып. 23, 1957, с. 92—109.

Характеристика семантических различий кратких и полных прилагательных и их роли в предложении (на материале старославянских евангельских текстов).

1958

155. АЗБЕЛЕВ С. Н. Отрывок славянской служебной минеи XI—XII вв. — ТОДРА, т. 15, 1958, с. 432—435.

Описание палеографических особенностей и публикация текста XI в. с сохранением орфографических особенностей подлинника. В прил.: Фотокопия.

156. БАГМУТ А. Й. Дослідження російськими і українськими мовознавцями фонетичних і лексичних особливостей Київських листків і Празьких уривків у зв'язку з питаннями про походження цих пам'яток. — В кн.: „Слов'янське мовознавство“, 2. Київ, Вид-во АН УРСР, 1958, с. 251—276.

Рец.: Гумецька Л. А. — УМШ, 1960, № 2, с. 77.

157. БУКАТЕВИЧ Н. И. К истории изучения праславянского языка в России и СССР. — Труды Одесск. ун-та, т. 148. Серия филол. наук, вып. 7, 1958, с. 149—161.

С. 152—158: Характеристика разработки вопроса о соотношении старославянского и праславянского языков в трудах русских и советских лингвистов.

158. VAILLANT A. Notes étymologiques. — В кн.: „Славянская филология“, 1. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 68—77. [Резюме на русск. яз.].

Заметки об этимологии старославянских слов *заштити*, *скочити*, *вълы* и славянских *desiti*, *bystro*.

159. ВАСИЛЕВСКАЯ Е. А. Профессор А. М. Селищев как лингвист и его статья о языке „Русской правды“. — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1958, т. 132, вып. 8, с. 45—51.

Краткий обзор важнейших трудов проф. А. М. Селищева. Сведения о его посмертно опубликованном труде „Старославянский язык“.

160. ВИНОГРАДОВ В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. [IV Международный съезд славистов. Доклады]. Изд-во МГУ, 1958. 138 с.

С. 18—20, 41—48: Замечания о „междуславянском“ лексическом составе старославянского языка и его высокой синонимичности.

161. ГЕОРГИЕВ Э. Основные вопросы возникновения старославянской (староболгарской) литературы и старославянского (староболгарского) литературного языка. — В кн.: „Славянская филология“, 1. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 225—242. См. также — Славяне, 1958, № 5, с. 52.

Определение роли Кирилла и Мефодия в создании старославянской (староболгарской) литературы и старославянского (староболгарского) литературного языка. Характеристика деятельности Кирилла и Мефодия в области создания старославянской глаголической литературной школы. Характеристика первых оригинальных произведений старославянской (староболгарской) литературы. Соображения о староболгарском языке как самом раннем славянском литературном языке.

162. ГОРШКОВА О. В., ХМЕЛЕВСКАЯ Т. А. Контрольная работа по старославянскому языку. Для студ.-заочн. 1—3 курсов фак-тов русск. яз. и лит-ры пед. ин-тов. М., Учпедгиз, 1958. 24 с.

163. ГРАНСТРЕМ Е. Э. О подготовке сводного каталога славянских рукописей. Л., 1958. 30 с. (ГПБ). [IV Международный съезд славистов. Доклады].

Соображения о необходимости библиографирования славянских рукописей и о выработке единых правил их описания. В прил.: Библиография некоторых собраний славянских рукописей. Список славянских рукописей XI в. и конца XI—начала XII в.

То же. — В кн.: „Славянская филология“, 2. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 397—418.

См. также: Славяне, 1958, № 5, с. 52—53.

164. ГРАНСТРЕМ Е. Э. [Ответ на вопр. № 30. Какой из славянских алфавитов древнее — глаголица или кириллица; какой из этих алфавитов создан Кириллом и Мефодием?] — В кн.: „Сб. ответов на вопросы по языкознанию“. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 316—318.

Соображения о создании глаголицы Кириллом и о том, что глаголица представляет древнейшую традицию славянской письменности.

165. ГРОМОВА А. П. О звуковом значении глаголической буквы **М**. — Уч. зап. Свердловск. пед. ин-та, вып. 16, 1958, с. 231—236.

Критика мнения о том, что буква **М** употребляется для обозначения греческого мягкого г (γ). Соображения о том, что буква **М** обозначала греческий звонкий взрывной г.

166. ГУДЗИЙ Н. К. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. М., Изд-во АН СССР, 1958. 66 с. [IV Международный съезд славистов. Доклады].

С. 5—36: Сведения о начальных этапах истории славянской письменности.

167. ДЕБЕЦ Н. П., ДУБРОВИНА В. Ф., ИЖЕВСКАЯ М. Г. Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданий в СССР с 1918 по 1957 г. Вып. 1. Книги и сборники на русском языке, изданные в СССР. 1918—1955. М., Изд-во АН СССР, 1958. 367 с.

С. 135—136: Библиография по старославянскому языку.

Рец.: Василевская Е. Библиография по русскому языку. — РЯНШ, 1960, № 3, с. 93; Поцепцов Г. Г. Ценное библиографическое издание. НДВШ. Филол. науки, 1960, № 4, с. 157—161.

168. ДЕМЬЯНОВ В. Г., ЛЯПОН М. В. Указатель статей по славянскому языкознанию за 1948—1957 гг. (Дополнение к выставке славистической литературы). М., Изд-во АН СССР, 1958. 122 с. [Отпечат. множ. апп.].

С. 84—85: Указатель статей по старославянскому языку.

169. ДЕРИБАС Л. А. К ведению занятий по старославянскому языку на историко-филологическом факультете. — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. 69. Ист.-филол. фак., вып. 1, 1958, с. 237—245.

Предложения о распределении материала программы между лекциями и практическими занятиями. Советы по методике проведения практических занятий.

170. ДРОБЛЕНКОВА Н. Ф. Библиография работ по древнерусской литературе, вышедших в СССР за 1956—1957 гг. — ТОДРА, т. 15, 1958, с. 439—473.

Библиография работ по древнерусской литературе, включающая работы по языку памятников, работы, содержащие археографические обзоры и описания древних рукописей.

171. ДУМИТРЕСКУ М. Именное склонение в Остромировом евангелии в сопоставлении с данными старославянских памятников (имя существительное). АКД. М., 1958. 13 с. (МГУ).

172. ЖУКОВСКАЯ Л. П. Задачи дальнейшего лингвистического изучения Остромирова евангелия. — Труды ГПБ, т. 5 (8), 1958, с. 33—45.

Определение задач изучения графических, орфографических, фонетических особенностей и морфологической системы Остромирова евангелия.

173. КИПАРСКИЙ В. Р. [Ответ на вопр. № 30: какой из славянских алфавитов древнее — глаголица или кириллица; какой из этих алфавитов создан Кириллом и Мефодием?] — В кн.: „Сб. ответов на вопросы по языкознанию“. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 315—316.

Изложение мнения Г. Чернохвостова о создании глаголицы Кириллом и Мефодием на основе трех главных христианских символов: креста, круга и треугольника.

174. КОПАНЕВ А. И., ПЕТРОВ В. А., МУРЗАНОВА М. Н., ПОКРОВСКАЯ В. Ф., БОБРОВА Е. И., ГРАНСТРЕМ Е. Э., КУКУШКИНА М. В. Исторический очерк и обзор Фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук СССР. Вып. 2. XIX—XX вв. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958. 398 с.

Сведения о рукописях, хранящихся в рукописном отделении библиотеки АН СССР (в том числе о Македонском глаголическом листке XI в., глаголическом служебнике XI—XII вв., Слепенском апостоле XII в. и др.).

175. КУРЦ Й. [Ответ на вопр. № 30: какой из славянских алфавитов древнее — глаголица или кириллица; какой из этих алфавитов создан Кириллом и Мефодием?] — В кн.: „Сб. ответов на вопросы по языкознанию“. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 305—311 [на чешск. яз.].

Соображения о большей древности глаголицы по сравнению с кириллицей и о создании ее Константином.

176. ЛУРЬЕ С. Я. О некоторых слитных согласных в старославянском и древнегреческом языках. — ПСМ, кн. 5, 1958, с. 75—87.

Замечания о различии в категории слитных согласных аффрикат и амбоффрикат. Предположения о произношении звуков, изображенных в старославянском языке знаками *ѡ* и *ѣд* как амбоффрикат *štš*, *ždž* (с привлечением сопоставлений с аналогичными явлениями в древнегреческом языке).

177. ЛЬВОВ А. С. [Ответ на вопр. № 30: какой из славянских алфавитов древнее — глаголица или кириллица; какой из этих алфавитов создан Кириллом и Мефодием?]. — В кн.: „Сб. ответов на вопросы по языкознанию“. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 318—319.

Соображения о невозможности решения вопроса о старшинстве той или иной азбуки.

178. ЛЬВОВ А. С. Старославянское *година* — *часъ*. — КСИС, вып. 25, 1958, с. 45—54.

Соображения об отсутствии проблемы первичности и вторичности лексических соответствий в отношении слов *година* — *часъ* на основе анализа их значений в тексте церковных книг и судьбы этих слов в отдельных славянских языках.

179. МАЛИНА Т. П. Н. К. Грунский и его лингвистические труды. — В кн.: „Зб. савістичн. праць філол. фак. Київськ. ун-ту.“ Київ, 1958, с. 137—167.

Очерк научной деятельности Н. К. Грунского. Обзор содержания его трудов по славянскому языкознанию. В прил.: Библиографический указатель работ Н. К. Грунского.

180. MAREŠ F. V. Nejstarší doklad slovenské prosodie. — В кн.: „Славянская филология“, 2. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 308—315. [Резюме на русск. яз.].

Анализ метрики перевода греческого гекзаметра из послания апостола Павла к Титу на старославянский язык. Установление хронологии и места возникновения этого перевода.

181. МАРЕШ Ф. В. [Ответ на вопр. № 30: какой из славянских алфавитов древнее — глаголица или кириллица; какой из этих алфавитов создан Кириллом и Мефодием?]. — В кн.: „Сб. ответов на вопросы по языкознанию“. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 313—314 [на чешск. яз.].

Соображения о том, что Кириллом и Мефодием была создана глаголица и что кириллица моложе глаголицы.

182. МАТВЕЕВА-ИСАЕВА Л. В. Лекции по старославянскому языку. Предисл. В. И. Кодухова, В. В. Степановой. Л., Учпедгиз, 1958. 223 с.

Очерк фонетики, морфологии и важнейших особенностей построения предложений. Рец.: Горшкова О. В., Хмельевская Т. А. О новых учебных пособиях по старославянскому языку. — В кн.: „Ростовский н/д. ун-т. 2-я научно-метод. конф. Сев.-Кавказск. зональн. межвузовск. объединения кафедр русск. языка. Вопр. изучения русск. языка (Тезисы докл.)“. Ростов н/д, 1960, с. 42—44. То же: Вестник МГУ. Серия 7. Филология, журналистика, 1961, № 2, с. 74—79.

183. НЕФЕДОВ Г. Ф. Неопубликованная статья Ф. Ф. Фортунатова „Язык Остромирова евангелия“. — ТОДРА, т. 14, 1958, с. 657—659.

Описание рукописи статьи Ф. Ф. Фортунатова (1867 г.), хранящейся в архиве АН СССР.

184. ОХРИМЕНКО М. Л. Який з слов'янських алфавітів давніший — глаголиця чи кириллиця? Який з цих алфавітів створений Кирилом і Мефодієм? [Ответ на вопрос к участникам IV Международного съезда славистов]. — В кн.: „Філол. зб.“, Київ, АН УРСР, 1958, с. 322—326.

Соображения о связи глаголицы с „загадочными знаками“ Причерноморья и о более позднем создании кириллицы из греческого уставного письма кем-то из учеников Константина и Мефодия.

185. ПАВЛЮК Н. В. Славянское языкознание в Одесском (Новороссийском) университете за 90 лет. — Труды Одесск. ун-та, т. 148. Серия филол. наук, вып. 7, 1958, с. 5—29.

Сведения о трудах по славянскому языкознанию ученых Одесского ун-та (в том числе о работах по старославянскому языку М. Г. Попруженка, Е. Ф. Будде, Б. М. Ляпунова, П. О. Потапова, П. А. Бузука, М. В. Беляева).

186. ПРАВДИН А. Б. Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке. — КСИС, вып. 25, 1958, с. 23—44.

Анализ отложительных значений родительного падежа и способов их выражения в старославянском языке. Определение грамматических и лексико-грамматических свойств глаголов, управляющих родительным-отложительным падежом.

187. ПРАВДИН А. Б. Рец. на кн.: Bräuer H. Untersuchungen zum Konjunktiv im Altkirchenslavischen und im Altrussischen. Tl. I. Die Final- und abhängigen Heischesätze. Wiesbaden, 1957. 262 с. — ВЯ, 1958, № 1, с. 146—147.

188. РОЗОВ Н. Н. Остромирово евангелие в Публичной библиотеке. (150 лет хранения и изучения). — Труды ГПБ, т. 5 (8), 1958, с. 9—32.

История изучения Остромирова евангелия как памятника русской письменности.

189. РОЗОВ Н. Н. Южнославянские рукописи Государственной публичной библиотеки. Обзор. — Труды ГПБ, т. 5 (8), 1958, с. 105—118.

Сведения о наиболее ценных памятниках древнеславянской письменности и материалах, относящихся к истории Болгарии и Югославии, хранящихся в ГПБ (Упоминания о болгарской Триоди XII в., в которой встречаются строки сербской глаголицы, Добромировом евангелии XII в., листах из Жития Кондрата X в. и др.).

190. Р. Н. Празднование юбилея Остромирова евангелия в Ленинграде. — Труды ГПБ, т. 5 (8), 1958, с. 63—68.

Информация о подготовке к празднованию юбилея. Обзор докладов на заседаниях Ученого совета ГПБ и Отдела рукописей библиотеки (май 1958 г.).

191. СВИРИН А. Н. Остромирово евангелие как памятник искусства. — Труды ГПБ, т. 5 (8), 1958, с. 47—55.

Характеристика Остромирова евангелия как произведения книжного искусства середины XI в.

192. СКУПСКИЙ Б. И. Лекции по старославянскому языку. Разделы 3—5. Махачкала, 1957—1961 (Дагестанск. ун-т).

Раздел 4. Морфология. 1958. 158 с.

Замечания об отношении старославянского языка к общеславянскому в области морфологии. Очерк морфологии существительного, прилагательного, числительного, глагола, наречия, предлога.

193. ТОДОРОВ Ц. [Ответ на вопр. № 30: какой из славянских алфавитов древнее — глаголица или кириллица; какой из этих алфавитов создан Кириллом и Мефодием?]. — В кн.: „Сб. ответов на вопросы по языкознанию“. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 300—305 [на болг. яз.].

Соображения об отсутствии славянской азбуки до Кирилла и Мефодия, о создании глаголицы Константином-Кириллом в Малой Азии, а кириллицы — в Плиске (Болгарии) в конце царствования Бориса, о том, что глаголица и кириллица исходят из различных разновидностей греческого письма.

194. ТРЕЙ Е. Х. Реставрация Остромирова евангелия. — Труды ГПБ, т. 5 (8), 1958, с. 57—61.

Описание реставрации памятника, произведенной в 1955 г. отделом гигиены и реставрации книги ГПБ.

195. ТРОФИМОВИЧ К. К. Старослов'янська мова. Відмінювання і деївідміювання. [Львів], Львівськ. ун-т, 1958. 48 с.

Морфологический очерк.

196. ХАММ И. [Ответ на вопр. № 30: какой из славянских алфавитов древнее — глаголица или кириллица; какой из этих алфавитов создан Кириллом и Мефодием?]. — В кн.: „Сб. ответов на вопросы по языкознанию“. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 314—315 [на сербохорв. яз.].

Соображения о том, что глаголица древнее кириллицы и ее создателем был Константин Философ, что кириллица была создана в Болгарии в последней четверти IX в.

197. ЦЕЙТЛИН Р. М. А. Х. Востоков — один из первых русских славяноведов (к 175-летию со дня рождения). — КСИС, вып. 25, 1958, с. 3—15.

Характеристика трудов А. Х. Востокова по старославянскому языку, славянской палеографии, лексикографии. В прил.: Публикация семи неизвестных писем А. Х. Востокова П. И. Кеппену.

198. ЩЕПКИНА М. В., ПРОТАСЬЕВА Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Гос. Исторического музея. Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., „Сов. Россия“, 1958. 187 с. (Труды ГИМ, вып. 30. Памятники культуры).

Сведения о рукописях, хранящихся в Гос. Историческом музее (в том числе об Изборнике Святослава 1073 г., Псалтыри с толкованием Феодорита Киррского XI в., Поучении Кирилла Иерусалимского конца XI в., Галицком евангелии 1144 г., Успенском сборнике конца XII в. и др.). В прил.: 14 снимков с рукописей.

1959

199. АВАНЕСОВ Р. И., ЧИЧАГОВ В. К. Программа по курсу старославянского языка (для филол. фак-тов гос. ун-тов). Изд-во МГУ, 1959. 15 с.

200. БУНИНА И. К. Система времен старославянского глагола. М., Изд-во АН СССР, 1959. 160 с.

Замечания о методике исследования. История вопроса о соотношении вида и времени в славянских языках. Определение сферы значений вида и времени. Замечания о состоянии видовой системы в старославянском языке. Установление состава форм времени в старославянском языке. Характеристика содержания понятий „абсолютные времена“ и „относительные времена“ и правомерности их приложения к фактам старославянского языка. Анализ сферы временных значений и употребления временных форм старославянского глагола на материале Марининского евангелия.

201. ВАСИЛЕВСКАЯ Е. А. Архив профессора Афанасия Матвеевича Селищева. — Изв. ОЛЯ, т. 18, 1959, вып. 1, с. 73—74.

Сведения о составе архива А. М. Селищева, в том числе о рукописях и материалах по вопросам старославянского языка.

202. ВАСИЛЬЕВ А. И. Образование имен действия на *-ние*, *-тие* в древнерусском и старославянском языках. — В кн.: „Киргизск. ун-т. 7-я научная конф. проф.-препод. состава. Тезисы докл. и сообщ.“ Фрунзе, 1959, с. 3—6.

203. ВРАДИЙ А. А., МИРОЧНИК Е. Ш. Старославянский язык. Морфология. Лекции для студ.-заочн. пед. ин-тов. Ташкент, 1959. 110 с. (Респ. научно-метод. кабинет по заочн. обучению).

Замечания о предмете морфологии. Характеристика грамматических разрядов слов в старославянском языке и способов выражения грамматических значений. Морфологический очерк старославянского языка. Морфологический разбор старославянского текста.

204. Vystava „Historie ruské kultury XI.—XVII. stol. v památkách písemnictví“. Katalog. Выставка „История русской культуры XI—XVII вв. в памятниках письменности“. Каталог. М., 1959. 86 с. Мин-во культуры СССР).

Сведения о памятниках русской письменности, экспонировавшихся на выставке в Чехословакии, в том числе о ценнейших источниках по истории возникновения и развития славянской письменности: „Сказания Черноризца Храбра о письменах“ (в списке XV в., ГБЛ) и „Житии Константина Философа“ (в списке XV в., ГБЛ). В прил.: 22 иллюстрации.

205. ЖУКОВСКАЯ Л. П. О переводах Евангелия на славянский язык и о „древнерусской редакции“ славянского евангелия. — В кн.: „Славянское языкознание“ М., АН СССР, 1959, с. 86—97.

Соображения о роли текстологического изучения славянских переводов евангелия для исследования истории славянских языков. Установление состава текстов первой и „древнерусской“ редакции евангелия. Определение относительной последовательности создания разных типов евангелия у славян.

206. ЛЬВОВ А. С. Старославянское *ашють* — *спыти* — *тоуе*. — ДСИЯ, № 12, 1959, с. 50—70.

Критика принципов классификации Ягичем славянских лексических вариантов, передающих греческое *δωρεάν*, в связи с этимологическим анализом слов *ашють* — *спыти* — *тоуе*.

207. ПР/ВДИН А. Б. Рец. на кн.: Birnbaum H. Untersuchungen zu den Zukunftsschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen. Ein Beitrag zur historischen Verbalsyntax des Slavischen. („Acta Universitatis Stockholmiensis. Études de philologie slave“, 6). Stockholm, AWE, 1958. 327 с. — ВЯ, 1959, № 4, с. 126—127.

208. СВЕНЦІЦЬКИЙ І. С. Правопис рукописів староруської епохи. — В кн.: „Дослідження і матеріали з української мови“, т. 1. Київ, Изд-во АН УРСР, 1959, с. 3—9.

Сведения о происхождении некоторых фонетических явлений в старославянских памятниках древнерусского извода.

Рец.: Ройзензон Л. І. — УМШ, 1960, № 6, с. 66.

209. ТИХОМИРОВ М. Н. Начало славянской письменности в свете новейших открытий. — Вопр. истории, 1959, № 4, с. 98—105.

Соображения о значении открытий в области славянской эпиграфики для изучения славянской письменности. Критический обзор работ В. Ивановой, Д. Богдана по славянской эпиграфике и работ Э. Георгиева, И. Дуйчева и других ученых о происхождении славянской письменности.

210. ФРОЛОВА С. В. Притяжательные прилагательные в ранних переводах с греческого языка. — НДВШ. Филол. науки, 1959, № 4, с. 95—106.

Определение закономерностей употребления форм прилагательных на *-ь*, *-е*, *-а* от собственных имен (на основе анализа притяжательных прилагательных старославянских памятников по словарю Л. Садник и Р. Айтцетмюллера и притяжательных прилагательных „славянорусского“ перевода Хроники Георгия Амартола).

211. ЦЕЙТЛИН Р. М. Вопросы изучения старославянского языка на IV Международном съезде славистов. — ВЯ, 1959, № 2, с. 157—160.

Обзор литературы 50-х годов по старославянскому языку. Обзор докладов и выступлений на IV Международном съезде славистов по различным аспектам изучения старославянского языка.

1960

212. АВАНЕСОВ Р. И., ЧИЧАГОВ В. К. Программа по курсу старославянского языка (для филол. фак-тов гос. ун-тов). Изд-во МГУ, 1960. 12 с.

213. БЕСЕДИНА-НЕВЗОРОВА В. П. Порядок слів у означальних конструкціях старослов'янської мови. — В кн.: „Харківськ. ун-т. Укр. ком-т славистів“.

3-я респ. славистичн. конф., посвящ. 125-летию з дня народження О. О. Потебні-О. О. Потебня і деякі питання сучасної славістики. Тези доповідей і повід". Харків, 1960, с. 52—55.

214. ГОРШКОВА О. В., ХМЕЛЕВСКАЯ Т. А. Сборник упражнений по старославянскому языку. М., Учпедгиз, 1960. 172 с.

Упражнения по графике, орфографии, фонетике, морфологии и синтаксису старославянского языка. Обобщающие упражнения по разбору текстов. Таблицы склонения и спряжения. Словарь.

215. ГОРШКОВА О. В., ХМЕЛЕВСКАЯ Т. А. О новых учебных пособиях по старославянскому языку. — В кн.: „Ростовский и/Д ун-т. 2-я научно-метод. конф. Сев.-Кавказск. зональн. межвузовск. объединения кафедр русск. языка. Вопр. изучения русск. языка (Тезисы докл.).“ Ростов н/Д, 1960, с. 42—44.

То же. — Вестник МГУ. Серия 7. Филология, журналистика, 1961, № 2, с. 74—79.

216. ДОСТАЛ А. Вопросы изучения словарного состава старославянского языка. — ВЯ, 1960, № 6, с. 3—16.

Соображения о задачах изучения старославянской лексики. Критический обзор словарей старославянского языка. Соображения о богатстве, высоком культурном уровне и жизнеспособности словарного состава старославянского языка (на основе анализа лексики старославянских переводов). Замечания о единстве лексического состава старославянского языка.

217. ЕЛКИНА Н. М. Старославянский язык. Учебн. пособие для студ. филол. фак. пед. ин-тов и ун-тов. М., Учпедгиз, 1960. 223 с.

Определение задач науки о старославянском языке. Сведения о возникновении старославянской письменности, славянских азбук и памятниках старославянского языка. Замечания о народно-языковой основе старославянского языка. Очерк фонетики и морфологии. В прил.: Тексты. Словарь к текстам.

Рец.: Горшкова О. В., Хмелевская Т. А. О новых учебных пособиях по старославянскому языку. — В кн.: „Ростовск. н/Д ун-т. 2-я научно-метод. конф. Сев.-Кавказск. зональн. межвузовск. объединения кафедр русск. языка. Вопр. изучения русск. языка (Тезисы докл.).“ Ростов н/Д, 1960, с. 44—45; то же. — Вестник МГУ. Серия 7. Филология, журналистика, 1961, № 2, с. 74—79; Львов А. С. — НДВШ, Филол. науки, 1961, № 1, с. 142—148.

218. ЕЛКИНА Н. М. Старославянский язык. Метод. указания для студ.-заочн. 2-го курса филол. фак. гос. ун-тов., Изд-во ЛГУ, 1960. 43 с.

219. ЖУКОВСКАЯ Л. П., КОТКОВ С. И. О публикации памятников русского языка и письменности. [Обзор]. — ВЯ, 1960, № 4, с. 134—140.

Соображения о необходимости издания древнерусских, а также старославянских и церковнославянских рукописей, хранящихся в СССР. Обзор рекомендаций советских ученых по изданию памятников. Предложения по технике и составу изданий. Пожелания о репродукции современными методами лучших старых публикаций.

220. ИСТРИН В. А. О возникновении славяно-русского письма. — Вестник истории мировой культуры, 1960, № 6, с. 60—83.

Обзор гипотез о характере славянского письма до Константина. Изложение свидетельств литературных источников IX—X вв. и археологических данных, подтверждающих существование восточнославянского письма в дохристианский период. Рассмотрение гипотез о том, какая из двух славянских азбук создана Константином Философом и когда возникла вторая азбука. Мнение о существовании у славян письма еще в I в. н. э., о заимствовании греческого письма с VII—VIII вв. и о переходе его в протокириллическое, о развитии протоглаголического письма, о сосуществовании различных видов дохристианского славянского письма и вытеснении их кириллицей.

221. КОВАЛЬ Л. Новое издание Клоцева сборника. [Рец. на кн.: Clozianus. Staroslověnský hlagolský sborník tridentský a innsbrucký. Fototipické vyd. K vyd. připravil A. Dostál. Praha, 1959]. — ВЯ, 1960, № 4, с. 145—147.

222. КОПЫЛЕНКО М. М., РАПОПОРТ М. В. Славяно-русские рукописи Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького. — ТОДРА, т. 16, 1960, с. 543—553.

Сведения об источниках фонда славяно-русских рукописей Одесской гос. научной библиотеки им. А. М. Горького. Описание рукописей (в том числе Хиляндарских листов XI в., листов Охридского глаголического евангелия XI в. и др.). Литература об этих рукописях.

223. ЛЬВОВ А. С. Старославянское књи́ги — кѣкѣки. — КСИС, вып. 28, 1960, с. 61—69.

Опровержение мнения Ягича о вторичности слова кѣкѣки в старославянском языке на основе наблюдений над значениями слов кѣкигы, кѣуѣки, писание, писма.

224. Описание выставки древних рукописей в Государственном Историческом музее. — В кн.: „IV Международный съезд славистов. Отчет“. М., Изд-во АН СССР, 1960, с. 341—349.

Сведения о выставке, подготовленной к IV Международному съезду славистов Отделом рукописей Гос. Исторического музея. В числе экспонатов: евангелие апракос X—XI вв. (так наз. Саввина книга), присланное на выставку из ЦГАДА, Изборник Святослава 1073 г., „Огласительные поучения“ Кирилла Иерусалимского XI в., Пандекты Антиоха XI в., Галицкое евангелие тетр 1143—1144 гг. и др.

225. Описание выставки рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — В кн.: „IV Международный съезд славистов. Отчет“. М., Изд.-во АН СССР, 1960, с. 335—340.

Сведения о выставке рукописей, подготовленной к IV Международному съезду славистов Отделом рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В числе экспонатов: Маринское евангелие XI в., Охридский апостол XII в., Паремейник В. И. Григоровича XII—XIII вв., Архангельское евангелие 1092 г., Добролюво евангелие 1164 г., Боянское евангелие XII—XIII вв. и др., а также письма славистов и борцов за славянское возрождение.

226. Описание выставки рукописей и редких книг в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. — В кн.: „IV Международный съезд славистов. Отчет“. М., Изд.-во АН СССР, 1960, с. 327—334.

Сведения о рукописях, экспонированных Научной библиотекой им. А. М. Горького Московского университета к IV съезду славистов (в том числе о кириллическом евангелии апракос XIII в., евангелии апракос начала XIV в. и др.).

227. ПРИВАЛОВА М. И. Об источниках глаголицы (в дискуссионном порядке). — Уч. зап. ЛГУ, № 267. Серия филол. наук, вып. 52, 1960, с. 17—33.

Сопоставление внешних признаков и системы обозначений звуков речи в глаголице и в грузинских алфавитах. Характеристика совпадений в буквенных знаках глаголицы и грузинского алфавита хуцური с древнейшим алфавитом Индии брахми. Указание на данные этимологии терминов, связанных с письменностью (*читать, писать, книга*). Соображения о восточном происхождении глаголицы.

228. РУДЕЛЕВ В. Г. Фонетическая система старославянского языка второй половины IX в. Позднейшие фонетические процессы, отразившиеся в памятниках XI и отчасти X в. (Две лекции по старославянскому языку для заочников 1-го курса фак-тов русск. языка и лит-ры). Оренбург, 1960. 22 с. (Оренбургск. пед. ин-т). [На правах рукописи].

Характеристика фонетической структуры слова, системы гласных и согласных. Характеристика изменения редуцированных и последний этого изменения. Замечания об отвердении шипящих и свистящих, об утрате л „эпентетикум“ не в начале слова.

229. ТАНСКАЯ Е. П. Методическое пособие по старославянскому языку. Тема „Звуковые процессы, связанные с действием возникшей на славянской почве тенденции к открытости слогов (закон открытого слога)“. Для студ.-заочн. фак-тов русск. языка и лит-ры. Красноярск, 1960. 34 с. (Красноярск. пед. ин-т).

Характеристика процессов монофтонгизации дифтонгов перед согласными и на конце слова, изменения дифтонгических сочетаний гласных с сонорными, упрощения групп согласных и некоторых явлений конца слова.

230. ТАНСКАЯ Е. П. Некоторые вопросы преподавания старославянского языка на заочном отделении пединститута. — Уч. зап. Красноярск. пед. ин-та, т. 16. Материалы 4-й сибирск. зональн. конф. кафедр русск. языка, 1960, с. 63—74.

231. ТОЛСТОЙ Н. И. Древнеславянский язык как общий литературный язык южных и восточных славян. — В кн.: „АН СССР. Ин-т русск. языка. Тезисы докл. на совещании по проблемам изучения истории русск. лит. языка нового времени“. М., Изд.-во АН СССР, 1960, с. 33—38.

232. ТОЛСТОЙ Н. И. Древнеславянский литературный язык позднего периода (XVII—XVIII вв.) и его роль в истории русского, сербского и болгарского литературных языков донациональной эпохи. — В кн.: „АН СССР. Ин-т русск. языка. Тезисы докл. на совещании по проблемам образования русск. нац. языка в связи с образованием других славянских нац. языков“. М., 1960, с. 8—14.

233. Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию. (Библиографический указатель). Под ред. С. Б. Бернштейна и Э. А. Нерсесовой. Изд.-во МГУ, 1960. 356 с. [Отпечат. множ. апп.].

234. ТУРБИН Г. А., ЗЕМСКАЯ В. В. Старославянский язык (сборник задач и упражнений), 1. М., Учпедгиз, 1960. 52 с.

235. ХОДОВА К. И. Значения творительного беспредложного в старославянском языке. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. 19, 1960, с. 101—158.

Обзор семантических и синтаксических значений творительного беспредложного (приименного и приглагольного) и синонимичных ему конструкций в старославянском языке.

236. ЭНГОВАТОВ П. Древнейшая русская азбука. — Знание — сила, 1960, № 11, с. 5—7.

Попытка обоснования гипотезы о существовании „русского письма“ до создания общеславянской азбуки Кириллом и Мефодием. Гипотеза о создании глаголицы Кириллом Философом на основании русской азбуки.

1961

237. ГОРШКОВА О. В., ХМЕЛЕВСКАЯ Т. А. О новых учебных пособиях по старославянскому языку. — Вестник МГУ. Серия 7. Филология, журналистика, 1961, № 2, с. 74—79.

То же. — В кн.: „Ростовский и/Д ун-т. Научно-метод. конф. Сев.-Кавказск. зональн. межвузовск. объединения кафедр русск. языка.“ Ростов и/Д, 1960, с. 42—44.

238. ДЫБОВ А. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста. — КСИС, вып. 30, 1961, с. 33—38.

Реинтерпретация акцентно-морфологического правила распределения дентальных и корневых форм в старославянском языке (правило Ван-Вейка). Установление правила акцентно-морфологического распределения сигматического и простого аориста от тематических глаголов в старославянском языке. Формулировка общего правила.

239. ЖУКОВСКАЯ З. В. Система проведения практических занятий по старославянскому языку. — В кн.: „Материалы 5-й науч. конф. Псковского пед. ин-та“. Псков, Изд-во газ. „Псковская правда“, 1961, с. 79—82.

Соображения о целях и задачах практических занятий по старославянскому языку.

240. ЖУКОВСКАЯ Л. П. Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия (в связи с 900-летием памятника). — В кн.: „Исследования по лексикологии и грамматике русского языка“. М., Изд-во АН СССР, 1961, с. 14—44.

Характеристика Остромирова евангелия как памятника истории русского языка. Выяснение роли этого памятника для славяноведения. Замечания о значении его для русской палеографии и письменности, для истории культуры и книжного дела в древней Руси. Обзор лингвистической литературы об Остромировом евангелии. Методы лингвистического анализа этого памятника. Мысли о дальнейших задачах его изучения.

241. КАРАСЕВА Л. Ф. О проведении практических занятий по старославянскому языку на заочном отделении. — В кн.: „Материалы зональн. научно-метод. конф. пед. ин-тов Уральск. зоны“. Оренбург, 1961, с. 339—346. (Оренбургск. пед. ин-т.).

242. -КАРЛИНСКИЙ А. Е. Древневерхненемецко-старославянская билингва из „Синайского требника“. — В кн.: „Тезисы докладов, предназначенных для обсуждения на 1-й Всесоюзной конференции по вопросам славяно-германского языкознания (27—30 ноября 1961 г.)“. Минск, 1961, с. 79—82 (Ин-т языкознания АН БССР). [Отпечат. множ. апп.].

История создания и изучения перевода древневерхненемецкой Сант-Эммерамской молитвы, входящей в состав Синайского требника. Гипотеза о том, что славянский перевод сделан с текста этой молитвы, не сохранившегося до наших дней.

243. КОНДРАШОВ Н. А. Жизнь и труды Павла Иозефа Шафарика. (К столетию со дня смерти). — Вестник МГУ. Серия 7. Филология, журналистика, 1961, № 5, с. 24—31.

Краткий очерк жизни и деятельности П. И. Шафарика. Сведения о его работах по старославянскому языку.

244. КОПЫЛЕНКО М. М. Опыт сопоставительного изучения фразеологии греческого, старославянского и готского языков. — В кн.: „Тезисы докладов, предназначенные для обсуждения на 1-й Всесоюзной конференции по вопросам славяно-германского языкознания (27—30 ноября 1961 г.)“. Минск, 1961, с. 70—78 (Ин-т языкознания АН БССР). [Отпечат. множ. апп.].

Выявление устойчивых, идиоматических и избирательных словосочетаний путем анализа греческого, старославянского и готского текстов евангелия. Попытка дать метод исследования идиоматичности посредством анализа билингв и трилингв.

245. ЛЬВОВ А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. — В кн.: „Исследования по лексикологии и грамматике русского языка“. М., Изд-во АН СССР, 1961, с. 45—131.

Исследование лексических вариантов банъ—искръ, блюдо—миса, въскъпати—въхъдѣти, жалъ—гробѣште, искони—испрѣва, кладъ—стоуденьцъ, коуръ—кокетъ, моудѣти—къснѣти, мыто—мъзда, понѣкѣца—плаштѣница, предати—вънѣти, сапогъ—чръвин, сврати—пискати, скоро—ядро, съньмъ—съборъ, оупъвати—надѣати сѧ, храмъ—домъ, чръжденне—пиръ, шюи—лѣвин, жтроба—чръкво в памятниках старославянской письменности. Критика мнений И. В. Ягича о первичности или вторичности того или иного слова из лексической синонимической пары.

246. МАРЕШ В. Ф. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве. — ВЯ, 1961, № 2, с. 12—23.

Изложение вопроса о взаимоотношении первоначального типа старославянского („прастарославянского“) и моравского (прачешского) языков. Замечания о дальнейших судьбах великоморавского извода старославянского языка.

247. Музейное собрание рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Описание. Том 1. № 1—№ 3005. Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961. 524 с. (ГБЛ).

Сведения о рукописях, хранящихся в Отделе рукописей библиотеки им. Ленина (в том числе об Архангельском евангелии 1092 г., отрывке минеи служебной за март, XI в. и др.).

248. РУДЕЛЕВ В. Г. Методика проведения практических занятий по изучению чередования гласных звуков старославянского языка. — В кн.: „Материалы зональн. научно-метод. конф. пед. ин-тов Уральск. зоны“. Оренбург, 1961, с. 346—351 (Оренбургск. пед. ин-т).

249. САМСОНОВ Н. Г. Лекции по старославянскому языку. Пособие для студ.-заочн. Якутск, 1961 (Якутский ун-т). Раздел 1. Введение. 68 с.

Разделы: Понятие о старославянском языке. Сведения по истории письменности. Место старославянского языка среди прочих славянских. Азбуки. Памятники письменности. Сведения о научной разработке языка. Вопросы для самопроверки по разделу „Введение“. Упражнения и задание по разделу „Введение“.

250. СКУПСКИЙ Б. И. Лекции по старославянскому языку. Разделы 3—5. Махачкала, 1957—1961. (Дагестанск. ун-т).

Раздел 5. Синтаксис. 1960 [Вып. дан 1961]. 137 с.

Изложение сведений по синтаксису простого и сложного предложения в соответствии с действующими программами для пед. ин-тов. В прил.: Об употреблении различных форм винительного падежа без предлога (о категории одушевленности) в старославянских памятниках. Упражнения и задания для самостоятельной работы по синтаксису. Литература.

251. СКУПСКИЙ Б. И. Из наблюдений над согласованием сказуемого с подлежащим в старославянских памятниках. — В кн.: „Совещание языковедов Юга России и Северного Кавказа по вопросу о связи слов в словосочетании и предложении. Тезисы докл.“. Ростов н/Д, 1961, с. 14—17.

Описание особых случаев употребления ед. и мн. ч. при сочетании сказуемого с подлежащим.

252. СУПРУН А. Старославянские числительные. Фрунзе, 1961. 107 с. (Киргизск. ун-т).

Характеристика лексических и грамматических (морфологических и синтаксических) свойств старославянских числительных.

253. ТОЛСТОЙ Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. — ВЯ, 1961, № 1, с. 52—66.

Соображения о необходимости внутреннего рассмотрения древнеславянского литературного языка (базирующегося на старославянском) как единого структурного целого с особыми нормами для разных периодов его истории.

254. ТОПОРОВ В. Н. Локатив в славянских языках. М., Изд-во АН СССР, 1961. 380 с.

С. 182—206: Полное описание употребления локатива без предлогов и с предлогами о, по, при, въ, на в старославянском языке.

255. ТУРКИНА Л. А. О практических занятиях по старославянскому языку. — В кн.: „Вопросы теории и методики изучения русского языка. Труды 2-й научн. конф. кафедр русск. яз. пед. ин-тов Поволжья“. Куйбышев, 1961, с. 356—365 (Куйбышевск. пед. ин-т).

256. ЧЕРНОВ В. И. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками. АКД. Л., 1961. 16 с. (ЛГПИ им. А. И. Герцена).

СОДЕРЖАНИЕ

Ян Отрембский. <i>Dainava</i> — название одного из ятвяжских племен . .	3
В. Ф. Мареш. Происхождение славянского носового <i>ř</i> (<i>jř</i>)	7
И. Вашица. Кирилло-мефодиевские юридические памятники	12
Э. Благова. К значению и употреблению местонимения <i>*jь</i> в старославянском языке	34
А. В. Исаченко. К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян	43
Л. П. Жуковская. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием	73
С. М. Шур. К истории славянского именного типа с суффиксом <i>-*ti</i>	82
Р. М. Цейтлин. М. В. Ломоносов — инициатор и организатор языковедческих исследований в Петербургской Академии наук	103
И. К. Бунин. К истории говора с. Дермендере	119
И. Е. Можалева, К. И. Ходова. Библиографический указатель литературы по старославянскому языку, опубликованной в СССР за период с 1945 по 1961 г.	148

**Вопросы славянского языкознания,
вып. 7**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Н. Т. Беляева*
Технический редактор *Г. С. Симкина*
Корректор *А. В. Утина*

Сдано в набор 11 III 1963 г. Подписано к печати 13 VI 1963 г.

Формат 70×108^{1/16}. Печ. л. 10,75. Усл.-печ. л. 14,73.

Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 1800 экз. Изд. № 1678. Тип. зак. № 110.

Цена

Издательство Академии наук СССР,
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР,
Ленинград, В-34, 9 лин., д.

